

А.А. ГЕРЦЕНЗОН

ПРОБЛЕМА
ЗАКОННОСТИ
И ПРАВОСУДИЯ
ВО ФРАНЦУЗСКИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
УЧЕНИЯХ

XVIII ВЕКА

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   Г О С У Д А Р С Т В А   И   П Р А В А

А. А. Герцензон

ПРОБЛЕМА ЗАКОННОСТИ
И ПРАВОСУДИЯ
ВО ФРАНЦУЗСКИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ
XVIII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1962

О Т В Е Т С Т В Е Н Н Ы Й   Р Е Д А К Т О Р

Заслуженный деятель науки
проф. А. А. ПИОНТКОВСКИЙ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАНЦУЗСКОГО
ФЕОДАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА,
ПРОЦЕССА И СУДОУСТРОЙСТВА

I

Прогрессивные политические учения XVIII в. во Франции выражали интересы новых классовых сил, выходящих на политическую арену. Эти идеи и теории отражали вновь возникшие потребности общественной жизни, их источником являлись новые условия материальной жизни общества, когда на смену феодализму приходил капиталистический строй. Ломка старого, феодального базиса происходила в условиях ожесточенной борьбы между отживающими феодальными силами и растущим капитализмом. Эта борьба нашла свое непосредственное выражение и в области идеологии. Одним из проявлений этой борьбы было создание новых, прогрессивных теорий в области уголовного права, процесса, судостройства.

Несоответствие между развивающимися производительными силами и существующими производственными отношениями приобретало в XVIII в. во Франции все более острые формы. Развитие промышленности, рост внутренней и внешней торговли, проникновение капиталистических отношений в область сельского хозяйства — все это служило свидетельством громадного переворота в экономических условиях жизни общества. Феодальные производственные отношения стали уже тормозом для дальнейшего развития производительных сил: росту промышленности мешали все еще существовавшие остатки крепостного права, цеховые ограничения и привилегии; развитию торговли — стеснения и ограничения деятельности торговцев со стороны королевской власти. Всеми правами и привилегиями, установленными феодальным строем, пользовались дворянство и духовенство — первое и второе сословия. Третье же сословие, которое возглавляла буржуазия, находилось в угнетенном

положении: оно не обладало самыми элементарными правами личности. Исключительно тяжелыми, невыносимыми были условия существования трудящихся.

Буржуазия, сложившаяся в недрах феодального общества, явилась тем наиболее активным классом, который для завоевания своих прав должен был привлечь на свою сторону широкие народные массы, ибо без участия этих масс буржуазия была бы не в состоянии разрушить здание феодального строя. Именно в силу этого буржуазия, стремясь к достижению своих классовых целей, выступала не только от своего имени, но и от имени всего третьего сословия.

В уголовном праве Франции XVIII в. очень ярко проявились основные черты феодальной надстройки предреволюционной эпохи. Его острое было направлено против трудящегося и эксплуатируемого народа, малейшие попытки сопротивления которого беспощадно подавлял меч феодальной репрессии. Феодальное «правосудие» было представлено совокушной карательной деятельностью сеньоральных, королевских и церковных судов. И если больше всего от этой системы террористической репрессии страдали трудящиеся массы города и деревни, то и городская буржуазия нередко испытывала на себе сокрушительные удары феодальной карательной машины.

Из-за отсутствия элементарных прав и гарантий личности каждый человек, относившийся к третьему сословию, не мог быть уверен в прочности своего положения: в любой момент он мог быть обвинен в «оскорблении величества», в принадлежности к какой-либо «ереси», брошен в застенок и подвергнут пыткам. Применение пыток к подозреваемым, а равно и к свидетелям в подавляющем большинстве случаев обеспечивало «признание», за которым следовала смертная казнь и конфискация имущества.

Неудивительно поэтому, что в произведениях передовых мыслителей XVIII в. очень большое внимание было уделено вопросам права, правосудия, законности и в особенности вопросам уголовного права и процесса.

Чтобы уяснить социально-политические корни, содержание и классовую природу уголовно-политических учений, созданных во Франции в предреволюционный период, а также раскрыть классовую сущность и содержание той реформы законодательства, которая была осуществле-

на в первые годы революции, необходимо предварительно ознакомиться с состоянием законодательства, правосудия, законности в дореволюционной Франции.

II

В дореволюционной Франции не было кодифицированного уголовного законодательства. Ряд королевских ординансов начиная с XV в. был посвящен судопроизводству. Это, например, ординанс 1494 г., ординанс 1539 г., Орлеанский ординанс 1560 г., Блуасские ординансы 1576 и 1579 гг., Сводный ординанс 1629 г., Уголовный ординанс 1670 г., наконец, Эдикт 1788 г., наметивший, но не «успевший» осуществить реформу уголовного судопроизводства. Нормы материального уголовного права в этих ординансах занимали подчиненное место.

Источниками уголовного права служили преимущественно отдельные королевские ординансы, но больше всего — местные обычаи. Они были систематизированы в XV и XVI вв., когда насчитывались сотни своеобразных «сводов» правил для деятельности суда. Источником уголовного права служили приговоры, выносившиеся парламентами, сохранявшие свою силу для аналогичного решения однородных дел. Широко использовались в качестве источников уголовного права римское и в особенности каноническое право. Наконец, в качестве источника уголовного права пользовались и трудами ученых юристов. Таковы были многочисленные и весьма неопределенные источники французского уголовного права, которыми пользовались суды королевской юрисдикции. Еще более неопределенными были источники уголовного права у судов сеньоральной юрисдикции. Здесь по существу главным, решающим источником была воля самого сеньора, причем в зависимости от его экономического и политического могущества и влияния она распространялась на жизнь, свободу и имущество его подданных.

Многочисленность, неопределенность и противоречивость источников уголовного права в дореволюционной Франции исключала возможность сколько-нибудь полной и всеобъемлющей систематизации норм уголовного права. Для XVIII в. наиболее характерной и популярной являлась систематизация уголовно-правовых норм, данная одним из идеологов феодальной юстиции — представителем

ортодоксально-феодалного уголовного права Жуссом, которую мы ниже и приводим.

Жусс (1704—1781) дал следующую классификацию преступлений, применительно к действовавшему в то время законодательству¹:

1 разряд: оскорбления божеского величия;

2 разряд: оскорбления королевского величия;

3 разряд: преступления против частных лиц;

4 разряд: преступления против общественного порядка.

К первому разряду относились богохульство, магия, колдовство, ереси и т. п. «преступления», которые карались, как правило, смертной казнью.

Под оскорблением королевского величества феодальное право подразумевало любое посягательство на личность короля или на государство, или на государственные интересы. Наиболее тяжким видом оскорбления королевского величества считалось посягательство на самую личность короля, государственная измена и мятеж. Другим видом такого оскорбления являлось причинение какого-либо ущерба государству, государственным интересам.

Помимо посягательств на жизнь, здоровье и достоинство короля и членов его семьи, ко второму разряду относились всевозможные государственные преступления, а также преступления против порядка управления, например, такие, как поджог, дезертирство, подделка монеты, контрабандная торговля солью и т. д. Большая часть преступлений второго разряда также каралась смертной казнью. В случае признания виновным в оскорблении королевского величества осужденный подвергался мучительнейшей, утонченной смертной казни, а семья казненного лишалась всего имущества и присвоенных казненному прав и привилегий.

Вся система мер наказаний, которая была известна дореволюционному французскому уголовному праву, характеризовалась исключительной жестокостью. Наибольшее распространение в законодательстве и в судебной практике имела смертная казнь и притом в наиболее квалифицированных, наиболее мучительных формах. За смертной казнью следовали различного рода телесные наказания, несущие изощренные физические мучения осуж-

---

¹ Jousse. Traité de la justice criminelle en France, t. I—IV. P., 1771.

действию. На третьем месте стояли позорящие наказания. Их целью было нанесение психических травм осужденным. Тюремное заключение в ту эпоху играло подсобную роль. Зато конфискация имущества и другие виды имущественных наказаний применялись все шире, являясь неприкрытой формой обогащения сеньоров — хозяев сеньориальной юстиции. В этом отношении между светской и церковной юстицией шло непрерывное «соревнование» по части расширения сферы применения конфискации имущества.

Жусс, бывший, как уже указывалось, общепризнанным идеологом феодальной юстиции, дал не только систему норм особенной части уголовного законодательства, но и систему мер наказания, расположив их в определенной последовательности.

Во Франции в XVIII в., как указывал Жусс, применялись следующие виды наказаний: сожжение, разорвание лошадами, повешение, отсечение головы, волочение на плетенке, пытки, ссылка на галеры на срок или пожизненно, изгнание на срок или пожизненно, прокалывание языка раскаленным железом, урезание языка, порка плетями, клеймение, публичное покаяние, выставление у позорного столба, надевание позорного ошейника, тюремное заключение, проведение по улицам в позорящей шляпе, выговор, увещание, штраф, принудительный взнос пожертвования.

Само собой разумеется, что точных данных о числе случаев применения мер наказания в XVIII в. не имеется. Хотя Вольтер в ряде своих произведений говорил о том, что сотни тысяч людей подвергнуты казни, эти цифры, конечно, нельзя признать достоверными. Но бесспорно одно, что чаще всего применялись наиболее тяжкие наказания, и притом нередко даже за малозначительные проступки. Об этом свидетельствует составленный в конце XVIII в. Пасторе — одним из сторонников просветительного направления — перечень преступлений, каравшихся смертной казнью².

Характеризуя дореволюционное французское уголовное законодательство, необходимо указать на его неопределенность, множественность источников, наиболее энергичную

---

² В предреволюционные годы французское уголовное законодательство предусматривало обязательность или возможность применения смертной казни в отношении 145 видов преступлений. См.: M. de Pastoret. Des loix pénales, vol. 1—2. P., 1790.

защиту интересов церкви, короля и дворян, террористическую систему наказаний, а также на несоразмерность наказания тяжести совершенного преступления.

Этим, однако, далеко не исчерпывается характеристика феодального уголовного права. Она должна быть усилена, усугублена характеристикой судоустройства, уголовного процесса и всей карательной политики того времени.

III

В дореволюционной Франции действовала исключительно сложная, разветвленная, множественная судебная система.

В сельской местности действовали сеньюральные суды, осуществлявшие помещичью юрисдикцию в отношении крепостных. В городах — городские суды со сравнительно ограниченной юрисдикцией. Королевская юстиция была представлена судом прево, бальи, интендантов и высшими судами — парламентами. Кроме того, функционировали многочисленные специальные суды: суды по сбору налогов, суды соляного ведомства, суды податные, контрольные палаты, суды адмиралтейства, суды коннетабля, суды лесного ведомства, монетный суд, главный совет. Помимо них действовали суды городской полиции, суды ремесленных корпораций, коммерческие суды, духовные суды, особые суды для лиц привилегированных сословий и т. д.

В основе уголовного процесса лежали следующие принципы: презумпция виновности подсудимого, который во всех случаях был обязан сам доказывать свою невиновность; признание обвиняемого как главное доказательство его виновности; применение пыток как главное средство принуждения обвиняемого к признанию его вины; негласность судопроизводства; произвольность определения рода, вида и размера наказания — по усмотрению суда; открыто классовый характер деятельности суда, в зависимости от сословно-классовой принадлежности подсудимого.

Французский уголовный процесс как процесс инквизиционный складывался из следующих стадий.

О совершенном преступлении, при обнаружении виновных, священники сообщали в своих проповедях, обращались к верующим с увещательными посланиями, в которых они призывали всех верующих выполнить свой религиозный долг и сообщить все то, что им известно о пре-

ступлении, угрожая в противном случае всевозможными бедами для лиц, которые что-либо утаят.

Собранные показания направлялись прокурору. Они не сообщались обвиняемому, и первый допрос производился без ознакомления его с существом обвинения. Ему лишь предлагалось сознаться в своих преступлениях и чистосердечно рассказать о них. После этого производился двукратный допрос свидетелей (так называемая поверка). При этом свидетель не мог изменить уже данные им ранее показания: в случае изменения показания и тем более в случае отказа от него свидетель подвергался суровому наказанию. После проведения очной ставки обвиняемого и свидетелей прокурор, основываясь на документах, давал свое заключение о предании суду. Обвиняемый был лишен возможности воспользоваться услугами и советами адвоката. Жусс утверждал, что предоставление обвиняемому адвоката означает дачу ему соучастника в преступлении.

В случае непризнания подсудимым его вины он подвергался пыткам. Вольтер в «Награде за справедливость и гуманность» перечисляет названия различных видов пытки: подготовительная, предварительная, ординарная, экстраординарная пытка, пытка с оговорками в отношении доказательств или без оговорок о них, пытка в присутствии советников или в присутствии врача-хирурга, пытка, применяемая к женщинам и девицам. Закljučая этот перечень, взятый им из различных книг, Вольтер замечает: «Кажется, что все эти книги были написаны палачом»³.

Признав подсудимого виновным в предъявленном ему обвинении, суд произвольно определял наказание. Жусс и другие криминалисты той эпохи указывали на то, что во французском королевстве наказания произвольны и определяются по усмотрению суда.

Ординасом Людовика XIV 1670 г. был установлен порядок уголовного судопроизводства. Процесс сложился из трех стадий: расследования, формального закрепления свидетельских показаний и очных ставок и постановления приговора.

Основанием для начала расследования являлась жалоба потерпевшего, требование прокурора, инициатива судьи.

---

³ Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. Госюриздат, 1956, стр. 265.

Расследование начиналось с допроса свидетелей, причем если они уличали определенное лицо, суд постановлял привлечь его в качестве обвиняемого. Обвиняемый в подтверждение своих показаний приносил присягу. Далее судья направлял дело к производству в порядке ординарного или экстраординарного рассмотрения. При ординарном рассмотрении не допускались пытки и обвиняемый имел право на свободную защиту. При экстраординарном рассмотрении дела свидетели повторно допрашивались под присягой. Новые показания уже не могли быть изменены под страхом наказания. На этой стадии процесса производились очные ставки. После этого дело направлялось прокурору, который давал свое заключение: о назначении наказания или о применении пыток, или о проверке доказательств. В случае, если обвиняемый подлежал телесному наказанию, он подвергался допросу на позорной скамье. При этом очень широко применялись пытки.

«Применение пытки в суде было настолько частым и казалось столь естественным, что понятия пытки и судебного следствия (*question judiciaire*) отождествлялись. Приемы пыток в различных судах были различными; в практике парижского парламента в ходу была пытка водой, состоявшая в том, что обвиняемому вливали в горло через воронку или через рог определенное количество кружек воды, пытка испанскими сапогами, при которой ноги, помещенные в особые коробки, постепенно сжимались путем вколачивания в коробки клиньев. По ординарсу 1670 г. обвиняемый допрашивался до пытки, во время пытки и после пытки. Последний допрос назывался «допросом на матраце», так как после пытки обвиняемый мог уже только лежать простертым на матраце. Кроме пытки «подготовительной», до допроса, существовала еще пытка «предварительная», которой подвергался присужденный к смертной казни для того, чтобы хотя бы после приговора добиться от него сознания или вынудить его назвать имена соучастников»⁴.

Приговор выносился после доклада судьи-докладчика, допроса обвиняемого и рассмотрения судом всех материа-

---

⁴ Н. Полянский. Судебное законодательство Учредительного и Законодательного собраний в эпоху первой французской революции (1789—1792 гг.). «Советское государство и право», 1939, № 5, стр. 74—75.

лов дела. В основе оценки доказательств лежала теория формальных доказательств. Судебное заседание было строго секретным, в отсутствии прокурора, адвоката, свидетелей.

Во французском дореволюционном суде судебные должности продавались и покупались. Суды извлекали из своей деятельности значительные доходы. Суд был чужд и враждебен народу. Во французском уголовном процессе полностью отсутствовали какие бы то ни было гарантии личности обвиняемого.

Все перечисленные характерные черты французского дореволюционного уголовного процесса непосредственно вытекали из законодательных норм. Практика применения этих норм еще более усугубляла несправедливое, сословно-классовое неравенство, незащитность личности, жестокость репрессии. Для французского дореволюционного суда характерны были три линии карательной политики: в отношении духовенства, в отношении дворянства и в отношении третьего сословия.

Привилегированное положение духовенства очень ярко проявлялось в сфере уголовного права. Уже в VIII в. духовенство получило привилегию судиться своим судом, причем не только по делам церковным, но и по общеуголовным делам. Исходя из насковозь лживого, чисто фари-сейского положения о том, что церковь не может проливать крови, церковные суды не применяли тяжких наказаний в отношении церковнослужителей, совершавших тягчайшие преступления.

Эти привилегии распространялись на самые различные категории лиц, имевших иногда весьма отдаленное отношение к официальным церковнослужителям.

Будучи весьма снисходительной к церковнослужителям, совершившим тягчайшие преступления против личности, нравственности или собственности, церковная юстиция была беспощадна к нарушителям религиозной ортодоксии.

Столь же ярко в уголовном праве проявлялось и привилегированное положение дворянства. В период расцвета феодализма, «когда королевская власть почти потеряла всякое значение, сеньоры не имели над собою верховной власти и совершали преступления безнаказанно. Это было время кулачного права, время разбоев, грабежей и убийств, совершаемых сеньорами совершенно безнаказанно; между

тем как в это же время почти весь народ был низведен в рабство и отвечал жизнью за большое преступление, малый проступок и даже ничтожную вину»⁵.

В последующий период, когда укрепилась королевская власть и права сеньоров были до некоторой степени ограничены, изъятие дел дворян из-под уголовной юрисдикции было еще широко распространено. Как указывает Кистяковский, «при определении наказания всегда имелось в виду звание совершившего преступление и звание жертвы; таким образом преступление, совершенное дворянином над крестьянином или духовным над светским, наказывалось несравненно снисходительнее, чем преступление крестьянина над дворянином или светского над духовным. Чем выше было звание преступника и ниже жертвы его насилия, тем меньше и само преступление, и наоборот»⁶. Большой фактический материал по этому вопросу приводит Пасторе⁷. Но, пожалуй, наиболее существенным являлось широкое применение королевской властью помилования даже тех немногих дворян, которые подвергались осуждению. По этому поводу Дюлор, автор ряда монографий по истории Франции, замечает, что царствование Людовиков XIII, XIV и XV представляло собой целую цепь помилований, которые давались ворами, убийцам и другим преступникам из дворянского сословия⁸.

Стоит привести очень яркую характеристику распространенности смертной казни, данную Бонмером в работе о праве охоты:

«При обилии поводов для предания казни крестьян, казни были очень часты и многочисленны. Каждый сеньор для удовлетворения этой потребности имел у себя виселицу. Этот атрибут сеньоральной власти был так важен и так существен, что число столбов и крючков на виселицах выражало ту или другую степень, которую феодал занимал в иерархической лестнице. Герцог, занимавший первое место после короля, мог выстроить виселицу о шести столбах, или как он хотел. За ним следовал барон, который мог иметь виселицу только о четырех столбах; шателен только о трех: простой сеньор... о двух столбах, со связями

⁵ А. Ф. Кистяковский. Исследование о смертной казни. Киев, 1867, стр. 148.

⁶ Там же, стр. 149.

⁷ M. de Pastoret. Des lois pénales, vol. 2, p. 62, 64, 68.

⁸ «Histoire critique de la noblesse». P., 1790, p. 224, 225, 230—232.

вверху и внизу, внутри и вне; господин со «средней юстицией — о двух столбах без связей извне»⁹.

Кистяковский следующим образом характеризует карательную политику французских судов по отношению к крестьянам: «...не должно забывать, что до конца XVIII ст. — во Франции до переворота 1789 г. — власть господина над крестьянином имела еще большой объем; отношения господина над крестьянином и феодальный взгляд на сего последнего в большей или меньшей степени оказывают влияние на уголовную юстицию. Таким образом, хотя с XIV ст. сеньор теряет *de jure* неограниченное право жизни и смерти над своим рабом, но *de facto* зависимое положение крепостного и решительное влияние сеньора на уголовную юстицию служат обильным источником смертных казней. Взгляд на крепостного как на существо низшее остается в значительной степени тот же: пропитанные этим взглядом, тогдашние судьи с такою же, или почти такою же, легкостью произносили смертные приговоры над крепостным, с какой легкостью сеньор казнил его по своему личному усмотрению. Вполне зависимое экономическое положение, те чрезвычайно тяжелые повинности, которые крестьяне отбывали в пользу сеньоров, служили неистощимым источником столкновений и тем или другим путем доводили крестьянина до смертных казней»¹⁰.

Открыто классовый, террористический характер феодальной репрессии был ясен многим прогрессивным авторам XVII—XVIII вв. Пасторе упоминает о правиле феодальной юстиции: «В тех случаях, когда по приговору суда крестьянин лишается жизни или членов своего тела, дворянин теряет только честь»¹¹. В середине XVII в. Дюлор писал: «Бедные жители деревень, без защиты, преданные ужасной тирании своих сеньоров, которых жестокость в деревнях равнялась низости при дворе, были безжалостно оскорбляемы, их грабили, секли, уродовали, убивали и повергали в самую ужасную зависимость». Бриссо в «Теории уголовных законов» отмечал, что «тяжесть наказаний падает главным образом на народ»¹². Филиппон де ла Мад-

⁹ *Von n e m e r e. Traité du droit de chasse, t. II, p. 189—204.*

¹⁰ А. Ф. Кистяковский. Исследование о смертной казни, стр. 127.

¹¹ *M. de Pastoret. Des lois pénales, vol. 2, p. 62.*

¹² *J. P. Brissot de Warville. Théorie des loix criminelles, vol. 1. P., 1881, p. 122.*

лен, говоря о смертной казни, указывал: «Другой порок этого рода наказаний: тяжесть их падает только на народ...»¹³

IV

Характеризуя феодальное уголовное право, необходимо сказать о тайных приказах короля об аресте.

Тайные приказы короля об аресте были одной из форм борьбы королевской власти с негодными ей лицами и элементами. Точных данных о применении тайных приказов об аресте нет. Некоторые авторы сообщают отрывочные и нередко противоречивые сведения. Так, Гранвилль указывал, что за тот период, когда герцог де ла Врильера занимал пост министра, было выдано около 200 тыс. тайных приказов об аресте; Гийо определял число тайных приказов, подписанных Людовиком XV, в 150 тыс., а Людовиком XVI — в 14 тыс.; Буасси д'Англас определял число тайных приказов, подписанных Людовиком XV, в 50 тыс., а Дюфей указывал на 80 тыс. тайных приказов при Ришелье; те же 80 тыс. тайных приказов упоминает Кере, относя эту цифру к периоду царствования Людовика XIV¹⁴.

При всей противоречивости приведенных данных они, несомненно, дают общее представление о широте применения тайных приказов об аресте.

Тайные приказы об аресте применялись к различным категориям лиц, чаще всего к политическим противникам и к нарушителям публичного порядка.

«К первой категории принадлежали: участники заговоров, виновные в открытом сопротивлении королевской воле (например, члены парламентов, отказавшие в регистрации правительственных законопроектов), авторы и распространители враждебных существующему порядку памфлетов, не в меру усердные защитники местных прав и привилегий против посягновений центральной власти, наконец, религиозные сектанты, — словом, те, проступки и правонарушения которых относились к обширной, но мало определенной группе так называемых *delits politiques*». Виновные этой категории вербовались, по преимуществу, из высших слоев общества, из среды духовенства или лите-

¹³ Цит. по: А. Ф. Кистяковский. Исследование о смертной казни, стр. 152 (примечание).

¹⁴ А. Боровой. История личной свободы во Франции, т. I, ч. 1. М., 1910, стр. 71—72.

ратурных кругов. Высокопоставленных лиц, представителей высшей магистратуры обычно отправляли в изгнание — в родовые поместья или какой-нибудь провинциальный город, — остальных рассылали по государственным тюрьмам¹⁵.

Вторую категорию лиц, к которым применялись тайные королевские приказы об аресте, составляли проститутки, сутенеры, посетители игорных домов, мошенники, а также лица без определенных занятий и местожительства.

В качестве меры наказания, кроме высылки или изгнания, чаще всего применялись различные виды лишения свободы. Лишению свободы подвергались главным образом следующие четыре группы лиц: 1) репрессированные по политическим соображениям, 2) репрессированные по хатайству семей, 3) лица, которым было смягчено более тяжкое наказание, 4) лица, которым смертная казнь заменялась пожизненным лишением свободы.

Система тайных приказов об аресте являлась не только орудием королевской власти в борьбе с ее политическими противниками, но и средством сведения счетов между различными более или менее влиятельными элементами высшего общества, которые всегда могли получить и даже просто купить тайный приказ об аресте своего противника¹⁶. В сохранившихся архивах Бастилии были обнаружены «основания» заключения в эту тюрьму отдельных лиц. Ленге в своих «Мемуарах о Бастилии» приводит следующие примеры: аббат Дюбуа был заключен как «дурной человек и сутяга», Винсент — как не внушающий доверия и интриган, мадам Бенуа — как злая женщина и дерзкая на язык, Эрми — как подозреваемый, Рюллан — как связанный с дьяволом и т. д.

Если приказ об аресте испрашивали родственники, чтобы изолировать какого-либо члена семьи, то в этом случае подавалось прошение на имя министра, подписываемое

---

¹⁵ А. Боровой. История личной свободы во Франции, т. I, ч. 1, стр. 82.

¹⁶ Один из выдающихся деятелей первого периода французской революции 1789 г. Мирабо опубликовал специальный труд о тайных приказах об аресте, сыгравший важную роль в борьбе с этой стороной феодального деспотизма. Интересно отметить, что сам Мирабо заключался в тюрьму по тайному приказу об аресте, который исхлопотал у короля отец Мирабо, находившийся с сыном в неприязненных отношениях. *Mirabeau. Oeuvres. P., 1911, p. 126—181.*

всеми заинтересованными лицами из данной семьи. По рассмотрении заявления, если ходатайство представлялось заслуживающим внимания, выдавался тайный приказ об аресте, который немедленно и исполнялся.

Характеристика карательной политики XVII—XVIII вв. была бы неполной, если бы не было сказано об *эвакуациях* и *грамотах о помиловании*, которые выдавались королем. Эвакуация — это требование о переносе рассмотрения судебного дела из одной юрисдикции в другую, рассмотрение дела в парижском суде. Такая передача дела обеспечивала в наибольшей степени интересы короля, его приближенных и всех тех лиц, которые, используя свои связи в высших сферах, могли реально рассчитывать на наиболее благоприятный для них исход рассмотрения дела. Эвакуация могла быть сделана королем по любому делу, рассматриваемому в любом суде.

Письма о помиловании, выдававшиеся королем, были нескольких видов.

Описанная система уголовного права, судоустройства, уголовного процесса, как и система карательной политики, просуществовала по существу без изменений до революции 1789 г. Правда, в 1788 г. Людовик XVI издал эдикт о предстоящей реформе уголовного судопроизводства, причем в этом эдикте было уже сказано об отмене допроса подсудимого на позорной скамье, о запрещении выносить приговор без изложения мотивов, об отмене предварительной пытки, об установлении обязательного большинства трех голосов для вынесения приговора о смертной казни и об обязательности опубликования окончательного оправдательного приговора. Однако практически эдикт 1788 г. не был осуществлен.

Из приведенных материалов видно, что уголовное право, уголовный процесс, суды, их карательная политика в дореволюционной Франции представляли собой один из оплотов феодализма. Не будет преувеличением сказать, что в феодальной карательной машине Франции особенно наглядно и конкретно воплощались пороки и преступления, которые были характерны для всей системы феодальных общественных отношений. Неудивительно, что передовые мыслители XVIII в., критикуя феодальный строй, разоблачая разъедающие его язвы, пороки и несправедливости, в первую очередь обличали уголовное право, процесс, суд, карательную политику.

ПРОСВЕТИТЕЛЬНО-ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОСУДИЯ

---

1. Монтескье

I

Прогрессивные философские и политические учения Франции XVIII в., которые развивали идеологи идущей к власти буржуазии, включают и новую теорию законности и правосудия.

Эти учения способствовали разоблачению, расшатыванию устоев и полной ликвидации феодального права и феодальной карательной машины. Они создавали идейные основы нового правосудия, новой законности, в соответствии с классовыми интересами буржуазии. В определенных конкретно-исторических условиях эти учения использовали и идеологи широких народных масс, чтобы выработать основы революционно-демократического уголовного права, процесса, суда.

Обращаясь к исследованию прогрессивно-гуманистического учения о законности и правосудии во Франции в XVIII в., необходимо предпослать ему краткие предварительные замечания.

Классическую характеристику французских политических учений XVIII в. дал Энгельс:

«Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный порядок — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилем всего существ-

вующего... Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце [наступило царство разума], и с этих пор суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека»¹.

Раскрывая социальное содержание идей мыслителей XVIII в., Энгельс указывает, что этот «разум был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера, как раз в то время развившегося в буржуа»², а сами «мыслители XVIII века, как и все их предшественники, не могли выйти за пределы, которые ставила им тогдашняя эпоха».

Но, раскрывая классовую ограниченность идей мыслителей XVIII в., было бы ошибкой умалять их прогрессивность и революционность в борьбе с феодальным обществом.

Характеризуя французскую прогрессивную политическую и философскую мысль XVIII в., академик В. П. Волгин пишет: «Подходя к решительным боям с феодально-абсолютистским порядком и вырабатывая необходимую для предстоящей борьбы идеологию, буржуазия как бы синтезирует достижения предыдущих веков, разрывая радикально с мировоззрением старого, феодального общества. Изменения общественных отношений, повышение удельного веса буржуазии отражается во всех сферах жизни и мысли. Новый, поднимающийся к господству класс приносит с собой новый быт, новую жизнерадостную мораль и новое восприятие мира. Развиваются и упрочиваются новые представления о мире и человеке, об обществе и государстве, новые буржуазные вкусы и потребности проникают в художественное творчество. Середина века — 40—60-е годы — отмечена усиленной разработкой философских, экономических и социальных теорий, пытающихся дать всестороннюю критику настоящего и наметить пути будущего развития. К этим годам относятся основные произведе-

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1957, стр. 16—17.

² Там же, стр. 240.

дения великих французских материалистов, начало издания «Энциклопедии», экономические работы физиократов, рассуждения и романы Руссо. В 70-х и 80-х годах вызревают практические, революционные по своему внутреннему смыслу, выводы из этой громадной работы, вырабатываются конкретные политические требования и лозунги предстоящего переворота»³.

Мировоззрение мыслителей XVIII в. по преимуществу основывалось на материализме, и если они оказывались непоследовательными, то все же в целом были сторонниками механического материализма XVIII в. Маркс говорил, что «французское Просвещение XVIII века и в особенности *французский материализм* были борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против существующей религии и теологии, но и *открытой, ясно выраженной борьбой против метафизики XVII века и против всякой метафизики...*»⁴

Материализм XVII—XVIII вв. явился философской основой многочисленных теорий, по-новому ставивших и разрешавших проблемы законности и правосудия.

В рассмотрении явлений общественной жизни материалисты XVIII в. переоценивали роль разумного законодательства, в котором видели путь к устранению всех социальных зол; они переоценивали также роль воспитания и образования в деле улучшения общественных учреждений и порядков.

Тем не менее критика устоев феодализма, даваемая мыслителями XVIII в.— философами и политиками,— ярка и беспощадна. Идеи, развиваемые ими в области борьбы с преступностью, в области создания законности и правосудия, представляют собой законченную систему взглядов.

Уголовно-политические взгляды этих мыслителей образовали целое *направление* в прогрессивной науке XVIII в.— мы называем это направление *просветительно-гуманистическим*.

Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве и процессе представлено во Франции именами Монтескье и Вольтера, Гельвеция, Гольбаха и Дидро;

---

³ В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. Изд-во АН СССР, 1958, стр. 6.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 139.

оно представлено «Энциклопедией» Дидро и Даламбера, где просветительно-гуманистические взгляды систематически проведены в многочисленных статьях по вопросам суда, правосудия, уголовного права и процесса. Эти же идеи содержатся в дореволюционных работах Бриссо, в работах многочисленных прогрессивных юристов конца XVIII в. Все это были прогрессивные для своего времени уголовно-политические взгляды восходящего класса буржуазии. Твердая законность, равенство всех людей перед законом, точный перечень деяний, признаваемых преступными и наказуемыми, соразмерность наказания тяжести совершенного преступления, общий гуманизм уголовного законодательства, обращение внимания не только на карательную, но главным образом на предупредительную и воспитательную сторону наказания, исключение из уголовных законов статей о религиозных преступлениях и наказаниях, сужение понятия оскорбления величества, ликвидация инквизиционного процесса, запрещение пыток, введение суда присяжных, гласного, состязательного процесса, обеспечение защиты обвиняемого, установление свободной оценки доказательств судом и вообще обеспечение всех необходимых гарантий личности обвиняемого от произвола и несправедливости — такова обширная программа, которой придерживались и которую развивали сторонники просветительно-гуманистического направления в уголовном праве.

II

В числе представителей французского Просвещения XVIII в. одно из первых мест принадлежит Монтескье, произведения которого сыграли выдающуюся роль в формировании просветительных идей.

Шарль Луи де ла Бред, барон де Секонда, граф де Монтескье родился 18 января 1689 г. в замке Ла Бред. Родители Монтескье принадлежали к старинному дворянскому гасконскому роду. Воспитываясь в силу ряда обстоятельств вне семьи, Монтескье получил образование у ораторианцев в Жюильи. Закончив юридическое образование, Монтескье в 1714 г. был зачислен в качестве советника в парламент Бордо. В 1716 г., после смерти его дяди, в связи с завещанием последнего, Монтескье становится президентом бордосского парламента. Однако практическая судебная деятельность не увлекала Монтескье. Свое вни-

мание он обратил на бордосскую академию, в работе которой он принимал активное участие.

Первым крупным произведением Монтескье, изданным анонимно, были «Персидские письма», в которых содержалась острая сатира на французское общество, законодательство, нравы, религию. «Персидские письма» имели огромный успех: появившись в 1721 г., они в том же году выдержали еще несколько изданий.

Через год после опубликования «Персидских писем» Монтескье переехал в Париж, где принял активное участие в жизни аристократических салонов. В 1725 г. он был избран во французскую академию. Однако в звании академика он не был утвержден: это было связано с тем, что он написал «Персидские письма», формальным же основанием явилось то, что Монтескье не проживал постоянно в Париже. Вернувшись в Бордо, Монтескье продал свою должность президента парламента и переехал в Париж. В 1728 г. Монтескье утверждается членом французской академии.

Еще до избрания во французскую академию Монтескье начал подготовительные работы для написания своего основного труда «О духе законов».

В процессе подготовки этого труда Монтескье убедился в необходимости лично ознакомиться с политической жизнью, государственным устройством и законодательством ряда стран. Для этого он отправился в длительное путешествие и побывал в Германии, Австрии, Венгрии, Италии, Швейцарии, Голландии, Англии.

«О духе законов» — результат двадцатилетнего труда Монтескье — впервые был издан в Женева, в двух томах, без имени автора. Вскоре, однако, имя автора было установлено. Несмотря на цензурные преграды, это произведение имело огромный успех. Популярность его еще более усилилась после смерти автора. Монтескье умер в Париже 10 февраля 1755 г.⁵

---

⁵ Из обширной философской и политической литературы о Монтескье следует указать на специальные исследования его уголовно-политических взглядов: А. Е s m e i n. Histoire de la procédure criminelle en France. P., 1882; E. H e r z. Voltaire und die französische Strafrechtspflege in XVIII Jahrhundert. 1884. Из русской дореволюционной уголовно-правовой литературы: М. Ч у б и н с к и й. Очерки уголовной политики. Харьков, 1905; М. Г е р н е т. Общественные причины преступности. М. 1906; А. К и с т я к о в с к и й. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 1890. В со-

Монтескье, как и многие другие философы-просветители XVIII в., был деистом. «Деизм,— указывал Маркс,— по крайней мере для материалиста — есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии»⁶. Монтескье, с одной стороны, признает бога, как источник существования природы, но с другой стороны, он широко и резко критикует религию, отбрасывает теологическое объяснение явлений природы и общества, проводит мысль о том, что вопросы религии должны быть совершенно отделены от вопросов науки, стремится раскрыть законы общественного развития, дать подлинно научное, рациональное обоснование «хорошо устроенного» общества и государства.

Как и все просветители XVIII в., Монтескье в объяснении исторического процесса, явлений общественной жизни, и прежде всего таких, как государство и право, стоит на идеалистических позициях. Он считает, что в основе общественного развития лежат законодательство и просвещение, связывает формы государственного правления с географическим фактором, с климатом и т. д. Но вместе с тем Монтескье возвышается до понимания различия законов природы и законов юридических, до установления объективного существования причинной обусловленности явлений природы и общества. Обладая поистине энциклопедическими знаниями, Монтескье в своих трудах, и в особенности в «Духе законов», освещает исключительно широкий комплекс вопросов социологии, экономики, политики, государственоведения, уголовного права, уголовного процесса, судоустройства, международного права, гражданского права и т. д.

Политические взгляды Монтескье были весьма умеренными, они были значительно уже его социологических, исторических, юридических выводов и обобщений. Однако идеи Монтескье получили исключительно широкое и разностороннее признание мыслителей и политиков самых различных социальных кругов — от монархистов и консти-

---

ветской уголовно-правовой литературе краткое изложение уголовно-правовых взглядов Монтескье содержится в учебнике группы авторов «Уголовное право», ч. общая, 1938; в учебнике А. А. Герцензона «Уголовное право», ч. общая. М., Изд. РИО ВЮА, 1948; см. также «История французской литературы». Изд-во АН СССР, 1946 и др.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 144.

туционалистов до крайних республиканцев, якобинцев-монтапьяров. Не будет преувеличением сказать, что уголовно-правовая мысль второй половины XVIII в. развивалась под непосредственным влиянием теории Монтескье. В нее вносились различные оттенки, из нее делались то просветительно-умеренные выводы («энциклопедисты», Вриссо и др.), то революционно-демократические выводы (Марат⁷, Робеспьер и др.). Несомненно, что теория Монтескье по своему содержанию была значительно прогрессивнее и революционнее, чем этого желал и ожидал сам ее автор.

Для науки уголовного права и процесса наибольшее значение имели два труда Монтескье — «Персидские письма» и в особенности «Дух законов». При этом следует заметить, что в первом труде содержатся главным образом критические замечания в адрес феодального уголовного права и процесса; во второй книге дана не только критика устоев феодального правосудия, но и положительная программа Монтескье в этой области.

«Персидские письма» содержат большое число высказываний Монтескье по вопросам законности, правосудия, уголовного права и процесса.

Монтескье в иронической форме разоблачает инквизицию, инквизиционный процесс. Он пишет: «Иные судьи заранее предполагают невинность обвиняемого, эти же всегда заранее считают его виновным. В случае сомнения они непременно склоняются к строгости,— очевидно потому, что считают людей дурными. Но, с другой стороны, они такого хорошего мнения о людях, что не считают их способными лгать, ибо придают значение свидетельским показаниям смертельных врагов обвиняемого, женщин дурного поведения, людей, занимающихся скверным ремеслом. В своих приговорах они обращаются со словами ласки к людям, одетым в рубашку, пропитанную серой, и заверяют, что им очень досадно видеть приговоренных в такой плохой одежде, что они по природе кротки, страшатся крови и в отчаянии от того, что осудили их; а чтобы утешиться, они отчуждают в свою пользу все имущество этих несчастных»⁸.

---

⁷ В предреволюционные годы Марат написал работу «Похвальное слово Монтескье», впервые изданную уже после смерти Марата.

⁸ Ш. Монтескье. Персидские письма. Гослитиздат, 1956, стр. 89—90.

В «Персидских письмах» он формулирует принципы гуманности наказания и соотносительности степени суровости наказания и тяжести преступления в связи с образом правления, принятого в государстве. Он пишет: «...более или менее суровые наказания, налагаемые государством, не содействуют большему повиновению законам. Последних так же боятся в тех странах, где наказания умеренны, как и в тех, где они тираничны и жестоки. Мягко ли правление, или жестоко, всюду существуют разные степени наказания: за более или менее тяжкое преступление налагается более или менее тяжкая кара. Воображение само собой приспособляется к нравам данной страны: недельное тюремное заключение или небольшой штраф так же действуют на европейца, воспитанного в стране, где управление мягко, как потеря руки — на азиата. С известной степенью наказания у обоих связывается известная степень страха, но каждый испытывает этот страх по-своему: француз придет в отчаяние от бесчестья, связанного с наказанием, на которое он осужден, между тем как у турка мысль о таком наказании не отняла бы и нескольких минут сна» (стр. 196—197). Развивая эти мысли, Монтескье указывает, что в самих государствах, основанных на жестоком образе правления, страх наказания не является средством предотвращения преступления.

Монтескье высказывает интересные мысли о пропорциональности наказаний и преступлений. «Наказание должно быть пропорциональным вине», «соразмерять наказание с преступлением — закон, которого никакие суды не могли обойти», — пишет Монтескье (стр. 223). Он указывает на отрицательные последствия несооразмерности наказания тяжести совершенного преступления: в тех странах, где тяжкое и легкое преступление равно караются суровейшими наказаниями, люди предпочитают совершить тяжкое преступление.

III

В 1748 г. Монтескье издает трактат под названием «О духе законов»⁹.

Политический смысл этого трактата довольно точно был сформулирован самим Монтескье: — стремление дока-

---

⁹ Ш. Монтескье. Избранные произведения. Госполитиздат, 1955 (ниже цитируется это издание, где приведен полный текст «О духе законов»).

зять, что «дух умеренности должен быть духом законодателя». Монтескье — противник всяких крайностей, революционных переворотов, тиранического правления и т. д. Он критикует феодальные порядки, деспотическое правление, беззаконие и всячески стремится доказать преимущества умеренного образа правления, твердой законности, твердого правопорядка, хорошо организованного правосудия. Будучи сторонником института частной собственности, Монтескье высказывается вместе с тем против «чрезмерного» неравенства состояний.

Монтескье различает двоякого рода законы: законы в широком смысле слова, к которым относятся законы природы, и законы положительные, создаваемые правительствами. Признавая существование закономерного развития общества, Монтескье считает важным создать такое законодательство, которое находилось бы в соответствии с основными факторами жизни людей. Законодательство должно соответствовать физическим свойствам страны, ее климату, качествам ее почвы, ее положению и величине, образу жизни народа, степени свободы людей, их религии, их богатству, развитию торговли и т. д. Эта мысль о соотносительности между законодательством и совокупностью физических и социальных условий жизни людей является центральной в учении Монтескье. Он использует ее и при решении уголовно-правовых вопросов.

Люди в своем «природном состоянии» рождаются равными; однако они не удерживаются в состоянии равенства, ибо общество отнимает у них равенство, которое может быть им возвращено лишь на основе мудрых законов. «Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане» (стр. 289). Для установления и сохранения свободы нужны, следовательно, законы, которые точно установят, какие действия преступны и наказуемы.

В трактате Монтескье уделяет внимание выяснению причин существования пороков и преступлений. Он связывает их также с физическими свойствами страны, климатом, качеством почвы, величиной страны и численностью населения, образом жизни народа, формой правления, религией, богатством народа, развитием торговли, распространением роскоши и нищеты, характером законов.

Монтескье много говорит о роскоши как о причине недостатков в обществе. Отмечая, что «роскошь всегда пропорциональна неравенству состояний», Монтескье говорит о том, что желательно уравнивать распределение богатств. Однако он ни в малейшей степени не посягает на институт частной собственности, а стремится здесь, как и везде, проводить принцип «умеренности». Он считает, что государство обязано обеспечить всех граждан средствами к жизни, пищей, одеждой и создать такие условия жизни, которые не вредили бы здоровью. Выясняя причины бедности, Монтескье видит их в том, что бедняк не работает: кто, не имея имущества, работает, тот живет не хуже того, кто имеет доход, но не работает.

Большой интерес представляет разработанная Монтескье классификация преступлений, имеющая целью установить соответствие между природой преступления и природой наказания.

«Есть четыре рода преступлений: к первому роду принадлежат преступления против религии, ко второму — преступления против нравов, к третьему — преступления против общественного спокойствия, к четвертому — преступления против безопасности граждан. Налагаемые за них наказания должны вытекать из природы каждого рода преступлений» (стр. 318).

Критикуя устои феодального уголовного права, Монтескье наиболее подробно останавливается на так называемых религиозных преступлениях. Он не отрицает самого понятия религиозного преступления, созданного церковью и являющегося составной частью религии. Но считает, что все религиозные преступления, как и все религиозные наказания, находятся за пределами уголовного права, за пределами человеческого законодательства, вне сферы воздействия человеческого правосудия. Монтескье подробно развивает мысль о необходимости отказаться от уголовно-правового преследования так называемых религиозных преступлений и освободить уголовное право от религиозных наслоений.

«Я отношу к разряду преступлений против религии только те, которые затрагивают религию непосредственно, каково, например, всякое святотатство. Так как преступления, нарушающие исповедание религии, по природе своей принадлежат к тем, которые нарушают спокойствие и безопасность граждан, они должны быть причислены к

последнему разряду» (стр. 318). Этот тезис Монтескье посягал на устои уголовного права XVII—XVIII вв. Трудно переоценить его революционизирующее значение, как бы осторожно и умеренно ни формулировал свои взгляды Монтескье.

Развивая основную мысль о соответствии наказания природе преступления, Монтескье пишет далее: «Чтобы наказание за святотатство проистекало из природы преступления, оно должно заключаться в лишении всех доставляемых религией преимуществ: в изгнании из храмов, в отлучении от общества верных на время или навсегда, в том, чтобы избегать присутствия преступника, выражать по отношению к нему чувства омерзения, отвращения, отчуждения.

В делах, нарушающих спокойствие или безопасность государства, тайные действия подлежат ведению человеческого правосудия; но в преступлениях против божества, там, где нет публичного действия, нет и материала для преступления: все происходит между человеком и богом, который знает время и меру своего отмщения. Если же судья, не обратив внимания на это различие, станет разыскивать и скрытое святотатство, то он внесет иск в область таких деяний, где в нем нет никакой необходимости, он разрушит свободу граждан, вооружив против них религиозное рвение и робких, и смелых душ.

Зло произошло от представления, что надо мстить за божество. Но божество надо почитать, и никогда не следует мстить за него. В самом деле, если бы люди стали руководствоваться этим последним правилом, то когда же наступил бы конец казням? Если человеческие законы должны будут мстить за существо бесконечное, то они будут сообразоваться с бесконечностью этого существа, а не со слабостями, невежеством и непостоянством человеческой природы» (стр. 319).

Монтескье считал, что религия, отвергающая человеческое правосудие и вводящая свое собственное, не должна говорить о неискупимых преступлениях. С другой стороны, именно потому, что религия устанавливает свои собственные религиозные законы, «следует избегать применения уголовных законов в вопросах религии» (стр. 544). Развивая эту мысль, Монтескье пишет: «Свойства человеческого духа обнаруживались и по отношению к формам наказаний, которые в этих случаях применялись. Стоит

только вспомнить о религиозных гонениях в Японии, когда жестокие казни вызывали более сильное негодование, чем медленно действующие наказания, которые более утомляют чувство, чем возмущают его, и которые, однако, труднее переносятся именно потому, что кажутся менее тяжелыми. Словом, в истории мы находим достаточно доказательств тому, что карательные законы в данном случае достигали только одного результата — физического истребления» (стр. 554—555).

Таким образом, в уголовно-правовой теории Монтескье по существу нет места ни религиозным преступлениям, ни религиозным наказаниям. Тем самым он окончательно порывает с теологическим обоснованием и теологическим наслоением уголовного права и уголовного процесса. Правосудие становится исключительно делом самих людей, а богу и его «земным представителям» предоставляется карать религиозные преступления религиозными же наказаниями.

Значение этих положений Монтескье можно оценить, лишь учитывая конкретно-историческую обстановку середины XVIII в., когда религия все еще господствовала в области отправления правосудия, когда впереди еще было столько процессов над «еретиками», безжалостно приговаривающимися к мучительным казням за совершенные ими «преступления» против религии.

Большое место в трактате «О духе законов» занимает критика понятия преступления «оскорбление величества». Монтескье отмечает прежде всего произвольный характер и расплывчатость понятия «оскорбление величества». Благодаря этому «любое действие может послужить предлогом для того, чтобы лишить жизни какого угодно человека и истребить какое угодно семейство» (стр. 323). Приводя примеры произвольного понимания оскорбления величества в законе и в судебной практике, Монтескье приходит к выводу, что «одно из жесточайших злоупотреблений заключается в том, что иногда определение „оскорбление величества“ относят к действиям, которые не заключают в себе этого преступления» (стр. 323).

Данная Монтескье критика понятия «оскорбление величества» подрывала один из устоев феодального уголовного права: «оскорбление величества» было всеобъемлющим понятием для всех государственных преступлений и множества других, соприкасающихся с ними. Не отвергая

полностью этого понятия, Монтескье стремится максимально сузить его, внести в него вместе с тем возможную юридическую точность.

Развивая мысль о произвольности этого понятия, Монтескье останавливается на «нескромных словах». Он последовательно проводит мысль о том, что «слова не входят в состав преступления, они остаются в сфере мысли» (стр. 326). Не отказываясь от наказуемости оскорбительных слов, Монтескье считает, что в этих случаях можно говорить о применении лишь исправительного наказания, но не о смертной казни. Он проводит точное разграничение между словами, содержащими лишь оскорбление, и словами, образующими часть преступного действия. «Слова, сопровождающиеся действием, получают свой смысл от этого действия. Так, человек, призывающий подданных на площади к восстанию, виновен в оскорблении величества, потому что слова его сопровождаются действием и составляют часть этого действия. В таком случае карают не за слова, а за совершенное действие, при котором эти слова употребляются. Слова становятся преступлением лишь тогда, когда они готовят преступное деяние, сопровождают его или следуют за ним. Но делать из слов преступление, подлежащее смертной казни, вместо того, чтобы видеть в них один из признаков такого преступления, значит все извратить и перепутать» (стр. 326).

Рассматривая вопрос о сатирических литературных произведениях, направленных против государей, Монтескье считает, что «литературные произведения представляют собой нечто более прочное, чем устное слово; но если они не подготавливают к преступлению оскорбления величества, то и не являются материалом для этого преступления» (стр. 327). Указывая на различие в отношении к сатирическим литературным произведениям в государствах деспотических, монархических и демократических, Монтескье отмечает, что в первых такие произведения вообще неизвестны в силу подавленности и невежества населения; во вторых они запрещены, но чаще с ними борются мерами полицейскими, а не уголовными; в третьих же они не запрещены.

Мысли Монтескье о сужении понятия оскорбления величества, об отказе от уголовного преследования за сатирические произведения подхватили и широко развили все прогрессивные юристы последней четверти XVIII в.

К второй группе преступлений Монтескье относит преступления против нравов. «Таковы оскорбления публичной и частной благопристойности, т. е. установленных способов пользования чувственными удовольствиями и половыми сношениями. Здесь наказания тоже должны вытекать из природы преступления. Они должны заключаться в лишении выгод, которые общество связывает с чистотой нравов, в штрафах, позоре, необходимости скрываться, публичном посрамлении, в изгнании из города и общества, наконец, все наказания, относящиеся к области исправительной юстиции, достаточны для борьбы с распущенностью обоих полов. В самом деле, основание этих преступлений лежит не столько в злой воле, сколько в забвении своего достоинства и в неуважении к самому себе. Но здесь идет речь лишь о тех преступлениях, которые касаются исключительно нравов, а не о тех, которые, кроме того, нарушают общественную безопасность, каковы изнасилование и похищение. Эти уже принадлежат к четвертому разряду» (стр. 319—320).

«К преступлениям третьего разряда,— пишет Монтескье,— относятся те, которые нарушают спокойствие граждан. Наказания за них должны соответствовать природе преступления, следовательно, они должны быть связаны с общественным спокойствием. Таковы: тюрьма, ссылка, исправительные меры и другие наказания, которые укрощают беспокойные умы и возвращают их в границы установленного порядка. Преступления против спокойствия я отношу к простым нарушениям благочиния, так как те из этих преступлений, которые, нарушая спокойствие, направлены в то же время и против безопасности, должны быть отнесены к четвертому разряду» (стр. 320).

К четвертой группе преступлений Монтескье относит преступления против безопасности граждан. «Наказания за эти последние преступления состоят в том, что именуется казнью. Это своего рода талион, посредством которого общество лишает безопасности гражданина, лишившего или покушавшегося лишить безопасности других. Это наказание извлечено из природы вещей, оно почерпнуто из разума, из самого источника добра и зла. Гражданин заслуживает смерти, если он нарушил безопасность до такой степени, что лишил кого-нибудь жизни или покушался это сделать. Смертная казнь является тут как бы лекар-

ством для большого общества. Могут быть причины, оправдывающие ее применение и к преступлениям, нарушающим безопасность собственности; но, может быть, было бы лучше и сообразнее с природой, если бы преступления против собственности наказывались только лишением собственности. Так и должно бы быть, если бы собственность состояла в общем владении или была равно распределена. Но так как всего охотнее покушаются на чужую собственность те, кто не имеет своей, то явилась надобность добавить к денежному наказанию еще и телесное» (стр. 320).

Рассмотрев четыре основные группы преступлений и соразмерив с ними наказания, Монтескье оставляет вне созданной им системы некоторые виды преступлений. Это волшебство, ереси, противоестественные преступления, частично — оскорбление величества, преступные мысли, преступные слова, преступные литературные произведения.

Свой взгляд на наказуемость волшебства и ереси Монтескье излагает в очень осторожной форме. «Вот важное правило: надо быть очень осмотрительным в деле преследования волшебства и ереси. Обвинения в этих преступлениях могут иметь самые пагубные последствия для свободы и породить бесчисленные акты тирании, если законодатель не сумеет ввести их в надлежащие границы. Поскольку эти обвинения основываются не непосредственно на действиях гражданина, а скорее на мнении, составившемся о его характере, они становятся тем опаснее, чем невежественнее народ, и являются вечной угрозой для гражданина, так как самое безукоризненное в мире поведение, самая чистая нравственность, выполнение всех обязанностей не могут защитить человека от подозрения в этих преступлениях» (стр. 320—321). В подтверждение этих мыслей Монтескье приводит ряд исторических примеров. Конечный вывод Монтескье таков: «Я не говорю, что ересь совсем не надо наказывать, я хочу только сказать, что ее следует наказывать очень осмотрительно».

Конечно, для своего времени Монтескье был очень смел, когда он подверг критике основу основ феодального уголовного права — понятие волшебства и колдовства как тягчайшего преступления и понятие ереси как преступления, одно подозрение в котором влекло за собой мучительнейшую казнь. Но вместе с тем, Монтескье не мог выйти за пределы общих воззрений своего времени и, видимо,

совершенно сознательно сформулировал свои в значительной мере атеистические выводы в очень осторожной форме.

Выделяя противоестественные преступления, Монтескье подчеркивает, что он не собирается ослабить ужас к этим преступлениям, осуждаемым религией, нравственностью и политикой. Но это преступление не столь уже опасно для общества, оно не столь уже распространено, всегда тщательно скрывается. «Не создавайте благоприятных условий для развития этого преступления, преследуйте его строго определенными полицейскими мерами наравне с прочими нарушениями правил нравственности, и вы скоро увидите, что сама природа встанет на защиту своих прав или вернет их себе» (стр. 322—323).

Критикуя феодальное уголовное право и карательную политику той эпохи, Монтескье пишет: «Замечательно, что три преступления: волшебство, ересь и преступление против естества, из коих о первом можно сказать, что оно вовсе не существует, о втором, что оно подлежит множеству различий, истолкований и ограничений, а о третьем, что его часто очень трудно определить, — что все эти три преступления одинаково наказывались у нас сожжением на костре» (стр. 322).

Мы увидим в дальнейшем, что данная Монтескье классификация преступлений с теми или иными уточнениями широко была воспринята криминалистами второй половины XVIII в. Ее придерживались авторы «Энциклопедии»; она была использована Бриссо, Маратом, Лепелетье и многими другими.

Вторая группа вопросов уголовного права — это цели наказания и необходимость соразмерять его с характером преступления. Как известно, это один из излюбленных вопросов просветителей XVIII в. и прогрессивных криминалистов того времени. Ему уделила большое внимание «Энциклопедия»; он был последовательно решен Маратом в его «Плане уголовного законодательства», а Бриссо посвятил соразмерности преступления и наказания даже ряд специальных таблиц, в которых попытался найти пропорциональность наказания тяжести отдельных видов преступления.

Мысль о соответствии природы наказания природе преступления подробно развивается Монтескье. «Свобода торжествует, когда уголовные законы налагают кары в

соответствии со специфической природой преступлений: Здесь нет места произволу; наказание зависит уже не от каприза законодателя, но от существа дела, и оно перестает быть насилием человека над человеком» (стр. 318).

Одну из глав своего труда Монтескье посвящает рассмотрению вопроса «о точном соответствии между наказанием и преступлением». Его основной тезис сформулирован следующим образом: «Необходимо, чтобы между наказаниями существовала взаимная гармония; законодатель должен стремиться к тому, чтобы в первую очередь не совершалось крупных преступлений, которые наносят обществу больший вред, чем менее серьезные» (стр. 238). Этот тезис Монтескье подкрепляет целым рядом примеров из карательной практики и законодательства Турции, Англии, Китая, России. Из этих примеров может быть сделан один основной вывод, имеющий большое значение для взглядов Монтескье: там, где одинаково карают тяжкие и менее тяжкие преступления, чаще всего совершают наиболее тяжкие из них.

Монтескье подробно рассматривает вопрос относительно суровости наказания. Он считает, что сила наказания не в его суровости, а в его *предупредительном* воздействии.

Монтескье высказывается за экономию карательных средств: недостатки борьбы с преступностью состоят не в слабости наказаний, а в *безнаказанности* преступлений. Он считает вместе с тем важным, чтобы «самая чувствительная часть наказания» состояла в «позоре быть подвергнутым стыду».

Одна из глав труда Монтескье называется «О том, что если народ добродетелен, то не требуется много наказаний» (стр. 232). Не развивая этот тезис в плане теоретическом, Монтескье приводит ряд примеров из римской истории, подкрепляющих его.

Развивая мысль о гуманности при применении наказания, Монтескье выделяет специальную главу, в которой рассматривает «бессилие японских законов». По существу же здесь речь идет о французских законах.

Характеризуя японскую карательную систему, Монтескье пишет: «Там наказывают смертью почти за все преступления, потому что неповиновение такому великому императору, как японский, рассматривается как страшное преступление. Цель наказания не в исправлении ви-

новного, а в отмщении государя. Эти идеи порождены раболепием и возникли главным образом потому, что так как император является там собственником всех имуществ, то почти все преступления оказываются прямым нарушением его интересов. Там наказывают смертью за всякую ложь перед властями, т. е. за самый естественный прием самозащиты. Там строго наказывают даже за одну только видимость преступления; так, человек, принявший участие в азартной игре на деньги, подлежит смертной казни» (стр. 234).

Обрисовав систему наказаний, принятую в Японии, Монтескье ставит вопрос: «...можно ли постоянным зрелищем мучительных казней исправить или сдержать людей». Давая отрицательный ответ на этот вопрос, Монтескье намечает положительную программу уголовного законодательства: «Благоразумный законодатель постарался бы умиротворить умы справедливой умеренностью наказаний и наград, правилами философии, морали и религии, соответствующими характеру данного народа, разумным применением правил чести, наказанием посредством стыда, радостями постоянного житейского благополучия и мирного благоденствия; и если бы он опасался, что людей, привыкших к жестоким карам, не будут сдерживать более легкие наказания, то стал бы действовать постепенно и осторожно, и, начав со смягчения наказаний за легкие провинности, дошел бы до видоизменения их за все виды преступлений» (стр. 235).

Развивая принцип гуманности наказания, Монтескье пишет: «...лучше много прощать, чем много наказывать, лучше изгонять немногих, чем многих, лучше вовсе не лишать имущества, чем производить массовые конфискации» (стр. 329).

Но, будучи сторонником гуманного наказания, Монтескье не отрицает необходимости и обоснованности применения в некоторых случаях смертной казни. Он пишет по этому поводу: «Смертная казнь преступника имеет свое оправдание в том, что закон, который его карает, был создан для его же пользы. Например, убийца пользовался защитой осудившего его закона, последний ежеминутно охранял его жизнь, и потому он не может протестовать против него» (стр. 363).

Представляет интерес аргументация Монтескье против применения в качестве наказания конфискации имуще-

ства. В деспотических государствах, указывает Монтескье, широко распространены конфискации имущества. «Ими утешают народ; они доставляют государю обильную денежную дань, которую ему было бы трудно собрать со своего разоренного народа; в этих государствах нет ни одной семьи, которую желали бы сохранить» (стр. 216). Иначе обстоит дело «в государствах умеренного типа»: в этих государствах конфискация имущества недопустима: «там конфискации поколебали бы право собственности, разорили бы ни в чем не повинных детей, ради наказания одного виновного разрушили бы всю семью. В республиках конфискации, лишая гражданина всех средств к жизни, причинили бы зло нарушением равенства, которое составляет душу этого правления» (стр. 216).

Третья группа вопросов, рассмотренных Монтескье, — это вопросы организации и отправления правосудия. И здесь Монтескье первым среди старшего поколения просветителей поставил основные вопросы реформы уголовного судопроизводства.

Монтескье связывает способ отправления правосудия с государственным строем. В деспотических государствах, где отсутствуют законы, сам судья — творец закона. «В монархических государствах есть законы, и если они ясны, то судья руководится ими, а если нет, то он старается уразуметь их дух» (стр. 226). Наиболее определенным и точным, по мнению Монтескье, является способ отправления правосудия в республиканских государствах. «Природа республиканского правления требует, чтобы судья не отступал от буквы закона. Там нельзя истолковать закон во вред гражданину, когда дело идет о его имуществе, его чести или его жизни» (стр. 226). С наибольшей симпатией высказывается Монтескье о таком способе отправления правосудия, при котором судит «народ». «Но народ не юрист. Все эти судебские оговорки и средства к примирению сторон для него не годятся. Ему надо предъявить только один предмет, один только факт и требовать от него лишь того, чтобы он решил, следует ли ему обвинить, оправдать или отложить приговор» (стр. 226).

Рассматривая способы обвинения, Монтескье связывает этот вопрос с формами государственного строя. В республиках каждый гражданин может быть обвинителем. Но это вызвало многочисленные злоупотребления, в результате которых появилась «гнусная порода людей —

свора доносчиков». По мнению Монтескье, наилучшим способом обвинения является организация публичного обвинения, при котором у каждого суда имеется особый чиновник, назначенный государем для преследования от его имени всех преступлений.

Монтескье высказывается против применения к обвиняемым пыток или допроса с пристрастием. Указывая, что пытка преступников не является необходимостью, Монтескье подчеркивает, что она уместна лишь в «деспотических государствах, где все, что внушает страх, становится одной из пружин правления» (стр. 239).

Монтескье выступал резким противником суда инквизиции. «Суд инквизиции, учрежденный христианскими монахами на основании представления о суде над кающимися грешниками, противен всякому гражданскому порядку. Он вызвал против себя всеобщее негодование и уступил бы протесту, если бы сторонники его не воспользовались этим самым протестом в своих интересах. Этот суд невыносим при всех образах правления. В монархии он только создает доносчиков и изменников; в республиках плодит бесчестных людей; в деспотическом государстве является таким же разрушителем, как и само это государство» (стр. 567).

Мы остановились лишь на основных мыслях Монтескье по вопросам уголовного права и процесса. Трудно было бы переоценить выдающееся значение уголовно-правовой теории Монтескье, который заложил основы прогрессивных взглядов в этой области еще в первой половине XVIII в. Обычно при характеристике прогрессивных уголовно-правовых теорий XVIII в. основное внимание уделяется взглядам Беккариа, а имя Монтескье упоминается лишь бегло (так же, как и в западноевропейской, и в русской дореволюционной литературе, и в большинстве советских уголовно-правовых исследований на эту тему). Между тем достаточно сопоставить труд Беккариа и труды Монтескье, даты появления первого и вторых, чтобы безоговорочно признать приоритет Монтескье над Беккариа. Беккариа развил, конкретизировал, систематизировал, популяризировал взгляды Монтескье в области уголовного права и процесса; в небольшой мере он воспринял, правда, и взгляды Руссо, но основное в области уголовного права он заимствовал у Монтескье.

Поэтому мы имеем все основания назвать Монтескье основоположником просветительно-гуманистического на-

правления в уголовном праве и процессе. Учение его сыграло выдающуюся роль и в предреволюционную эпоху, и в годы революции 1789—1794 гг.

2. Вольтер

I

Работы Вольтера по вопросам уголовного права и процесса сыграли выдающуюся роль в развитии прогрессивной юридической мысли XVIII века¹⁰.

Франсуа Мари Аруэ, вошедший в мировую историю под псевдонимом Вольтер, родился в 1694 г. в семье нотариуса. В молодости он дважды подвергался репрессиям за свои вольнодумные произведения: в 1717 г. и в 1725 г. он заключался в Бастилию, после чего был выслан из Франции и до 1729 г. проживал в Лондоне. Но и в последующие годы Вольтер постоянно имел столкновения с французской карательной машиной: его произведения признавались крамольными и по приговору суда подвергались сожжению рукой палача.

В последующие годы Вольтер непродолжительное время исполнял обязанности королевского историографа при французском дворе, а в 1750—1753 гг. был приглашен ко двору прусского короля Фридриха II. С 1758 г. по 1778 г. Вольтер проживал в приобретенном им в Швейцарии поместье и лишь в начале 1778 г. вернулся в Париж, где и умер 30 мая 1778 г.

До начала шестидесятых годов Вольтер сравнительно мало затрагивал в своих произведениях вопросы уголовного права, процесса и судоустройства. Он касался этих

---

¹⁰ В советской литературе уголовно-политические взгляды Вольтера освещены в работах: К. Н. Державин, Вольтер. Изд-во АН СССР, 1946; Н. Н. Полянский, Вольтер — борец за правосудие и за реформу права. Сб. «Вольтер». Изд-во АН СССР, 1948. См. также наше предисловие к книге: Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. Госюриздат, 1956.

В русской литературе уголовно-правовые взгляды Вольтера были освещены М. Чубинским в «Очерках уголовной политики». См. также: А. Шахов, Вольтер и его время.

Из иностранных работ следует указать на наиболее полное изложение уголовно-правовой теории Вольтера в труде: E. Hertz. Op. cit., A. Esm ein. Op. cit.

вопросов лишь попутно, в связи с другими, более общими вопросами философии, истории, морали, религии¹¹.

Первое вмешательство Вольтера в деятельность «правосудия» XVIII в. относится к концу пятидесятих годов, когда он делает попытку добиться справедливого приговора в отношении английского адмирала Бинга, преданного суду за проявление трусости при столкновении с французским флотом. Это первое вмешательство Вольтера в дела правосудия не увенчалось успехом.

С начала шестидесятих годов разворачивается кипучая деятельность Вольтера в борьбе с феодальной юстицией, с феодальной репрессией, с основами феодального уголовного права и процесса. Эта деятельность Вольтера проявляется не только на литературном поприще.

Получив сведения о жертвах неправосудия, о чудовищных пытках, об изощренно-мучительных казнях, об осуждении совершенно невинных людей на почве религиозного фанатизма, он собирает доказательства невинности этих людей, обращается к различным влиятельным лицам, используя свои огромные связи, свою колоссальную переписку с королями и королевскими чиновниками, с адвокатами, с философами, призывая их к гуманности, к защите невинных жертв юстиции. Он издает брошюры и книги, публикует открытые письма «К публике», в которых разоблачает жестокость церкви и суда, их фанатизм, их пристрастность, их человеконенавистничество.

---

¹¹ Тема о преступлениях и наказаниях, о правосудии, о жестокости и нелепости феодальной юстиции, о религиозном фанатизме, освящающем деятельность палача, о чудовищных преступлениях, совершаемых во имя бога и религии, постоянно затрагивалась Вольтером в различных его произведениях: философских, исторических, художественных. Эти вопросы нашли широкое освещение и в богатом эпистолярном наследстве Вольтера.

В таких работах Вольтера, как «Поучение пятидесяти», «Важное исследование лорда Болингброка, или гробница фанатизма», «Век Людовика XIV», «Обзор века Людовика XV», «Опыт о правах», «История парижского парламента» и т. д. эти вопросы получили в высшей степени яркое освещение. Среди писем Вольтера мы выделили около 400, в которых он упоминает о жертвах феодального неправосудия, доказывает их невинность, обращается за содействием к различным влиятельным лицам.

Проблема преступления и наказания нашла свое отражение и в ряде художественных произведений Вольтера, например «Задиг или судья», «Кандид», «Царица вавилонская», «Генриада» и др.

Если собрать воедино все написанное Вольтером по вопросам суда, уголовного права и процесса, то это представит собой монолитный труд, подчиненный единой идее борьбы за гуманизм, за справедливость, за правосудие, которому он уделил более двадцати лет своей жизни¹².

Отражая противоречивость социального положения французской буржуазии, являвшейся частью «третьего сословия», в состав которого в то время входили и широкие массы трудящихся, Вольтер, как один из идеологов

---

¹² Укажем важнейшие работы Вольтера в этой области:

1762 год — «Подлинные документы, относящиеся к смерти Каласов, и приговор, вынесенный в Тулузе»; «История Елизаветы Каннинг и Каласов».

1763 год — «Трактат о веротерпимости по поводу смерти Жана Каласа».

1765 год — «Краткое изложение аббевильского судопроизводства»; Письмо Даламберу о Каласах и Сирвенах.

1766 год — «Комментарий к книге о преступлениях и наказаниях»; «Оповещение публики».

1767 год — «Местные преступления»; письмо Эли де Бомоу.

1768 год — «Рассказ о смерти кавалера де ла Барра, написанный в 1766 году адвокатом королевского совета г-ном Кассеном г-ну маркизу де Беккариа».

1769 год — «Обзор века Людовика XV» (глава 42 «О законах»); «Дополнения к известным процессам»; «Процесс Клостра»; «История парижского парламента».

1771 год — «Народы парламентам»; «Аррасская ошибка».

1772 год — «О процессе м-ль Кан»; «Опыт о вероятностях в деле правосудия»; «Новые вероятности в деле правосудия»; «Письмо маркизу де Беккариа, профессору публичного права в Милане»; «О деле де Моранжкиса».

1770—1772 гг. — Статьи по уголовному праву и процессу в «Вопросах энциклопедии для любителей».

1773 год — «Очерк процесса де Моранжкиса против семьи Веррон»; «Фрагмент о справедливости по поводу процесса графа де Моранжкиса против Жонкей»; Заявление Вольтера о процессе между графом де Моранжкисом и Верронами; Ответ на сочинение одного адвоката, озаглавленное «Доказательственные улики в деле правосудия»; Четыре письма Вольтера гг. дворянам Жеводана, которые писали в защиту графа де Моранжкиса; «Исторические фрагменты об Индии, о генерале Лалли и о многих других предметах»; «Фрагмент уголовного процесса Монбальи, колесованного и заживо сожженного в 1770 году в Сен-Омере за мнимое матерееубийство, и его жены, приговоренной к сожжению заживо, обоих, признанных невиновными».

1775 год — «Крик невинной крови».

1777 год — «Награда за справедливость и гуманность». Многие из этих работ помещены в кн.: Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу.

идушей к власти буржуазии, воплотил в своем мировоззрении, в своих философских и социально-политических взглядах прогрессивные и даже революционные идеи эпохи, которые, однако, сочетались у него с боязнью революционных выступлений масс, со стремлением опереться в осуществлении необходимых и неизбежных реформ на «просвещенных монархов». Вольтер разоблачал официальную религию и ее служителей как оплот тирании, фанатизма, суеверий. Однако он не отбрасывал идею бога. Более того, он считал, что эта идея необходима для обуздания масс, «черни». «Как богатым удержать имущество в своих руках, если чернь потеряет веру в бога?», — откровенно спрашивал Вольтер. Общеизвестна ставшая поговоркой мысль Вольтера: «Если бы бога не было, его следовало бы выдумать».

Маркс дал в высшей степени меткую характеристику антирелигиозной деятельности Вольтера. Он указал, что Вольтер «проповедует в тексте безверие, а в примечаниях защищает религию»¹³. Маркс добавляет, что в «очистительную силу этих примечаний» никто, конечно, не верил.

Будучи борцом против феодального сословного неравенства, против феодального права, феодальной тирании, феодального фанатизма и суеверий, являясь проповедником социальных реформ, Вольтер тем не менее не отрицал необходимости и даже неизбежности, с его точки зрения, сохранения социального неравенства. Нужно, говорил Вольтер, чтобы были люди, у которых все имущество заключается в рабочих руках и в доброй воле. Но они будут свободно продавать свой труд тому, кто больше даст. Эта свобода заменит им собственность. Так откровенно и точно определил Вольтер социально-политическую программу того класса, идеологом которого он был. На нашем несчастном земном шаре невозможно, писал он, чтобы люди, живущие в обществе, не были разделены на два класса: класс богатых, которые повелевают, и класс бедных, которые служат. Сокрушительная критика устоев феодального строя, данная Вольтером, на другом своем конце в качестве положительной программы имела в высшей степени умеренные идеалы конституционной монархии, в смутном отдалении которой Вольтеру иногда представлялись неясные очертания умеренной республики.

---

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 178.

Вольтер — представитель старшего поколения французских просветителей. Его произведения явились мощным толчком для выработки революционного мировоззрения идеологов трудящегося и эксплуатируемого народа, которые, читая Вольтера, находили в его произведениях то, чего, быть может, меньше всего желал сам Вольтер — призыва к сокрушительному уничтожению *устоев* старого общества.

II

Среди работ Вольтера, посвященных вопросам уголовного права и процесса, особое и притом исключительно важное место занимают те, в которых он, защищая жертвы судебного неправосудия и религиозного фанатизма, разоблачает феодальную карательную систему и формулирует принципы нового уголовного права и процесса, основанные на идеях просветительской философии.

Вольтер пишет большое число брошюр, статей, докладных записок, писем, в которых с большой силой и энергией доказывает невинность своих «подзащитных», разоблачает жестокость, нечеловечность, несправедливость уголовно-процессуальных форм, уголовных законов, невежество, продажность, беспринципность, зависимость судей, коварство, лицемерие, религиозный фанатизм служителей религии, добывающихся жестоких, кровавых приговоров в отношении своих жертв. Создавая эти произведения, Вольтер выковывал свое прогрессивное правосознание, и в них олицетворялось своеобразное сочетание вольтеровской теории и вольтеровской практики. Если другие представители старшего поколения просветителей, в частности Монтескье, были преимущественно учеными кабинетного толка, то Вольтер — не только теоретик, но и практик, стремящийся добиться пересмотра несправедливых приговоров, оправдания невинно осужденных, отмены устарелых и несправедливых законов. В зависимости от обстановки, от обстоятельств, от лиц, к которым он обращался, Вольтер доказывает, просит, требует, умоляет, льстит... В этом отношении можно сказать, что цель, которую ставил перед собой Вольтер, оправдывала, с его точки зрения, любые средства ее достижения.

Характеризуя эту сторону деятельности Вольтера, К. Державин совершенно справедливо отмечает, что «борьба Вольтера за истину и справедливость с тулузским

парламентом и его смелое заступничество за жертвы религиозного фанатизма и варварского суда не только влили новые лавры в венок его славы, но и сделали его в глазах всей Европы подлинным вождем передового общественного миссия, олицетворением общественной совести и борьбы за идеалы гуманности. Дело Каласа создало Вольтеру подлинную всенародную славу. В 1778 году Париж приветствовал его не только как великого писателя и главу философско-просветителей, но и как защитника угнетенных, борца с несправедливостью феодальной юстиции и с клерикальной реакцией»¹⁴.

В тех произведениях Вольтера, в которых значительное место занимает освещение фактической стороны того или иного процесса, содержится немало и общетеоретических обобщений, как разоблачительных, так и определяющих и формулирующих развиваемые Вольтером идеи нового уголовного права. В «Трактате о веротерпимости» Вольтер называет «убийства, совершенные мечом правосудия». Он указывает на то, что «злоупотребление святейшей религией породило великое преступление». В «Оповещении публики» Вольтер пишет специальный раздел, под названием «Плохая юриспруденция умножает преступления». Здесь же он, обозревая историю ряда столетий, приходит к выводу, что несправедливое невежественных судей всегда шло и идет рука об руку с религиозным фанатизмом служителей религии.

В «Аррасской ошибке» Вольтер глубоко возмущается такой системой «правосудия», когда «семь предубежденных человек могут спокойно предавать отца семейства ужаснейшим казням. Кто же более всего заслуживает сожаления, — доведенные ли до нищенства семьи, отцы, матери и братья которых несправедливо погибли в страшных мучениях, или спокойные и уверенные в безнаказанности судьи, которым говорят, что они ошиблись, которые едва выслушивают этот упрек и которые будут снова ошибаться?»¹⁵

В этой работе Вольтер выдвигает очень скромную программу уголовно-правовых преобразований. Он пишет в заключении этой работы: «Быть может, ужасный обычай

---

¹⁴ К. Н. Державин. Вольтер, стр. 406.

¹⁵ Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу, стр. 147.

пытки, ныне отмененной у стольких народов, будет еще применяться лишь в отношении тех государственных преступлений, которые подвергают опасности общественное спокойствие. Быть может, смертные приговоры будут исполняться лишь после донесения государю, и судьи по примеру всех других судов земли не будут пренебрегать изложением мотивов своих приговоров. Можно было бы представить длинный список злоупотреблений, неразлучных с человеческой слабостью, которые вкрались в столь необъятное и часто столь противоречивое собрание наших законов, одних, продиктованных мимолетной потребностью, других, установленных согласно обычаям или мнениям, которые более не существуют, либо вырванных у государя в смутные времена, либо происходящих из невежественных времен»¹⁶.

III

В шестидесятых-семидесятых годах XVIII в., когда Вольтер все больше сосредоточивает свою научную и политическую деятельность на вопросах борьбы с религиозным фанатизмом, с феодальным произволом и беззаконием, появление «Философского словаря» и «Вопросов энциклопедии, написанных любителями» имело выдающееся значение.

Следует иметь в виду, что труд Беккариа, вышедший в 1764 г., еще не был широко известен французскому обществу (первый французский перевод появился в 1766 г.). Кроме того, даже после издания труда Беккариа на французском языке вопросы борьбы с религиозным фанатизмом, с теологическим обоснованием уголовного права, с феодально-религиозным уголовным законодательством по-прежнему разрабатывались Вольтером. Поэтому статьи из «Философского словаря» и «Вопросов энциклопедии, написанных любителями» по вопросам уголовного права и процесса играют огромную роль в развитии прогрессивного уголовного права.

Изданный впервые в 1764 г. «Философский словарь» первоначально состоял из 73 статей, среди которых не было статей по вопросам уголовного права и процесса. В шестом

---

¹⁶ Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу, стр. 156.

издании 1767 г. была помещена статья «Местные преступления». В издании 1776 г. было помещено слово «пытка». В «Вопросах об энциклопедии, написанных любителями» (1770—1772) Вольтер поместил значительное число статей по вопросам уголовного права и процесса, широко используя свой «Комментарий в книге о преступлениях и наказаниях». Мы насчитали около 70 статей из «Философского словаря» и «Вопросов об энциклопедии...», которые полностью или в значительной степени освещают вопросы уголовного права и процесса¹⁷.

Характеризуя значение «Философского словаря», К. Державин пишет: «„Философский словарь“ появился в самый разгар антифанатической борьбы Вольтера, в дни крайнего обострения клерикальной и феодальной агрессии, в дни, когда новая волна террора нетерпимости стала заливать Францию. Этот свод вольтеровской мысли, охвативший многообразные проблемы, вставшие перед просветительской философией, свод той разрушающей и обличающей мысли, которая совершала революцию в умах задолго до того, когда вспыхнула революция в действии, вызвал немедленно после своего появления ожесточенную контратаку мракобесия»¹⁸.

«Философский словарь» был осужден парижским парламентом на бичевание и сожжение. Прокурор Жоли де Флери в своем представлении парламенту писал по поводу этого произведения: «Таинства, догматы, мораль, дисциплина, культ, истины религии, авторитет божественной и человеческой власти — все это становится мишенью богохульствующего пера этого автора, который хвалится

---

¹⁷ Прелюбодеяние, клятва, выдающиеся приговоры, смертный приговор, убийца, убийство, атеист, атеизм, адвокаты, жестокость, изгнание, банкротство, богохульство, колдовство, палач, самоубийство, конфискация, судья, преступления и проступки, криминалист, уголовный, рабление, местные преступления, одержимые, право, каноническое право, равенство, церковь, отравление, государство, фанатизм, обман, правительство, ересь, справедливое и несправедливое, справедливость, кровосмешение, инквизиция, нетерпимость, пасквиль, свобода мысли, свобода совести, свобода печати, естественный закон, салический закон, законы, законы гражданские и церковные, уголовные законы, дух законов, магия, резня, французский парламент, плагиат, пытка, розыск, Равальяк, религия, раскол, секта, суеверия, казни, терпимость, тиран, тирания, продажность и др.

¹⁸ К. Н. Державин. Указ. соч., стр. 392.

тем, что ставит себя в ряд зверей и низводит человечество до их уровня... Такие же средства использует он для того, чтобы были признаны его ошибки. Осмеяние, вышучивание, сомнение, софизмы, полемика, даже богохульства и кощунства, тысячи раз повторявшиеся в течение восемнадцати веков и тысячи раз уже опровергнутые, но преподносимые с такой настойчивостью и силой, которые придают им видимость истины, легко воздействуют на тех, кто имеет слабость к обольщению и к ослеплению иллюзиями»¹⁹.

Одним из излюбленных вопросов уголовного права, постоянно затрагиваемых Вольтером, является вопрос относительно различного понимания преступного в разных странах, у различных народов, в различные исторические эпохи. Этому посвящены две статьи «Словаря», озаглавленные «Местные преступления» и «О преступлениях и проступках, обусловленных временем и местом».

Вольтер отмечает, что некоторые преступления, такие, например, как кража, убийство, прелюбодеяние, клевета, повсеместно признаются преступными и наказуемыми. Но есть немало деяний, которые *по-разному* оцениваются в различных странах: признаются преступными в одних и не признаются таковыми в других. Эти преступления Вольтер называет *местными*. Приводя ряд примеров, он призывает судей быть снисходительными в отношении посягательств, которые являются преступными «лишь в черте некоторых гор или между двумя реками». Эту мысль Вольтер с особенной силой развивает в отношении религиозных преступлений. «Каждая страна,— отмечает он,— имеет свои законные нелепости и свои, обусловленные временем и местом преступления»²⁰.

Приводя примеры применения суровейших наказаний за смехотворные обвинения в богохульстве, ересь и т. п., Вольтер считает, что такие «преступления» следовало бы игнорировать.

В этих же статьях Вольтер затрагивает и более общие вопросы уголовного права и процесса. Он считает, что «если против ста тысяч вероятностей виновности обвиняемого имеется лишь одна вероятность его невиновности, то эта одна вероятность должна уравновесить все дру-

¹⁹ К. Н. Державин. Указ. соч., стр. 392.

²⁰ Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу, стр. 182.

гие»²¹. Вольтер призывает к гуманности при отправлении правосудия, к недопущению той практики, когда достаточно свидетельства двух человек для того, чтобы казнить третьего.

В небольшой по объему статье «Криминалист» Вольтер очень резко характеризует людей, посвятивших себя правосудию. В этой связи он говорит о вертепах крюжкотворства, о варварах в судебной мантии, о бесстыдных лгунах, об извратителях законов, об устрашителях свидетелей и подсудимых и т. д. В статье «Пытка» Вольтер разоблачает «мерзкий суд инквизиции», характеризует пытку как квалифицированную смертную казнь.

В статьях «Смертные приговоры» и «Казни» Вольтер рассматривает смертную казнь как вид юридического убийства, приводя многочисленные примеры, когда смертные приговоры выносились по ничтожным поводам или в отпущении невиновных людей. «...То, что называется правосудием,— заключает Вольтер,— является столь же произвольным, как и моды. У людей бывают периоды ужасов и сумасшествия, как времена чумы; и эта зараза обошла всю землю»²². Вольтер, подвергая критике смертную казнь как меру наказания, наряду с рядом других доводов против нее особо выдвигает положение о бессмысленности, бесполезности смертной казни. Он повторяет мысль о том, что вместо смертной казни было бы целесообразнее заставить осужденных сооружать большие дороги, проселочные пути, распахивать невозделанные земли и т. д.; он резко протестует против утверждения, что лучший способ борьбы с преступностью состоит в том, чтобы «пытать, вешать, колесовать, сжигать». Все эти положения Вольтер иллюстрирует многочисленными историческими примерами.

К этим статьям примыкает статья «Выдающиеся приговоры». В ней Вольтер вновь говорит о «юридических убийствах, которые тирания, фанатизм или даже ошибка и слабость совершили мечом правосудия»²³. Он особо выделяет те многочисленные юридические убийства, которые совершаются на почве суеверий и религиозного фанатизма: процессы о колдунах, массовую резню в Варфоломеевскую ночь, казнь невинного Каласа и др.

²¹ Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу, стр. 185.

²² Там же, стр. 204.

²³ Там же, стр. 193.

В обширной статье «Уголовный» Вольтер рассматривает вопросы уголовного судопроизводства.

Вольтер критикует уголовное судопроизводство феодального общества как судопроизводство, которое является убийством, совершаемым привилегированными убийцами. Он указывает на необходимость введения публичности процесса, уничтожения пыток, обеспечения прав обвиняемого и т. д. Он резко критикует уголовный процесс, основанный на церковном праве, на принципах инквизиции, разоблачает систему тайных доносов, тайных допросов, использования продажных свидетелей.

IV

Два произведения Вольтера «Комментарий к книге о преступлениях и наказаниях» и «Награда за справедливость и гуманность» наиболее широко и глубоко обобщают его уголовно-правовые взгляды. Эти произведения отделены друг от друга более чем десятилетним периодом времени. Первое было написано Вольтером в условиях, когда он вступал на путь борьбы с феодальным правом и судом не только в плане развития просветительной философии, но и в плане чисто практическом. Второе написано в год, предшествовавший кончине Вольтера, когда за его плечами был уже значительный опыт изучения уголовного права и процесса феодального общества и активной борьбы с ним. Оба эти произведения как бы перекликаются друг с другом, и вторая работа развивает и углубляет первую.

«Комментарий к книге о преступлениях и наказаниях» настолько тесно связан с трудом Беккариа, что на этой связи и взаимозависимости Вольтера и Беккариа следует остановиться подробнее.

Беккариа в области уголовного права развил и применил главным образом взгляды Монтескье. Он уделил большое внимание критике и разоблачению феодального уголовного права, его жестокости и несправедливости, обличал варварские законы, мучительные наказания, пытки. Он критиковал недостатки общественного строя, которые способствовали росту преступности и обуславливали необходимость применять наказания. Описывая историю уголовного права, Беккариа обрушился на суеверия, на жадность и честолюбие царей, на коварство и тиранию аристократов, на церковнослужителей, обапращающих свои руки кровью.

В трактате «О преступлениях и наказаниях»²⁴ Беккариа исходит из договорной теории: люди пожертвовали частью своей свободы для того, чтобы, живя в обществе, обеспечить себе спокойное существование. Но для того чтобы эти условия существования не были у них похищены, необходимо издать справедливые законы, которые удержат от посягательств на права людей. Однако те законы, которые существуют в обществе, по мнению Беккариа, неспособны обеспечить общие интересы людей. Законы служат интересам незначительного меньшинства людей, в обществе царит неравенство между сословиями: «Большая часть законов — не что иное, как привилегия, т. е. подать, наложенная на всех в пользу немногих» (стр. 395).

Беккариа всесторонне обосновывает принцип строгой законности; он выдвигает требование равенства всех людей перед законом и обеспечения необходимых гарантий личности. В этой связи он выступает противником предоставления суду права толковать законы. Суд должен руководствоваться буквой закона и не вправе карать за деяние, если оно прямо не предусмотрено законом. «По поводу каждого преступления судья должен построить правильное умозаключение. Большая посылка — общий закон, малая — деяние, противное или согласное с законом; заключение — свобода или наказание» (стр. 208). Признавая некоторые практические неудобства от того, что суд будет лишен права толковать законы, Беккариа видит в этом прочную гарантию законности. На этих же основаниях он выступает против предоставления государям права помилования. Обращаясь к исследованию преступления, Беккариа определяет основной критерий, характеризующий преступление: истинным мерилom преступлений является вред, наносимый ими обществу. Развивая принципы общественной пользы, он полагает, что наказания за преступления должны соразмеряться с вредом, который они причиняют обществу.

Беккариа придавал особое значение предупреждению преступлений при помощи целой системы мероприятий: ясные, простые и мудрые законы, равные для всех людей;

---

²⁴ Здесь и далее цитируется русское издание труда Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (Юриздат, 1939) с большой вступительной статьей и комментариями проф. М. М. Исаева.

хорошее воспитание людей; устранение нищеты и т. д. Он не предлагал каких-либо коренных изменений общественного устройства, правда, вскользь называл право собственности «ужасным и, может быть, не необходимым правом». Но эта мысль нигде более не была развита и не связывалась с какими-либо положениями уголовного права.

Представляет интерес речь преступника-бедняка, которую Беккариа вводит в свой трактат для того, чтобы доказать жестокость и несправедливость действующих уголовных законов. Марат в своем «Плане» воспользовался этой же формой — воображаемой речью преступника — для развития своих взглядов и пришел к выводам, значительно отличающим его понимание уголовного права от понимания Беккариа.

Приведем выдержку из речи преступника-бедняка в трактате Беккариа.

«Что это за законы, которые я должен уважать и которые целой пропастью отделяют меня от богатого? Он отказывается подать мне грош, который я у него прошу, и оправдывает себя тем, что посылает меня на работу, которой сам не знает. Кто создал эти законы? Сильные и богатые, которые никогда не удостоили своим посещением печальную хижину бедняка, которым никогда не приходилось делить кусок заплесневелого хлеба под крик ни в чем не повинных голодных детей и слезы жены. Порвем эти узы, губительные для большинства и выгодные немногим праздным тиранам. Поразим несправедливость в самых ее корнях. Я возвращусь в состояние естественной независимости, буду жить свободным и счастливым, пользуясь плодами своей храбрости и ловкости. Наступит, быть может, день скорби и раскаяния, но это не будет долго продолжаться, и одним днем мучений я расплачусь за многие годы свободы и наслаждения. Став предводителем немногих, я исправлю ошибки судьбы, и тираны будут бледнеть и дрожать перед тем, кого они в оскорбительном высокомерии считали ниже своих лошадей, ниже своих собак» (стр. 324—325).

Разрабатывая систематизацию преступлений, Беккариа выделяет преступления, которые разрушают самое общество или вызывают гибель его представителя (государственные преступления), преступления, нарушающие личную безопасность граждан (посягательства на жизнь, иму-

щество и честь), и преступления, посягающие на общественные блага. Признавая государственные преступления наиболее опасными, Беккариа предостерегает от распространения понятия «оскорбление величества» на другие преступления, с ним ничего общего не имеющие.

В классификации преступлений Беккариа уделяет внимание вопросу о защите интересов необеспеченных слоев населения. «Одни преступления направлены против личности, другие против имущества. Первые должны непременно подлежать личным наказаниям: ни знатный, ни богатый не должны иметь права откупиться деньгами за преступления против слабых и бедных» (стр. 286—287).

Представляют интерес предложения Беккариа относительно наказуемости кражи без насилия, т. е. преступления, которое обычно совершали неимущие. Он считает, что это преступление в принципе должно было бы наказываться денежной пеней. Но так как совершитель кражи обычно не располагает средствами для уплаты пени, то лучше кражу наказывать таким способом, чтобы виновный своим трудом вознаградил за причиненный им ущерб.

Наиболее подробно освещает Беккариа вопрос о наказании. Идея предупреждения преступлений лежит в основе предложений Беккариа. Залогом осуществления этой задачи, по его мнению, является такой порядок, при котором просвещение будет идти рука об руку со свободой.

Наказание бесцельно и несправедливо, когда закон не использовал для предупреждения преступления наилучших средств. Только если государство осуществит все необходимые предупредительные меры и некоторые люди все же будут продолжать совершать преступления, можно будет признать справедливым и необходимым применять наказания. Беккариа говорит: «Всякое наказание, не вытекающее из абсолютной необходимости, является, как говорит великий Монтескье, тираническим» (стр. 200). Право наказания, как право суверена, основано на необходимости защищать интересы своего общества от посягательства со стороны отдельных лиц. Наказание будет тем справедливее, чем больше свободы и безопасности сохранит суверен за подданными.

Определяя цель наказания, Беккариа указывает, что эта цель должна состоять не в истреблении или мучении людей и не в том, чтобы сделать уже совершенное преступление как бы не существующим, а «в том, чтобы воспре-

пятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же» (стр. 243). Беккариа рекомендует применять такие наказания, которые были бы соразмерны с преступлением, отвечали бы принципу гуманизма, но вместе с тем оказывали бы на преступника наибольшее воздействие.

Беккариа считает необходимым, чтобы ни одно ставшее известным преступление не миновало наказания. «Одно из самых действительных средств, сдерживающих преступления, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности и, следовательно, в бдительности властей и в той суровости неумолимого судьи, которая только тогда становится полезной добродетелью, когда он применяет кроткие наказания. Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания произведет всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемым надеждой на безнаказанность».

В трактате Беккариа мысль о неотвратимости наказания сочетается с мыслью о быстроте наказания: «Чем скорее следует наказание за преступлением, чем ближе к нему, тем оно справедливее, тем оно полезнее» (стр. 281). Если наказание применяется вскоре после совершения преступления, люди привыкают к тому, что наказание неотвратимо, и связь между преступлением и наказанием будет восприниматься их сознанием: первое — как причина, а второе — как его следствие.

Выше уже отмечалось, что соразмерность наказания тяжести совершенного преступления Беккариа рассматривал как необходимую предпосылку осуществления законности. Если в уголовном законодательстве нет такой соразмерности, то это является тираническим.

По мнению Беккариа, наказание по возможности должно быть сходным с самой природой преступления. Для установления этой соразмерности Беккариа рекомендует разработать «лестницу» преступлений и наказаний, что позволит определить полную соразмерность между тяжестью преступления и тяжестью наказания.

Суммируя свои мысли о наказании, Беккариа формулирует «общую теорему», весьма полезную, но мало соответствующую «общепринятой традиции»: «Чтобы наказание не являлось насилием одного или многих над отдельным гражданином, оно должно непременно быть публичным, незамедлительным, необходимым, наименьшим из возмож-

ных при данных обстоятельствах, соразмерным преступлению, установленным в законах» (стр. 411—412).

Беккариа останавливается на оценке отдельных видов наказаний. Особый интерес представляет его отношение к конфискации имущества и к смертной казни. Он высказывается за полную отмену конфискации и за ограничение применения смертной казни. Смертная казнь должна допускаться лишь в тех случаях, когда сохранение жизни преступнику «угрожает безопасности нации и его существование может вызвать переворот, опасный для установленного образа правления». Не говоря прямо о революции, Беккариа допускает применение смертной казни, «когда нация возвращает или теряет свою свободу, или во время анархии, когда беспорядок заменяет законы». Он подчеркивает, что не видит основания казнить преступника, «если только смерть его не будет действительным и единственным средством удержать других от совершения преступления» (стр. 316—317).

Интересно отметить, что спустя четверть века, при обсуждении вопроса о предании суду Людовика XVI и приговоре к смертной казни, многие депутаты Конвента использовали аргументацию Беккариа.

Хотя Беккариа в своих политических и уголовно-правовых взглядах и идет несколько дальше Монтескье, но и на его труде лежит печать того «духа умеренности», который присущ труду Монтескье. Однако современники Беккариа иначе оценивали его труд, который, несомненно, посягал на устои феодального права. Реакционеры называли его труд крамольным и революционным, поэтому Беккариа при переиздании книги всячески стремился подчеркнуть свою «благонадежность». Он говорил о «снисходительном и просвещенном правительстве, под властью которого живет автор», о том, что цель трактата — «не ослабить, а усилить законную власть», что его напрасно изображают «неверующим или бунтовщиком», что он «публично засвидетельствовал свою религиозность и покорность своему суверену» (стр. 184, 185, 191).

Книга Беккариа «О преступлениях и наказаниях» была впервые опубликована в 1764 г. на итальянском языке. Экземпляр издания (1764 г.) находится в личной библиотеке Вольтера, хранящейся в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. В 1766 г. книга Беккариа была издана на французском языке в обработке Морелле

и в том же году была переиздана не менее шести раз²⁵. В личной библиотеке Вольтера находится два экземпляра этих изданий — так называемые филаделфийское и лозанское издания (в действительности это были французские издания)²⁶. На экземпляре «лозанского» издания сохранились личные пометки Вольтера²⁷.

Первое издание «Комментария к книге о преступлениях и наказаниях» Вольтера было безымянным; оно вышло в свет в 1766 г. в Женеве под заголовком «Комментарий к книге о преступлениях и наказаниях юдного провинциального адвоката». Второе, исправленное и дополненное, издание вышло в свет в следующем, 1767 г. Следует отметить, что «Комментарий» был осужден Римским Двором декретом 19 июля 1768 г. Новое издание «Комментария» состоялось в 1773 г., а затем он был помещен в «Библиотеке» Бриссо²⁸.

Текст «Комментария» был широко использован Вольтером в ряде других его работ. Так, § 4 «Об искоренении ересей» был включен в 1771 г. в статью о слове «Ересь», написанную для «Энциклопедии». § 16 «О разоблачении признаний, полученных на исповеди», также был использован Вольтером в «Энциклопедии». § 21 «О конфискации» был воспроизведен в гл. 42 «Очерка века Людовика XV» и в «Энциклопедии»; § 22 «Об уголовном судопроизводстве и некоторых других формах» — в той же гл. 42 «Очерка века Людовика XV», а также в слове «Уголовный» для «Энциклопедии». Эти факты говорят о том, что Вольтер придавал своему «Комментарию» весьма серьезное значение.

Что же касается непосредственного комментирования книги Беккариа, то Вольтер дает комментарий лишь к нескольким параграфам этой книги.

Сопоставления аналогичных параграфов книг Беккариа и Вольтера, а также само содержание «Комментария» Вольтера позволяют признать этот труд самостоятельным

---

²⁵ См. библиографический очерк М. М. Исаева в кн.: Беккариа. О преступлениях и наказаниях, стр. 419—426.

²⁶ «Traité des délits et des peines, traduit de l'italien à Philadelphie», 1766.

²⁷ Об изучении маргиналий Вольтера см.: В. С. Люблинский. Вольтер в советских фондах. Сб. «Вольтер». Под ред. В. П. Волгина. Изд-во АН СССР, 1948.

²⁸ Подробные сведения о первых изданиях «Комментария» см.: G. V e n g e s s o. Voltaire, bibliographie de ses oeuvres, t. 2. P., 1882, p. 174—176.

исследованием, дополняющим и во многом развивающим основные идеи, сформулированные Беккариа. Нельзя не согласиться с проф. Н. Полянским, что «в своем «Комментарии» Вольтер в действительности вовсе не комментирует трактат Беккариа, а лишь дополняет его (так же, как он это позднее сделал в сочинении «О правосудии и гуманности») историческими справками, своими наблюдениями и соображениями, относящимися к области уголовного права и правосудия»²⁹.

Деятельность Вольтера в защиту жертв феодального фанатизма и кровавой репрессии, несомненно, сыграла весьма значительную роль в подготовке Беккариа его труда. Беккариа сам постоянно отмечал большое влияние на него идей французских просветителей. Как справедливо отмечал проф. М. Исаев, «дело Каласа привлекло благодаря Вольтеру внимание всей просвещенной Европы к судебным порядкам того времени и тем содействовало успеху книги Беккариа»³⁰.

Отмечая несомненное идейное влияние Вольтера и других французских мыслителей на формирование взглядов Беккариа, на подготовку его книги, необходимо вместе с тем подчеркнуть и обратное влияние уголовно-правовых взглядов Беккариа на юридические взгляды Вольтера и других французских мыслителей той эпохи.

Вольтер полностью разделял общие положения Беккариа об уголовном праве и уголовном процессе, ибо они в равной мере принадлежали и ему самому, как одному из выдающихся деятелей и основоположников французского Просвещения XVIII в. Для Вольтера представляла наи-

²⁹ Сб. «Вольтер», стр. 274. Следует отметить, что эта оригинальность труда Вольтера не была подмечена Шаховым, написавшим в дореволюционное время один из лучших трудов о Вольтере. Он отметил, что Вольтер «приветствовал с восторгом сочинение итальянского писателя, написал к нему комментарий...» («Вольтер и его время», стр. 235). Это утверждение повторила К. Беркова в своей монографии «Вольтер», изданной в 1931 году: «В 1764 г. вышло произведение итальянского мыслителя Беккариа о преступлениях и наказаниях... Вольтер с восторгом приветствовал книгу, написал к ней комментарий» (стр. 105). У читателя, непосредственно не знакомого с трудом Вольтера, может сложиться ошибочное впечатление о Вольтере как о простом комментаторе Беккариа...

³⁰ См. вступит. ст. М. М. Исаева в кн.: Беккариа. О преступлениях и наказаниях, стр. 65.

Проф. Исаев убедительно показывает вместе с тем необоснованность утверждения Великова, Герца и Эссельборна о том, что Беккариа писал по непосредственному «заданию» энциклопедистов.

большой интерес та сторона трактата Беккариа, которая была освещена последним в наименьшей мере: критика, разоблачение церковной карательной машины, религиозного освящения уголовного права, религиозных преступлений, религиозной исключительности и нетерпимости и протекающих из них ужасов кровавой репрессии феодализма. Могли ли удовлетворить Вольтера те две небольшие странички труда Беккариа, где эти вопросы были освещены в очень осторожной и туманной форме? Беккариа, который подверг феодальное уголовное право и уголовный процесс острой критике, говорит о роли церкви в системе феодальной карательной машины, о религиозных преступлениях в § 39 своей книги «Об особом роде преступлений», причем прямо даже не упоминает ни религиозных преступлений, ни церковной репрессии. В обращении «К тому, кто читает», помещенном в пятом издании книги, Беккариа всячески подчеркивает свою лояльность по отношению к религии и к правительству. Он доказывает, что не ставит перед собой цели разрушать религию, что он не является ни бунтовщиком, ни неверующим. Он напоминает, что «публично засвидетельствовал свою религиозность и покорность моему суверену».

§ 39 написан Беккариа нарочито туманным языком. Он обращает внимание читателя на то, что в своей книге не коснулся «одного рода преступлений». В очень туманных выражениях Беккариа говорит о том, что в уголовном праве речь должна идти о преступлениях, вытекающих из человеческой природы и общественного договора, но не «о грехах, наказания за которые, даже временные, должны быть основаны на иных началах, чем начала ограниченной философии».

V

Полностью разделяя теоретические положения Беккариа, давая его труду весьма лестную оценку, Вольтер, однако, не мог быть удовлетворен в полной мере той критикой феодально-теологического обоснования уголовного права, которая содержалась в трактате Беккариа.

Свой «Комментарий» он начинает с характеристики труда Беккариа. Но тут же на одном конкретном примере детоубийства Вольтер наглядно показывает, как далеко еще общество от осуществления идей, сформулированных Беккариа. На этом примере Вольтер показывает жесто-

кость, несправедливость наказания преступника. «Закон всегда жесток там, где отсутствует милосердие. Было бы гораздо лучше предупреждать эти довольно обычные несчастья, чем ограничиваться их наказанием», — говорит Вольтер и делает общий вывод: «Обеспечьте по возможности помощь всякому, кто покусится делать зло, и вам придется меньше наказывать»³¹. Другой вывод, к которому приходит Вольтер, ссылаясь на Беккариа, состоит в том, что наказания не соответствуют тяжести преступления, что они вместе с тем оказываются вредными для государства, хотя их целью является служение на пользу государства.

Эти исходные, определяющие принципы уголовного права Вольтер положил в основу своего подхода к рассмотрению центрального вопроса его «Комментария», к религиозным преступлениям, к роли церкви в феодальной репрессии, к религиозной нетерпимости, проявляющейся в законах и в деятельности судов.

Приводя огромное число исторических примеров, Вольтер клеймит светскую и церковную тиранию за террористическую систему наказания инакомыслящих и инаковерующих людей. «В продолжение более семисот лет, — указывает Вольтер, — сжигали тех, которые были запятнаны или казались запятнанными преступлением, состоявшим в ошибочном мнении»³². Вольтер показывает всю нелепость наказания людей, осуждаемых за богохульство, за божбу, за кощунство, за колдовство и т. д. Он приводит примеры осуждения душевнобольных, подозреваемых в связях с дьяволом, еретиков, признанных виновными в отступлении от истинной веры, ибо они в постные дни ели скромную пищу, будучи истощенными от голода, и т. д.

«Один человек, ревностный к публичному благу, к человечности, к истинной религии, — писал Вольтер (очевидно, имея в виду самого себя. — *А. Г.*), — в одном из своих сочинений в пользу невинности заявил, что христианские трибуналы приговорили к смертной казни более ста тысяч мнимых колдунов. Если бы к этим судебным убийствам присоединили бесконечно превосходящее число принесенных в жертву еретиков, то эта часть света показалась бы

---

³¹ Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу, стр. 64.

³² Там же, стр. 67.

огромным эшафотом, покрытым палачами и жертвами, окруженным судьями, сбирами и зрителями»³³.

На многочисленных примерах Вольтер раскрывает суеверия, невежество, а также нелепость, бесчеловечность, жестокость наказаний, осуществляемых во имя религиозного фанатизма, религиозной непершимости. Он приводит пример казни одного человека, который в постный день съел кусок лошадиной падали, будучи в состоянии сильнейшего истощения. Он разоблачает духовников, которые нарушают тайну исповеди и передают исповедующихся в руки правосудия. Он описывает мучительные пытки, которые применяются к заподозренным в ересь, в сношениях с дьяволом и т. д. Он приводит тексты законов, карающих смертью или телесными наказаниями всякого, кто повинен в божбе.

Уделив наибольшее внимание религиозным преступлениям, Вольтер очень кратко останавливается на других видах преступлений: он касается домашней кражи, подделки денег, самоубийства и детоубийства. Несколько подробнее в «Комментарии» освещается вопрос о государственной измене, который в труде Беккариа был затронут лишь частично. Вольтер определяет государственную измену как посягательство на родину или на представляющего ее суверена. Он последовательно проводит мысль о необходимости ограничить содержание понятия государственной измены и на ряде примеров показывает, как произвольно истолковывается оно в борьбе с политическими противниками.

В «Комментарии» большое внимание уделено основным «китам» феодальной репрессии — смертной казни, пыткам и членовредительским наказаниям и конфискации имущества.

Вольтер всячески доказывает *нецелесообразность* применения смертной казни: лишая жизни виновного, общество само лишается возможности использовать осужденного для возмещения причиненного преступлением вреда. «Уже давно говорилось, — отмечает Вольтер, — что повешенный человек ни к чему не годен и что изобретенные для блага общества казни должны быть полезны этому обществу. Очевидно, что двадцать сильных воров, приговоренных к пожизненным публичным работам, своим наказанием

---

³³ Там же, стр. 76—77.

служат государству и что их смерть приносит пользу лишь палачу, которому платят за публичное убийство людей»³⁴.

Вольтер категорически высказывается против пыток. Это тяжкое, мучительное наказание, применяемое к лицу, еще не признанному виновным. Пытка — наказание, еще более тяжкое, чем смерть. Вдобавок она ни в малейшей мере не способствует раскрытию истины, а только затемняет ее. «Все единодушно желают наказания главных виновников и их соучастников, и, однако, из сострадания, заложенного в наши сердца богом, все восстают против пыток обвиняемых, у которых хотят вынудить признание. Закон еще не осудил их, а на них, не уверившись в их преступлении, налагают наказание, гораздо более страшное, чем смерть, которой их подвергают, убедившись в том, что они ее заслуживают. Как! Я еще не знаю, виновен ли ты, а мне надо мучить тебя, чтобы уяснить себе это; и если ты невиновен, я не искуплю по отношению к тебе эту тысячу смертей, которые я заставил тебя перенести, вместо одной, которую я тебе готовил. Каждый содрогнется при этой мысли»³⁵.

Вольтер — противник конфискации имущества как меры наказания. Он весьма убедительно показывает, что конфискация имущества явилась в руках феодалов средством их обогащения. Вольтер пишет: «По-видимому, во времена феодальной анархии государи и сеньоры, будучи весьма небогатыми, стремились увеличить свою казну штрафами со своих подданных и хотели из преступлений создать себе доход»³⁶.

Анализируя ордонансы Людовика XIV, Вольтер разоблачает жестокость, неправосудность, лицемерность феодального правосудия и требует его коренной реформы. Он резко критикует систему тайного судопроизводства с применением пыток, с использованием бесчестных свидетелей, с недопущением адвоката; он критикует систему формальных доказательств; требует гласности и состязательности процесса; горячо высказывается за единство законов в пределах всего государства.

Оценивая значение «Комментария» Вольтера, следует отметить прежде всего, что он явился *первым обобщаю-*

³⁴ Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу, стр. 77.

³⁵ Там же, стр. 79.

³⁶ Там же, стр. 90.

щим трудом Вольтера по вопросам уголовного права и процесса, написанным вскоре после успешного завершения предпринятой им кампании в защиту невинно осужденных жертв религиозного фанатизма. «Комментарий» писался в условиях, когда Вольтер сумел добиться посмертной реабилитации Жана Каласа и вновь начал борьбу за реабилитацию де ла Барра. Поводом для написания «Комментария» явилось издание труда Беккариа, а назначением его — усиление и углубление той борьбы с церковно-религиозным мировоззрением, с метафизической философией, с феодальным правом и феодальной карательной машиной, которой Вольтер уделяет все большее внимание.

Вольтер использовал огромную популярность книги Беккариа для дальнейшего развития, для дальнейшей пропаганды просветительных идей. Выше было показано, что Вольтер *меньше всего комментировал* труд Беккариа. Он значительно дополнил Беккариа исследованием религиозных преступлений и церковного влияния на карательную политику феодальных судов, очень большим числом ярких исторических примеров из карательной практики феодальных и древних судов. Все это способствовало *популяризации* идей просветительной философии, помогало Вольтеру в его борьбе с феодальной юстицией.

Если сила и значение труда Беккариа — в сформулированных им теоретических положениях, в его уголовно-политической программе, в данных им формулировках принципов нового (буржуазно-демократического) уголовного права, то сила и значение труда Вольтера — в его блестящем освещении этих вопросов со стороны практической, в его атеистической пропаганде, непримиримости к религиозно-мистическому обоснованию уголовного права, наглядном, иллюстрированном многочисленными примерами показе практики феодальной юстиции во всей ее неприглядности.

Труд Беккариа был признан крамольным и у него на родине и за ее пределами. Однако он получил широчайшее распространение и многократно переводился в XVIII—XX вв. В России книга Беккариа впервые была переведена в 1803 г., но и до этого русское просвещенное общество было уже достаточно широко осведомлено о ней.

Труд Вольтера на русский язык в дореволюционную эпоху вообще никогда не переводился ни полностью, ни

частично, и это может быть объяснено только одним обстоятельством — обнажением той крайне неприглядной роли, которую играла церковь, религия в феодальной террористической системе кровавого правосудия.

VI

Другое крупное произведение Вольтера, посвященное проблемам уголовного права и процесса и подводящее общий итог его деятельности в этой области, — «Награда за справедливость и гуманность». Оно было опубликовано в конце 1777 г.

История написания Вольтером этого произведения такова.

Экономическое общество в г. Берне, в Швейцарии, в феврале 1777 г. объявило конкурс на составление проекта уголовного законодательства, основанного на идеях просвещения и гуманности. В организации этого конкурса деятельное участие принимал Вольтер.

Объявляя об условиях участия в конкурсе в «Бернской газете», Вольтер так сформулировал его цели:

«Составить и отредактировать полный и подробный план законодательства по делам уголовным под следующими тремя углами зрения:

1. О преступлениях и о соразмерных наказаниях;
2. О природе и силе доказательств и презумпций;
3. О способе их приобретения путем уголовного судопроизводства так, чтобы мягкость следствия и наказаний сочеталась с уверенностью в скором и примерном наказании, и так, чтобы гражданское общество обрело наибольшую безопасность, возможную для свободы и гуманности».

Срок представления проектов был установлен до 1 июля 1779 г.; денежная премия — в пределах 100 луидоров, из которых 50 анонимно внес сам Вольтер.

В качестве общего руководства для написания проекта уголовного законодательства Вольтер подготовил и издал работу под названием «Награда за справедливость и гуманность». В ней он сформулировал общие принципы уголовного права и процесса. В 1777—1778 гг. эта работа издавалась несколько раз. В личной библиотеке Вольтера мы обнаружили издание, датированное 1777 г., с указанием места издания — Лондон (на самом деле — Амстердам).

В библиографическом указателе Бенжеско³⁷ отмечены и другие издания: Фернейское 1778 (1777) г. под названием «Награда за справедливость и гуманность, автора Генриады», Женевское издание 1778 г., Лейпцигское издание 1778 г. В «Библиотеке» Бриссо «Награда» также была полностью напечатана.

Обратимся к изложению содержания «Награды».

Отмечая порочность действующих законов, созданных сильными, чтобы раздавить слабых, разящих как правого, так и виноватого, разко критикуя деятельность судей и ученых-юристов — комментаторов законов, Вольтер призывает создать законы, которые, прежде чем карать преступника, стремились бы предупреждать преступления.

Говоря о краже, Вольтер начинает освещение вопроса с утверждения о том, что «мошенничество, мелкая кража, воровство являются обыкновенно преступлениями бедняков», а законы, их карающие, «создаются богатыми». Отсюда Вольтер делает вывод, что богатые должны позаботиться об уничтожении нищенства и причин, его порождающих. Однако богатые нигде об это мне заботятся. Большим злом является и то, что законы устанавливают крайнее несоответствие между характером кражи и мерой наказания. Воров казнят, и это, по мнению Вольтера, приводит к тому, что «смертная казнь за мелкие домашние кражи служит увеличению числа воров». Вольтер показывает всю абсурдность законов, которые карают церковную кражу сожжением, а кражу на больших дорогах — колесованием, в равной мере, как и грабеж, сопряженный с убийством. «Как же не понимают,— восклицает Вольтер,— что это значит толкать грабителя на убийство для уничтожения объектов и свидетелей их преступлений»³⁸.

Рассматривая убийство, Вольтер считает применение смертной казни прямым проявлением древнего и жестокого права талиона. Лишая убийцу жизни, суд лишь удваивает число жертв. «Вы, работающие над преобразованием этих законов,— обращается Вольтер к участникам конкурса,— посмотрите вместе с юристом Беккариа, разумно ли, чтобы магистраты становились убийцами и в торжественной обстановке убивали человека, чтобы научить людей

---

³⁷ G. Bengesco. Voltaire. Bibliographie de ses oeuvres, t. 2, p. 351.

³⁸ Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу, стр. 222.

ненавидеть убийство?»³⁹. Вместо смертной казни Вольтер рекомендует приговаривать убийцу к пожизненным принудительным работам, с той целью, чтобы виновный своим трудом приносил пользу обществу. «Разумеется,— говорит Вольтер,— человек, обреченный на всю свою жизнь плотинами предохранять страну от наводнения или рыть каналы, облегчающие торговлю, или осушать зараженные болота, оказывает государству больше услуг, чем скелет, болтающийся у столба на железной цепи или раздробленный в куски на колесе»⁴⁰.

Вольтер признает возможность и неизбежность казни преступника только в одном случае — «когда нет иного способа спасти жизнь большого числа людей, когда убивают и бешеную собаку»⁴¹.

Вольтер развивает и конкретизирует мысли о превращении наказания из орудия голого возмездия в средство исправления преступника и восстановления причиненного преступлением ущерба. В этой связи он говорит о наказании поджигателя таким образом, чтобы он был обязан восстановить сожженное имущество, и пожизненно, «в цепях и под ударами хлыста» охранять имущество других людей. Он говорит о направлении контрабандистов на борьбу с дикарями, об использовании фальшивомонетчиков для изготовления подлинной монеты, об использовании преступников на всевозможных тяжких, опасных, неприятных, изнурительных, вредных для здоровья работах.

Вольтер рассматривает вопрос о ересь. Он приводит яркие исторические примеры массовых истреблений еретиков по приказу церкви. Он показывает, как в течение «веков невежества, суеверия, мошенничества и варварства» церковь «предписывала законы всей Европе», принуждала государей «клясться в истреблении всех еретиков», т. е. в истреблении огромных масс людей. Вольтер указывает на то, что уголовные законы всех стран начинаются с упоминания ереси как тяжкого преступления. Со всей силой своей критики, сарказма, иронии, ненависти к несправедливости Вольтер обрушивается на эти кровавые, невежественные, основанные на суевериях законы.

---

³⁹ Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу, стр. 224.

⁴⁰ Там же, стр. 225.

⁴¹ Там же.

Вольтер описывает случаи сожжения женщин по подозрению в колдовстве. Он подвергает уничтожающей критике и законы, рассматривающие колдовство как преступление, и религию, освящающую борьбу с ним, и невежественных судей, ученых-юристов, философов, церковнослужителей, поддерживающих и распространяющих в народе суеверные представления о колдовстве, магии, чародействе и тому подобных проявлениях невежества и фанатизма. Он говорит о «демонических законоведах», об «ученых варварах», об «исступленных фанатиках» — церковнослужителях, «о необыкновенных неистовствах», «о безумии суеверия» и т. д.

Приводя примеры жестоких приговоров и мучительных казней за совершение так называемого святотатства, Вольтер отрицает самое понятие святотатства как оскорбления божественного величия. Он отрицает и допустимость наказания за это несуществующее преступление. Говоря о святотатстве, Вольтер вкратце излагает дело де ла Барра и, негодуя по поводу чудовищно несправедливого и необоснованного приговора, заявляет: «Кавалеру де ла Барр отрубили голову. Так как наказание справедливо соразмерять с преступлением, то мы спросим, достаточно ли было наказано преступление его судей отвращением и презрением Европы?»

Вольтер приводит большое число исторических примеров различных схоластических споров на религиозные темы, которые обычно заканчивались осуждением и казнью лиц, виновных в распространении еретических взглядов. Он произносит гневные слова против религиозной нетерпимости, против кровавого трибунала церкви — инквизиции. «Это она,— пишет Вольтер об инквизиции,— допускает донос сына на своего отца и отца — на своего сына; это она бросает обвиняемых в темницы, никогда не сообщая им, в чем они обвиняются; это она осуждает, не прибегая к очной ставке; это, наконец, она зажгла столько костров, от Кадикского пролива до индийских рек»⁴².

Останавливаясь на преступлениях против брака, он указывает на чрезмерность тех наказаний, которые во многих государствах применяются за многоженство и за прелюбодеяние, в то время как в других государствах много-

---

⁴² Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу, стр. 246.

женство не только не является преступлением, но даже всячески поощряется. Прелюбодеяние же во всех государствах является преступным и наказуемым, но вся тяжесть репрессии падает исключительно на женщин.

Характеризуя прелюбодеяние, Вольтер пишет: «Прелюбодеяние является преступлением у всех народов земли, разумеется, прелюбодеяние женщины, ибо законы создали мужчины. Они смотрят на себя как на собственников своих супругов; жены являются их имуществом; прелюбодеяние ворует у них жен; оно вводит в семьи чужих наследников. Присоедините к этим соображениям муки ревности и не удивляйтесь, что у стольких народов, едва вышедших из дикого состояния, дух собственности определил смертную казнь для соблазнительей и соблазненных»⁴³. Вольтер приходит к выводу, что прелюбодеяние — поступок аморальный, но не содержащий признаков преступления. Что же касается многоженства, то, по мнению Вольтера, оно должно наказываться в тех странах, где запрещено законом. Однако мера наказания должна быть значительно смягчена: «Смертную казнь установило суеверие, мысль о святотатстве, об оскорблении таинства, чуждая гражданскому порядку мысль»⁴⁴. Так Вольтер лишает наказуемость многоженства и прелюбодеяния их религиозно-мистического обоснования.

Вместе с тем Вольтер обосновывает право развода как необходимую предпосылку для сокращения числа случаев многоженства и прелюбодеяния. В этой же связи рассматривается и вопрос о браках между лицами, принадлежащими к различным сектам. Призывая к религиозной веротерпимости, Вольтер ратует за разрешение браков между лицами различных исповеданий, за ненаказуемость людей, которые вступили в брак, будучи разделенными различными религиями. Рассматривая вопрос о наказуемости кровосмешения, приводя ряд примеров, Вольтер констатирует, что в определенных исторических условиях кровосмешение не рассматривалось как преступление. Однако с течением времени оно стало караться суровейшими наказаниями. Когда кровосмешение рассматривалось как посягательство на религию, оно каралось смертной казнью. Вольтер призывает к разрешению браков между двоюрод-

⁴³ Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу, стр. 247.

⁴⁴ Там же, стр. 247 (первое примечание).

ными братьями и сестрами. Он отмечает, что римский папа разрешает такие браки за деньги. Но не лучше ли было бы разрешать это по закону?

Рассматривая государственные преступления, Вольтер говорит о них в несколько завуалированной форме, правда, значительно более откровенно, чем это делал Беккариа.

Поставив вопрос: «Нужно ли повиноваться несправедливому приказу законной власти?» — Вольтер сначала выдвигает общий тезис: человек должен повиноваться тем, кто создает законы, раз он живет в государстве. Но тут же приводит ряд примеров, когда приказы законной власти несправедливы, безнравственны, преступны. Эти приказы не становятся иными от того, что отдаются верховной властью. «Преступление всегда является преступлением, будь оно предписано государем в ослеплении гнева, будь оно со всеми возможными формальностями украшено свидетельствами о хладнокровии, снабженными печатью. Государственная польза является лишь фразой, выдуманной для того, чтобы служить оправданием тиранам. Истинная государственная польза состоит не в совершении преступления, а в предостережении нас от преступления наших врагов»⁴⁵. Вольтер призывает составителей проектов уголовного законодательства забыть «об этих мнимых законах, изданных во времена тирании и разбоя». Он призывает их создать кодекс для «просвещенных людей», у которых бы не совершалось множества убийств под видом правосудия. Не давая прямого ответа на поставленный вопрос — следует ли повиноваться несправедливым приказам законной власти, — Вольтер при помощи примеров и комментариев к ним приводит к совершенно недвусмысленному выводу о том, что несправедливые приказы законной власти не должны исполняться.

Идя вразрез с законодательством и судебной практикой своего времени, Вольтер ограничивает понятие преступления, обычно называвшегося оскорблением величества. Он предостерегает государей от уголовного преследования тех, кто критикует их за их вкусы, слабости, смешные стороны. Уголовное преследование оправдано лишь в тех случаях, когда изданное сочинение призывает к бунту против государя.

---

⁴⁵ Ф. М. Вольтер. Избранные произведения по уголовному праву и процессу, стр. 256.

Освещая вопросы уголовного процесса, Вольтер исследует вопрос «о природе и силе доказательства и презумпции». Рассматривая последовательно различные виды доказательств, он останавливается прежде всего на поимке на месте преступления. Он считает, что поимка на месте преступления — серьезное доказательство, которому, однако, не следует придавать абсолютного значения, ибо «всякое деяние может выглядеть по-разному»: убийца, отомстивший за смерть своего отца, заслуживает лишь одобрения; убийство в порыве гнева заслуживает всяческого снисхождения и т. д. Свидетельские показания — это второй вид доказательств. Вольтер возражает против признания «двух постоянных свидетелей» достаточным основанием для осуждения обвиняемого. Из приведенных им примеров видно, что свидетельство двух лиц нередко приводило к осуждению невинных людей. Вольтер упоминает дела Каласов, Сирвена, Монбальи, Моранжиеса и другие, в которых подобные свидетельства привели к тяжким последствиям.

Вольтер призывает к осторожности при оценке доказательств, которые представляют обвинители. С другой стороны, к свидетельским показаниям должен быть допущен всякий, кто может пролить свет на истину. Оценивать эти доказательства должен сам суд.

Особо выделяет Вольтер вопрос относительно того, «должен ли судья выслушивать свидетеля тайно и может ли этот свидетель после прочтения ему данных им показаний отречься от них?» Он считает, что тайный допрос свидетеля несовместим со справедливостью, гуманностью. Он называет подобное судопроизводство «первым адским извержением, издавлек возвестившим о вулкане Варфоломеевской ночи». Что же касается права свидетеля отказаться от ранее данных им показаний, то Вольтер считает это допустимым, если свидетель не был подкуплен.

Далее Вольтер рассматривает вопрос, «следует ли разрешать обвиняемому иметь советника, адвоката», который он решает положительно. Он противопоставляет французский уголовный процесс, лишаящий обвиняемого защитника, английскому, в котором обвиняемому предоставлена возможность воспользоваться услугами защитника.

Рассматривая тюремное заключение и наложение ареста на имущество заключенных как меры, применяемые в процессе предварительного следствия, Вольтер высказы-

вается против применения этих мер. Он считает, что в некоторых государствах взятие обвиняемого под стражу напоминает нападение разбойников, что тюремное заключение как мера предварительного заключения очень напоминает исполнение наказания, хотя заключенный еще не признан виновным.

Вольтер, не приводя особых аргументов против смертной казни, приводит перечень способов приведения ее в исполнение, и сам этот перечень оказывается достаточно красноречивым доводом против смертной казни. Вольтер упоминает низвержение с вершины скалы, побитие камнями, повешение, зарывание заживо, раздавливание под железными санями, под колесами, под ногами лошадей, под ногами слонов, сдирание кожи с головы до ног, вырывание ребер и внутренностей железными крючьями, сжигание факелами или на кострах, распиливание на-двое, вырывание сердца и битье им по лицу казненного.

Заключая «Награду», Вольтер призывает составителей проектов уголовного законодательства не упускать момента, когда государи, восприняв принципы Просвещения, решили быть добродетельными и гуманными.

Оценивая роль Вольтера в истории развития передовых идей прошлого, академик В. П. Волгин пишет: «Вольтер — передовой боец французской буржуазии XVIII века. В идейном наследии Вольтера немало черт, отражающих неизбежную ограниченность буржуазной идеологии: при всей своей исключительной одаренности Вольтер не был в состоянии выйти за пределы, которые ставила эпоха... Но французская буржуазия XVIII века была передовым классом своего времени. Ее борьба против феодализма имела громадное значение не только для ее будущего, но для будущего всего человеческого общества. Вольтер считал себя борцом не за приближающееся царство буржуазии, а за общечеловеческие интересы, за общечеловеческий прогресс. Человечество, говорил Вольтер, есть принцип всех моих мыслей. Активный воинствующий гуманизм Вольтера — при всем различии эпох и классовых взаимоотношений — сохраняет свою действенную силу до нашего времени... Имя Вольтера... дорого тем, кому дорого дело человеческого прогресса, оно ненавистно сторонникам реакции»⁴⁶.

---

⁴⁶ Сб. «Вольтер», стр. 55.

Отношение к Вольтеру, оценка его политических, философских, религиозных, художественных, юридических взглядов в каждую историческую эпоху определялись в зависимости от характера и форм классовой борьбы. Но во все эпохи реакционные силы всегда выступали и выступают непримиримыми врагами Вольтера и его идей, а силы революционные, прогрессивные всегда отдавали и отдают ему дань глубокого уважения. Учредительное собрание Франции 30 мая 1791 г. постановило запечатлеть на его саркофаге надпись о том, что он заслужил все те почести, которые воздаются величайшим людям.

3. «Энциклопедия» и энциклопедисты

I

На формирование прогрессивных учений о законности и правосудии в предреволюционную эпоху большое влияние оказали «Энциклопедия» и энциклопедисты, французские материалисты, в произведениях которых проблема преступности, наказания, правосудия, законности была очень широко освещена. «Французские материалисты,— указывал Энгельс,— не ограничивали своей критики только областью религии: они критиковали каждую научную традицию, каждое политическое учреждение своего времени. Чтобы доказать всеобщую применимость своей теории, они избрали кратчайший путь: они смело применили ее ко всем объектам знания в том гигантском труде, от которого они получили свое имя, в „Энциклопедии“⁴⁷. Таким образом, в той или иной форме,— как открытый материализм или как деизм,— материализм стал мировоззрением всей образованной молодежи во Франции. И влияние его было так велико, что во время великой революции это учение, рожденное на свет английскими роялистами, доставило французским республиканцам и террористам теоретическое знамя и дало текст для „Декларации прав человека“»⁴⁷.

Дени Дидро в предисловии к восьмому тому «Энциклопедии» очень ярко охарактеризовал цели и значение этого монументального труда передовой французской мысли XVIII в.: «По крайней мере, думается мне, не будут оспа-

⁴⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. Госполитиздат, 1955, стр. 97.

ривать того, что наш труд стоит на уровне своего века, а это уже кое-чего стоит. Самый просвещенный человек найдет в нем незнакомые ему мысли и неизвестные для него факты. О, если бы всеобщее просвещение двигалось вперед настолько быстро, что через двадцать лет в тысяче наших страниц не нашлось бы ни одной строчки, которая не была бы доступна всем! Властителям мира надлежит торопить такую революцию, только они расширяют или суживают кругозор знаний. Блаженны те времена, когда они все поймут, что их благополучие — это повелевать просвещенными людьми! Великие преступления всегда совершались лишь слепыми фанатиками. Дерзнули ли бы мы сетовать на наши муки и сожалеть о своих годах трудов, если бы мы могли льстить себя надеждой, что побороли этот дух заблуждения, столь противный покою обществ, поселили любовь между нашими ближними, терпимость и сознание превосходства всеобщей морали над всеми частными видами морали, которые возбуждают ненависть и смуту, рвут и ослабляют узы, связующие всех людей? Такова была наша цель повсюду»⁴⁸.

Нельзя получить достаточно полного представления о прогрессивных учениях XVIII в., о законности и правосудии, не ознакомившись со статьями, помещенными в «Энциклопедии». Поэтому, прежде чем обратиться к освещению уголовно-политических взглядов Дидро, Гельвеция и Гольбаха, следует охарактеризовать наиболее важные из этих статей.

Полное название «Энциклопедии» таково: «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел, Общества писателей. Отредактирована и опубликована г-ном Дидро, членом Королевской академии наук и изящных искусств Пруссии, и в части математической — г-ном Даламбером, членом Королевской академии наук Парижа, Прусской академии и Королевского общества в Лондоне».

Первый том издан в 1751 г. Закончено издание было в 1772 г. «Энциклопедия» состояла из 17 томов основного текста, 4 томов дополнений, 11 томов иллюстраций и 2 томов указателя, а всего из 35 огромных (инфوليو) томов⁴⁹.

---

⁴⁸ Д. Дидро. Собрание сочинений, т. VII. М.—Л., ГИХЛ, 1939, стр. 79—80.

⁴⁹ Мы воспользовались экземпляром «Энциклопедии», хранящимся в Библиотеке имени А. М. Горького Московского государственного университета.

Среди авторов статей «Энциклопедии», писавших по вопросам уголовного права и процесса, выделяются Ф. В. Туссэн (1715—1772), автор книги «О нравах», осужденной на сожжение, А. Г. Буше д'Аржи (1708—1780), автор «Истории адвокатского сословия», «Сельского кодекса» и других работ, и кавалер Луи де Жокур (1704—1779), медик, философ, литератор, член Берлинской и Стокгольмской академий, автор исследования «Жизнь Лейбница».

С большой теплотой отзывался о Жокуре Дидро. В предисловии к VIII тому «Энциклопедии» Дидро писал:

«О, если бы нам было позволено выразить публичную признательность всем этим искусным и отважным помощникам! Но так как лишь одного из них мы можем свободно называть, то попытаемся же, по крайней мере, отблагодарить его достойно. Это г. кавалер де Жокур.

Если нам доведется радостно вскрикнуть, подобно моряку, увидевшему свет сквозь ночной мрак, в котором он блуждал между небом и землей, то этим мы обязаны г. кавалеру де Жокуру. Чего он только ни делал для нас, особенно за это последнее время! С какой твердостью отказывался он от нежных и властных увещеваний тех, кто пытался отделить его от нас! Никогда еще отдых, выгода и здоровье не приносились в жертву столь беззаветно и безгранично. Самые трудные, самые неблагодарные исследования не отталкивали его. Он трудился без перерыва и был доволен, когда ему удавалось избавить от неприятного труда других. Но скудость нашей похвалы восполнит каждая страница этого труда: нет ни одной из них, которая не свидетельствовала бы о разнообразии его знаний и широте его содействия»⁵⁰.

В советской юридической литературе уголовно-правовой и уголовно-процессуальный разделы «Энциклопедии» вообще не освещались. Очень немногое по этому вопросу было написано и в русской дореволюционной литературе.

---

⁵⁰ Д. Дидро. Собрание сочинений, т. VII, стр. 78. О Жокуре см. также монографию Морлея «Дидро и энциклопедисты» (1882, стр. 95), где автор пишет: «Кавалер де Жокур... как указывает самый его титул, был меньший брат аристократической семьи. Он учился в Женеве, Кембридже и Лейдене и издал в 1784 году недурное описание жизни и произведений Лейбница. Когда было задумано издание Энциклопедии, он тотчас был приглашен к сотрудничеству и сделался ее слугой, начиная от буквы А до последних слов на букву Z».

По существу один лишь проф. М. П. Чубинский в своих очерках уголовной политики дал общую характеристику уголовно-политических идей «Энциклопедии». В немецкой литературе начала XX в. должна быть отмечена небольшая по объему, но содержащая большой фактический материал монография А. Овербека «Уголовное право французской «Энциклопедии»».

Мы находим в «Энциклопедии» большое число статей, посвященных общим и специальным вопросам уголовного права и процесса, решаемым в духе просветительной философии ⁵¹.

⁵¹ Даже неполный перечень статей, помещенных в «Энциклопедии», позволит судить об объеме изложения в ней вопросов уголовного права.

Общая часть.

Амнистия, безнаказанность, власть, вменение, возраст, воля, галера, гнев, государство, гражданская свобода, грамота о помиловании, грамота о прощении, добродетель, естественное равенство, естественная свобода, естественное состояние, заблуждение, закон, законодатель, закон уголовный, каторжник, колесование, малолетие, милосердие, наказание, несовершеннолетний, несправедливость, обвиняемый, общеуголовные преступления, опьянение, ошибка, политическая свобода, помилование, право, преступление, проступок, прощение, пытки, реабилитация, рецидив, свобода, смягчение наказания, собственность, сообщник, соучастник, справедливый, судья, тайное обвинение, талион.

Особенная часть.

Религиозные преступления: атеизм, безбожие, богохульник, вероотступничество, иезуит, инквизиция, ересь, еретик, колдовство, колдуны и колдуньи, магия, монастырь, религиозная нетерпимость, религиозная терпимость, религиозный, святотатство, секта, фанатизм, церковная юрисдикция.

Государственные преступления: браконьер, вероломство, взятка, дезертир, измена, клятвопреступление, контрабанда, налог, неповиновение правосудию, нищий, обман, оскорбление величества, пасквиль, перебежчик, подделка, подлог, порча монеты, преступления по должности.

Преступления против личности: детоубийство, засада, оскорбление, отцеубийство, пасквиль, подкидывание ребенка, похищение человека, самоубийство, убийство.

Преступления против нравственности: изнасилование, многоженство, наложничество, обольщение, прелюбодеяние, скотоложство, содомия.

Преступления против собственности: вор, воровство, кража (простая, квалифицированная, ночная, домашняя, со взломом, на больших дорогах, с переодеванием, публичная), мошенничество, ростовщичество.

Следует еще раз подчеркнуть, что приведенный перечень, содержащий более ста статей, прямо или косвенно касающийся интересующих нас вопросов, далеко не исчерпывает всего богатства содержания отдела «Энциклопедии», посвященного вопросам законности и правосудия.

Характеризуя уголовно-политические воззрения энциклопедистов, проф. Чубинский писал: «Там, где энциклопедисты излагают существующие порядки правосудия и установившуюся уголовно-правовую доктрину, перед нами является картина потрясающей жестокости наказаний и произвола. Там, где они переходят к критике и новым уголовно-политическим предложениям, они вносят в энциклопедию лучшие идеи Монтескье, Бэкона и старых представителей школы естественного права. Эти идеи они развивают и дополняют, особенно в учении о преступлениях религиозных и политических, и таким образом оказываются в прямой связи с уголовно-политическими учениями предыдущей эпохи. Красной нитью через все построения энциклопедистов проходит идея устранения произвола и возмездия, переходящего в бесполезную для общества жестокость. Благо общества и в частности свобода мысли и совести — это один из их девизов вообще и для дела правосудия в частности. Если во многих случаях не им самим, а их предшественникам, мы обязаны созданием новых уголовно-политических идей, то закрепление и широкое распространение этих идей составляет их громадную и неотъемлемую заслугу»⁵².

II

В «Энциклопедии» помещена обширная статья «Преступление», рассматривающая его с точки зрения «естественного права» и с точки зрения чисто юридической. Помимо общей характеристики преступления и отдельных видов преступлений дается краткая характеристика следующих специальных вопросов:

- 1) жестокое преступление;
- 2) преступление, караемое смертью;
- 3) двойное преступление;
- 4) преступление, совершаемое двумя лицами (речь идет о так называемом необходимом соучастии);

---

⁵² М. П. Чубинский. Очерки уголовной политики. Харьков, 1905, стр. 252—253.

- 5) протiwоестественное преступление;
- 6) ординарное и экстраординарное преступление;
- 7) преступление, заслуживающее помилования;
- 8) тяжкое преступление;
- 9) законченное и незаконченное преступление;
- 10) преступление, в отношении которого истек срок давности;
- 11) частное преступление;
- 12) публичное преступление;
- 13) простое преступление;
- 14) продолжаемое преступление.

Представляет большой интерес даваемое в статье материальное понятие преступления. Преступление — это жестокое деяние, совершенное умышленно и непосредственно нарушающее общественный интерес или права граждан.

Классификация преступлений построена применительно к схеме, разработанной Монтескье. В соответствии с этой же схемой разработана и система наказаний, вытекающих из природы этих преступлений. Выведение наказания из природы преступления — это, по мнению «Энциклопедии», — торжество свободы: наказания не зависят от прихоти законодателя, но вытекают из самой «природы вещей».

Характеризуя религиозные преступления, «Энциклопедия» относит к ним безбожие, богохульство, святотатство. Наказания для этих преступлений должны состоять в лишении тех преимуществ, которые предоставляет религия: изгнание из храмов, лишение общества верующих на время или навсегда и т. д.

Утверждая, что преступления, входящие в каждый из четырех классов, неравны между собой, «Энциклопедия» указывает на признаки, позволяющие их различать: объект преступления, сила и злоба виновного и т. д. Развивая эти мысли, «Энциклопедия» различает три группы преступлений: а) преступления, которые затрагивают человеческое общество в целом, б) преступления, которые нарушают порядок гражданского общества и в) преступления, затрагивающие частных лиц.

Таково даваемое «Энциклопедией» разграничение преступлений по объекту.

Другое разграничение преступлений — по взаимоотношениям виновного и потерпевшего: тот, кто убивает своего отца, совершает более тяжкое преступление, чем тот,

который убил чужого; священник, совершивший святотатство, более виновен, чем светское лицо, совершившее такое же преступление; вор, убивающий прохожего, совершает более тяжкое преступление, чем тот, кто довольствуется грабжом; домашний вор более виновен, чем посторонний вор.

Степень тяжести преступления обусловливается такими обстоятельствами, как большая или меньшая злоба, мотивы, способ совершения преступления, орудия преступления, характер виновного, повторное совершение преступления, возраст, пол, время и место совершения преступления и т. д., включая сюда и участие в преступлении ряда лиц.

Рассматривая соучастие в преступлении, автор статьи Жокур указывает, что ответственность соучастников определяется степенью участия в преступлении; в преступлениях, совершенных сообща, ответственны лишь те, кто дал действительное согласие; при определении ответственности за участие в преступлении, совершенном толпой, должно быть проявлено большее милосердие.

В статье «Преступление» содержится и обоснование наказания. Справедливость наказания обусловливается тем, что нарушитель законов, созданных для общей безопасности, становится врагом общества. Право наказания вытекает из естественного права; справедливо наказание, соответствующее совершенному преступлению. В этой связи указывается, что наказание смертью уравнивает самое жестокое преступление.

Однако наказание не должно выражаться только в причинении виновному соразмерного содеянному преступлению зла. Цели наказания более широкие. Наказание всегда должно преследовать полезные цели: охрану общественного спокойствия и безопасности. Заставлять преступника испытать зло лишь только потому, что он сам его причинил, является ничем не оправданной жестокостью. Наказание должно, как указывал Гораций, иметь в виду благо самого преступника или заинтересованного лица, или всеобщее благо. Поэтому наказание должно иметь целью исправить преступника, а также лишить его возможности совершать другие преступления. Это достигается путем того, что у преступников отнимают орудия преступления, принуждают их к труду, ссылают в колонии и т. д.

Законодатель должен проявлять особую заботу о создании таких законов, которые лучше всего способствовали бы уменьшению преступности. Для наибольшего эффекта законы должны предусматривать бесчестящие и позорящие наказания, а в некоторых случаях, при совершении жестоких преступлений, смертную казнь, сопряженную с такими атрибутами, которые в наибольшей степени могут оказать воздействие на народ.

Статья «Преступление» завершается сводкой основных положений:

1. Законодатели не могут по своей прихоти определять природу преступлений.

2. Не следует смешивать преступления со спекулятивными и химерическими ошибками, которые скорее требуют милосердия, чем негодования, как, например, магия, кольвунсионизм и т. д.

3. Суровость наказаний не является наиболее эффективным способом задержать развитие преступлений.

4. Те преступления, которые труднее предупреждать, заслуживают большей строгости, чем другие преступления.

5. Преступления, которые были давно совершены, не должны наказываться с той же строгостью, как те, которые были совершены недавно.

6. Не следует наказывать кого-либо за преступления, совершенные другим лицом.

7. Было бы очень несправедливо делать ответственным за совершенное кем-либо преступление лицо, которое не предвидит этого, не может и не должно препятствовать этому преступлению и не примет участия в деянии.

8. Одни и те же преступления не всегда заслуживают одного и того же наказания, и одно и то же наказание не должно иметь места для неодинаковых преступлений.

9. Чисто внутренние акты не должны быть подчинены человеческим наказаниям. Эти акты знает один бог, и бога имеют в качестве судьи и мстителя.

10. Внешние акты, хотя бы и преступные, но зависящие исключительно от слабости нашей природы, требуют умеренности в наказаниях.

11. Не всегда необходимо наказывать преступление, которое является наказуемым в другой местности; иногда было бы опасно разоблачать преступления, укрытые от публичных наказаний.

12. Было бы крайним абсурдом, как замечает это автор «Духа законов», нарушать правила стыдливости в наказании, которое всегда должно иметь целью восстановление порядка.

13. Принцип, который следует неустанно повторять, состоит в том, что в приговорах о преступлениях лучше дать ускользнуть преступнику, чем наказать невинного. Это решение лучших философов древности, решение императора Траяна и всех христианских законов. Действительно, как сказал Ля Брюер, наказанный виновный является примером для черни, а осужденный невинный — это дело для всех честных людей.

14. Никогда не следует совершать преступления ради повиновения начальнику; «к этому я прибавлю одно слово, чтобы отвратить от преступления лиц, которых могла бы к нему привести несчастная склонность: это здравое рассмотрение несправедливости, которую преступление в себе содержит, и последствий, которые оно может иметь».

Не останавливаясь на обширном материале, приведенном в «Энциклопедии» по различным вопросам особенной части уголовного права, ограничимся характеристикой отношения энциклопедистов к «основе основ» дореволюционного французского уголовного права — к «оскорблению величества».

В статье «Оскорбление величества» Буше д'Аржи поместил сведения чисто юридического содержания, опирающиеся на действующее уголовное законодательство, судебную практику и распространенные правовые взгляды законоведов. Здесь сосредоточен чисто юридический комментарий, лишенный каких-либо политических соображений. В той же статье, в разделе «политического права», Жокур в очень осторожной, по преимуществу замаскированной форме подвергает критике ортодоксальные взгляды на «оскорбление величества».

Буше д'Аржи указывает, что иногда различают три или четыре разряда этого преступления, иногда даже восемь разрядов; в действительности же следует различать два разряда: оскорбление человеческого величества и оскорбление божеского величества. Оскорбление человеческого величества есть оскорбление короля или другого суверена. Это тягчайшее преступление, ибо суверены являются собой образ бога на земле, и всякая власть исходит от бога. К оскорблению королевского величества относятся

следующие разряды преступлений: во-первых, заговор или заклинание, направленные против государства или государя с целью его уничтожения; во-вторых, написание и распространение пасквилей или бесчестящих плакатов против суверена или направленных на возбуждение народа к бунту или мятежу. Далее к оскорблению величества короля относятся такие преступления, как изготовление поддельной монеты, дуэль и др. Посягающий на личность короля рассматривается как отцеубийца, ибо король — отец своего народа. Смертной казнью карается не только посягательство на жизнь короля, но и само намерение совершить это преступление. Караются все соучастники этого преступления и все те, кто знал о нем, но не донесли; они также признаются виновными в оскорблении королевского величества. Наиболее тяжкие виды оскорбления королевского величества караются наиболее тяжкими видами смертной казни — растягиванием и разорванием четырьмя лошадьми.

Так же подробно характеризует Буше д'Аржи другой вид «оскорбления величества» — «оскорбление божеского величества». Он указывает, что таким преступлением являются вероотступничество, ересь, колдовство, продажа духовных званий, святотатство, богохульство. Оно карается тягчайшими наказаниями. Некоторые думали, указывает Буше д'Аржи, что оскорбление божеского величества не является публичным преступлением и что поэтому оно подлежит сеньоральной юрисдикции; но интересы государства требуют, чтобы культ бога не был нарушен, и для этого необходимо обеспечить королевскую юрисдикцию.

Рассматривая «оскорбление величества» в статье «Политическое право», другой автор, Жокур, выдвигает следующие соображения.

Не следует давать имени ужасного преступления такому, которое им не является. Поэтому нельзя называть оскорблением величества такие преступления, как подделка денег, дуэль, заговор против министра или армейского генерала или правителя провинции и т. д. Признавая такие преступления оскорблением величества, мы путаем понятия вещей и уменьшаем тот ужас, который вызывают действительные преступления оскорбления величества, говорит Жокур. Он считает, что разграничение различных разрядов оскорбления величества есть следствие заимствования варварского языка.

Жокур специально останавливается на «нескромных словах» и пасквилях против короля. Он считает, что нескромные слова нельзя рассматривать как посягательство на короля, и только благодаря тирании их приравнивали к оскорблению величества. Точно так же и сочинения, содержащие «нескромные мысли», нельзя рассматривать как оскорбление величества. Король так высоко стоит над обществом, что пущенная в него таким сочинением стрела не может достать до него. Такие сочинения, если, конечно, они не ставят специальной цели оскорбления королевского величества, обычно могут интересовать лишь полицию. Жокур заканчивает уверением, что он отнюдь не имел в виду уменьшить то негодование, которое в обществе вызывают подлинные оскорбления величества, но во всяком случае считает, что те, кто стремились опорочить славу своего государя своими словами или сочинениями, заслуживают исправительных наказаний больше, чем каких-либо других.

Так осторожно энциклопедисты пропагандировали свои взгляды на «оскорбление величества» — сначала излагая «ортодоксальные» взгляды официальной юриспруденции, а затем очень тонко разбрасывая семена сомнений и критики. Здесь мы видим последовательно проводившуюся энциклопедистами систему пропаганды их взглядов: в одних случаях ограничиваться изложением общепринятых официальных взглядов, а в других, как только к этому представлялась возможность, — развивать свои прогрессивные идеи.

Статья о наказании в «Энциклопедии» освещает этот важнейший институт уголовного права, во-первых, с точки зрения естественного, гражданского и политического права, во-вторых, с точки зрения теологической и, в-третьих, с точки зрения исторической; затем даются краткие сведения относительно некоторых родов и видов наказания. В этой связи выделяются очистительное наказание, наказание смертью, двойное, тройное, четверное наказание, ложное наказание, позорящее наказание, законное наказание, легкое наказание, тяжкое наказание, недействительное наказание, денежное наказание, наказание талиона и др.

В первом разделе обширной статьи «Наказание» этот институт рассматривается с точки зрения «естественного, гражданского и политического права». Наказание опреде-

ляется как зло, которым суверен угрожает подданным, расположенным к нарушению законов. Наказание налагается в определенном соотношении с причиненным злом, независимо от возмещения вреда, в конечном счете для обеспечения безопасности и спокойствия в обществе.

Раскрывая определение наказания, автор статьи Жокур указывает на его главные признаки.

Наказание как зло, причиняемое преступнику, различается по своей природе и степеням; оно может затрагивать жизнь, телесную неприкосновенность, достоинство личности и другие блага. Наказание может заключаться в выполнении какой-либо тяжелой работы или в причиняемых виновному страданиях.

Наказание определяется не частными лицами, а исключительно сувереном: право наказания принадлежит только верховной власти. Если частное лицо пытается само осуществить наказание, оно становится виновным в посягательстве на права суверена.

Наказание неразрывно связано с преступлением; оно не может быть применено к лицу, не совершившему преступления. Суверен сначала угрожает наказанием; если угроза окажется недостаточной и преступление все же будет совершено, тогда применяется наказание.

Оно налагается независимо от возмещения причиненного ущерба, ибо фактом совершения преступления предопределяется необходимость, во-первых, исправить причиненный ущерб и, во-вторых, искупить вину наказанием. Разница между наказанием и возмещением ущерба состоит и в том, что суд вправе, если будут к тому серьезные основания, помиловать преступника, но ни при каких обстоятельствах суд не вправе освободить ответчика от возмещения причиненного им ущерба.

Различая наказания гражданские, к которым относятся денежные взыскания, и наказания уголовные, автор статьи среди последних выделяет смертную казнь, потерю гражданских прав и бесчестящие наказания.

Суверен не только имеет право, но и обязан осуществлять наказание преступников. Суверен должен обладать средствами, действительными для того, чтобы устрашать преступников и причинять им зло в тех случаях, когда они посягают на общественное спокойствие. Право суверена распространяется и на лишение жизни виновного, для того чтобы иметь возможность уравновесить причинен-

ный преступником вред нанесением ему соответствующего зла и тем самым создать эффективный противовес преступлению.

Если у суверена есть право наказания, то, очевидно, у преступника должна быть какая-то соответственная обязанность: не может быть права без соответствующей ему обязанности. Преступник не обязан добровольно доносить о совершенном преступлении; это не вытекает из целей наказания. Однако у него имеются некоторые обязанности. Жокур их перечисляет.

1. Осужденный к денежному штрафу обязан уплатить его, не дожидаясь принудительного взыскания,— этого требует справедливость, которая хочет, чтобы был возмещен причиненный убыток и чтобы люди повиновались суду.

2. Присужденный к тяжким наказаниям, в особенности к смертной казни, не имеет обязанности добровольной явки, ибо инстинкт привязывает человека к жизни.

3. По той же причине преступник может искать спасения путем бегства из тюрьмы. Но если он для осуществления этой цели лишит жизни стражу или своих преследователей, то он будет повинен в новом преступлении.

4. Если преступник правильно осужден, то он обязан понести назначенное ему наказание, обязан признать, что приговор был справедливым и что он должен неяться лишь на себя. У него нет права прибегнуть к насилию для избавления от казни и тем самым противопоставить себя приговору суда.

Наказание должно быть основано на принципе пользы. Разум осуждает наказание — чистое возмездие. Главной целью наказания является обеспечение безопасности и спокойствия общества, и эта цель достигается различными средствами. Автор статьи приводит слова Горация, с которыми он солидаризируется: «...в наказаниях имеется в виду или благо самого виновного, или выгода того, кто заинтересован в том, чтобы преступление не было совершено, или вообще польза всех». Суверен, устанавливая наказание, иногда имеет в виду исправить виновного, лишить его желания вновь совершить преступление. Тем самым достигается обеспечение общественной пользы. Если же преступник возвращается к преступлению после отбытия наказания, он подлежит более суровому наказанию — вплоть до смертной казни. Иногда суверен, уста-

навливая наказание, имеет в виду лишить преступника возможности совершать новые преступления; это достигается путем его заключения в тюрьму или изгнания из страны, или путем смертной казни. Вместе с тем наказание обеспечивает общественную безопасность, не только воздействуя на самих преступников, но и воздействуя на других людей — угрожая им примерами наказания. Поэтому наказание должно быть публичным и обставлено такими атрибутами, которые могут произвести наиболее сильное впечатление на народ. Все отмеченные стороны и признаки наказания должны быть подчинены главной цели — обеспечению общественной безопасности. Поэтому суверен должен прибегать к тяжким наказаниям только тогда, когда меньшими наказаниями нельзя обеспечить общественного спокойствия.

Жюкур указывает, что некоторые деяния, сами по себе порочные, не могут подлежать наказанию в судах. Это правило относится к троякого рода случаям:

1. Внутренние переживания, простые мысли, не проявляющиеся вовне. Сюда относятся желание совершить преступление, приятное представление о выгодах, которые могли бы получиться в результате его совершения, и т. д. Все это может осуждаться естественными законами и религией, но не должно наказываться человеческими судами.

2. Легкие ошибки, являющиеся результатом слабости человеческой природы.

3. Общие пороки, являющиеся результатом человеческой испорченности: честолюбие, неблагодарность, лицемерие, зависть, гордость, гнев и т. д. Они настолько распространены, что не представляется возможным их карать. Но если они приводят к серьезным нарушениям, виновные подлежат наказанию. Однако наказание в некоторых случаях может и не применяться, хотя этого требует закон: есть случаи, когда суверен может помиловать виновного.

Высшая цель наказания — общественное благо; если путем помилования можно достигнуть большей пользы, чем путем наказания, то нет необходимости наказывать.

Некоторые преступления мало распространены и совершаются тайно. О таких преступлениях лучше всего не упоминать в законах, чтобы не создавать тем самым соблазна для их совершения. Так, Солон не создал специального закона о наказании за отцеубийство, именно, чтобы

не упоминать о преступлении, которое еще не было известно.

Помилование иногда обуславливается большим числом виновных: если все они будут наказаны, то в обществе не останется людей.

В статье о наказании большое место отводится изложению взглядов Монтескье. Интересно выяснить, какие именно взгляды Монтескье о наказании воспроизводятся в «Энциклопедии».

1. Степень суровости наказания обуславливается образом государственного правления; в государствах с умеренным образом правления меньше стремятся к наказанию, чем к предупреждению преступлений.

2. Степень суровости наказаний обуславливается тем, насколько люди свободны: чем свободнее люди, тем мягче наказания, которыми караются преступления⁵³.

3. Усиление наказаний обычно имеет лишь кратковременный эффект: спустя короткий срок после введения нового сурового закона число преступлений вновь возрастает.

4. Наказания должны гармонизировать между собой: для того чтобы люди избегали совершать более тяжкое преступление, нужно установить соразмерность между наказаниями и преступлениями. Большим злом является установление одинакового наказания за кражу и за убийство; это приводит к тому, что воры обычно совершают убийство.

5. Уголовные законы должны выводить наказание из природы преступления — этот принцип свидетельствует о торжестве свободы, ибо в этом случае наказания уже не зависят от прихоти законодателя, а только от природы преступления.

В статье «Уголовный закон», написанной Жокурром, развиваются положения, сформулированные уже в статье о преступлении.

Определяя уголовный закон, автор указывает, что это закон, который устанавливает наказание за различные

⁵³ Для подкрепления этого положения автор приводит ряд исторических примеров. В частности, он отмечает, что в Риме императоры разделили наказания на три группы. Первая группа наказаний применялась к привилегированным лицам и характеризовалась особой мягкостью; вторая группа — к лицам низшего ранга и характеризовалась большей суровостью и, наконец, третья группа — к самым низшим лицам и характеризовалась наибольшей суровостью.

преступления и проступки в гражданском обществе. В этой статье широко пропагандируются идеи Монтескье, на что указывает сам Жокур.

Вопросы уголовного законодательства, правила, по которым осуществляется правосудие, живо интересуют человечество, так как затрагивают честь, безопасность и свободу людей.

Не все уголовные законы отвечают интересам справедливости; есть немало законов, которые возмущают человечество, противоречат разуму и справедливости и не соответствуют целям законодательства. Несправедливым, например, автор считает закон, который требует под страхом смертной казни раскрывать заговоры, притом и такие, которые не состоялись.

Далее автор переходит к оценке тех законов, которые предусматривают наказание магии, ереси и так называемых противоестественных преступлений. Магии вообще не существует, понятие ереси весьма неопределенно в своем содержании, а о противоестественных преступлениях вообще лучше не говорить в законе, чтобы их не популяризировать. Наилучшее средство борьбы с последним преступлением — полицейские меры.

Автор говорит о «светлом принципе» для суждения о законодательстве каждого народа, посвященном борьбе с преступлениями путем наказаний. Это выведение каждого наказания из природы преступления. Автор указывает, что этот принцип был сформулирован Монтескье, который создал уголовный кодекс — кодекс Монтескье; и далее приводится известная четырехчленная классификация преступлений и наказаний, созданная Монтескье. При этом большое внимание уделяется характеристике религиозных преступлений, понятие которых Жокур всячески сужает, проводя мысль о необходимости строго разграничивать законы человеческие и законы божеские. Он подчеркивает, что главная цель уголовных законов — предупреждать преступления. Строгость законов — бич для народа. Гуманность закона соответствует целям мудрого законодательства, и поэтому хороший государь правильно поступает, когда отменяет исполнение закона, если видит, что от этого будет больше пользы, чем от применения наказания.

В целом статьи по уголовному праву, помещенные в «Энциклопедии», характеризуются последовательно про-

свѣтительскимъ духомъ. Учи́тывая конкретно-истори́ческую обстановку, сложившуюся во Франціи въ третьей четверти XVIII в., трудно было бы переоценить ихъ прогрессивное значеніе какъ одной изъ первыхъ попытокъ широкой пропаганды новыхъ, просвѣтительныхъ идей въ области законности и правосудія, какъ одного изъ первыхъ ударовъ по обветшавшей системѣ феодальнаго беззаконія и неправосудія. Нельзя упускать изъ виду, что энциклопедисты были лишены возможности говорить полнымъ голосомъ по цензурнымъ соображеніямъ и что ихъ взгляды, даже выраженныя въ осторожной формѣ, были признаны крамольными.

III

Обращаясь къ рассмотренію уголовно-правовыхъ взглядовъ Дидро, Гельвеція и Гольбаха, нужно напомнить, что они подвергли острой критикѣ все стороны общественной жизни своей эпохи. Однако должна быть отмечена историческая ограниченность французскаго материализма XVIII в., которая проявлялась въ буржуазномъ характерѣ политическихъ требованій философовъ и въ механистическомъ характерѣ ихъ ученія. Сами они въ объясненіи явленій общественной жизни стояли на идеалистическихъ позиціяхъ. Въ то же время, какъ это указывается въ трудахъ классиковъ марксизма, одно изъ направленій французскаго материализма непосредственно ведетъ къ социалистическимъ и коммунистическимъ взглядамъ. Классики марксизма подчеркивали важный тезисъ французскихъ материалистовъ XVIII в., характеризующій ихъ отношеніе къ проблемѣ преступленія: «Если человекъ несвободенъ въ материалистическомъ смыслѣ, т. е. если онъ свободенъ не вследствие отрицательной силы избѣгать того или другаго, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность, то должно не наказывать преступленія отдельныхъ лицъ, а уничтожить антисоціальныя источники преступленія и предоставить каждому необходимый общественный просторъ для его насущныхъ жизненныхъ проявленій»⁵⁴.

Въ развитіи прогрессивныхъ уголовно-правовыхъ теорій XVIII в. велика роль выдающагося философа-материалиста, просвѣтителя-энциклопедиста Дени Дидро⁵⁵.

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочиненія, т. 2, стр. 145.

⁵⁵ Д. Дидро. Собрание сочиненій въ 10 томахъ. М., 1935—1947.

Дидро родился 5 октября 1713 г. в г. Лангре, в семье зажиточного потомственного ремесленника. Первоначальное образование он получил в иезуитском коллеже в г. Лангре. Затем переехал в Париж и завершил свое образование в коллеже д'Аркур. Порвав с семьей в связи с отказом от карьеры священника, Дидро начинает литературную деятельность. За свои первые произведения он подвергся репрессиям. Его «Философские мысли», вышедшие в 1746 г., были по приговору парижского парламента сожжены; за издание «Письма о слепых в назидание зрячим», вышедшего в 1749 г., Дидро был заключен в тюрьму.

Начиная с 1750 г. Дидро принимает активнейшее участие в подготовке и издании знаменитой «Энциклопедии наук, искусств и ремесел». Этому делу он посвятил двадцать лет жизни. Одновременно он издает большое число своих художественных и философских произведений, в которых с большой последовательностью развивает материалистические взгляды. Энгельс отмечал, что в произведениях Дидро даны «высокие образцы диалектики»⁵⁶.

В 1773 г. Дидро посетил Россию, куда он прибыл по приглашению Екатерины II. Разочаровавшись в возможности воздействовать на «просвященного монарха» для проведения необходимых реформ, Дидро вернулся во Францию. 31 июля 1784 г. он умер.

Как и все материалисты XVIII в., Дидро в объяснении явлений общественной жизни стоял на идеалистических позициях. Он переоценивал роль и значение «мудрого законодательства», воспитания и образования; он рассчитывал на то, что можно проводить социальные реформы, опираясь на «просвещенных монархов» и на «мудрых законодателей».

Вместе с тем в произведениях Дидро дана острая критика феодального строя, права, нравов. Большое внимание он уделил рассмотрению вопросов уголовного права, процесса, законности. Среди множества статей, написанных им для «Энциклопедии», немалое число посвящено этим вопросам. Дидро написал свои замечания на екатерининский «Наказ» и на трактат Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Все эти произведения Дидро нельзя обойти при исследовании прогрессивных политических учений Франции XVIII в., так как они оказали значительное

---

⁵⁶ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1957, стр. 20.

влияние на предреволюционную и отчасти революционную юридическую литературу конца XVIII в., притом не только во Франции, но и далеко за ее пределами.

В статьях, помещенных в «Энциклопедии», Дидро касается ряда общих вопросов уголовного права.

В статье «Естественный закон» («Энциклопедия», т. IX) Дидро выясняет причины, толкающие человека на совершение преступления. Он не отрицает того, что в обществе есть люди, испорченные плохим воспитанием и свыкшиеся с пороком. Эти люди легко идут на совершение преступления. Однако, утверждает Дидро, «нет человека, настолько дурного и падшего, который, даже будучи уверенным в своей безнаказанности, без малейшего угрызения совести смело совершил бы убийство и не предпочел бы, если бы это зависело от его выбора, получить себе добро иным путем, нежели преступление»⁵⁷. Человек совершает преступления только тогда, когда он не может удовлетворить свои потребности иным путем.

Разоблачая преступления тиранов и духовенства, Дидро в статье «Тиран» («Энциклопедия», т. XVI) называет тирана самым пагубным бичом человечества. Он рисует пороки, присущие тиранам, говорит об их самовластии, жестокости, насилии, жадности, распущенности, творимом ими беззаконии. Он показывает, как пороки, присущие тиранам, распространяются на их приближенных, вместе с которыми тираны угнетают несчастный народ.

В статье «Священники» («Энциклопедия», т. XIII) Дидро ярко рисует преступления, совершаемые священнослужителями во имя религии. Он пишет: «Чтобы прочнее обосновать свою власть, они изображали богов свирепыми, мстительными, неумолимыми; они ввели церемонии, посвящения, таинства, жестокость которых воспитала в людях меланхолию, столь благоприятную для господства фанатизма. И тогда еще более широкими потоками полилась человеческая кровь по алтарям. Народы, поработанные страхом и одурманенные суеверием, не жалели ничего для оплаты благосклонности небес. Матери, не проронив слезы, ввергли своих нежных детей в пожирающее пламя; тысячи людей пали под ножом жреца. Люди покорились множеству обязанностей, бессмысленных для них и возмутительных, но полезных для

---

⁵⁷ Д. Дидро. Собрание сочинений, т. VII, стр. 207.

священников; самые нелепые суеверия стали распространяться и укреплять их власть»⁵⁸.

В большой статье, озаглавленной «Законодатель» («Энциклопедия», т. IX), Дидро останавливается и на принципах уголовного законодательства.

Дидро исходит из договорной теории: «Люди, соединяясь в общество, ищут более счастливого состояния, нежели естественное состояние, которое имеет два преимущества — свободу и равенство и два недостатка — опасность насилия и беспомощность их как в насущных заботах, так и в трудных положениях. Во избежание этих неудобств люди согласились пожертвовать некоторой долей своего равенства и свободы, и законодатель исполняет свою функцию, когда он, насколько возможно меньше унавив равенство и свободу людей, доставляет им насколько возможно больше спокойствия и счастья»⁵⁹.

В руках законодателя находится сильное средство для руководства человеческим поведением — это наказания и награды. Первые должны налагаться только именем закона органами правосудия, а вторые — по усмотрению законодателей.

Характер уголовного законодательства, степень суровости наказания должны, по мнению Дидро, вытекать из образа правления в государстве. Это положение Дидро иллюстрирует рядом примеров.

«В стране, где конституция государства привлекает граждан к участию в управлении, где воспитание и управление запечатлели в людях принципы чести и патриотические чувства, достаточно подвергнуть виновного самому легкому наказанию: пусть оно лишь покажет, что наказуемый совершил проступок; укоризненные взгляды сограждан усилят его наказание»⁶⁰. Дидро, развивая вслед за Монтескье эти положения, указывает, что в государствах с республиканским правлением наказания должны быть мягкими, так как в таких государствах граждане не уклоняются от исполнения законов. В государствах же с монархическим образом правления наказания должны быть более суровыми.

Законодатель располагает очень широкими возможностями в определении мерил наказания, применяемого за

⁵⁸ Д. Дидро. Собрание сочинений, т. VII, стр. 271.

⁵⁹ Там же, стр. 242.

⁶⁰ Там же, стр. 254—255.

различного рода преступления и проступки. «Законодатель властен применять самые суровые наказания за пороки, наиболее опасные для его нации; он может заставить рассматривать как наказания даже и реальные преимущества, при условии, однако, чтобы желания нации не устремлялись на них; он может даже заставить смотреть как на подлинное наказание на то, что в других странах могло бы служить наградой. В Спарте за известные проступки гражданину не позволялось оказывать помощь своей жене. У перуанцев гражданин, которому воспрещалось работать на общественном поле, был несчастнейшим человеком; при прекрасных законодательствах человек подвергался наказанию, когда его предоставляли личным интересам и духу собственности. Нации бывают унижены, когда муки или отчуждение имущества являются обычными наказаниями: это значит, что *законодатель* вынужден карать за то, за что народ уже не стал бы карать»⁶¹.

В «Добавлении к „Путешествию“ Бугенвилля» Дидро касается в очень широком плане многих вопросов уголовного права. Противопоставляя культуру и общественные отношения европейцев и таитян, он вкладывает в уста одного старика-таитянина слова, разоблачающие порочность и преступность того образа жизни, который европейцы насаждают среди таитян. Он говорит о том, как неизвестное таитянам понятие собственности породило у них пороки, преступления, дурные страсти, заблуждения. В диалоге священника и одного таитянина Дидро резко критикует те законы, которые европейцы пытались насаждать у таитян. Таитянин Ору говорит: «Я нахожу, что эти странные предписания противоречат природе и разуму. Они созданы только для того, чтобы увеличить число преступлений и постоянно сердить старого работника (то есть бога.— А. Г.), который сделал все без рук, без головы и без орудий; который находится повсюду и которого нельзя нигде видеть; который существует сегодня и завтра и который не становится старше ни на один день; который отдает приказания и которому не повинуются; который может помешать совершению известных поступков и, однако, не мешает этому. Они противоречат природе, ибо они допускают, что мыслящее, чувствующее и свободное существо может быть собственностью другого, подобного ему суще-

---

⁶¹ Д. Дидро. Собрание сочинений, т. VII, стр. 255,

ства»⁶². Далее этот таитянин разоблачает лживость и лицемерие слов и дел судей и священников, которые вместе с богом тиранят людей. «Сегодня какой-нибудь из трех твоих господ сказал бы тебе: *убей* и ты обязан был бы по совести убить; завтра: *укради*, и ты вынужден был бы украсть»⁶³. Все эти ложные законы способны лишь развратить людей: «Страхом, наказаниями и угрызениями совести ты только умножишь число преступников и несчастных; ты растлишь совесть людей; ты развратишь их умы; они не будут знать, что им делать и чего не делать»⁶⁴.

В этом же произведении Дидро приводит историю девицы Полли Беккер, преданной суду в Коннектикуте, близ Бостона, за то, что она родила пять детей вне брака. Дидро вкладывает в ее уста следующие слова защитительной речи: «Осмелюсь сказать, что закон, осуждающий меня, в одно и то же время и несправедлив сам по себе и слишком суров по отношению ко мне... Разве это преступление — увеличивать число подданных его величества в малонаселенной стране?..

Мне ответят, что я преступила законы религии; если я грешила против бога, предоставьте ему самому позаботиться о моем наказании! Вы уже отлучили меня от церкви, разве этого не достаточно?

Зачем вы мучаете меня плетью и денежными взысканиями вдобавок к тем адским мучениям, которые, вы думаете, ждут меня на том свете? Простите, господа, эти рассуждения, я не богослов, но мне трудно поверить, что можно считать преступлением то, что я родила прекрасных детей, которые верят в бога, давшего им бессмертную душу»⁶⁵.

Полли Беккер в своей защитительной речи раскрывает несправедливость, лживость, лицемерие законов, которые карают обольщенную девушку и оставляют безнаказанными ее обольстителей: «Виновник моих заблуждений, мой соблазнитель пользуется властью и почетом благодаря правительству, которое в то же время наказывает меня за мои несчастья плетью и позором»⁶⁶.

---

⁶² Д. Дидро. Собрание сочинений, т. II. М.—Л., Изд-во «Академия», 1935, стр. 53.

⁶³ Там же, стр. 55.

⁶⁴ Там же, стр. 56.

⁶⁵ Там же, стр. 62—63.

⁶⁶ Там же, стр. 63.

Дидро написал «Замечания на Наказ ее императорского величества депутатам Комиссии по составлению законов». Эта работа, написанная в 1774 г., впервые в полном объеме была опубликована лишь в XX в. В этих «Замечаниях» Дидро рассматривает основные вопросы, затронутые в екатерининском «Наказе». Не ставя своей целью дать всесторонний анализ этого произведения Дидро, остановимся лишь на некоторых, наиболее важных вопросах уголовного права, рассмотренных автором.

В «Замечаниях» Дидро довольно резко и откровенно критикует «Наказ» Екатерины, на что он, несомненно, не решился бы, если бы писал этот труд, предполагая, что он попадает в ее руки. Он критикует «Наказ» за то, что в нем ничего не сказано о способах проведения в жизнь просветительных идей, о реальных гарантиях личности, об обеспечении действительной свободы и равенства людей. Дидро отмечает, что в «Наказе» он видит «деспота, отрешенного на словах, но деспотизм по существу остался, хотя он и именуется монархией»⁶⁷. Он указывает, что лучшим средством борьбы с восстаниями крепостных явилась бы отмена самого крепостного права, между тем в «Наказе» нет ни одного постановления, которое предусматривало бы освобождение крестьян и предоставление им собственности.

Характеризуя способы предупреждения преступлений, Дидро перечисляет следующие из них:

- 1) не создавать мнимых преступлений;
- 2) делать людей счастливыми;
- 3) просвещать их относительно их интересов;
- 4) бороться с леностью;
- 5) умерять строгость уголовных законов;
- 6) присуждать преступника к исправлению того вреда, который он причинил обществу своим преступлением»⁶⁸.

Дидро дает общую оценку различным видам наказаний. Он считает, что позорящие наказания должны быть редкими, а денежные наказания, наоборот, должны применяться чаще всего. «Наказания смертью должны быть немногочисленны: из того, что один человек убит, еще не следует, что нужно убивать другого; убийца, когда он казнен, уже ни к чему не годен, а между тем имеется много

---

⁶⁷ Д. Дидро. Собрание сочинений, т. X. ГИХЛ, 1947, стр. 510.

⁶⁸ Там же, стр. 441—442.

общественных работ, к которым он мог бы быть приговорен»⁶⁹. Здесь почти дословно приводится известное положение Вольтера о том, что нецелесообразно применять смертную казнь. Следует отметить, что Дидро — в меньшей степени противник смертной казни, нежели Беккариа, о чем он и сам говорит. Не оспаривая гуманного характера трактата Беккариа, Дидро не видит в смертной казни столь большого зла, как об этом говорил автор книги «О преступлениях и наказаниях». Но он возражает против особо мучительных способов смертной казни.

Дидро резко отрицательно относится к конфискации как мере наказания, ибо она причиняет страдания ни в чем неповинным членам семьи наказанного. Конфискацию можно применить лишь тогда, когда виновный — совершенно одинокий человек.

В своих воззрениях на применение наказания Дидро несколько отличается от своих современников. Он сторонник индивидуализации наказания в рамках, предусмотренных законом. Он, кроме того, считает необходимым, чтобы закон содержал несколько «тайных статей», которые позволяли бы судье смягчить наказания. «Я предпочел бы тайное несоблюдение закона публичному обнаружению помилования. Публичное оглашение помилования стоит в формальном противоречии с целью наказания. Помилование всегда делает человека стоящим выше закона, между тем он во всех случаях должен был бы стоять ниже законов»⁷⁰. В этой же связи Дидро говорит о неприменении наказания к тем, кто после совершения преступления в течение длительного времени ведет безупречный образ жизни.

Дидро уделил большое внимание вопросу относительно соразмерности наказания и тяжести преступления. «Соотношение между преступлением и наказанием должно изменяться в силу самих условий жизни, так как в зависимости от них изменяется и природа преступлений»⁷¹. Дидро различает преступления, посягающие на общество, и преступления, посягающие на отдельных лиц.

Во всех случаях необходимо, по его мнению, «учитывать различные обстоятельства и мотивы, а также и харак-

⁶⁹ Там же, стр. 443.

⁷⁰ Там же, стр. 414.

⁷¹ Там же, стр. 445.

тер человека». Соразмеряя наказание с преступлением, необходимо вместе с тем учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства: «Одна и та же вина влечет различные наказания, в зависимости от места, границ, обстоятельств, нравов, характера, системы правления»⁷².

Дидро особо останавливается на вопросе о том, как же соразмерить наказания с преступлениями? «Произвольно установленным является лишь первое наказание; далее оно определяет собою все остальные, и если уголовный кодекс составлен хорошо, то при совершении одного какого-либо преступления и при назначении за него наказания можно узнать, является ли закон снисходительным или суровым»⁷³.

Дидро, вслед за Беккариа, развивает мысль о быстроте исполнения наказания. «Быстрота исполнения приговора усиливает мысль о неизбежности наказания. Видящий преступление и тут же видящий казнь содрогнется. В сознании всех укрепится мысль об их совместности. Если бы закон был летающим по воздуху мечом, разящим преступника в момент совершения им преступления, то преступлений не существовало бы, кроме разве тех, которые рождены гневом или мстью и, быть может, любовью и отчаянием»⁷⁴.

Дидро затрагивает большой вопрос относительно пробелов закона и права судьи восполнить эти пробелы. Он отмечает, что «ни один закон не в состоянии охватить все возможные случаи; нет ни одного закона, который был бы одинаково применим ко всем виновным,— в противном случае мы допустим несправедливость. Бывают обстоятельства, совершенно не предусмотренные законом; даже в тех случаях, которые предусмотрены законом, встречаются обстоятельства, отягчающие или смягчающие преступление»⁷⁵. Дидро указывает на два возможных варианта решения этого сложного вопроса: требовать от судьи безоговорочного применения закона или предоставить судье право восполнять законы. И то и другое решение вопроса представляется Дидро чреватым серьезными последствиями. Он не решает этого вопроса и лишь указывает

---

⁷² Д. Дидро. Собрание сочинений, т. X, стр. 458.

⁷³ Там же, стр. 458.

⁷⁴ Там же, стр. 460.

⁷⁵ Там же, стр. 453.

ет, что «даже лучшие законы окажутся тщетными, если судьи будут плохими, и самые дурные законы могут быть исправлены хорошими судьями»⁷⁶.

Дидро считает необходимым, чтобы религиозное образование юношества обязательно сочеталось с образованием юридическим, чтобы население было хорошо осведомлено в законах, чтобы оно не путало законы божественные и законы человеческие.

В своих «Замечаниях» Дидро останавливается и на вопросах уголовного судопроизводства. Он считает, что оправданному должна быть предоставлена компенсация того материального ущерба, который был причинен ему неосновательным тюремным заключением. Дидро высказывается против теории формальных доказательств. Он резко критикует инквизиционный процесс, называя его способом создания, а не обнаружения виновных.

Дидро написал ряд примечаний к книге Беккариа «О преступлениях и наказаниях», которые были помещены во французском переводе этой книги, в издании, предпринятом Морелле, впервые опубликованном в 1766 г.⁷⁷ Эти комментарии касаются не всей книги Беккариа, а лишь отдельных ее положений.

Остановимся на наиболее важных замечаниях Дидро, причем в некоторых из них он делает шаг назад по сравнению с Беккариа.

Дидро, например, возражает против безоговорочного отрицания Беккариа пытки как способа получения признания обвиняемого.

Так как наказание оправдывается необходимостью предупредить преступление, то в тех случаях, когда нельзя иначе открыть соучастников разбоя, убийства, как прибегнув к пытке, «пытка будет справедлива, как и другое наказание по той же причине».

Дидро, далее, несколько умеряет категоричность утверждения Беккариа относительно принципа гуманности наказания. Он считает, что устрашительные наказания всегда будут иметь предупредительную силу и люди

---

⁷⁶ Д. Дидро. Собрание сочинений, т. X, стр. 453.

⁷⁷ «Traité des délits et des peines, par Beccaria, traduit de l'italien par André Morellet». P., 1797.

Примечания Дидро приведены в сносках на стр. 11—12, 24—25, 30—31, 46, 47, 48—49, 50, 54, 67—68, 71, 72—73, 76—77, 81—82, 87—88, 95, 109—110 упомянутого издания.

«никогда не привыкнут к мысли иметь изломанные кости и умереть в подобных мучениях».

Точно так же Дидро более сдержанно говорит об отмене смертной казни. В этой связи он пишет: «От того, что жизнь есть величайшее из всех благ, все согласилось, чтобы общество имело право отнимать ее у того, кто вздумал бы отнять ее у других... Очень легко понять, что человек, говорящий „я согласен, чтобы у меня отняли жизнь, если я покушусь на жизнь других“, говорит сам себе: „Я не покушусь на нее, и закон будет за меня, а не против меня“... Что же касается справедливости этого наказания, то она основана на договоре и общественной пользе. Если оно нужно, то, следовательно, оно справедливо, следует только знать, нужно ли оно?»

Соглашаясь с Беккариа в том, что целесообразно чаще применять тюремное заключение вместо смертной казни, Дидро приводит аргументацию, отличную от той, которую приводил Беккариа. Он отмечает, что Беккариа отступает от принципа гуманности, предлагая долгосрочное тюремное заключение. Преступник, находясь в оковах, в тюремной клетке, подвергаясь ударам, этим не завершает, а лишь начинает свои мучения: «Картина эта ужаснее колеса, и наказание, ею представляемое, на самом деле является более жестоким, чем жесточайшая казнь. Но так как оно дает частные и наглядные примеры, то по своей действительности должно предпочитаться смертной казни, которая продолжается одно мгновение и на которую отчаянные преступники очень часто решаются. Вот, по моему мнению, сильная причина для того, чтобы предпочесть продолжительную и тягостную неволю лишению жизни человека». Эти мысли Дидро развивает несколько дальше (в примечаниях к книге Беккариа к параграфу о смертной казни). Он делает вывод, что «жестокая и суровая неволя есть наказание, которое значительно лучше смертной казни, единственно потому, что пример ее сильнее; еще необходимо заметить, что эта неволя становится ужасным наказанием только в том государстве, где положение народа будет спокойным и приятным. Если же состояние невинных будет столь же тягостным, как и преступников, то мучение последних не было бы наказанием, и несчастные, столь же достойные сожаления, не страшились бы его».

Свои критические замечания по поводу книги Беккариа Дидро завершает следующими словами: «Вот все то,

чѣму я счел необходимым возразить в этом прекрасном сочинении, исполненном великого ума и добродетели. Человечество заинтересовано в том, чтобы оно было написано более совершенно и чтобы от начала и до конца доступно простому человеку, ибо полезные истины должны проходить через простых людей, чтобы достигнуть, как голос народа, до ушей правительства».

IV

Выдающийся представитель французского Просвещения, философ-материалист Клод Адриен Гельвеций в своих философских произведениях уделил большое внимание вопросам социологии, политики и юриспруденции, в частности — уголовно-правовым вопросам.

Гельвеций родился в начале 1715 г. в Париже в семье врача, сочетавшего врачебную деятельность при королевском дворе с научной работой в области медицины. Гельвеций учился в иезуитском коллеже Людовика Великого. У него рано проявился интерес к философии, в особенности к произведениям Локка.

По окончании коллежа Гельвеций, которому исполнилось 23 года, получил должность генерального откупщика, давшую ему значительные материальные средства. Однако эта деятельность его не привлекала. Он заводит связи с крупнейшими представителями науки и искусства. Фонтенель, Вольтер, Бюффон, Монтескье, Гольбах, Дидро и другие выдающиеся мыслители находятся в тесных отношениях с Гельвецием. В 1751 г. Гельвеций отказался от должности генерального откупщика и полностью отдался научной деятельности. В 1758 г. был опубликован выдающийся труд Гельвеция «Об уме». В связи с изданием этой книги Гельвеций подвергся ожесточенной травле. Римский папа в своем послании требовал уничтожить эту книгу. 6 февраля 1759 г. парижский парламент приговорил к сожжению книгу Гельвеция наряду с произведениями других прогрессивных авторов. Однако преследования, которым подвергался Гельвеций, лишь способствовали успеху его книги. В 1764 г. Гельвеций уехал в Англию, а в 1765 г. прибыл в Германию. По возвращении из заграничной поездки он усиленно работает над книгой «О человеке, его умственных способностях и его воспитании», которую заканчивает в 1769 г. 26 декабря 1771 г. Гельвеций умер.

Гельвеций исходит из предпосылки, что люди по своей природе не являются ни дурными, ни хорошими. Им свойственно стремление к счастью, и когда это стремление встречает те или иные препятствия, люди пытаются их преодолеть. Обстоятельства делают людей хорошими или дурными, добродетельными или преступными. Таким образом, человеческие пороки и преступления обусловлены не прирожденными свойствами людей, а несовершенством законов, существующих в обществе, и царящим в обществе невежеством.

Дурные, несовершенные законы присущи деспотизму; они поощряют пороки и не наказывают подлинные преступления. Хорошие разумные законы должны быть основаны на руководящем принципе общественной пользы. Если в обществе действуют законы, лишённые этого качества, то каждый человек может возвратиться к своим первоначальным правам и не соблюдать законов, вредящих ему.

Провозглашая принцип законности, Гельвеций указывает, что сами законы подвергаются существенным изменениям в зависимости от изменения интересов государства, но в основе законов всегда должен лежать принцип общественной пользы, основанной на глубоком знании природы. Так же изменчиво и понятие преступления, ибо в его основе лежит критерий общественной пользы, на которую преступник посягает. Говоря об изменчивости этого понятия, Гельвеций отмечает, что «нет преступления, которое не возводилось бы в разряд достойных поступков обществами, которым это преступление было полезно, как нет и полезного для людей поступка, который не был бы осужден каким-либо отдельным обществом, которому этот поступок был невыгоден»⁷⁸.

Гельвеций различает два вида преступлений: одни являются преступными при любой форме правления, а другие признаются преступными лишь при известных условиях. Он уделяет большое внимание выяснению причин преступности. Большая часть преступлений порождается человеческими страстями, неудовлетворенностью человеческих потребностей. Неравномерность распределения национального богатства, чрезмерное увеличение числа людей, лишённых всякой собственности, обостряют человеческие страсти и вызывают стремление удовлетворить

---

⁷⁸ К. А. Гельвеций. Об уме. Соцэкгиз, 1938, стр. 33.

потребности любым путем, хотя бы и запрещенным законом. Таковы последствия неправильной организации общества, «когда нация разделяется на два класса, из которых один утопает в излишествах, а другой — нуждается в необходимом» (стр. 14). Рассматривая преступление как явление общественной жизни, как явление, причинно обусловленное, Гельвеций указывает, что одни и те же причины всегда приводят к одним и тем же последствиям. Видя, что «народ уже разделен на угнетателей и угнетаемых, на воров и обворовываемых», Гельвеций показывает, какие губительные для общества последствия заложены в существовании людей, не обеспеченных необходимыми средствами существования, лишенных всякой собственности. Для того чтобы предотвратить эти последствия, Гельвеций рекомендует «уменьшить богатство одних, увеличить состояние других, сделать бедняка настолько зажиточным, чтобы он мог путем 7 или 8 часов труда с избытком удовлетворять свои потребности и потребности своей семьи»⁷⁹. Обосновывая эту мысль, он подробно освещает связь преступления с отсутствием у большой массы людей собственности.

В своих произведениях Гельвеций останавливается не только на характеристике преступлений, совершаемых немущими, но и на преступлениях привилегированных сословий. Он уделяет большое внимание освещению преступлений, совершаемых духовенством. «Нет такой лжи, таких хитростей, обманов, злоупотребления доверием, наконец, низких и подлых средств, к которым не прибегали бы для своего обогащения юпы» (стр. 46). Гельвеций говорит о том, что воровство, убийство, отравление, отцеубийство — преступления, которые одобряются церковью. Он отмечает, что церковь ворует наследства, и воров она объявляет святыми. Разоблачая безнаказанность всех этих преступлений церкви, особо выделяя тяжкие преступления инквизиции, Гельвеций наглядно показывает неспособность церкви и религии удержать людей от совершения преступлений. Он приходит к категорическому выводу о том, что уголовное законодательство должно быть очищено от так называемых религиозных преступлений. «Пусть предоставят богу заботу мстить за себя и оставят ему наказание еретиков; пусть земля перестанет присва-

---

⁷⁹ К. А. Гельвеций. О человеке, стр. 305.

ивать себе право судить за оскорбления, нанесенные небу, принцип терпимости станет, наконец, принципом общественного воспитания» (стр. 391).

Большое внимание Гельвеций уделяет преступлениям, совершаемым государями. «За какое преступление особенно сурово наказывают в некоторых странах? За то, что осмеливаются противоречить власти. Какое злодеяние заставило ввести во Франции восточную пытку железной клетки? Какого несчастного заключили в нее? Трусливого ли и бесталанного военачальника, который плохо руководил осадой, плохо защищал крепость, который вследствие своей неспособности, зависти или измены допустил, чтобы враг опустошил области, которые он мог защищать? Министра ли, который наложил на народ непосильные налоги и издавал законы, пагубные для общественного благополучия? Нет: несчастным, осужденным на эту пытку, был один голландский газетчик, который, критикуя, может быть, слишком резко планы некоторых французских министров, вызвал насмешки над ними всей Европы.

Кого гноят в испанских и итальянских темницах? Судью ли, губернатора ли, злоупотребляющего, торгующего своей властью? Нет: книгоношу, продающего ради куска хлеба несколько книг, в которых высказывается сомнение насчет смирения и бедности духовенства. Кого в некоторых странах называют дурным гражданином? Мошенника ли, растратчика, обкрадывающего государственную казну? Такие преступления остаются почти всегда безнаказанными и повсюду находят покровителей. Дурным гражданином считается лишь тот, кто в песенке или в эпиграмме посмеялся над плутнями или над легкомыслием какой-нибудь важной персоны» (стр. 166).

Наказание, основанное на рациональном законодательстве, должно быть, по мнению Гельвеция, строго индивидуальным и вместе с тем неотвратимым: надежда на безнаказанность увеличивает число преступлений, а уверенность в неизбежности наказания поддерживает в государстве должный порядок. Для успешной борьбы с преступлениями Гельвеций считает необходимым так организовать наказание, чтобы «выгода, извлекаемая злодеем из преступления, была совершенно несоизмерима тому страданию, которое ему за это грозит»⁸⁰. Это необычное

⁸⁰ К. А. Г е л ь в е ц и й. Об уме, стр. 214.

для мыслителей XVIII в. положение Гельвеций подробно аргументирует.

По мнению Гельвеция, воры и убийцы реже встречаются среди богатых людей, чем среди бедных, потому что выгода от этих преступлений для богатого никогда не бывает соразмерна риску наказания, в то время как у бедного эта несоразмерность гораздо меньшая. Однако Гельвеций тут же оговаривается, что он не является сторонником устрашительной системы наказания, ибо «страх глушит пороки, но не родит добродетель».

Мягкость или суровость наказаний Гельвеций связывает с институтом собственности. Если у всех людей имеется собственность, то таким народом можно управлять при помощи мягких законов. «Иное дело, если большинство народа составляют несобственники. Ими можно управлять лишь при помощи суровых законов. Если человек беден, если его нельзя наказать, наложив пеню на его имущество, то остается наказать его, как личность: отсюда источник телесных наказаний. Эти наказания, налагавшиеся сперва на бедняков, с течением времени распространяются и на собственников. И тогда все граждане начинают подчиняться кровавым законам. Все способствуют их установлению»⁸¹.

Положив в основу своих уголовно-правовых взглядов идею защиты института собственности, Гельвеций подробно развивает эту мысль. Люди объединились для того, чтобы обеспечить свою собственность, справедливость и мир. Из этих соглашений вытекают «наказания, направленные против тех, что нарушает их, т. е. против воров, убийц, фанатиков и тиранов. Если отменить эти наказания, то всякое соглашение между людьми потеряет силу» (стр. 414).

V

Поль-Анри-Дитрих Гольбах — один из выдающихся философов-материалистов Франции XVIII в., сыгравших огромную роль в идеологической подготовке французской буржуазной революции конца XVIII в. В своих многочисленных произведениях Гольбах рассматривает проблемы философии, политики, религии, юриспруденции. Но насколько широко известны его философские и атеистиче-

---

⁸¹ К. А. Гельвеций. О человеке, стр. 251.

ские взгляды, настолько малоизвестны его юридические, в частности уголовно-правовые взгляды. Между тем Гольбах разработал целую систему взглядов на преступление и наказание.

Гольбах родился в 1723 г. в Германии, в богатой аристократической семье, оставившей ему большое наследство, которое позволило Гольбаху полностью отдать себя науке. Молодым человеком Гольбах переезжает в Париж, где и проживает в течение всей своей жизни. Дом Гольбаха был салоном философской, атеистической мысли. Гольбах поддерживал теснейшие связи с выдающимися мыслителями эпохи: Дидро, Гельвецием, Руссо (до разрыва с ним), Гриммом, Бюфеном, Морелле, Тюрго, Кене, Даламбером, Юмом, Франклином, Беккариа и другими. Литературная деятельность Гольбаха началась в 1752 г. Он принял активное участие в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. Начиная с 1766 г. Гольбах выпускает свои философские и атеистические, антирелигиозные произведения. Следует отметить, что по условиям цензуры Гольбах вынужден был свои произведения выпускать анонимно. Парижский парламент приговорил к сожжению ряд произведений Гольбаха, и в том числе его «Систему природы, или о законах мира физического и мира духовного». В приведенной Гольбахом речи, произнесенной прокурором парижского парламента в августе 1770 г., были следующие слова:

«Среди нас возникла нечестивая и дерзновенная секта; она украсила свое лжеучение именем философии; прикрываясь этой пышной вывеской, она возомнила себя обладательницей всяческого знания. *Свобода мысли* — вот их боевой клич, который раздается от одного края света до другого. Одной рукой они пытаются расшатать трон, другой — разрушить алтари. Их цель — погасить веру... Число их сторонников растет, их учение распространяется. Государства колеблются на своих вековых устоях. Самые сокрушительные свои удары эти новаторы направляют против религии. Они хотят с корнем вырвать веру, развратить невинность и заглушить в душе всякое чувство добродетели. Во главе этих разрушителей веры стали люди, имевшие все данные, чтобы просветить своих современников. Они подняли знамя восстания, вообразив себе, что этим духом независимости увеличат свою славу»⁸².

⁸² П. Г о л ь б а х. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного. Соцэкгиз, 1940, стр. 446.

Следует отметить, что Гольбах не остался в долгу перед прокурором парижского парламента. Он высказал пожелание, чтобы «все тираны были удушены кишками священников и судей — слуг деспотизма».

Умер Гольбах незадолго до начала французской революции — 21 января 1789 г.

Не ставя своей целью исследовать все высказывания Гольбаха по вопросам уголовного права, мы остановимся здесь на трех его произведениях: «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного» (1770 г., русский перевод 1940 г.), «Здравый смысл, или естественные идеи, противопоставленные идеям сверхъестественным» (1772 г., русский перевод 1934 г. — «Избранные антирелигиозные произведения»), «Карманное богословие, или краткий словарь христианской религии, написанный аббатом Бернье, лицензиатом богословия» (1775 г., русский перевод 1934 г. — «Избранные антирелигиозные произведения»).

Гольбах в «Системе природы» считает, что природа не создает человека ни добрым, ни злым; человеческие страсти являются результатом строения человека, его органов и его темперамента. Эти страсти естественны, и они могут быть хорошими или плохими в зависимости от того, как они влияют на людей. Разумное воспитание, справедливые законы, просвещение — наилучшие средства отвратить человека от пороков и преступлений: человек будет добродетельным тогда, когда он найдет в добродетели интерес. Но, как отмечает Гольбах, современное общество устроено таким образом, что все в нем толкает людей на пороки и преступления, — религия, руководители общества, правосудие, законы, — все они несколько не поощряют людей к добродетели. В основе всех извращений, недостатков, нелепостей общественного устройства лежит заблуждение, которое явилось причиной рабства, религии, религиозной исключительности, тирании. Гольбах отмечает условный, относительный характер оценки человеческих поступков: «существуют страны, в которых похвальнейшие поступки кажутся дурными и смешными, и где, наоборот, гнуснейшие поступки кажутся правильными и разумными»⁸³.

⁸³ П. Г о л ь б а х. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного, стр. 92.

Гольбах считает преступление явлением закономерным, причинно обусловленным, а преступника — человеком, лишенным свободной воли. Всякий человеческий поступок, по мнению Гольбаха, несвободен, обусловлен темпераментом, предвзятыми идеями и понятиями, воспитанием, общественными причинами. «На земле наблюдается столько преступлений лишь потому, что все способствует тому, чтобы сделать людей преступными и порочными; их религиозные верования, их правительства, их воспитание, наблюдаемые ими примеры — все это толкает их непреодолимо ко злу» (стр. 120). Гольбах отмечает бессмысленную жестокость и пристрастность законов по отношению к людям непривилегированных сословий. «Общество карает людей низкого происхождения за проступки, которые оно терпит у знатных людей, и, пренебрегая справедливостью, приговаривает нередко к смертной казни тех, кого сделали преступниками господствующие в этом обществе предрассудки» (стр. 121).

Гольбах наглядно раскрывает влияние на людей религии, власти, законов, воспитания. «Религия делает их гнусными и трусливыми существами или же готовит из них жестоких, бесчеловечных нетерпимых фанатиков. Верховная власть угнетает их и заставляет их пресмыкаться и погрязать в пороках. Закон наказывает лишь мелкие преступления и не может справиться с злоупотреблениями, порождаемыми самим правительством. Наконец, воспитание, находящееся в полном загоде, отдано в руки или обманщиков-попов, или же безнравственных и непросвещенных родителей, передающих своим воспитанникам терзающие их самих пороки и ложные взгляды, которые для них выгодно внушить им» (стр. 129).

Гольбах разоблачает пороки и преступления государей, образ правления которых характеризуется несправедливостью, развращенностью, тиранией, алчностью, безразличием к нуждам и интересам простых людей, систематическим их угнетением. Такой образ правления приводит к массе преступлений, совершаемых государями, их придворными, высшими сословиями. Государь создают несправедливые, тиранические уголовные законы, в которых наказание вовсе не соответствует преступлению, которые безжалостно расправляются с неимущими и оставляют безнаказанными многочисленные преступления, совершаемые «сильными мира сего». Эти законы карают людей за

преступления, совершение которых обусловлено дурной организацией общества.

Большое внимание уделил Гольбах разоблачению преступлений, совершаемых духовенством. Он показывает, что религия бессильна удержать людей от совершения преступлений, и ярко рисует картину преступлений, совершаемых священнослужителями. Гольбах раскрывает ложность понятий так называемых религиозных преступлений. «Неопределенные, лишенные смысла слова, вроде *безбожие, кощунство, ересь, богохульство*, и т. д. (слова, связанные очевидно, с вещами, представляющими интерес для одних лишь жрецов), внесли в умы большую тревогу, чем реальные и действительно важные с общественной точки зрения преступления. Так, мировоззрение народов было перевернуто вверх дном: воображаемые преступления стали страшить их гораздо более, чем настоящие злодеяния. К человеку, придерживающемуся иных религиозных взглядов и теорий, чем жрецы, стали относиться с большим ужасом, чем к убийце, тирану, деспоту, вору, обольстителю, соблазнителю. Величайшим преступлением оказалось презрение к тому, на что жрецы указывали как на священные вещи. Гражданские законы только усилили эту путаницу в умах; они установили тяжкие кары за фантастические, сочиненные воображением, преступления: сжигали еретиков, богохульников, неверующих; но зато не было установлено наказаний против соблазнителей невинности, против прелюбодеев, мошенников, клеветников» (стр. 354).

Гольбах рассматривает существующие уголовные законы как яркое выражение дурной организации общества. Эти законы карают за преступления, совершение которых обусловлено «дурными учреждениями». Общество не воспитывает граждан; религия проповедует непонятные учения; люди не имеют возможности удовлетворить свои естественные потребности. Поэтому человек «мстит за свою бедность кражами, разбоями, убийствами; рискуя жизнью, он старается удовлетворить свои реальные нужды или же воображаемые потребности, которые все, словно нарочно, пробуждают у него. Воспитание, которого у него нет, не приучило его сдерживать порывы своего темперамента; не имея представлений о пристойном поведении, не обладая принципами чести, он решается вредить обществу, являющемуся для него лишь мачехой;

увлеченный своей страстью, он даже не замечает подстерегающей его виселицы; его страсти стали слишком сильными, укоренившиеся привычки не могут уже измениться, лень усыпляет его, отчаяние ослепляет, он бежит навстречу смерти, а общество сурово наказывает его за фатальные и необходимые наклонности, которые оно породило в нем или которые оно, во всяком случае, не выкорчевало и не преследовало при помощи мотивов, наиболее способных дать его сердцу правильное направление» (стр. 137).

Рассматривая преступление как явление, причинно обусловленное и вытекающее из дурной организации общества, Гольбах вместе с тем раскрывает и причинно обусловленную необходимость наказывать преступников, посягающих на интересы общества. Но, говоря о праве общества наказывать преступников, Гольбах выдвигает очень важное положение: нельзя наказывать человека, которого само общество лишило средств существования, воспитания, образования. Общество обязано обеспечить своим членам необходимые условия существования. Только после этого оно будет вправе наказывать людей, которые, невзирая на возможность законно удовлетворять свои потребности, предпочитают идти по пути преступления. Общество обязано обеспечить своим членам *свободу, собственность и безопасность*. Когда эти три основных условия будут обеспечены, преступления не станут столь распространенными и не понадобятся столь суровые наказания, которые ныне применяются к многочисленным преступникам.

Гольбах также затрагивает ряд вопросов уголовного права, в большинстве случаев связывая их с критикой религии и церкви⁸⁴. Он показывает, какое неисчислимое множество бедствий принесли с собой религиозные фанатики. «Тысячи раз во всех частях земного шара иступленные фанатики шли на убийства, сжигали друг друга на кострах, без колебаний и даже с сознанием долга совершали тягчайшие преступления, проливали потоки человеческой крови!» (стр. 247). Не религия, не церковь способны исправить людей, а наука, разум и свобода. Здравый смысл поможет людям овладеть «истинными осно-

---

⁸⁴ П. Гольбах. Здравый смысл, или естественные идеи, противопоставленные идеям сверхъестественным. Письма к Евгению. Здравый смысл. Изд-во АН СССР, 1956.

вами морали». Для этого нужно объяснить, внушить людям, что «следует избегать пороков и преступлений не потому, что за все это их ждет наказание на том свете, а потому, что они понесут за это кару в мире, в котором они живут сейчас» (стр. 250). И в этой связи Гольбах приводит слова Монтескье: «Есть средства воспрепятствовать преступлениям — это наказания; есть средства изменять нравы — это благие примеры» (стр. 250).

Развивая мысль о несвободе воли человека, Гольбах ставит вопрос в такой форме: «Если действия людей обусловлены необходимостью, если люди несвободны, то по какому праву общество может наказывать дурных людей, наносящих ему ущерб? Справедливо ли наказывать за поступки, которых люди не могли не совершить?» Ответ, который дает Гольбах, таков: «Если дурные люди неизбежно ведут себя дурно, потому что они злы и дурны по природе, общество, наказывая их, со своей стороны, действует точно так же по необходимости, стремясь к самосохранению. Известные вещи необходимо вызывают страдания; естественно, что наша природа побуждает нас ненавидеть такие вещи и стремиться их избегать. Тигр под влиянием голода набрасывается на человека, чтобы его сожрать; человек же не волен подавить свой страх и также неизбежно ищет способов убить тигра» (стр. 305). По существу здесь заложены основы теории «социальной защиты», окончательно сформировавшейся уже значительно позже — в развитом буржуазном обществе.

В «Здравом смысле» ряд страниц посвящен разоблачению преступлений и пороков тиранов-государей и церковнослужителей. В этой связи Гольбах напоминает о государях, совершивших чудовищные преступления против народа и вместе с тем славившихся своей религиозной благочестивостью. Эти государи считали, что «после стольких злодеяний они поплачут, валяясь в ногах у духовника, обычно настолько подлого и малодушного, что он будет еще утешать и ободрять злодея, для которого трудно придумать достаточно страшную кару за все причиненные им человечеству бедствия» (стр. 372).

Истинная природа человеческой морали и мудрых законов основана не на религии, а на здравом смысле, на разуме, на природе человека. «Закон, обязывающий не вредить другим и делать им добро, основан на природе одушевленных существ, живущих в обществе и по своей

природе вынужденных презирать всех, кто не делает им никакого добра, и ненавидеть всех, противодействующих их счастью» (стр. 397).

Человеческая мораль и человеческие законы, указывал Гольбах, являются гораздо более действенными основаниями человеческого поведения, чем божественные законы и мораль, основанная на религии. «Страх перед невидимым судьей редко когда действует сильнее боязни судьбы видимого. Угроза неизвестных мук в отдаленном будущем значительно слабее потрясает людей, чем вид виселицы или зрелище повешенного» (стр. 400).

Эту мысль Гольбах подробно развивает, доказывая, что религия неспособна удержать людей от пороков, разврата, преступлений.

В «Карманном богословии» Гольбах в остро-сатирической форме разоблачает основные религиозные верования и в этой связи останавливается на некоторых вопросах религиозного понимания уголовного права.

Гольбах дает сатирическую характеристику религиозного понимания преступления. «Религия называет преступлением не те поступки, которые наносят вред обществу, а те, которые вредят духовенству. Величайшее из преступлений — это отсутствие веры, т. е. недоверие к духовенству, стремление проанализировать мнения. Преступно также обворовать ризницу, проявить презрение к священным предметам. Все эти преступления караются огнем — на этом или на том свете» (стр. 583).

В таком же сатирическом тоне характеризует Гольбах и отдельные виды так называемых религиозных преступлений. Богохульство — это «ужасное слово, придуманное духовенством для обозначения страшного преступления, совершенного теми, кто прикасается к священным предметам. Все, что вредит духовенству, вредит богу, который шуток не любит. Отсюда следует, что похитить что-нибудь у бога, который ни в чем не пуждается, — более гнусное преступление, чем обворовать бедняка. Чем богаче тот, у кого похищают, тем преступнее похититель. Следовательно, тот, кто украл у бога или его священников, заслуживает сожжения на костре; кто украл у богача, должен быть повешен, а кто обворовал бедняка, тому обычно бояться нечего» (стр. 531).

Особо выделяет Гольбах такое, считавшееся тягчайшим, преступление, как оскорбление божеского величия.

«Хотя всемогущее божество пребывает в состоянии вечного блаженства, оно в угоду духовенству допускает, чтобы беспрерывно нарушали это его состояние. То и дело оно оскорбляется мыслями, словами, пошутками своих созданий, чтобы священники, ремесло которых состоит в искуплении наносимых божеству оскорблений, не сидели сложа руки. Если бы бог не был так обидчив, касса духовенства очень скоро стала бы пустой» (стр. 576).

Далее он выделяет такое очень серьезное с точки зрения церковного уголовного права преступление, как «оскорбление святыни». По поводу него Гольбах замечает: «Ужасное преступление, состоящее в использовании предметов, которые духовенство называет священными, для надобностей, которые оно называет мирскими. Отсюда следует, что каждый осквернитель должен быть сожжен; об его преступлении нельзя составить себе никакого разумного представления, и поэтому оно должно быть чудовищным» (стр. 575—576).

Очень яркую характеристику дает Гольбах «смертоубийству». «Мирянин, — замечает он, — совершивший это преступление, подлежит обычному суду, духовное лицо — привилегированному. В некоторых странах духовенство пользуется правом грабить и убивать, не считаясь с правосудием. Впрочем известно, что церковь свыше получила право убивать еретиков и врагов веры или, по крайней мере, право поручать это дело мирянам, так как сама она гнушается кровопролитием» (стр. 598).

В заключение приведем данную Гольбахом характеристику инквизиции и аутодафе. Инквизиция — это «священный трибунал, состоящий из священников и монахов, которые не подчинены гражданским властям и пользуются само собой разумеющимся правом выносить безапелляционные приговоры и посылать на костер людей, выступающих против них. Благодаря этому святому трибуналу государи, пользующиеся его услугами, имеют счастье управлять правоверными подданными — набожными негодьями, всегда готовыми защищать церковь против светской власти. Очень жаль, что до сих пор Франция не поняла полезности такого святого трибунала» (стр. 552—553). Характеризуя аутодафе, Гольбах пишет: «Акт веры — сожжение живьем — вкусное угощение, время от времени подносимое божеству. Оно состоит из еретиков и евреев,

торжественно зажаренных для более верного спасения их души и в назидание зрителям. Известно, что милосердный отец всегда особенно любил это блюдо» (стр. 526—527).

Из приведенных нами высказываний видно, что энциклопедисты развили целостную систему прогрессивных уголовно-правовых взглядов в духе просветительной философии. В этой системе взглядов большое место занимает, во-первых, разоблачение феодального неправоудия, в особенности роли церкви в насаждении беззакония и репрессий, во-вторых, выяснение причин преступности, в-третьих, обоснование нового прогрессивного законодательства. Философы-материалисты Франции XVIII в. дали глубокое философское обоснование проблем уголовного права. Они сделали значительный шаг вперед по сравнению с представителями старшего поколения французского просвещения. Будучи сторонниками политически умеренных взглядов, стоя на страже института частной собственности, они, независимо от своих намерений, революционизировали правосознание передовых слоев общества, которые делали из их положений далеко идущие выводы. Неслучайно многие положения в области законности, правосудия, уголовного права, сформулированные этими философами, были восприняты и развиты в годы революции 1789—1794 гг.

4. Бриссо

I

Начало восьмидесятых годов XVIII в. во Франции характеризуется оживлением уголовно-политической мысли. Этому немало способствовали конкурсы на написание трудов, посвященных реформе уголовного законодательства, объявлявшиеся различными научными обществами. Новая уголовно-политическая литература была основана на идеях просвещения и гуманизма.

В работах прогрессивных французских юристов этого периода старые уголовные законы, старый суд подвергались более или менее решительной критике; предложения о реформе их содержали единодушные требования смягчить наказания, установить соразмерность между наказанием и преступлением, внедрить принцип законности в деятельность суда.

При изучении уголовно-политической мысли XVIII в. несомненный интерес представляют произведения Бриссо⁸⁵, одного из видных деятелей французского просвещения предреволюционной Франции, активного участника Французской революции, признанного вождя и идеолога жирондистской партии — партии крупной буржуазии.

В советской юридической литературе имя Бриссо неосновательно забыто. Между тем, если говорить не только об общих положениях нового уголовного права, процесса и судоустройства, но и о системе принципов этих отраслей права, в особенности же о конкретном решении наиболее важных институтов уголовного права, процесса и судоустройства с позиций просветительной философии XVIII в., то необходимо обратиться к энциклопедическому труду Бриссо «Теория уголовных законов».

Свою уголовно-правовую и процессуальную теорию Бриссо обосновывает наиболее умеренными взглядами представителей старшего поколения французских просветителей — Монтескье и Вольтера. Он не делал из сформулированных ими положений тех далеко идущих революционных выводов, которые сделали, например, Марат или Робеспьер, создавшие подлинно революционную теорию законности и правосудия. Написанная незадолго до начала революции «Теория уголовных законов» Бриссо соответствовала политическим чаяниям буржуазии и, несомненно, сыграла свою положительную роль в окончательном сломе феодального права, феодального правосудия.

В годы революции Бриссо, признанный вождь жирондистов, объединявших крупную торгово-промышленную буржуазию, становится ярким противником народных масс, врагом монтаньяров, врагом революционных преобразований Франции. Якобинская диктатура по-революционному расправилась с жирондистами и их вождями, послав последних во главе с Бриссо на гильотину. В период якобинской диктатуры уголовно-политическая теория Бриссо, ранее игравшая положительную роль в ликвидации

---

⁸⁵ Подробный биографический очерк о Бриссо написан Перру и помещен в кн.: J. P. Brissot. Correspondance et papiers. P., 1911. См. также: A. Aulard. La politique et l'éloquence de Brissot. «Révolution française», VIII—IX. P., 1884; «Ораторы революции», т. 2, русск. перевод, 1908, стр. 133—167; Г. Кунов. Борьба классов и партий в Великой Французской революции 1789—1794 гг. М., 1919, стр. 263—315.

феодалного уголовного права, процесса, суда и в становлении первого буржуазного уголовного кодекса, уступила место революционной теории Марата и Робеспьера. Но после крушения якобинской диктатуры, в особенности же тогда, когда создавался французский уголовный кодекс 1810 г. и позже, многие положения Бриссо вновь были использованы буржуазными законодателями для формирования уголовных законов.

Бриссо явился одним из тех криминалистов эпохи просвещения, который, пожалуй, в наибольшей степени подошел к конкретному решению уголовно-политических проблем в духе приходящей к власти буржуазии. Он был одним из первых среди тех юристов, которые перекинули мостик от философских и политических конструкций просветителей XVIII в. к конкретным юридическим нормам первого французского уголовного кодекса 1791 г.

Поэтому изучение уголовно-правовой теории Бриссо представляет большой интерес для выяснения генезиса буржуазного уголовного права, у истоков которого он находился.

Жак-Пьер Бриссо родился 15 января 1754 г. Происходил он из мелкобуржуазной среды; его дед был поваром; его отец, получивший при женитьбе в приданое дом, стал хозяином трактира в провинциальном французском городе Шартре. У него было шестнадцать детей. Успешно ведя свои дела, отец Бриссо оставил после смерти наследство, оцениваемое в сумме до 200 тысяч ливров. Однако Жаку-Пьеру досталась лишь незначительная часть наследства — всего несколько тысяч ливров.

В 1762 г. восьмилетний Бриссо поступил в шартрский коллеж, руководимый духовными лицами. В этом коллеже он пробыл до пятнадцатилетнего возраста. Он усердно изучал латынь, философию, историю и другие науки. В 1774 г., когда ему исполнилось двадцать лет, он покинул Шартр для того, чтобы начать работать в качестве первого клерка у прокурора парижского парламента Нолло. Вторым клерком у Нолло работал Максимилиан Робеспьер. В это же время Бриссо написал свое первое произведение «Философское исследование о праве собственности и о краже, рассматриваемых в природе и обществе». С переездом в Париж начинается новый период жизни Бриссо. Находясь в Париже и проработав около двух лет в канцелярии прокурора, он затем целиком отдается лите-

ратурной, научной и журналистской деятельности. Он познакомился с Лешге, вступил в переписку с Даламбером, писал Вольтеру, направил ему введение к своей «Теории уголовных законов». К концу этого периода относится и начало его работ по вопросам реформы уголовного законодательства и участие в различных конкурсах, объявленных академиями и научными обществами.

Бриссо участвовал в трех конкурсах. В конкурсе, объявленном в 1777 г. Бернским экономическим обществом (содержание этого конкурса было нами рассмотрено выше — в главе о Вольтере); в конкурсе, объявленном Шалонской академией в 1780 г. на тему «Каковы должны быть во Франции уголовные законы, наименее суровые и, однако, наиболее действительные для обуздания и подавления преступления быстрыми и примерными наказаниями, оберегая честь и свободу гражданина?»; в конкурсе, объявленном Шалонской академией в 1781 г. на тему «Должно ли общество возмещать обвиняемого, невиновность которого установлена?»

1 апреля 1789 г. Бриссо первым среди французских журналистов приступил к изданию газеты «Французский патриот», первый номер которой вышел перед открытием Генеральных штатов, а последний — в дни революционного переворота 31 мая — 2 июня 1793 г.

С конца 1791 г. и в течение 1792 г. Бриссо выступал в Якобинском клубе и в Законодательном собрании с рядом речей⁸⁶, в которых он призывал французскую нацию начать поход против монархической Европы. Эта идея, подхваченная всеми жирондистами, как известно, вызвала резко отрицательную оценку со стороны Робеспьера и его сторонников, считавших, что предложения Бриссо контрреволюционны, они ставят под удар завоевания революции и стремятся прикрыть внутренних врагов революции. Будучи в этот период признанным вождем жирондистов, он выступал против революционного движения масс, против всех мероприятий, связанных с социально-экономи-

---

⁸⁶ По мнению Олара, посвятившего Бриссо большую статью в журнале «Французская революция» и большой раздел в монографии «Ораторы революции», выступления Бриссо не отличались красноречием, были многословными, нередко банальными по содержанию. В них, однако, подкупала горячность автора и его стремление освещать вопросы практической морали.

ческими преобразованиями в интересах бедноты. Все больше отдаваясь работе в дипломатическом комитете, Бриссо перестает участвовать в Якобинском клубе.

В процессе Людовика XVI Бриссо занял двойственную позицию. С одной стороны, он не мог не вотировать смертной казни бывшему королю. С другой стороны, он всячески стремился сохранить ему жизнь. Поэтому он выдвинул предложение о том, чтобы смертный приговор не был приведен в исполнение до тех пор, пока весь народ не утвердит его.

Следует отметить, что произнесенная Бриссо 28 июля 1792 г. речь о несвоевременности суда над Людовиком XVI во многом уже лишила его былой популярности.

Будучи избранным в Конвент, Бриссо развил в нем большую активность, выступая непримиримым противником революционных мер, предлагаемых монтаньярами.

В связи со все обострявшейся борьбой между монтаньярами и жирондистами Бриссо в мае 1793 г. издал брошюру «Моим доверителям», в которой обрушился со злобными, клеветническими обвинениями против монтаньяров, против всей политики Конвента, против революционного террора.

События 31 мая — 2 июня 1793 г. привели к объявлению жирондистов контрреволюционерами. 2 июня было принято постановление об аресте руководителей жирондистов и в первую очередь Бриссо. Бриссо сделал попытку скрыться, но был задержан. Он предстал перед Революционным трибуналом, который присудил его к смертной казни. Этот приговор был приведен в исполнение 31 октября 1793 г.

Таковы основные вехи жизни Бриссо.

В биографии Бриссо очень ярко отразилась историческая роль и судьба жирондизма. В предреволюционную эпоху — Бриссо один из ярких, талантливых пропагандистов прогрессивной просветительной философии, борец против обветшалых идей и учреждений феодализма, сторонник реформы правосудия в духе просвещения. И, несмотря на всю умеренность его политической программы, Бриссо в предреволюционные годы играл несомненно прогрессивную роль. Такой же оставалась его роль и деятельность в начальный период революции. Но по мере развития революции, по мере восхождения на политическую арену революционной демократии, по мере усиления клас-

совой борьбы деятельность Бриссо как вождя и идеолога жирондистов становится все более и более контрреволюционной.

II

Литературное наследие Бриссо очень велико. Перру в своем издании «Мемуаров» Бриссо приводит название 115 его работ, опубликованных в период с 1774 по 1793 гг. Однако нас в данной работе интересуют лишь те произведения, в которых Бриссо непосредственно затрагивает вопросы уголовного права, процесса, судостройства. Среди этих работ можно назвать следующие:

1. «Философское исследование о праве собственности и о краже, рассматриваемых в природе и обществе».

2. «Средства смягчить строгость уголовных законов во Франции, не вредя общественной безопасности, или Речь, увенчанная Академией Шалон-на-Марне в 1780 году» (издана в 1781 г.).

3. «Отмщенная невинная кровь, или Речь о возмещениях, следуемых невинно обвиненным» (издана в 1781 г.).

4. «О независимости адвокатского сословия и об упадке адвокатуры во Франции» (издана в 1781 г.).

5. «Теория уголовных законов», в двух томах (издана в 1781 г.).

6. «Философская библиотека законодателя, политика, юриста, или выбор лучших речей, диссертаций, опытов, отрывков, составленных об уголовном законодательстве известнейшими писателями, на французском, английском, итальянском, германском, испанском и тому подобных языках для достижения реформы уголовных законов во всех странах, переведенных и сопровождаемых замечаниями и историческими наблюдениями», в 10 томах (издана в 1782—1785 гг.)⁸⁷.

«Философское исследование о праве собственности и о краже, рассматриваемых в природе и обществе», как указывает Бриссо в своих «Мемуарах», было написано и издано в 1774 г., а затем воспроизведено в его «Библиотеке» (в шестом томе).

---

⁸⁷ «Библиотека» представляет собой собрание произведений прогрессивных авторов по вопросам законности и правосудия. Подробная характеристика «Библиотеки» дана нами в книге «Уголовно-правовая теория Жана Поля Марата». Госюриздат, 1956, стр. 55—60.

В этой работе Бриссо, выясняя, «что такое собственность в природе», исходит из предположения, что в природе все движется, и каждое действие предполагает приложение одного тела к другому. Это приводит к изменению формы, что в свою очередь вызывает разрушение. Таким образом, разрушение — следствие развития. Природа, утверждает Бриссо, обусловила взаимное истребление всех существ; но она вместе с тем предоставила человеку с его многообразными потребностями возможность распоряжаться продуктами земли для удовлетворения этих потребностей. Собственность является телом, способным уничтожить другое тело для своего самосохранения. Собственник существует потому, что существуют потребности. Среди них главные — голод и любовь, и человек повинуетя им. Но наряду с главными, естественными потребностями существуют и другие, не вытекающие из законов природы, — всевозможные прихоти, стремление и роскоши и т. д.

Бриссо считает, что земля принадлежит всем людям. Поэтому собственность человека не ограничена местом его пребывания: он может пользоваться ею повсюду. Собственниками являются не только люди, но и животные, и растения. Все они, насытившись, предоставляют эту возможность другим. Бриссо приходит к выводу, что так как все «организованные тела» имеют право пользоваться всем тем, что удовлетворяет их потребности, то в естественном состоянии человек имеет право поедать себе подобных, и людоедство в подобных условиях не преступление.

Но каков же предел собственности? Собственность кончается с удовлетворением потребности. С того момента, когда человек, удовлетворив свои естественные потребности, удерживает собственность для удовлетворения своих искусственных потребностей, начинается преступление: удержание собственности в этих условиях причиняет ущерб другим индивидам.

Можно ли в естественном и общественном состояниях отчуждать право собственности, спрашивает Бриссо. Право собственности неотчуждаемо. Человек не может его отчуждать ни тогда, когда он еще не удовлетворил свои потребности, ни тогда, когда он их уже удовлетворил. В первом случае основанием неотчуждаемости права собственности будут неудовлетворенные потребности; во втором же случае человек, удовлетворивший свои потребности, уже не имеет права собственности.

Далее Бриссо выясняет соотношение гражданской собственности и кражи. «Вор в естественном состоянии — это богач; в обществе же вор — тот, кто похищает у богача». Поскольку в обществе установлены законы, карающие кражу, их следует уважать. Поэтому нужно всячески поддерживать гражданскую собственность. Однако не следует утверждать, что она имеет свои основы в естественном праве.

Наконец, Бриссо ставит вопрос: «следует ли наказывать смертной казнью или мучительными, или позорящими наказаниями в тех случаях, когда нужда покоряет вора». Если бедняк работой не может обеспечить удовлетворение своих жизненных потребностей, то он вправе потребовать это удовлетворение у богача. Следует ли для того, чтобы чтить гражданскую собственность, которая является лишь общественной узурпацией, заставлять бедняков погибать от голода и тем самым ослушиваться естественного закона, предписывающего соблюдать их интересы? Следует ли сохранять такой порядок, при котором для вора, совершающего преступление для того, чтобы не погибнуть от голода, нет иного наказания, кроме смертной казни? Давая отрицательный ответ на оба вопроса, Бриссо выражает надежду, что благодаря его труду судьи сделаются более снисходительными к несчастным голодающим беднякам, и это явится концом безнравственных веков.

Следует отметить, что позже, в годы революции, Бриссо-жирондист всячески стремился оправдать «грехи молодости» Бриссо — «молодого адепта философии». Однако при ближайшем рассмотрении эти «грехи молодости» у Бриссо не были уж столь велики. Академик В. П. Волгин очень точно оценивает эту работу Бриссо: «У Бриссо мы встречаем иногда восхваление первоначальной общности имущества, неопределенные пожелания об установлении порядка, при котором труд человека обеспечил бы его существование. Но все это — случайные замечания; по существу Бриссо делает из своей весьма „революционной“ теории собственности лишь очень скромные практические выводы, соответствующие основной цели его работы — доказательству излишней суровости и несправедливости существующих уголовных законов»⁸⁸.

---

⁸⁸ В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. Изд-во АН СССР, 1958, стр. 255.

Исчерпывающую характеристику этой работы Бриссо дал Маркс. Критикуя взгляды Прудона, Маркс указывал, что Прудон «не мог выйти за пределы того ответа, который дал Бриссо еще до 1789 г. в тех же словах и в подобном же сочинении: „Собственность — это кража“»

В лучшем случае из этого вытекает только то, что буржуазно-юридические представления о „краже“ применимы также к „честному“ доходу самого буржуа»⁸⁹.

Сделав попытку более или менее острого решения проблемы собственности в своем раннем произведении, Бриссо в последующих работах постоянно выступает горячим защитником института частной собственности как основы гражданского общества.

III

Обратимся к рассмотрению содержания «Теории уголовных законов» — главного труда Бриссо по вопросам уголовного права, процесса и судоустройства.

В «Предисловии» Бриссо отмечает, что уголовное законодательство еще никогда не рассматривалось с философской точки зрения, и он первый делает попытку в этом направлении. Цель «Теории», указывает Бриссо, разработать универсальный уголовный кодекс, пригодный «для любого климата и любого правительства». Разрабатывая принципы этого кодекса, Бриссо уделяет большое внимание вскрытию пороков существовавшего законодательства и практики его применения. Однако он сам признает, что развиваемая им критика неполна, как неполна и та система идей реформы законодательства, которую он использует. Бриссо считает, что в своей работе он не дает полной картины испорченности нравов, царящей в обществе, что он неполно разоблачает преступления деспотизма и не рассматривает в качестве преступлений «множество действий, дозволенных законами», но по существу являющихся преступными, что он мало говорит о «бесчестной торговле неграми» и о праве каждого человека отказаться от общественного договора, если этот договор не дает ему ожидавшихся благ, и т. д. Но к новым, прогрессивным идеям, по мнению Бриссо, можно приучать людей лишь постепенно, чтобы не отпугнуть от них. По мнению Бриссо,

---

⁸⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 350.

уже наступил момент для проведения реформы уголовного законодательства в духе гуманизма и просвещения. Многие государи стремятся к ней и уже осуществляют ее. И Бриссо упоминает имена Людовика XVI, Фридриха II, Екатерины II и др.

Подготовка реформы, указывает Бриссо, стала возможной в результате широкого распространения идей просвещения, развития политической морали, гуманизма. Политическая мораль объяснила людям, что человек стремится к счастью и для этого ему нужно очень немного, что люди «становятся хорошими гражданами или злодеями в силу того же интереса», что преступник — это большой или невежественный человек, которого нужно лечить или исправлять, что «жестокость наказаний ведет лишь к умножению преступлений». Политическая мораль научила людей тому, что «социальное бремя целиком падает на бедняка», который раньше и больше других людей испытывает на себе тяжесть и жестокость наказания. Составляя свой план, Бриссо предвидит, что он не будет сразу осуществлен, быть может вообще не будет исполнен, но в нем заложены идеи добра, которые приучат умы раскрывать пороки и злоупотребления и бороться с ними.

Свое «Предисловие» Бриссо направил Вольтеру, который в ответ написал ему: «Тот, кому вы, сударь, сделали честь написать и прислать план, далеко не великий человек, но он стремится быть им... Ваш труд будет достоин философии и законодательства; он будет способствовать счастью людей, если он написан с энергией, которая характеризует вступление, и т. д. и т. д.»⁹⁰.

Двухтомный труд Бриссо состоит из следующих пяти обширных глав: 1. Средства предупреждения преступления; 2. Таблица соразмерности преступлений и наказаний; 3. О судебных доказательствах; 4. Об уголовном судопроизводстве; 5. Об уголовных судах.

Как видно из названия глав, труд Бриссо охватывает все основные вопросы общей и особенной части уголовного права, основные вопросы уголовного судопроизводства и судоустройства. По существу «Теория уголовных законов» — это своеобразная «энциклопедия» уголовно-правовых наук, написанная под углом зрения просветительной

---

⁹⁰ J. P. Brissot. de Warville. *Théorie des loix criminelles*, t. I. P., 1781, p. II—III.

философии, пропитанная духом реформаторства. В этой работе Бриссо обнаруживает глубокое знание всех основных идей французского просвещения: идей Монтескье, Вольтера, Гельвеция, Руссо, — а также всех основных юридических произведений своей эпохи. Читатель, изучая труд Бриссо, одновременно знакомится и со всей современной Бриссо уголовно-правовой литературой.

В обширном «Введении» Бриссо формулирует основные, отправные принципы и идеи реформы уголовного законодательства.

Благородная, возвышенная цель гражданских законов принимается «варварской практикой»: правосудие слепо и жестоко карает проступки, порождаемые недостатками общественной организации; общество, будучи бессильным предупредить эти недостатки, стремится искупить их кровью, «воздвигая ограду из виселиц и эшафотов». Законы кажутся «наиболее сильным заговором против самых слабых, богатого против бедного, власти против человечества». Нелепость этих законов вытекает из того, что они карают моральные преступления, когда сами нравы испорчены, карают кражу, когда в обществе господствует нищета. Законы противоречат принципам природы. Рисую процесс развития законодательства, Бриссо указывает, что только с развитием просвещения, философии, морали удастся вскрыть пороки законодательства и наметить план его коренной реформы. В этой связи Бриссо в красноречивых выражениях упоминает Вольтера, Монтескье, Локка, Беккариа.

План уголовного кодекса должен быть основан единственно на разуме, который определит и природу преступлений и их классификацию, и соразмерное с преступлением наказание, и всю систему гуманного правосудия. Нужно покончить со всеми предрассудками в области уголовного права и процесса — с тайным судопроизводством и пытками, с жестокостью наказаний, с многочисленными «преступлениями», изобретенными деспотизмом, с несоразмерностью между наказанием и преступлением.

Бриссо указывает на три аспекта своего исследования.

1. Определение природы преступлений и их классификация в зависимости от климата, природы правления, нравов, религии; определение природы наказания, выводимой из природы преступления; составление «двойной таблицы» преступлений и соразмерных с ними наказаний как

гарантии справедливости и гуманности судебного приговора.

2. Выяснение природы и силы различных видов доказательств и презумпций; разработка принципов «простого судопроизводства».

3. Выяснение принципов организации судов.

Но, как указывает Бриссо, этими тремя вопросами, поставленными Бернским экономическим обществом, он не ограничивает свою задачу, а осложняет ее решением еще и других вопросов. В частности, особое внимание Бриссо уделяет вопросу о предупреждении преступлений. Вопрос этот, как отмечает Бриссо, никогда не вставал перед законодателями и мало развит даже философами. Между тем это коренной вопрос уголовного права, на котором Бриссо в дальнейшем останавливается очень подробно.

Разрабатывая свою уголовно-правовую теорию, Бриссо широко изучает старое и современное ему законодательство, имея в виду, что необходимо избежать содержащихся в нем ошибок и заблуждений. Он пришел к выводу, что большая часть старых законов «бесполезна или опасна». Поэтому лучше «набросить завесу на прошлое» и обратиться «к первоначальному учреждению общества», чтобы, сопоставляя его с современным состоянием, наиболее рационально построить законодательство.

В связи с этим Бриссо рисует схему происхождения общества. Общество образовалось из кочевых племен, стремившихся к миру. Первые законы были простыми: каждый человек, вступая в общество, добровольно пожертвовал частью своей свободы для того, чтобы спокойно пользоваться сохранившейся ее частью. «Священный залог» этих свобод был доверен избранным представителям общества или государям. Бриссо считает ошибочным представление о том, что общество произошло после создания гражданских законов: наоборот, законы были созданы после образования общества. Среди этих законов выделились те, в которых люди договорились о необходимости наказывать нарушения общественного спокойствия. Таким образом, заключает Бриссо, «никакое общество не может существовать без уголовных законов». Но эти законы оказались весьма различными у народов, живущих в условиях неодинакового климата, образа правления, религии, нравов и т. д. Если же говорить о принципах универсального уголовного кодекса, то они должны быть определены следующим

образом: уголовный кодекс должен быть ясным, простым, точным, неизменным и публичным, содержащим небольшое число принципов, лишенным казуистичности; он должен быть основан на принципе гуманизма. «Дух разума и гуманности должен руководить законодателем, который стремится к реформе», — заключает свое «Введение» Бриссо.

Первая глава «Теории» посвящена «средствам предупреждения преступления». Для оценки значения этой главы нужно вспомнить, что Монтескье, Вольтер, Беккариа и другие просветители, хотя и придавали огромное значение проблеме предупреждения преступлений, однако решали ее лишь в самом общем плане. Можно было бы привести большое число их высказываний по этому вопросу, очень ярких, но по сути дела не идущих дальше общего положения: лучше предупреждать преступления, чем их наказывать. Бриссо поставил перед собой задачу: на основе этих общих высказываний основоположников просветительной философии найти конкретное решение проблемы предупреждения преступлений.

Бриссо начинает эту главу словами Монтескье: хороший законодатель должен меньше обращаться к наказаниям преступлений, чем к предупреждению их; он должен больше стремиться преподать нравственность, чем применять казни.

В «хорошо устроенном законодательстве» наказание должно в большей степени устрашать, чем мстить, оно должно больше предупреждать преступления и должно как можно реже применяться: «частое применение наказаний является симптомом болезни правительств». Человек не рождается преступником, его делают таковым неудачи жизни, в особенности нищета. Человек становится преступником и перестает быть гражданином, когда теряет личное спокойствие и когда слово «гражданин» теряет для него всякое значение. Поэтому нужно сделать всех людей счастливыми, и тогда не будет преступлений. Между тем, законодатели стремятся наказать несчастного, который требует удовлетворения данных ему природой прав, вместо того чтобы предоставить ему эти права и удовлетворить их.

Из этих сжато изложенных общих положений Бриссо делает вывод: *первым*, наиболее действенным средством предупреждения преступления является мудрое управление, приносящее всеобщее благополучие. Характеризуя

«мудрое управление», Бриссо рисует картины счастливого человечества: необременительные налоги умножают число браков, народ с удовольствием трудится, увеличивая свои накопления, люди воздерживаются от посягательств на собственность и на жизнь своих ближних, все привязаны к своей родине и т. п.

Сопоставляя условия жизни в XVIII в. и в предыдущие века, Бриссо не жалеет красок для суровой оценки прошлого. Орды варваров превращали в ремесло истребление себе подобных; «тысячи малых сеньоров» были тиранами, грабившими земледельцев и торговцев, принуждали своих подданных нищенствовать, воровать, убивать для обеспечения своего существования; войны истощали народы; одни преступления порождали другие, государства были покрыты виселицами и эшафотами. В те века «гуманность была лишь неизвестным словом, честь — лишь подлым рабством, защитой черного вероломства». Но XVIII в., утверждает Бриссо, несет с собой подлинную реформу, ибо это век просвещения, разума, гуманности. Собственность и свободу нужно уважать, и тогда бедняк своим трудом «сумеет исправить несправедливость судьбы и уничтожить неравенство в распределении богатств»; в то же время и богач сможет безбоязненно существовать, так как никто не будет посягать на его достояние. Бриссо считает основой «хорошего законодательства» безопасность личной и земельной собственности. Но тут же, отдавая дань своим еще недавно развитым взглядам на собственность и кражу, он замечает: «... образцом политики было бы сделать собственность бесполезной, уничтожая ее, если бы это было возможно». Ссылаясь на законодательство Ликурга, он указывает, что оно было бы неприменимо в современных больших государствах; «его основой является уничтожение всей собственности, установление равенства между гражданами, а это равенство всегда будет здесь химерой». Поэтому Бриссо намечает в высшей степени умеренную программу для «хорошего законодательства», очерченную нами выше. В этой программе, конечно, нет и намека на какое-либо потрясение основ эксплуататорского строя.

Вторым средством предупреждения преступлений служит улучшение нравов. «... Законодатель, который пожелает иметь успех, должен стараться следовать по этому драгоценному пути улучшения нравов для того, чтобы

уменьшать или предупреждать преступления». Там, где существуют простые, строгие, чистые нравы, нет преступлений или же их очень мало. Наоборот, там, где распространены пороки, преступления оказываются в высшей степени многочисленными. Анализируя нравы в городе и деревне, Бриссо приходит к выводу, что в городе существует масса пороков, в то время как в деревне господствуют хорошие нравы. Нужно поддерживать хорошие нравы в деревне, препятствуя проникновению в нее «заразного городского воздуха». Нужно не допускать в деревню роскошь, необходимую в городе «для поощрения промышленности»; нужно не допускать, чтобы молодые крестьянки наряжались в модные платья (!), нужно не допускать в деревню «роскошь стола и мебелировки» (!), нужно запретить продажу деревенским жителям кофе (!). Следует далее ограничить въезд в сельские местности слуг богатых помещиков, солдат, прибывающих в отпуск, ибо и те и другие могут припрести с собой городские пороки. В мрачных красках рисует Бриссо нравы в больших городах, в особенности в столицах. Если у низших классов еще сохраняются некоторые нравственные устои, то этого нельзя сказать про высшие классы, погрязшие в пороках и разврате. И в этой связи Бриссо бичует пороки богачей, придворных и людей без профессии. Основное средство борьбы с пороками в городах — это широкое просвещение, развитие литературы и искусства, систематическое воздействие на нравы, особое внимание просвещению женщин.

Третье средство предупреждения преступлений, указываемое Бриссо, — это воспитание.

Бриссо указывает, что хорошее воспитание создает в «человеке из народа» общественные добродетели, любовь к ближним, к жене и детям, к слугам, веротерпимость, преданность к государю. Если дать людям хорошее воспитание, то они не будут совершать столько преступлений: не будет воров, посягающих на право собственности, не будет убийц, так легко посягающих на жизнь своих ближних, не будет многочисленных преступлений, совершаемых на почве религиозного фанатизма и нетерпимости. Поэтому Бриссо призывает создать широкую систему народного образования и народного воспитания как одно из важнейших средств предупреждения преступлений.

Четвертое средство предупреждения преступлений — это уничтожение нищеты.

Бриссо указывает, что наслаждения и собственность повсеместно вызывают нищету наиболее многочисленного класса людей, а нищета породила в свою очередь нищенство, которое, «похищая одной рукой для того, чтобы утолить голод, другой рукой вонзает кинжал в грудь богача, чтобы заглушить его крики». Нищенство является прямым следствием той системы, при которой воды, предназначенные для всех людей, направляются в частные каналы для исключительного пользования нескольких лиц, в результате чего человек, томимый жаждой, в отчаянии и с яростью обрушивается на собственника. Говоря о радикальном средстве борьбы с преступлениями и с нищенством, Бриссо вновь повторяет, что следовало бы восстановить среди людей «равенство условий», распределить богатства «в справедливой пропорции» между всеми людьми, «вырвать из их сердец» властолюбие и корысть. Но, заключает Бриссо, «эти романтические мысли должны быть отнесены к сказкам золотого века в числе других поэтических мечтаний». По его мнению, всегда будут существовать богатые и бедные, и задача состоит в том, чтобы, имея бедных, ликвидировать нищенство.

Рассматривая меры, осуществляемые в различных государствах для борьбы с нищенством, Бриссо считает их малоприспособленными паллиативами, более скрывающими, чем уничтожающими зло. К числу таких неэффективных мер Бриссо относит организацию смиренных домов. Более действенным средством он считает организацию общественной благотворительности. Но наиболее важным средством Бриссо признает ежегодное проведение учета населения, его экономического положения, его занятий, заработка, места жительства каждого гражданина и т. д. Соответствующие бюро ежегодной переписи будут опубликовывать свои материалы, на основе которых создастся возможность регулировать занятия людей. Бриссо считает, что это мероприятие позволит определить наличные ресурсы и потребности каждой провинции; станет возможным перераспределять рабочие руки, развивать торговлю, промышленность, сельское хозяйство в различных провинциях. Каждый человек сможет заниматься производительным трудом, и нищенство исчезнет...

Пятое средство предупреждения преступлений — это рациональная организация полиции и жандармерии. Это мероприятие обеспечит охрану общественного поряд-

ка, предотвратит скопление в городах преступных элементов.

Наконец, *шестое* средство предупреждения преступлений, предлагаемое Бриссо,— это организация ряда общественных учреждений. Бриссо рекомендует создавать общественные родильные дома, общественные воспитательные дома как лучшее средство предупреждения детоубийства и аборт, широкое развитие системы больниц и приютов. Установление более раннего возраста вступления в брак устраним многие посягательства на личность и нравственность. С другой стороны, Бриссо считает необходимым создание публичных домов...

Такова в целом система мер предупреждения преступлений, рекомендуемых Бриссо. Более чем умеренный характер этих предложений совершенно очевиден. Его беспомощность в решении экономических вопросов, даже с учетом конкретно-исторической обстановки, также совершенно очевидна. Следует признать, что предложенная Бриссо конкретная система мер предупреждения преступлений была неизмеримо более слабой, чем такая же система, предложенная в то же время Маратом в его «Плане уголовного законодательства». Но несомненной заслугой Бриссо было то, что, разрабатывая свою теорию уголовного права, он признал органической ее частью учение о предупреждении преступлений, сделал попытку комплексно решить вопрос о причинах преступности и на этой основе создать систему мер предупреждения преступлений. В этом нельзя не усмотреть зародыша системы, которая позже была создана буржуазной наукой уголовного права.

В первых двух «отделениях» второй главы рассматриваются общие вопросы учения о преступлении и наказании.

Бриссо указывает, что общие принципы уголовного законодательства, которые он формулирует для «всеобщего уголовного кодекса», должны быть конкретизированы законодателем каждой страны, с учетом «местных обстоятельств». План Бриссо — это «карта полушарий»; законодатели же на этой основе «создадут отдельные карты».

Опираясь на мысли Франклина, Бриссо видит основной признак, характеризующий преступление и отделяющий его от других проступков, во вреде, причиняемом людям. Преступление — это посягательство на общественные интересы, а также на частные интересы. Бриссо не согласен с

предложением Беккариа различать преступления против государства, общества и личности. Конкретизируя свою схему, он указывает, что общественные интересы охраняются законами моральными и гражданскими, т. е. политическими законами и законами религиозными. Личные интересы характеризуются тремя отраслями — честью, собственностью и безопасностью. Соответственно этому должны быть выделены преступления *публичные*, разделяющиеся на преступления моральные, гражданские (политические и религиозные), и *частные*, разделяющиеся на преступления против чести, преступления против собственности и преступления против безопасности. Таким образом, в отличие от Беккариа, предлагавшего *трехчленную* классификацию преступлений, Бриссо создает *двухчленную* классификацию, воспринятую французским уголовным кодексом 1791 г. Так как критерием преступления является причиненный вред, то из этого критерия вытекает, что мысли, чисто внутренние акты, не причиняющие никакого вреда, не могут быть признаны преступлениями.

Наименование преступлений, перечень преступлений, их классификация, по мнению Бриссо, не могут быть одинаковыми в различных государствах: они изменяются в зависимости от формы правления, климата, нравов, национального характера.

Бриссо указывает и на частные изменения, которые должны учитываться судом. Он требует различать обстоятельства, относящиеся к виновному, к личности потерпевшего, обстоятельства времени, места и т. д.

В числе обстоятельств, относящихся к личности виновного, Бриссо выделяет его телосложение, возраст, пол, воспитание, его частную жизнь и т. д. Особо выделяются субъективные намерения и мотивы: преднамеренность, гнев, неосторожность. Если нет субъективного намерения, то нет и преступления. Мотив преступления усугубляет или смягчает наказание. Бедняк, совершивший кражу, находясь на краю гибели, заслуживает прощения. В этих положениях Бриссо нельзя не усмотреть в «зародышевом состоянии» будущую буржуазную теорию вины и субъективного вменения. Положение в обществе, воспитание, образование также должны быть учтены при определении ответственности и наказания: чем более высоким является положение человека, тем более ответственным он должен быть признан. Точно так же, чем более высок уровень

воспитания и образования виновного, тем более ответствен он за совершенное им преступление.

С такой же точностью должны взвешиваться и обстоятельства, относящиеся к потерпевшему, и обстоятельства, относящиеся к времени и месту совершения преступления, и т. д. Закон должен предусматривать общие обстоятельства, а судья, основываясь на них, учитывать все частные обстоятельства, характеризующие преступление, преступника, потерпевшего. В этих положениях Бриссо содержится первая попытка обосновать индивидуализацию наказания, систему отягчающих и смягчающих вину обстоятельств.

В заключение общей характеристики преступления Бриссо приводит схему — двойную шкалу преступления и наказания.

Мера преступления — это вред, причиненный общему или частному интересу; мера наказания — это возмещение вреда, причиненного общему или частному интересу. Соответственно этому политические и гражданские преступления должны наказываться гражданскими наказаниями — телесными, денежными, фискальными, калечащими, трудовыми, порабощающими; преступления против жизни и безопасности должны наказываться телесными наказаниями; преступления против собственности — денежными и телесными наказаниями и т. д.

Далее Бриссо более подробно рассматривает общие принципы наказания. Он определяет наказание как искупление виновным преступления, имеющее целью возмещение ущерба, причиненного общему или частному интересам. Так как истинной мерой наказания является, по мнению Бриссо, характер и размер причиненного преступлением вреда, то система и виды наказаний должны точно соответствовать системе и видам преступлений; между наказанием и преступлением должна быть установлена строжайшая соразмерность. В соответствии с этими общими положениями Бриссо формулирует двенадцать принципов, которым должны отвечать наказания в «хорошо устроенном кодексе». Приведем их в той последовательности, в которой они сформулированы Бриссо.

1. Истинная мера наказания состоит в восстановлении общественного порядка или в возмещении причиненного ущерба. Между преступлением и наказанием должна быть установлена точная моральная, а не арифметическая про-

порция. Любое преступление, легкое и тяжкое, должно быть взвешено на одних и тех же весах. Наказание, несоответствующее с преступлением, является бесполезной для государства жестокостью.

2. Для того чтобы наказание было соразмерно преступлению и не было произвольным, необходимо выводить его из природы преступления.

3. Всякое наказание должно быть полезным. Наказание публичного преступления преследует цели: возместить причиненный общественному порядку ущерб, дать обществу наглядный пример, лишить виновного возможности причинять ущерб обществу.

4. «Нет преступника до получения полного доказательства и нет наказания до полного доказательства преступления». Поэтому виновный сначала должен быть уличен, а затем уже наказан; всякое предварительное наказание в виде тюремного заключения или пытки является неоправданной жестокостью.

5. Приведа положение Монтескье о том, что всякое наказание, необходимость которого не абсолютна, становится тираническим, Бриссо делает два вывода: нужно избирать такое наказание, которое, будучи соразмерным преступлению, вместе с тем явится наименее жестоким, но произведет наиболее длительное и эффективное воздействие на людей; жестокость же наказания — бесполезное варварство.

6. Не следует связывать наказание преступника с его положением в обществе, ибо преступник теряет привилегии своего общественного положения.

7. Наказание должно быть применено только к самому преступнику, не затрагивая его семьи.

8. Не следует наказывать те преступления, огласка которых нарушает стыдливость.

9. Если виновный уличен, то судья должен поступить с ним по всей строгости закона.

10. Излишне и бесполезно называть такое преступление, которое по своей природе не должно быть наказано.

11. Применение наказания к невменяемому унижает правосудие и нарушает его цели.

12. Слишком частое применение наказаний притупляет их эффективность.

Определив общие принципы наказания, Бриссо обращается к рассмотрению отдельных видов наказаний,

предварительно установив следующую их систему: телесные наказания, бесчестящие наказания, денежные наказания, религиозные наказания.

Телесные наказания, говорит Бриссо, — это наказания смертельные, калечащие и лишающие свободы. Он уделяет большое внимание обоснованию необходимости отмены смертной казни. При этом, как он сам указывает, он воспроизводит аргументацию Беккариа. Приведем ее здесь в интерпретации Бриссо. Смертная казнь не может быть результатом общественного договора. Страх перед смертной казнью, как показывает опыт, никогда не останавливает преступников. Мгновенная суровость смертной казни меньше устрашает, чем впечатление от длительного исполнения наказания преступника, приговоренного к долгосрочному или пожизненному лишению свободы, соединенному с тяжчайшими работами и находящегося в тяжчайших условиях заключения. Смертная казнь неделима и невознагражима. Она ожесточает общество и приводит к росту кровавых преступлений.

Бриссо возражает Руссо и тем юристам, которые считают необходимым сохранить смертную казнь. Он предлагает оставить «деспотизму, который, терзая себя самого, терзает и других, его колеса, виселицы, костры, его изысканные казни, в которых все искусство фаларисов кажется исчерпавшим себя в истреблении человеческого рода». Смертная казнь должна быть отменена; ее следует заменить наказанием, достаточно устрашающим и вместе с тем полезным для общества. Таким наказанием Бриссо считает лишение свободы, соединенное с работами различной тяжести и различной продолжительности: работы в колониях, в шахтах, осушение болот, распахивание земель, сооружение зданий, общественных дорог и т. д. Эти наказания будут разграничиваться в связи с характером и размером причиненного преступлением ущерба. Рисую положение приговоренного к уголовному рабству (каторжным работам) пожизненно, Бриссо пишет: «...не раз он будет завидовать колесу, костру, но у него не будет даже ужасного утешения — положить голову на эшафот».

Для того чтобы устрашающий эффект наказания — каторжных работ — был равнозначен устрашению смертной казнью, Бриссо рекомендует, чтобы виновный до направления его в шахты и на общественные работы неоднократно выставлялся бы публично, чтобы в дальнейшем

люди имели возможность посещать места работы осужденных с той целью, чтобы наглядно видеть весь ужас их положения. Кроме того, Бриссо рекомендует клеймение преступников, приговоренных к тягчайшим наказаниям. Так, всячески обосновывая необходимость отмены смертной казни, Бриссо не жалеет красок для того, чтобы обрисовать тяжкое положение приговоренного к уголовному рабству.

Калечащие телесные наказания Бриссо считает политической жестокостью и бессмысленностью. Но, говоря о других видах телесных наказаний, Бриссо рекомендует все же сохранить битье палками, клеймение, ношение тяжестей, битье кнутом. «Из всех телесных наказаний,— говорит Бриссо,— нужно сохранить те, которые могут наказывать виновного, не уничтожая его и не повреждая его личности, и которые, наказывая виновного, приносят пользу государству».

В «Теории уголовных законов» Бриссо один из первых сформулировал основные принципы будущей пенитенциарной науки.

Бриссо прежде всего указывает, что предварительное заключение и лишение свободы как мера наказания принципиально совершенно различные понятия, и поэтому необходимо предусмотреть разные тюрьмы для обвиняемых и для осужденных.

Очень яркими красками рисует Бриссо положение заключенных в современных ему тюрьмах; он называет их адским жилищем, заразной клоакой; он описывает тягчайшие злоупотребления тюремщиков и ужасные мучения, претерпеваемые заключенными. Он возвышает свой голос и против секретных тюрем и против смиренных домов и всех других «пещер отчаяния».

Рисуя план реформы тюрем, Бриссо исходит из следующих предпосылок: организация отдельных тюрем для обвиняемых и осужденных; раздельное содержание различных категорий заключенных — воров, убийц; запрещение произвольного лишения свободы без достаточных оснований; отказ от излишних жестокостей тюремного заключения; превращение тюрем в учреждения, полезные обществу; внедрение в тюрьмы производительного труда; исправление преступников производительным трудом; обеспечение необходимых санитарных условий содержания заключенных; подбор просвещенных тюремных работников,

сочетающих в своей деятельности необходимую суровость с гуманным отношением к заключенным. Приводя «набросок плана общей тюрьмы», Бриссо опирается на уже проводимые в тюрьмах реформы и развивает их. Этот план тюремной реформы несомненно представляет интерес, и мы останавливаемся на нем.

«Общая тюрьма» состоит из четырех отделений, различающихся контингентом заключенных и установленным в них режимом. Первое отделение — для женщин и детей, второе — для несостоятельных должников, третье — для распутников и нарушителей общественного спокойствия, наконец, четвертое — для наиболее тяжелых и опасных преступников. В первом и во втором отделении заключенным предоставляется кровать и сносная пища; в третьем и в четвертом — солома для сна, в качестве пищи — хлеб и вода; на заключенных налагаются оковы.

В каждом отделении, состоящем из большого числа камер, — общие комнаты и мастерские. Работы в тюрьмах соразмеряются с силой и способностями заключенных, с характером совершенных ими преступлений. Одни будут тесать камни и производить химические работы, вредные для здоровья; другие — заниматься более легкими работами в мануфактурных мастерских. В тюрьмах установится твердый распорядок жизни; заключенным обязательно должны быть предоставлены прогулки. В каждой тюрьме будет сооружена часовня для ежедневных богослужений. Заключенным, усердно трудящимся, предоставят некоторые льготы. Трудом и религией будут стремиться исправлять заключенных.

На дверях тюрьмы должен быть помещен устрашающий эпитаф, вывешены цепи, стены тюрьмы должны быть окрашены в черный цвет. Два раза в год в тюрьмы допускаются все желающие, которым предоставят «зрелище исправления преступления».

Такова пенитенциарная система, предложенная Бриссо. Многие из приведенных положений Бриссо были восприняты карательной системой французского Уголовного кодекса 1791 г. и последующими кодексами Франции и других государств. А развитые им теоретические положения легли в основу первых буржуазных пенитенциарных систем.

Бриссо считает «триумфом хорошего законодательства», когда достаточно одного общественного мнения для

наказания посягательств на общественные нравы, на национальный дух и на общественную безопасность. Если у народа господствует чувство чести, то он счастлив, ибо у него почти нет необходимости в уголовном законодательстве. «Чем более чисты и нетронуты нравы, тем больше сила обещивания». В применении бесчестящих наказаний следует соблюдать строгую экономию, не расточая их и ограничивая их только личностью виновного.

Характеризуя денежные или фискальные наказания, Бриссо полагает, что они предназначены для возмещения ущерба, причиненного потерпевшему от преступления, или же они обращаются в пользу государства. Однако применение их должно быть строго ограничено.

Наконец, Бриссо обращается к религиозным наказаниям. Он считает, что сферу применения таких наказаний необходимо резко сократить; следует отметить все привилегии, ранее установленные для церковнослужителей в отношении изъятия их дел из светской юрисдикции. При этом служители церкви должны быть лишены права применять религиозные наказания к гражданам.

В заключение Бриссо останавливается на помиловании. Он считает, что всякое помилование — нарушение закона или свидетельство того, что сам закон плох. Поэтому нужно создать такие законы, которые исключают необходимость помилования. Оно допустимо только тогда, когда сам суд, признав лицо виновным, сочтет необходимым обратиться к верховной власти с просьбой о смягчении участи этого лица.

Таковы те вопросы общего учения о наказании, которые Бриссо рассматривает в своей «Теории уголовных законов».

Рассмотрев, таким образом, некоторые казавшиеся ему наиболее важными вопросы общей части уголовного права, Бриссо посвящает обширное третье отделение второй главы «Таблице публичных преступлений и наказаний, которые они заслуживают». По существу это система особенной части уголовного права.

Первый класс преступлений, рассматриваемый Бриссо, — это моральные преступления. Они оскорбляют только общественное мнение, и это последнее единственно только и может наказывать за них. Поэтому нужно воздерживаться от применения наказания, которое бессильно удержать от совершения этих преступлений.

Бриссо подробно рассматривает «моральные преступления», к которым он относит конкубинат, обольщение, распутство, кровосмешение, прелюбодеяние, многоженство, содомию, скотоложество, безбрачие, обнародование безнравственных произведений и некоторые другие.

Представляют интерес рассуждения Бриссо по поводу соотношения естественной и политической морали. В основе естественной морали лежит принцип индивидуальной пользы; в основе политической морали — общественный интерес. Политическая мораль призвана согласовать личные и общественные интересы. Понятие справедливого и несправедливого изменчиво, оно обусловлено образом правления, климатом, религией, темпераментом. Рассматривая естественные и искусственные человеческие страсти, Бриссо приходит к выводу, что развитие искусственных страстей, вызывая все большие траты материальных средств на их удовлетворение, способствует общественному богатству, дает работу неимущим. Поэтому не следует призывать к ограничению наслаждений, к умеренности. Наоборот, нужно всячески развивать мануфактуры, торговлю, развивать роскошь, а не устранять ее. Уголовное законодательство меньше всего должно заниматься регулированием нравов. Сама общественная мораль по мере ее развития и укрепления будет бороться с преступлениями против морали.

При рассмотрении этих преступлений, Бриссо высказывает ряд своеобразных положений. Нужно использовать публичный конкубинат на благо общества, создав систему государственных публичных домов. Бриссо детализирует свой план: во главе этих учреждений назначать «суровых просвещенных директоров», врачебный контроль. И тогда публичный конкубинат «станет убежищем нравов, освященных природой, отраслью богатств государства, учреждением для роста населения».

Бриссо рассматривает и вопрос о нищих и бродягах. Нищенство — это продукт лени, но чаще это результат недостатков правления. Лучшее средство для предупреждения нищенства — дать работу нуждающемуся в ней. Наказание нищего в «заразных тюрьмах» не устраняет нищенства. Нужно развивать сельское хозяйство, торговлю, мануфактуры, уничтожать или уменьшать налоги и т. д.

Следующий класс преступлений — это преступления публичные, или против государства.

Государственная измена, направленная к ниспровержению существующей формы правления, должна сурово наказываться: гражданским отлучением, вечным тюремным заключением или изгнанием, конфискацией имущества. Но наряду с наказаниями Бриссо указывает на то, что необходимо устранить недостатки правления.

Конструируя систему государственных преступлений, Бриссо далее указывает на преступления подданных против королей и глав правительств, против самого государства, на преступления иностранцев против государства, на преступления в области финансов и торговли, на преступления против народонаселения, против правосудия, на преступления королевских слуг. Особо он выделяет преступления королей против их подданных: резня, тайные приказы об аресте, чрезмерные налоги, тирания. Но, в отличие от других государственных преступлений, каждому из которых соответствует мера наказания, вытекающая из «природы преступления», в отношении этих преступлений Бриссо безмолвствует...

Представляют интерес общие соображения Бриссо относительно государственных преступлений.

Государственные преступления, посягающие на интересы общества, должны быть признаны наиболее тяжкими. Это действия, направленные на разрушение или повреждение формы правления, принятой и установленной с общего согласия. Понятие государственного преступления, в особенности оскорбления величества, должно быть значительно сужено. Это преступление существует лишь при плохом правлении. Поэтому нужно в первую очередь устранять пороки правления. Чем больше обвинений в преступлениях оскорбления величества, тем больше доказательств наличия этих пороков. Отсюда Бриссо делает два вывода: при хорошем правлении нет или почти нет преступлений против государства и короля; за оскорбление величества следует применять смягченные наказания и изыскать верные средства для предупреждения этих преступлений. Рассматривая далее государственную измену и цареубийство, Бриссо подчеркивает, что его больше интересуют средства предупреждения «этих ужасных посягательств», чем наказание их.

Рассматривая под углом зрения смягчения наказания за различного рода государственные преступления, Бриссо выдвигает четыре критерия для измерения наказания за

такое государственное преступление, как мятеж. Во-первых, причины мятежа (недовольство изголодавшегося народа, притеснения со стороны судей и тому подобные явления). Во-вторых, число виновных. В-третьих, свойство мятежа и, в-четвертых, последствия мятежа. Четвертый критерий, по мнению Бриссо, главная мера преступления.

Бриссо — противник суровых наказаний шпионов, которые, с его точки зрения, являются одним из дозволенных орудий ведения войны. Он за смягчение наказания за дезертирство, а также за подделку денег, за контрабанду, и т. д. Бриссо противник наказуемости самоубийства.

Следует остановиться на том месте рассматриваемого раздела, где Бриссо говорит о «роде безнаказанных преступлений». В оценке преступлений королей он проявляет большую осторожность. С одной стороны, он пишет, что «мог бы составить здесь перечень всех королевских преступлений, которые залили кровью почти все троны вселенной...» Но, спрашивает Бриссо, какую пользу принесло бы это обществу? Народ не услышал бы этого. А «просвещенным монархам» нет нужды напоминать о преступлениях их предшественников: они сами, полагает Бриссо, заинтересованы в коренной реформе законодательства. Но, когда речь заходит о королевских слугах — министрах, чиновниках, судьях, откупщиках, — он говорит о необходимости сурово наказывать их преступления.

В целом же раздел о государственных преступлениях, предлагаемый Бриссо, характеризуется стремлением наибольшего сужения перечня этих преступлений; попытками каждый раз, когда представляется к этому случай, сослаться на необходимость устранения пороков правления; стремлением рассматривать государственное преступление как конкретное деяние, но не как выражение мысли; последовательно проводимой линией на смягчение наказания за эти преступления.

Раздел о государственных преступлениях Бриссо завершает краткими соображениями о соучастии в преступлении. Он считает соучастником преступления того, кто умышленно и по доброй воле участвует в преступлении прямо или косвенно, или советом. Наказывая соучастника, нужно выяснить его намерение и степень содействия преступлению и причинению ущерба. Наказание соучастника должно быть соразмерным его частичной вине. Здесь также нельзя не усмотреть стремления Бриссо сузить от-

ветственность соучастников преступления, столь широкую в его время, в особенности по государственным преступлениям. Хотя мысли Бриссо о соучастии в преступлении изложены лаконично, в них нельзя не усмотреть зародыша новой теории соучастия, в основу которой положен принцип субъективного вменения и индивидуализации ответственности и наказания.

Вслед за государственными преступлениями Бриссо помещает религиозные преступления. Он предпосылает им девиз: «Всеобщая религиозная веротерпимость».

Бриссо различает три группы религиозных преступлений: преступления против веры, религиозной дисциплины и собственности церкви.

Помещая религиозные преступления после преступлений государственных, Бриссо исходил из убеждения, что этот вид преступлений является по отношению к общественному порядку «менее важным и менее предосудительным». Стремясь к наибольшему сужению понятия религиозного преступления, Бриссо сводит его к трем упомянутым группам.

В первой группе Бриссо упоминает ересь, которая, с его точки зрения, вообще ненаказуема, и магию, являющуюся мнимым преступлением. Он считает «истинными общественными еретиками», истинными преступниками тех, кто, основываясь на религиозной нетерпимости, преследует людей за их мнения, за их религиозные убеждения. Таким образом, первая группа религиозных преступлений, по мнению Бриссо, вообще должна быть исключена из уголовного кодекса.

Во второй группе религиозных преступлений Бриссо упоминает простое богохульство, тайное святотатство, конкубинат священников, похищение священником монахи и др. Если деяние нарушает общественные интересы, оно должно наказываться, но как простое, а не как религиозное преступление. Если же оно нарушает интересы религии, то должно наказываться тайными религиозными наказаниями. Поэтому, например, похищение священником монахини не является религиозным преступлением, и если оно будет наказано, то как обычное похищение. Этот же принцип положен Бриссо и в основу оценки преступлений против собственности церкви.

Таким образом, Бриссо, хотя и включает религиозные преступления в систему уголовного права, но он по

существо сводит на нет весь раздел феодального уголовного права, посвященный религиозным преступлениям. Значительную часть этих преступлений Бриссо объявляет вообще непроступными. Другую часть религиозных преступлений он сводит к обычным уголовным преступлениям. Наконец, в отношении небольшого числа чисто религиозных проступков Бриссо придерживается взгляда, что они должны наказываться тайно самой церковью. Как известно, французский уголовный кодекс 1791 г. пошел по этому пути и исключил религиозные преступления из числа уголовно-наказуемых деяний.

К числу преступлений против здоровья граждан Бриссо относит легкие, тяжкие и смертельные насилия, простое убийство, отравление, отцеубийство, детоубийство, совершенное из-за нищеты и из-за страха позора, убийство по невежеству, неумышленное убийство, убийство, совершенное для самозащиты, и некоторые другие.

Насилие, говорит Бриссо, является злоупотреблением силой, оскорбляющим личность гражданина. Поэтому оно заслуживает телесного наказания. Было бы отступлением от общего принципа — выводить наказание из природы преступления — установление денежных наказаний за эти преступления: это означало бы создать привилегию совершать преступления для богатых людей, и «тяжесть уголовного наказания падала бы только на бедного». Следует различать насилия по степени наносимого ими вреда и соответственно этому определять различные виды телесных наказаний.

• За насилие, не опасное для здоровья, целесообразно допустить вид талиона, но его не следует распространять слишком далеко. Суд должен оценивать все обстоятельства совершения насилий и сообразовать с ними наказание. При причинении телесных повреждений должна быть произведена экспертиза для определения степени тяжести причиненных повреждений.

Переходя к рассмотрению убийства, Бриссо прежде всего замечает, что месть убийце должна быть строго ограничена. «Когда мудрые установления уничтожат почти целиком нищенство, обыкновенную причину краж, когда воры не будут более вынуждены благодаря неразумной суровости законов убивать граждан, которых они задерживают, чтобы уменьшить число свидетелей их преступлений, тогда убийц будет меньше». Нужно сделать

людей счастливыми, и тогда не будет убийств: воспитание, работа, религия, благополучие, умеренные наказания — таковы средства предупреждения убийств. Что же касается наказаний за убийство, то Бриссо отвергает смертную казнь и рекомендует вместо нее вечное рабство, тяжелые работы, бесчестье. Продолжительность и тяжесть этих наказаний должна соразмеряться с тяжестью содеянного. Поэтому суд должен учитывать следующие обстоятельства: мотив убийства, оружие, местность, время, обстановку, субъекта преступления.

После этих общих соображений относительно убийства и его наказуемости Бриссо более подробно рассматривает некоторые его виды. Так, он выделяет простое убийство и покушение на него, считая, что при наказании за покушение на убийство преследуется цель не столько покарать несовершенно преступление, сколько «связать руки» покушавшемуся. Отравление должно караться более сурово, чем прочие виды убийства, так как оно тайное, редко оставляет следы, его легче совершить и оно более опасно. Сурово должно наказываться и отцеубийство. Но Бриссо предостерегает против мнимого отцеубийства, когда отцеубийцей признается раб, посягнувший на своего хозяина, или подданный, посягнувший на своего государя. Говоря об убийстве, совершенном в целях самозащиты, Бриссо считает его вообще непроступным.

Следующий раздел в системе особенной части, предложенной Бриссо, — это преступления против чести: оскорбление, пасквили, диффамации, изнасилование и т. д.

Честь человека охраняет его репутацию, она является аккредитивом, в обмен на который общество предоставляет человеку свое уважение. Поэтому наказание за оскорбление и клевету должно быть соразмерным степени унижения чести; при этом должны учитываться особенности понятия чести, существующего в обществе у различных людей, принадлежащих к различным классам и рангам.

Бриссо отрицает необходимость наказания за прелюбодеяние, считая, что допущение развода при прелюбодеянии — единственная мера удовлетворения оскорбленной стороны.

Перечень преступлений против чести, предложенный Бриссо, очень краток, о чем он сам говорит. Понятия о чести очень изменчивы и очень различны, и поэтому, указывает Бриссо, было бы невозможно установить единые

правила о наказуемости посягательств на честь для всех народов.

Рассматривая имущественные преступления, Бриссо предпосылает этому разделу девиз: «нет нищих — нет воров». Кража не является естественным преступлением, это общественное преступление. Человек — собственник в пределах своих потребностей, которые сами по себе очень ограничены. Поэтому кража, совершенная лицом, не удовлетворившим своих потребностей, у лица, обладающего излишками, в природе не может рассматриваться в качестве преступления. Но в обществе «спутали все представления о собственности». Повторяя слова Беккариа, Бриссо называет право собственности «ужасным правом». Люди распространили его слишком далеко, нарушили равновесие, установленное природой между всеми существами, обладающими приблизительно одинаковыми потребностями. «Благодаря изгнанию равенства появились гнусные различия между богатыми и бедными. Общество разделилось на два класса: первый составили граждане-собственники, живущие в изобилии и безделии; второй — гораздо более многочислен, состоит из народа, которому дорого продали право на существование, который унизили и осудили на вечный труд». Для того чтобы закрепить право собственности, установили жесточайшие наказания для его нарушителей, не задумавшись о причинах множества посягательств на собственность. И Бриссо призывает изгнать эти жестокие законы. Учитывая, что кража — это преступление бедных, что вызвана она главным образом нищетой, нужно попытаться уничтожить эту последнюю «вместо того, чтобы всегда предавать жертвы в кровавые руки палачей». Нужно использовать несчастных в земледелии, торговле, в мануфактурах, в мореплавании. Но если все же применять наказания к ворам, то следует добиться того, чтобы воров приносили пользу государству. Если вор является собственником, он должен возместить стоимость причиненного кражей ущерба. Если же он бедняк, не имеющий собственности, то его следует приговорить на известный срок к рабству, чтобы он своим трудом возместил причиненный ущерб. Поэтому, определяя наказание за кражу, суд должен установить, кем, в какое время, в каком месте, у кого, на какую сумму, по каким мотивам была совершена кража.

В приведенных выше положениях Бриссо о природе

кражи несомненно чувствуются отголоски тех «вольностей», которые он несколько раньше высказал в своем трактате о собственности и краже. Но в «Теории» они сформулированы более лаконично и более завуалированно.

Помимо кражи Бриссо рассматривает поджоги, которые он также предлагает карать полезными для государства наказаниями. Аргументация Бриссо полностью воспринята им у Вольтера. Бриссо предлагает отказаться от преследования крестьян за браконьерство. Он очень резко критикует французское законодательство за безжалостное преследование бедняков-браконьеров.

Интересно для характеристики уголовно-правовой теории Бриссо отметить, что он считал необходимым сурово наказывать за подлог, который ослабляет торговлю, за злостное банкротство, которое также посягает на интересы торговли.

IV

Третья глава «Теории уголовных законов» посвящена судебным доказательствам. Бриссо начинает эту главу с утверждения, что во всяком уголовном деле до вынесения приговора необходимо предварительно установить, было ли совершено преступление и кто его совершил. Таким образом, центральный вопрос в уголовном процессе — это определение доказательств преступления. Критикуя старую юриспруденцию, Бриссо выдвигает несколько общих принципов для оценки доказательств. Доказательства неделимы: нет половины или четверти доказательств. Доказательства могут быть лишь достоверными или недостоверными. Бриссо различает три вида достоверности: метафизическую, физическую и моральную. Анализируя каждую из них, он основное внимание обращает на моральную достоверность, источники которой таковы: признание обвиняемого, свидетельские показания, письменные доказательства, заключения экспертизы, совокупность улик.

Может ли признание обвиняемого служить доказательством для его осуждения, спрашивает Бриссо. Для решения этого вопроса, нужно различать случаи, когда признание добровольно, или когда оно вынуждено, или когда оно подтверждается другими уликами или доказательствами. Критикуя мнение старых юристов, что добровольное признание обвиняемого образует полное доказательство, Бриссо считает это мнение порождением веков варварства,

порождением «страшного трибунала инквизиции». С еще большей силой критикует он мнение, что вынужденное признание обвиняемого может быть положено в основу обвинения. Безоговорочно отвергая его, как и самый метод получения такого признания, основанный на пытке, Бриссо приходит к конечному выводу, что добровольное признание обвиняемого должно сочетаться с другими доказательствами. Но это возможно только тогда, когда признание будет неспровоцированным, точным, сделанным не по ошибке или из-за страха, сделанным вменяемым человеком, при наличии хорошо установленного состава преступления, в сочетании с ясными и неизменными показаниями несколько свидетелей.

Бриссо подробно рассматривает и оценивает значение свидетельских показаний. Он выясняет свойства правдивого и неправдивого свидетеля, определяет, какие свидетели могут быть допущены и каково должно быть их число. Каждый человек может быть допущен в качестве свидетеля, но при этом должны быть выяснены все обстоятельства, могущие охарактеризовать личность свидетеля.

Бриссо придает большое значение доказательству, полученному от экспертов. Вместе с тем он отмечает большие погрешности в организации экспертиз и на ряде примеров показывает необходимость критически относиться к заключениям экспертов.

Большое место в третьей главе занимает рассмотрение улик и презумпций. Бриссо называет этот вид доказательств обманчивым и роковым. Доказательство, получаемое из улик, имеет весьма относительную ценность, причем недопустимо простое арифметическое их сложение. Поэтому нужно отбросить классификацию улик несомненных, сильных, легких, двусмысленных и т. д. Резко критикуя высказывания юристов по вопросу об уликах и презумпциях, Бриссо призывает судей очень осторожно относиться к тем и другим.

Четвертая глава «Теории» посвящена уголовному судопроизводству. Здесь Бриссо выдвигает ряд общих принципов. Расследование преступлений должно быть быстрым, но вынесение приговора должно быть медленным. В соответствии с этим необходимо построить уголовный процесс, в котором будут согласованы и общественный и личный интерес. Анализируя действующее право, Бриссо убеждается в том, что обычно медленность уголовного судопроиз-

водства «оборачивается против самого обвиняемого»: обвиняемого лишают свободы до его осуждения, медленно расследуют его дело, изнуряют его допросами, унижают его, а затем быстро выносят и исполняют приговор. От такого судопроизводства необходимо отказаться. «Установим быстроту в расследовании и медленность в вынесении приговоров, и тогда будут согласованы столь противоположные интересы общества и обвиняемого».

Указывая на три «ветви» судопроизводства, Бриссо упоминает установление преступления, розыск виновного, вынесение приговора. Преследование государственных преступлений должно быть предоставлено уполномоченным суверена или всем гражданам; преследование частных преступлений — дело любого гражданина. Но должны быть запрещены тайные доносы.

В уголовном судопроизводстве Бриссо придает исключительно большое значение судебному протоколу: это основной процессуальный документ, в котором должны быть отражены все стадии процесса.

В своей уголовно-процессуальной программе Бриссо последовательно придерживается просветительной философии, воспроизводя соответствующие положения Монтескье и Вольтера, а также Беккариа и во многом рекомендуя английскую процессуальную систему.

Последняя, пятая глава «Теории» посвящена вопросам судоустройства.

Опираясь на теорию разделения властей, созданную Монтескье, Бриссо выясняет происхождение судебной власти, связывая ее с образом правления.

В своей программе судоустройства Бриссо исходит из необходимости отменить несменяемость судей, уничтожить продажу судебных должностей, ликвидировать институт комиссаров, устранить множественность судов, порождающую массу злоупотреблений, уничтожить суды откупщиков, искоренить инквизиционные суды, церковные суды, ликвидировать юрисдикцию монахов, уничтожить сеньоральные суды. Для показа злоупотреблений, существующих во всех этих судах, Бриссо не жалеет красок. Он приводит огромный фактический материал, рисующий бесправие народа в условиях действия всей этой разветвленной судебной системы XVIII в.

Взамен всех этих судов нужно создать мало судов и много судей — такова основная идея Бриссо. В каждом

городе должен быть только один уголовный суд, которому будут подсудны все уголовные дела. В каждой провинции будет один верховный суд, принимающий апелляции на приговоры нижестоящих судов.

Бриссо заключает эту главу подробным «планом судов уголовного правосудия».

«Теория уголовных законов» завершается краткими выводами и заключением.

Бриссо приводит слова Гельвеция о том, что создание «превосходного законодательства» может быть осуществлено двояким путем. Первый путь — это «открытие законов, способных сделать людей возможно более счастливыми». Идя по этому пути, следует отвлекаться от существующих законов, нравов и обычаев. Второй путь — это найти конкретные средства для перехода народа «из испытываемого им состояния несчастья в состояние счастья». При этом следует исходить из действующих законов, нравов и обычаев и определить средства постепенного изменения этих законов, нравов и обычаев.

Бриссо указывает, что в своей «Теории» он главным образом шел по первому пути, создавая план уголовного законодательства, «всеобщий и полезный всем народам».

Завершая свою работу, Бриссо писал: «Я буду счастлив, если мой слабый голос сможет спасти от бесчестья эшафота некоторых из тех невинных, которых случай смешал с толпой негодяев».

Оценивая свой труд уже в годы революции, Бриссо в «Мемуарах» писал: «Недостатки моей „Теории законов“ многочисленны, я это знаю, но могло ли быть иначе в выступлении по поводу нового щекотливого предмета, который, за исключением нескольких вопросов, успешно решенных Беккариа и Серваном, не был еще рассмотрен в целом и в философском аспекте? Будучи слишком молодым и слишком торопливым, чтобы обнародовать свои мысли, я уступил нетерпению выступить с большим трудом и прославиться в свою очередь, поражая политическую тиранию, которая всегда меня возмущала. С тех пор я поклялся посвятить всю свою жизнь ее уничтожению. Религиозная тирания пала под ударами таких людей, как Вольтер, Руссо, Дидро; я хотел напасть на политическую тиранию и сокрушить кумир правительств, осуществляющих деспотизм под именем монархии...; но поспешность, которую я считал полезной, осторожность, которая была необходима, помешали мне несомненно внести в мой план все мысли,

мудрость и подробности, которые он смог бы воспринять»⁹¹.

В подготовленном Бриссо проекте защитительной речи в предстоявшем процессе Революционного трибунала, приводя доводы о своей нешричастности к антиреспубликанским заговорам, Бриссо упоминает свою «Теорию уголовных законов»: «Когда свобода торжествует, когда Республика существует, меня обвиняют в заговоре против нее! Меня, который посвятил все свои бессонные ночи установлению этой Республики, который помогал ей в борьбе против королей; меня, который в своей «Теории уголовных законов», опубликованной в 1780 году, в своей «Библиотеке уголовных законов» разоблачил преступления королей и министров, нападал на все предрассудки и на все основы деспотизма!»⁹²

V

Определяя место Бриссо в развитии уголовно-политических учений Франции XVIII в., следует признать, что он разработал наиболее подробную систему уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также создал целостный проект уголовного кодекса, основанный на принципах просветительной философии. Проект Бриссо характеризовался политической умеренностью; он стремился облечь свои уголовно-правовые идеи и предложения в такую форму, чтобы не вызвать неодобрения со стороны «просвещенных монархов»; наоборот, он постоянно ссылался на их «мудрость», «гуманность»; критикуя феодальное право и порядки, он обращал свою критику по преимуществу на прошлые века. В своих предложениях по уголовно-правовым вопросам Бриссо проявлял заботу «обо всем обществе»; правда, он нередко говорил о бесправном положении «бедняков», призывал облегчить их тяжкую участь; но он был уверен, что всегда будут существовать бедняки и богачи; не раз он критиковал институт частной собственности и даже признал наилучшей такую организацию общества, в котором не было бы частной собственности и неравенства состояний, но тут же постоянно замечал, что это несбыточная химера.

⁹¹ J. P. Brissot. Mémoires (1754—1793), t. I (1754—1784). P., 1911, p. 222.

⁹² J. P. Brissot. Mémoires (1754—1793), t. II (1784—1793), p. 274.

Рассматривая отдельные виды преступлений и рекомендуя наиболее рациональные наказания для борьбы с ними, Бриссо проявлял наибольшую заботу об охране собственности торговцев и владельцев мануфактур.

Но при всем том, раскрывая буржуазную сущность уголовно-правовых предложений Бриссо, сформулированных им меньше чем за десятилетие перед началом французской буржуазной революции конца XVIII в., нельзя, не потеряв исторической перспективы, не признать их прогрессивными *для своего времени*, когда стремящаяся к власти буржуазия направляла главные удары против шатающихся основ феодального правопорядка. И несомненной заслугой Бриссо явилась систематизация и конкретизация уголовно-правовых предложений, основанных на новой, в тех конкретно-исторических условиях наиболее прогрессивной идеологии.

Эта характеристика уголовно-политических идей Бриссо была бы неполной, если не учесть его деятельность и высказывания во время революции.

Став в годы революции одним из вождей и идеологов жирондизма, Бриссо принял активнейшее участие в политической жизни Франции. Он выступал с множеством речей, опубликовал большое число статей, памфлетов, обращений к народу. И хотя в годы революции Бриссо уже не занимался специально разработкой проблемы законности и правосудия, во многих его устных и письменных выступлениях она затрагивается в очень острой форме. Основная мысль Бриссо состояла в том, что революция уже завершена, созданная ею законность уже получила необходимое оформление, и ее следует лишь закрепить, установить твердый порядок и самыми решительными мерами пресечь попытки «анархистов» углублять революцию.

Очень ярко взгляды Бриссо на законность и правосудие в условиях революции были выражены в его обширном памфлете «О состоянии Национального конвента, о влиянии анархистов и о бедах, которые оно причинило, о необходимости уничтожить это влияние для спасения Республики»⁹³, написанном в мае 1793 г., незадолго до якобинского переворота.

---

⁹³ J. P. Brissot. Député du Département d'Eure et Loire, à ses commettans, sur la situation de la Convention Nationale, sur l'influence des Anarchistes, et les maux quelle a causés, sur la nécessité d'annéantir cette influence pour sauver la République. P., 1794.

В этой работе, пронизанной от начала до конца неприимой классовой ненавистью к народным массам, к санкюлотам, к якобинцам, к вождям якобинской революции, характеризуемой полным непониманием существа революционных мер, проводимых Конвентом и его комитетами, наполненной клеветническими измышлениями о деятельности Революционного трибунала,— Бриссо поставил своей целью доказать, что в Конвенте и его комитетах господствует «партия анархистов», что эта партия является единственной причиной всех несчастий Франции и что республика может быть спасена только при условии принятия суровых мер против «анархистов».

Из приведенных материалов с полной ясностью вырисовывается фигура Бриссо — идеолога жирондизма, глашатая и рупора крупной французской буржуазии. Воспитанный на идеях просветительной философии, сыгравший, несомненно, прогрессивную роль в дореволюционное время, Бриссо в годы революции, выражая интересы крупной буржуазии, вступил в лагерь контрреволюции. Проследившая политическую линию в работах Бриссо, а также в его высказываниях по вопросам законности и правосудия и не утрачивая исторической перспективы, мы видим, как он постепенно выхолащивал все то прогрессивное, что ранее воспринимал из работ Монтескье, Вольтера и даже Руссо. Он превратился в откровенного идеолога крупной буржуазии, стремящегося покончить с революционной законностью, и революционным правосудием, упрочить буржуазный строй, буржуазную законность и правосудие, которые явились лишь злой карикатурой на идеи и бывшие обещания просветителей и гуманистов дореволюционной Франции.

ИДЕИ СОЦИАЛИСТОВ-УТОПИСТОВ XVIII в.
О ЗАКОННОСТИ И ПРАВОСУДИИ

---

1. Мелье

Характеризуя историю развития революционного движения в XVIII в., Энгельс писал: «Эти революционные вооруженные выступления еще не созревшего класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII столетиях, а в XVIII столетии — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли)»¹.

Французские социалисты-утописты XVIII в., критикуя основы эксплуататорского строя, уделили внимание выяснению причин преступности, разоблачению многочисленных преступлений, безнаказанно совершаемых тиранами, критике феодального неправосудия, а также разработке оснований будущего общества, в том числе и нового права и законности.

Опираясь на философию Просвещения, используя те общие принципы, которые были развиты просветителями в области законности и правосудия, социалисты-утописты в решении ряда вопросов шли значительно дальше их. Они глубже и последовательнее разоблачали корни преступности, которые видели в существовании частной собственности. Нередко при рассмотрении вопросов законности и правосудия они приближались к раскрытию их классовой природы.

Необходимо отметить, что в годы революции 1789—1794 гг. взгляды социалистов-утопистов в той или иной мере разделялись лишь некоторыми из левых яко-

---

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1957, стр. 18.

бинцев. Ни Марат, ни Робеспьер не разделяли этих взглядов и не раз выступали против идей социалистического преобразования общества².

Жан Мелье родился в 1664 г. в провинции Шампань, в семье деревенского кустика. Образование он получил сначала у приходского священника, а затем в духовной семинарии в Реймсе. В конце 1688 г. Мелье получил должность священника в Шалонь-на-Марне, а затем — приход в провинции Шампань — в Этрепиньи, где и провел всю свою жизнь. Умер Мелье в 1729 г. «Завещание» Мелье представляло собой обширную рукопись, изготовленную в трех экземплярах. Первая страница «Завещания» содержала следующий заголовок: «Записи мыслей и мнений Ж. М., священника, кюре из Этрепиньи и Бю, о некоторых ошибках и заблуждениях в поведении людей и в управлении ими. В записях приводятся ясные и очевидные доказательства суетности и ложности всех божеств и религий мира. После смерти автора Записи должны быть переданы его прихожанам, чтобы служить им и им подобным свидетельством истины. Для свидетельства перед ними и язычниками. Матф. 10 : 18»³.

В 1730 г. во Франции появляются переписанные от руки копии «Завещания» Мелье. В 1762 г. Вольтер издал сокращенное и частично измененное «Завещание» Мелье, из которого были удалены наиболее острые, атеистические положения и революционные мысли. В 1772 г. Гольбах издал в сокращенном виде «Завещание», в котором он сохранил основные идеи его автора.

Во время якобинской диктатуры, в ноябре 1793 г., якобинец Клоутс в Национальном Конвенте выступил с предложением установить в храме Разума статую Мелье. Национальный Конвент принял декрет об установлении статуи «Жану Мелье, кюре из Этрепиньи в Шампани, первому священнику, который имел мужество чистосердечно отречься от религиозных заблуждений». Однако этот декрет не был реализован.

В «Завещании» Мелье центральное место занимает проповедь атеизма, разоблачение ложности религии. Мелье дает резкую критику основ современного ему

---

² В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. Изд-во АН СССР, 1958, стр. 273—341.

³ Ж. Мелье. Завещание, т. I—III. Изд-во АН СССР, 1954.

общественного строя, заблуждений, пороков и преступлений и призывает народ к насильственной, революционной ломке устоев общества, основанного на частной собственности.

Разоблачая носителей духовной и светской власти, Мелье сравнивает их с тяжчайшими преступниками — с разбойниками и убийцами. «Разве мы не осудим публично и не подвергнем суровому наказанию разбойников и бандитов с большой дороги, которые грабят и бесчеловечно убивают всех, имевших несчастье попасться им в руки? Конечно, их надо сурово карать, они вполне заслуживают ненависть и проклятия; позволить им безнаказанно продолжать свои бесчинства было бы даже очень дурно. Но еще гораздо больше оснований, дорогие друзья, мы имеем осуждать, ненавидеть и проклинать, как я это делаю здесь, всех слуг суеверий и беззаконий, господствующих над нами таким тираническим образом, одни над нашей совестью, другие над нашим телом и имуществом, причем служители религии, властвующие над нашей совестью, являются самыми наглыми обманщиками народа, а государи и прочие сильные мира сего, властвующие над нашим телом и имуществом, — самыми крупными ворами и убийцами из всех существующих в мире» (т. I, стр. 73).

Мелье очень глубоко и подробно вскрывает царящие в обществе и санкционированные религией неравенство между людьми, паразитическое существование многих людей, господство частной собственности. Он рассматривает эти явления как коренную причину пороков и преступлений.

На первое место Мелье ставит огромное неравенство в состоянии и положении людей. Это неравенство, заявляет Мелье, несправедливо и вызывает чувство ненависти. Оно порождает у людей низменные чувства и является источником бесчисленных злоупотреблений, пороков, преступлений. Чем больше в обществе господствует неравенство в экономическом и общественном положении людей, чем резче делится оно на поработителей и поработенных, тем большими становятся в этом обществе пороки и преступления.

Вторым злоупотреблением, распространенным в обществе, Мелье считает существование паразитических элементов, к числу которых он относит, с одной стороны,

нищих, а с другой — «богатых бездельников». Те и другие живут исключительно за счет труда других. С особой силой и страстностью Мелье разоблачает паразитизм служителей религии.

Третье злоупотребление, царящее в обществе, состоит в частной собственности: «...люди присваивают себе в частную собственность блага и богатства земли, тогда как все должны были бы владеть ими сообща на равных правах и пользоваться ими точно так же на одинаковом положении и сообща» (т. II, стр. 198).

Описывая условия существования людей, владеющих и не владеющих собственностью, Мелье связывает с частной собственностью распространение в обществе преступлений. «Если одни имеют все или гораздо больше, чем полагалось бы им по справедливости, а у остальных, напротив, нет ничего или они испытывают недостаток в большинстве вещей, для них необходимых, то в результате возникают чувства ненависти и зависти между людьми. Эти чувства порождают ропот, мятежи, жалобы, смуты и войны, причиняющие бесконечное зло в жизни людей. Из этого источника рождаются также тысячи тысяч неприятных процессов, которые частные лица вынуждены вести между собой, чтобы отстаивать свое достоинство и права, на какие они претендуют. Эти тяжбы доставляют им тысячу физических мук и тысячу тысяч душевных тревог и часто доводят обе стороны до полного разорения. Поэтому те, у кого ничего нет или у кого нет самого необходимого, как бы вынуждены волей-неволей прибегать ко многим неблагоприятным средствам для того, чтобы существовать. Отсюда возникают обманы, мошенничества, плутни, несправедливости, хищения, кражи, налеты, убийства, разбои, грабежи, причиняющие великое зло людям» (т. II, стр. 202—203). Мелье подробно доказывает, что всех этих преступлений не было бы в обществе, в котором отсутствовала бы частная собственность.

Раскрывая злоупотребления, царящие в обществе, Мелье говорит о тираническом господстве «великих мира сего» — о господстве, вся тяжесть которого ложится на плечи народа и которое осуществляется путем голого насилия.

В качестве примера Мелье приводит правление Людовика XIV, прозванного великим не за похвальные дела,

а за великие злоупотребления, несправедливости, хищения, насилия, опустошения, массовые убийства. Королевские слуги: судьи и чиновники, губернаторы и интенданты, откупщики и офицеры — все они грабят и насилуют бедные народные массы.

Мелье остро разоблачает классовую сущность феодального правосудия. Он показывает, как судьи сурово карают мелких преступников, которых они вешают или колесуют; как они оставляют совершенно безнаказанными крупных и могущественных воров, убийц, поджигателей.

В своем «Завещании» Мелье, в отличие от других утопистов и просветителей, не разрабатывает основ «мудрого законодательства», способного, по их мнению, устранить злоупотребления, недостатки, пороки, преступления. Но он призывает народ к революционному действию, к насильственному уничтожению тирании богатых, тирании духовенства, тирании королей. Он призывает к истреблению тиранов. Вспоминая былых борцов с тиранами, Мелье восклицает: «Ах, зачем не живут еще эти благородные тираноубийцы! Зачем не остались они жить в наши дни, чтобы разить и закалывать кинжалами все эти омерзительные чудовища и извергов человеческого рода и избавить таким образом народные массы от их тиранов! Как жаль, что не остались в живых эти достойные, благородные защитники народной свободы! Как жаль, что не живут они ныне, чтобы прогнать всех царей на земле, сразить всех угнетателей и вернуть свободу народам! Как жаль, что нет в живых всех этих храбрых писателей и смелых ораторов, которые порицали тиранов, произносили речи против тирании и в своих писаниях резко клеймили их пороки, их несправедливость и их дурное управление! Как жаль, что нет их в живых в наши дни, чтобы во всеуслышание клеймить всех тиранов и угнетателей, во всеуслышание обличать их пороки и несправедливость их дурного управления, чтобы сделать их своими писаниями предметом ненависти и презрения в глазах всего света и в конце концов поднять все народы на то, чтобы стряхнуть с себя невыносимое иго их тиранического владычества» (т. III, стр. 352—353).

2. Морелли

Морелли — один из крупнейших французских социалистов-утопистов XVIII в. Биографические сведения о Морелли отсутствуют. Его основное произведение «Кодекс природы или истинный дух ее законов» было издано анонимно в 1755 г. Первоначально авторство приписывалось Дидро. В восьмидесятых годах XVIII в. Бриссо перепечатал «Кодекс природы» в своей «Библиотеке».

Морелли дает острую критику общественного устройства, выясняет его недостатки, пороки и преступления и разрабатывает общие принципы и законы такой организации общества, при которой было бы обеспечено счастье всех людей и исчезновение всех пороков и преступлений.

«Мир, — говорит Морелли, — это стол, на котором достаточно пищи для всех сотрапезников, и она принадлежит либо всем, потому что все голодны, либо лишь некоторым, потому что остальные уже насытились. Никто поэтому не является неограниченным хозяином мира и не имеет права притязать на это»⁴.

Морелли считает, что у человека нет ни врожденных идей, ни врожденных склонностей. Человек становится дурным, порочным, преступным лишь в силу неправильной организации общества. Господство частного интереса, жадность, корысть — все это следствия существования частной собственности. Более того, Морелли считает, что все политические и моральные явления зависят от института частной собственности. Законодатели, основываясь на собственности, разорвали узы общности. Все рассуждения о наилучшей форме правления, о действительной свободе людей бессмысленны, если сохраняется собственность. Благодаря существованию собственности миллионы людей бедствуют, а ничтожное меньшинство утопает в богатстве и обладает могуществом власти.

Если бы в обществе действовали законы природы и отсутствовала частная собственность, то у людей не было бы основания совершать преступления и не было бы необходимости применять наказания. В этой связи Морелли пишет: «Пока законы природы остаются нетронутыми, до тех пор не может существовать никакого преступления; следова-

⁴ Морелли. Кодекс природы, или истинный дух ее законов. Изд-во АН СССР, 1947, стр. 64.

тельно, нет повода наказывать преступление. Если же чья-нибудь неловкая рука по ошибке искажает предначертания этих законов или, вернее, заблуждается и по неведению побуждает каких-нибудь несчастных к нарушению их, то бесконечная мудрость пользуется той же рукой для исправления случайно причиненного вреда» (стр. 158). Но, к сожалению, в обществе действуют законы, созданные собственниками, и эти законы находятся в вопиющем противоречии с законами природы. Разоблачая лживость, лицемерие, безнравственность законов, созданных собственниками, Морелли доказывает, что преступление и наказание различны в обществе, основанном на деспотическом строе, и в обществе, основанном на республиканском строе. По этому поводу Морелли пишет: «То, что считается в одном из них нравственным злом, признается часто в другом за добро или похвальный поступок. Это неопровержимо доказывается настоящим и прошлым состоянием наций. В одном месте осуждают то, что разрешают или приказывают в другом, следовательно, моральное зло есть в этом отношении вещь столь же шаткая и изменчивая, как и фантазия законодателей; в порядке вещей, чтобы оно каралось другим, столь же преходящим злом» (стр. 162).

По мнению Морелли, наказание преступника в условиях, когда он побуждается к преступлению существованием института частной собственности, является мерой, не достигающей цели предупреждения преступления. Единственно эффективным средством борьбы с преступлениями Морелли считает «устранение собственности». «Абсолютно невозможно допустить,— говорю я,— чтобы, освободившись от этого тирана, человек стремился к преступлениям, чтобы он был вором, убийцей, завоевателем. Законы, разрешающие собственность, карают его за эти преступления; сверх того, он еще наказан собственными угрызениями совести и страхами, этими детищами предрассудков нравственной системы, в которой он воспитан» (стр. 163).

Общественные нравы, законы, правительство, цивилизация, по мнению Морелли, должны быть коренным образом перестроены и подчинены законам природы. Человеческий разум создан для того, чтобы познавать законы природы и следовать им. Однако самих по себе первоначальных законов природы недостаточно для управления людьми. Эти законы нужно открыть, объединить, систематизировать. Человеческий разум, установив, что собствен-

ность является источником всех несчастий, пороков, заблуждений, преступлений, способен открыть пути для их искоренения. Морелли считает, что предлагаемое им коренное изменение общества на социалистических началах — единственно реальное средство искоренения преступлений. Морелли призывает к тому, чтобы «истинные мудрецы» боролись с духом собственности, чтобы люди перевоспитывались, чтобы были приняты новые законы, сообразные с законами природы. «Нет преступлений без наказания, — утверждает Морелли, — но и нет больше преступлений после последних наказаний» (стр. 170).

В своем «Кодексе природы» Морелли посвящает особую главу вопросу о преступлениях и наказаниях: «Законы о наказаниях, столь же немногочисленные, как немногочисленны нарушения долга, столь же мягкие, сколько действительные». Эти законы рассчитаны на введение их в том идеальном обществе, которое рисовалось Морелли.

Морелли предусматривает создание четырнадцати уголовных законов. При этом он исходит из того, что в социалистическом обществе вовсе не будет имущественных преступлений, ибо не будет их источников — частной собственности. По его мнению, в социалистическом обществе могут существовать в незначительном количестве такие виды преступлений, как посягательства на основы социалистического строя с целью восстановления частной собственности, преступления против личности и некоторые другие. Морелли разработал и систему наказаний, соответствующую тяжести и природе совершенных преступлений. В этой системе наказаний — пожизненное заключение, срочное лишение свободы, лишение права воспитывать детей, лишение права быть сенатором, принудительные работы, лишение развлечений и занятий и некоторые другие. Наказание, по мнению Морелли, должно быть строго личным, определяемым по степени вины. Оно не может быть ни смягчено, ни отменено.

«Всякое наказание, налагаемое законом и установленное раз навсегда для каждого рода вины, не будет подлежать никогда отмене или смягчению или замене другим наказанием в виде помилования или по иным соображениям, разве лишь в случае болезни». После того как преступник отбудет наказание, он тем самым искупит свою вину и будет восстановлен в своих правах гражданина.

3. Мабли

Среди французских социалистов-утопистов XVIII в. должен быть выделен Габриель Бонно де Мабли (1709—1785 гг.), произведения которого сыграли значительную роль в развитии революционных уголовно-политических теорий XVIII в. Особенно заметно было влияние идей Мабли на Марата и некоторых других якобинских вождей.

Мабли происходил из дворянской семьи, жившей в Гренобле. Его родственниками были философы Кондильяк и Даламбер. Мабли учился в иезуитском коллеже в Лионе, а затем в духовной семинарии в Париже. Отказавшись от духовной карьеры, он вернулся в Гренобль, где посвятил себя научной деятельности. Начиная с 1740 г. Мабли печатает свои произведения по истории. Переехав в Париж, он сближается с Монтескье и Даржансоном. В 1742—1746 гг. Мабли занимает заметное место в министерстве иностранных дел. В 1746 г. он прекращает службу и полностью отдается научной деятельности.

В своих произведениях Мабли широко освещает вопросы истории, политики, социологии, юриспруденции. В поле его зрения были и вопросы уголовного права и процесса.

Мировоззрение Мабли складывалось под несомненным и значительным влиянием идей Руссо. Однако в своей социально-утопической теории он идет значительно дальше Руссо.

Для характеристики уголовно-правовых взглядов Мабли мы остановимся на двух его произведениях: «О законодательстве, или принципы законов» (1776 г.) и «О правах и обязанностях гражданина» (впервые издано посмертно, в 1789 г.).

Будучи сторонником естественноправовой теории, Мабли указывает, что природа сделала все необходимое для счастья людей, и от них самих зависит воспользоваться счастьем. Однако люди не сумели воспользоваться услугами природы и создали такой общественный строй, который сделал большую часть человечества несчастной. В этих несчастьях человеческого рода большую роль играет неправильное, несправедливое, неразумное законодательство. Законодатели заблуждались и издавали законы, которые, как правило, были ошибочными. «Каждый хотел создать себе счастье по своей прихоти и искал его то в

роскоши и наслаждениях, то в алчности и изнеженности, то в угнетении других и в подобных же безумствах, а природа, установившая иной порядок вещей, насмеялась над нашими нелепыми затеями. Она наказала нас за наши заблуждения; почти все народы сделались жертвами неразумных законов, которые они сами себе создали. Повсюду общество было подобно скопищу угнетателей и угнетаемых. Тысячи жестоких революций уже тысячи раз меняли лицо земли и уничтожали величайшие империи и тем не менее столько раз повторявшийся опыт не заставил нас заподозрить, что мы ищем счастье там, где его нет»⁵.

Человеческие бедствия зависят в значительной мере от нежелания сообразоваться с природой, от неумения и нежелания обуздывать человеческие страсти. Нужно, следовательно, разработать такое законодательство, которое, сообразуясь с природой, сумело бы обуздать пагубные страсти и таким путем обеспечить торжество такого общественного строя, который вернул бы людям их утраченное счастье.

Мабли указывает, что природа создала людей равными. Поэтому разумный и мудрый законодатель должен сосредоточить свои усилия на установлении «равенства имуществ и состояний граждан». По мнению Мабли, имущественное неравенство разлагает человека, изменяет его естественные влечения, приводит к распространению пороков и преступлений. «Неравенство приносит все несчастья людям; оно унижает людей и сеет между ними раздоры и ненависть» (стр. 74). Чем в обществе больше неравенства, тем в нем больше «тщеславия, низости, жестокости, жадности и тирании». Подробно развивая эту мысль и рисуя положение пользующихся всеми благами жизни богатых и придавленных своей нуждой бедных, Мабли приходит к следующему выводу, играющему большую роль в его мировоззрении: «Если неравенство имуществ настолько велико, что богачи, более предприимчивые и более смелые, открыто станут стремиться к тирании, вы увидите, что бедные, потому ли, что они еще не свыклись с игом, потому ли, что они возмутились новой несправедливостью, восстанут в защиту прав человечества.

---

⁵ Г. Мабли. О законодательстве, или принципы законов. Избранные произведения. Изд-во АН СССР, 1950, стр. 57—58.

Отсюда это множество раздоров, распрей, разговоров, междоусобных войн и революций, раздирающих республику и ведущих ее к гибели» (стр. 77).

Мабли глубоко раскрывал классовую сущность правосудия. Он сумел подойти и к раскрытию противоположности правосознания богатых и бедных классов, к выяснению причин безнаказанности преступлений, совершаемых представителями господствующих классов. Он писал по этому поводу: «Мы себе создали два рода мер и весов; и, к стыду нашего разума, богатые карают смертной казнью за кражу, потому что они боятся быть обкраденными, и одобряют завоевания, потому что они сами грабят народы» (стр. 79).

Равенство, по мнению Мабли, несовместимо с собственностью. «Я не колеблюсь считать эту злосчастную собственность первопричиной неравенства имуществ и состояний, а следовательно, всех наших зол» (стр. 91). Именно благодаря собственности люди утратили те первоначальные социальные качества, которыми их наделила природа. Люди первоначально создали государственную власть для того, чтобы она наказывала за преступления, устраняла несправедливости, совершенные частными лицами. Но благодаря собственности государственная власть утратила эти свои качества, стала орудием в руках узурпировавших ее тиранов. Подробно освещая путь возрастания и усиления несправедливостей, пороков и преступлений, создаваемых в результате существования института собственности, Мабли приходит к выводу о том, что «собственность разделяет нас на два класса — богатых и бедных. Первые всегда предпочтут свою собственность собственности государства, а вторые никогда не будут любить правительство и законы, допускающие, чтобы они были несчастны» (стр. 109—110). Мабли в ярких красках рисует общество, раздираемое противоречиями, основанными на праве собственности. «Как только общество оказывается зараженным тем духом грабежа, который создает откуп государственных налогов, ажиотаж с ценными бумагами и произвольные налоги, не надейтесь найти в нем сколько-нибудь справедливости и честности. Хитрость, мошенничество, ловкость, кляузы — вот что составляет характерные черты такого общества. Граждане будут расставлять друг другу ловушки, мошенники всегда найдут кого одурачить, и все погибнет, если одни лишь глупцы будут опозорены

Делая сначала подлости из-за денег, скоро станут делать их и даром. Из совокупности всех этих пороков родится еще более опасный порок — станут грабить одной рукой, чтобы расточать другой» (стр. 139—140).

По мнению Мабли, мудрый законодатель должен последовательно проводить законы, направленные на всемерное ограничение роскоши, устранение неравенства имуществ. Эти законы должны быть суровыми.

Мабли не только выясняет причины пороков, преступлений, обусловленных неравенством состояний и собственностью. Он особо характеризует те преступления, которые совершаются торговцами, откупщиками, королевскими чиновниками. В основе этих преступлений лежит алчность, стремление к наживе, к роскоши, к изысканным наслаждениям. Мудрые законы, направленные на то, чтобы умерять жадность, сдерживать ее, мешать ей причинять общественные и личные бедствия, явятся наилучшим средством для борьбы с подобными рода преступлений.

В еще более политически острой форме излагает Мабли свои взгляды в работе «О правах и обязанностях гражданина».

Мабли указывает, что «люди вышли из рук природы совершенно равными, а следовательно, без прав одних над другими, и совершенно свободными. Природа не создала королей, правителей, подданных, рабов — это очевидно, и она нам предписала один закон: работать, чтобы быть счастливыми» (стр. 220). Создание общества явилось большой революцией; люди, вступая в общество, договорились между собой об обязанности уважать взаимные права. Поэтому «законы, договоры или соглашения, которые люди создают, объединяясь в общество, являются в общем законами, определяющими их права и их обязанности; гражданин должен им подчиняться, пока он не знает ничего более разумного...» (стр. 225). Но гражданин освобождается от этой обязанности подчинения законам, если он признает их несовершенными, несправедливыми, неразумными, тираническими.

Из этих положений Мабли делает ряд очень важных выводов.

Та нация, которая не сопротивляется своим внутренним врагам, неизбежно является угнетаемой. «Добродетельный гражданин» имеет право вести гражданскую войну в том случае, когда существуют тираны, ставящие

себя выше законов и угнетающие своих подданных. «Никогда, — пишет Мабли, — закон не был настолько нелепым, чтобы повелеть виновному оставить заботу о своем сохранении и прийти к судье просить наказания, которого он заслужил. Все моралисты согласны, что в тех случаях, когда судья не может прийти мне на помощь, я обладаю всей его властью для наказания нападающего на меня разбойника. Если в случае крайней нужды и голода я ворую, чтобы насытить себя, закон молчит; я — не вор. Все это верно, ибо государственный закон никогда не должен противоречить закону природы. И так как человек вступил в общество только для предохранения своей жизни от насилия и нужды, было бы нелепо, если бы он был лишен одновременно и той помощи, которую он вправе ожидать от своих сограждан, и той, которую он может найти в себе самом; это означало бы сделать условия жизни в обществе менее благоприятными, чем те условия, которые предшествовали его возникновению» (стр. 276—277).

Поэтому люди вправе сопротивляться тиранической власти, ибо они лишь возвращают себе свои собственные естественные права. «Несправедливый закон, под каким бы названием его ни подносили, не должен служить в большей степени законом, — даже если бы народ мог подчиниться ему, — чем смертоносные снадобья невежественного шарлатана могут служить спасительными лекарствами» (стр. 295).

В заключительной части своей работы «О правах и обязанностях гражданина» Мабли вновь ставит вопрос об источниках «всех несчастий, угнетающих человечество». Этот источник — собственность. Мабли наглядно показывает, как богатые объединяются между собой для того, чтобы обеспечить свои интересы, как они «присваивают себе право быть жестокими, надменными, наглыми по отношению к бедным», как создаются законы против бедных, как «тирания карает граждан, которых она боится».

РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОСУДИЯ

---

1. Руссо

I

В развитии революционно-демократических учений о законности и правосудии XVIII в. исключительно велика роль Жана-Жака Руссо. Характеризуя его роль в развитии революционной мысли Франции XVIII в., академик В. П. Волгин пишет: «...Оригинальные положения философии Руссо дают основание считать его родоначальником особого направления общественной мысли, именно они оказали большое и плодотворное влияние на ее дальнейшее развитие»¹.

Выдающиеся французские революционеры, и в их числе в первую очередь Марат, Робеспьер, Сен-Жюст, в постановке и решении вопросов уголовного права, процесса, судостройства исходили из философских, политических и юридических взглядов Руссо. Нельзя понять политической деятельности якобинцев, не ознакомившись предварительно с взглядами Руссо.

В 1750 г. Руссо откликается на предложение Дижонской академии участвовать в конкурсе на написание трактата на тему «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов». В 1750 г. его «Рассуждение о науках и искусствах» удостоивается премии Дижонской академии. Уже в этом произведении содержатся многие положения, которые позже были развиты Руссо в целую систему философских и политических взглядов.

В 1754 г. Дижонская академия объявила новый конкурс на тему «Каково происхождение неравенства

---

¹ В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. Изд-во АН СССР, 1958, стр. 218.

среди людей и оправдывается ли оно законами природы?» Руссо участвует в этом конкурсе и в том же году пишет свое «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми». В этом произведении он уже подробно формулирует свое мировоззрение.

В связи с преследованиями французских властей Руссо уезжает в Швейцарию. В 1758 г. он пишет «Письмо к Даламберу», после чего произошел его разрыв с энциклопедистами и в особенности с Вольтером.

В последующие четыре года Руссо издает романы «Юлия, или Новая Элоиза» и «Эмиль, или о воспитании», трактат «Об общественном договоре, или принципы политического права». Издание этих произведений повлекло за собой усиление преследований Руссо церковными и светскими властями. Во Франции произведения Руссо были сожжены, а их автор привлечен к ответственности. Руссо подвергался многочисленным преследованиям и со стороны различных реакционных элементов. Ко всему этому прибавились крайне обостренные отношения с Вольтером.

Скитаясь по различным странам, некоторое время пробыв в Англии и вновь вернувшись во Францию, Руссо заканчивает свою «Исповедь», первую часть которой он написал еще в 1766—1770 гг. В 1778 г. Руссо переезжает на жительство в поместье Эрменонвиль, где его навещает будущий вождь якобинской революции Максимилиан Робеспьер. 2 июля 1778 г. Жан-Жак Руссо скончался.

Уже в годы революции, в 1794 г., Национальный Конвент постановил перенести останки Руссо в Пантеон, где они были помещены рядом с прахом Вольтера и Марата и откуда были удалены в последующие годы реакции.

II

В 1754 г. Руссо написал «Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми».

В обращении к Женевской республике, которым открывается это произведение, Руссо формулирует свои политические идеалы. Он пишет, что хотел бы жить в обществе, «величина которого была бы ограничена соответственно человеческим способностям», в котором народ и носитель верховной власти не имели бы различных интересов, где люди «не настолько богаты, чтобы изнежиться в ро-

скоши и потерять в пустых удовольствиях вкус к истинному счастью и прочным добродетелям, и не настолько бедны, чтобы нуждаться в таком притоке иноземных средств, который не обеспечивался бы вашей промышленностью...»².

Руссо различал двоякого рода неравенство между людьми: естественное, установленное природой и обусловленное различиями возраста, здоровья, физических и психических качеств, и политическое, обусловленное своего рода договором и состоящее в различных привилегиях, используемых одними в ущерб интересам других.

В естественном состоянии между людьми нет и не может быть иного неравенства, кроме естественного. Но по мере развития общества к естественному неравенству прибавляется неравенство политическое. Руссо ставит задачу «указать тот момент в движении событий, когда право сменило насилие, и природа была подчинена закону, и объяснить, какое сцепление чудес привело к тому, что сильный согласился служить слабому, а народы — купить воображаемое спокойствие ценою действительного счастья» (стр. 26).

Руссо подробнейшим образом характеризует условия жизни человека, находящегося в естественном состоянии, всячески идеализируя это состояние. Такая идеализация необходима ему для того, чтобы противопоставить современное состояние жизни человека естественному и показать, к каким извращениям человеческой природы привела неправильная организация современного общества. В этой связи он упоминает «крайнее неравенство в образе жизни, избыток труда у одних, избыток праздности у других, возможность часто возбуждать и удовлетворять аппетиты и чувственность, слишком изысканная пища богатых, горячая и вызывающая расстройство пищеварения, слишком плохая, а часто и слишком скудная, пища бедных, недостаточность которой заставляет их набрасываться на еду, когда есть к тому возможность, и переполнять желудок; бессонные ночи, излишества всякого рода, неумеренные порывы страстей, чрезмерное напряжение

---

² Ж.-Ж. Руссо. О причинах неравенства. СПб., 1907, стр. 4, 10. Во Франции в 1954 г. вышло новое издание «Editions Sociales», с большой вводной статьей, комментариями и примечаниями Лесеркля.

физических и умственных сил, бесконечные огорчения и заботы, выпадающие на долю современного человека во всяком состоянии и беспрестанно терзающие его душу» (стр. 35).

В естественном состоянии человек не был ни хорошим, ни дурным, не имел ни пороков, ни добродетелей. Все отрицательные качества появляются у него значительно позже, когда он выходит из естественного состояния и когда у него появляются необузданные страсти, пороки и преступления. «Чем сильнее страсти,— указывает Руссо,— тем необходимее для обуздания их законы. Но, помимо того, что неурядицы и преступления, ежедневно вызываемые у нас этими страстями, ясно свидетельствуют о недостаточности в этом отношении законов, следовало бы еще решить вопрос, не родились ли эти неурядицы вместе с самими законами, ибо тогда, если бы даже они и пригодны были для борьбы с ними, все же странно было бы требовать, чтобы они положили конец тому злу, которого без них вовсе не существовало бы» (стр. 60—61).

В общественном состоянии человека, указывает Руссо, ревность и месть «вызывают каждый день поединки и убийства», а обязанность вечной верности приводит к прелюбодеянию, разврату и абортам.

Как же возникает общественное неравенство и какие губительные последствия оно приносит с собой? Ответу на этот вопрос Руссо и посвящает вторую часть своего произведения.

Общее положение о причинах общественного неравенства Руссо формулирует в высшей степени ярко: «Первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказать: „Это мое“, и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: „Не слушайте, лучше, этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земли — никому!“» (стр. 68).

Идея собственности, считает Руссо, возникла не сразу; ей предшествовало немало событий и идей. «Первым ощущением человека было ощущение бытия, первой его заботой — забота о самосохранении» (стр. 68). Природа снаб-

жала человека всем необходимым для его существования. Для удовлетворения своих потребностей человек переходил от одного образа жизни к другому. В связи с ростом народонаселения увеличивались трудности жизни. Этому способствовали различия климата, плодородия земли и т. д. Опыт подсказывал человеку, что «стремление к благосостоянию является единственным двигателем всех человеческих поступков» (стр. 71). Это стремление к собственному благополучию заставило человека объединяться с себе подобными для удовлетворения своих нужд.

Объединение в общество вызвало появление антагонизмов. Наступил момент, ярко описанный Руссо в приведенном выше отрывке, когда человек пришел к мысли о праве собственности. «Так как к человеческим поступкам стали прилагать нравственный критерий, и до появления законов каждый был единственным судьей и мстителем полученных им оскорблений, то доброта, уместная в естественном состоянии, была уже неуместна в нарождающемся обществе. Наказания должны были становиться более суровыми, по мере того как учащались случаи нанесения оскорблений, и страх мести должен был заменить узду закона» (стр. 77).

С возникновением собственности исчезло равенство между людьми. В условиях, когда произошел раздел земли и люди объявили ее своей собственностью, понадобились правила справедливости: «Чтобы предоставлять каждому то, что ему принадлежит, нужно, чтобы каждый мог чем-нибудь владеть. Вместе с тем, когда люди начали загадывать о будущем и увидели, что всем им есть что терять, всякий стал страшиться возмездия за вред, который мог причинить другому» (стр. 80). Право собственности, указывает Руссо, в особенности связано с отношениями, создаваемыми промышленностью.

Непосредственным следствием появления собственности явились конкуренция, соперничество, противоположность интересов, которые рассматриваются Руссо в качестве «неотлучных спутников нарождающегося неравенства» (стр. 83). Появились бедняки, вынужденные получать средства к существованию у богатых или же похищать их у них. Появились богатые, поработавшие и угнетающие народ, «подобно прожорливым волкам, которые, раз отведав человеческого мяса, отвергают всякую другую пищу и желают пожирать только людей» (стр. 84).

Появление собственности, утрата равенства, разделение людей на бедных и богатых привело общество в состояние хаоса, смут и преступлений. По этому поводу Руссо пишет: «Таким образом, наиболее могущественные или наиболее бедствующие, основываясь на своей силе или своих нуждах, стали приписывать себе своего рода право на имущество другого, равносильное в их глазах праву собственности, и за уничтожением равенства последовали жесточайшие смуты. Захваты богатых, разбои бедных, разнузданные страсти и тех и других, заглушая естественное сострадание и слабый еще голос справедливости, сделали людей скупыми, честолюбивыми и злыми. Началась бесконечная борьба между правом сильного и правом первого завладевшего, приводившая к постоянным столкновениям и убийствам. Возникающее общество стало театром ожесточеннейшей войны. Погрязший в преступлениях и пороках и впавший в отчаяние род человеческий не мог уже ни вернуться назад, ни отказаться от сделанных им злостных приобретений; употребляя во зло свои способности, которые могли служить лучшим его украшением, он готовил себе в грядущем только стыд и позор и сам привел себя на край гибели» (стр. 84).

Такое положение вещей не могло не заставить людей задуматься над их положением. Первыми, указывает Руссо, пришли к выводу о необходимости внести изменения в общественные отношения богатые, так как они испытывали на себе все неудобства этих отношений. Богатые составили план использовать силы нападавших на них, привив им соответствующие воззрения и создав необходимые учреждения. Темные, доверчивые люди дали увлечь себя, «все устремились навстречу своим цепям, думая упрочить свою свободу» (стр. 86). И богатые создали законы, которые увеличили их силу, но уничтожили свободу, «навсегда упрочили собственность и неравенство, превратили лозкую узурпацию в незыблемое право и обрекли к выгоде нескольких честолюбцев весь род человеческий на труд, нищету и рабство» (стр. 87). Вскоре на всем земном шаре уже не осталось места, где не господствовали бы подобные отношения. Общественное право заменило собой естественное право, для которого осталась лишь область международных отношений. Но вскоре и в этой области проявились все недостатки общественного устройства: возникли международные войны, заставившие «содрогаться природу».

Несмотря на все попытки мудрецов и законодателей исправить эти недостатки, распространившиеся в обществе, они не были устранены и еще более усилились. «Нужно было, чтобы опыт показал, насколько несовершенно было подобное государственное устройство, как легко было нарушителям закона избежать осуждения и наказания за неправомерные поступки, единственным свидетелем и судьей которых являлось само общество; нужно было, чтобы закон стали обходить всевозможными способами, чтобы люди пришли, наконец, к мысли доверить частным лицам опасное сокровище, называемое общественной властью, и возложить на магистратов заботу об исполнении народных решений» (стр. 90).

Вступая в общество, люди соединяют свои частные воли в единую, заключают договор, который не является перасторжимым. Каждая сторона вправе отказаться от него, если придет к выводу о его невыгодности. Право собственности возникает в силу соглашения между людьми, и каждый человек может распоряжаться собственностью по своему усмотрению. Но иначе обстоит дело «с важнейшими дарами природы, каковы жизнь и свобода» (стр. 94—95). Отказываться от них добровольно человек не может, ибо это означало бы «оскорблять одновременно и природу и разум» (стр. 95). Поэтому образ правления, основанный на тирании, на произволе, на свободном лишении людей свободы и жизни, является неправомерным.

Характеризуя процесс развития неравенства, Руссо выделяет три этапа: первый, когда возникли законы и право собственности, второй, когда была установлена магистратура, и третий, когда правомерная власть была заменена властью, основанной на произволе.

При этом на первом этапе было узаконено различие между богатым и бедным, на втором — различие между сильным и слабым и на третьем — различие между господином и рабом. Руссо замечает, что «это последняя ступень неравенства, тот предел, к которому приводят все остальные, если только новые перевороты не уничтожат совершенно управления или не приблизят его к правомерному устройству» (стр. 99).

На почве крайнего неравенства в условиях жизни и в уровне материального благосостояния, благодаря различиям в страстях и дарованиях, в силу существования вредных или бесполезных занятий растут и усиливаются

предрассудки, пороки, преступления. Среди них поднимает «свою уродливую голову» деспотизм, при господстве которого не может быть речи о нравственности, законности, добродетели. Это, указывает Руссо, «последний предел неравенства, крайняя точка, замыкающая круг и соприкасающаяся с нашей исходной точкой» (стр. 104). Люди, ничем не обладающие и не имеющие никаких прав, становятся равными; понятия о добре, принципы справедливости отсутствуют. Действует одно лишь право сильного, возвращающее людей в естественное состояние и освобождающее их от общественного договора. «Деспот остается властителем, лишь до тех пор, пока остается наиболее сильным, и когда другим удастся отнять у него власть, ему не приходится жаловаться на насилие. Восстание, приводящее к умерщвлению или свержению с престола какого-нибудь султана,— акт настолько же правомерный, как и те, которые совершал он накануне, распоряжаясь жизнью или имуществом своих подданных. Одна только сила служила ему опорой, сила его и ниспровергла; все совершается, следовательно, согласно естественному порядку, и каков бы ни был исход этих быстрых и частых переворотов, никто не может жаловаться на несправедливость другого, а разве только на свое неблагоприятное и свое несчастье» (стр. 104—105).

Подводя итоги своему исследованию причин неравенства среди людей, Руссо пишет, что «неравенство, почти ничтожное в естественном состоянии, усиливается и растет в зависимости от развития наших способностей и успехов человеческого ума и становится, наконец, прочным и правомерным благодаря возникновению собственности и законов» (стр. 107—108). Однако ему должен быть положен конец, так как оно противоречит естественному праву, которое «не может допустить, чтобы дитя властвовало над старцем, чтобы глупец руководил мудрецом, и горсть людей утопала в роскоши, тогда как огромное большинство народа нуждается в самом необходимом» (стр. 108).

В примечаниях к своему трактату Руссо высказывает ряд мыслей, имеющих прямое отношение к нашей теме. Поэтому на них следует особо остановиться.

Повторяя уже высказанные соображения о несправедливости и извращенности жизни современного человека, «о чрезмерном труде бедняков и еще более опасной изне-

женности богатых», Руссо описывает различного рода преступные махинации, состоящие в «чудовищной смеси различных веществ, из которой состоит наша пища», в продаже испорченных или фальсифицированных припасов, которыми торгуют плуты, и т. д. (стр. 123). В этой же связи он говорит о злодеяниях, совершаемых в армиях торговцами припасов и содержателями госпиталей, «благодаря которым самые блестящие армии тают быстрее воска, губят больше солдат, чем оружие неприятеля» (стр. 124). Из всего этого Руссо делает следующий вывод: «Надо отнести на счет существования собственности, а следовательно и общества, убийства, отравления, грабежи на больших дорогах и даже наказания за эти преступления, наказания, необходимые для предупреждения еще большего зла, но отнимающие за убийство одного человека жизнь у другого или у нескольких других, а потому удваивающие на деле размер убыли в человеческом роде» (стр. 124).

Развивая эти мысли, Руссо упоминает «отвратительные, противоестественные склонности», аборты, оставление без помощи или убийство детей, кастрацию детей, половой разврат, прелюбодеяние, многочисленные преступления, совершаемые на почве ревности, и т. д. (стр. 124—125). В этой же связи Руссо упоминает «множество вредных производств, сокращающих жизнь и разрушающих здоровье» (стр. 126) (работы в рудниках, обработка металлов и минералов, опасные ремесла и т. д.).

Развитие промышленности приводит к тому, что труд земледельца становится все более невыгодным и презираемым. Земледелец вынужден бросить сельское хозяйство и искать заработков в городе. «Чем больше ослепляют столицы взоры бессмысленной черни, тем более должно скорбеть душой при виде покинутых деревень, невозделанных полей и дорог, наводненных несчастными гражданами, превратившимися в нищих и воров и обреченных кончить рано или поздно жалкое существование на плахе или под забором» (стр. 128).

Человечество уже не может вернуться в естественное состояние. Но оно может, опираясь на высокие принципы разума и подлинной нравственности, совершенствовать свои общественные учреждения, свои законы, свою нравственность. Люди, которые поймут это, «будут стараться, подвизаясь в добродетелях, проявлять которые возлагают они на себя обязанность, просвещая свой ум их

познанием, заслужить ожидающую их вечную награду; они будут уважать священные узы общества, будут любить своих ближних и отдавать на служение им все свои силы; они будут оказывать неизменное повиновение законам и тем людям, которые являются их творцами и исполнителями; особенно же будут почитать они добрых и мудрых государей, которые сумеют предупредить, исцелить или сделать менее заметным великое множество преступлений и зол, постоянно грозящих подавить нас своей тяжестью; они будут воодушевлять ревность этих достойных правителей, указывая им, без страха и лести, на величие их задачи и суровость их долга; и тем не менее они будут презирать тот строй, который может держаться лишь благодаря помощи стольких достойных людей, чаще желаемой, чем обретаемой, и который несмотря на все их заботы, все же приносит людям больше бедствий, и притом бедствий действительных, чем выгод, хотя бы только воображаемых» (стр. 130).

III

В 1762 г. Руссо опубликовал трактат под названием «Об общественном договоре, или принципы политического права»³. Небольшой по объему, этот трактат сыграл выдающуюся роль в формировании и развитии теории якобинской революции.

«Человек рожден свободным, а между тем повсюду он в оковах», — такими словами начинает Руссо первую главу «Общественного договора». Когда народ, вынужденный повиноваться, получает возможность сбросить с себя ярмо тирании, он поступает так, используя свое неотъемлемое право на свободу, ибо, вступая в общество, он заключает соглашение, общественный договор, который вовсе не является ненарушимым.

Общая свобода вытекает из человеческой природы. Человеку присуща забота о самосохранении; став взрослым, разумным существом, человек становится собственным господином и судьей своих поступков. Руссо указывает, что сила сама по себе не создает права, и поэтому основой

---

³ Новое Французское издание «Общественного договора» — в серии «Les classiques du peuple» с большой вводной статьей, комментариями и примечаниями вышло в 1954 г. Последнее русское издание, цитируемое ниже, вышло в 1938 г.

законной власти являются соглашения между людьми. Подобное соглашение не может касаться отказа от свободы. Это значило бы отказаться от человеческого достоинства, от прав человека, от обязанностей человека. Подобный отказ был бы невознаградим и противоречил бы человеческой природе. Руссо считает ничтожным «право» рабства именно по этим основаниям.

Характеризуя содержание и цели общественного договора, Руссо пишет: «Найти такую форму ассоциации, которая защищала бы и охраняла совокупной общей силой личность и имущество каждого участника и в которой каждый, соединяясь со всеми, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы таким же свободным, каким он был раньше» (стр. 12). Общественный договор действителен до тех пор, пока он не нарушен. С этого момента каждый человек возвращается в естественное состояние и тем самым возвращает себе свою первоначальную естественную свободу.

Руссо считает, что сувереном является весь народ и именно поэтому суверен не может иметь каких-либо частных интересов, противоречащих общим интересам. Если кто-либо не повинуется общей воле, то его принуждают к повиновению; таким образом, его силой заставляют быть свободным, поскольку общественный договор гарантирует каждому его личную свободу.

В результате перехода человека из естественного состояния в гражданское состояние происходит утрата естественной свободы и неограниченного права на владение. Вместо них человек приобретает гражданскую свободу и право собственности. При этом Руссо отмечает, что «всякий человек, естественно, имеет право на все, что ему необходимо» (стр. 18).

Общий вывод, к которому Руссо приходит в заключении первой книги «Общественного договора», таков: «Основное соглашение не только не разрушает естественного равенства, а напротив, заменяет моральным и законным равенством то физическое неравенство между людьми, которое могла создать природа; люди, будучи неравны по силе и уму, становятся равными путем соглашения и в силу права» (стр. 20). Приходя к такому выводу, Руссо вместе с тем замечает, что «при дурных правительствах» это равенство оказывается фиктивным: «...оно служит лишь для того, чтобы держать бедняка в нищете,

а богачу обеспечить его узурпацию» (стр. 20). Законы приносят пользу лишь «владеющим».

Признавая народ сувереном, Руссо подробно обосновывает, что суверенитет неотчуждаем и неделим, что общая воля всегда справедлива и стремится к общественному благу. Но из этого не следует, что народ никогда не ошибается или что его нельзя обмануть, но подкупить его нельзя никогда.

Характеризуя пределы суверенной власти, Руссо пишет: «Как бы ни была суверенная власть абсолютна, священна и неприкосновенна, она не может все-таки переступить и не переступает границ общих соглашений»; поэтому каждый располагает той частью своей свободы и имущества, которая оставлена соглашением в его личном распоряжении.

В связи с таким ограничением суверенной власти возникает вопрос о праве суверена располагать жизнью человека. Этот вопрос получает у Руссо развернутое решение.

«Общественный договор имеет целью сохранение договаривающихся. Кто одобряет цель, тот одобряет и средства, ведущие к цели, а эти средства связаны безусловно с некоторым риском, даже с некоторыми потерями. Кто хочет сохранить свою жизнь при помощи других, должен также отдать ее за других, когда это нужно. Гражданин уже не может быть судьей опасности, которой закон велит ему подвергнуться, и когда государь говорит ему: „для государства необходимо, чтобы ты умер“, он должен умереть, так как только под этим условием он жил до сих пор в безопасности, и так как жизнь его не есть уже только благодеяние природы, но условный дар государства» (стр. 29).

Это правило Руссо применяет к оценке смертной казни, как наказания: «Чтобы не стать жертвами убийцы, люди соглашаются умереть, если сами становятся убийцами. В этом договоре заключающие его вовсе не располагают своей жизнью, а думают только о ее сохранении, и вряд ли можно считать, чтобы кто-нибудь из них вперед соглашался на то, чтобы его повесили» (стр. 29). Нетрудно в этих положениях усмотреть и общее решение проблемы наказания преступника, даваемое Руссо; оно развивается Руссо в виде следующей системы.

Руссо считает, что преступник, который посягает на общественное право, тем самым становится «бунтовщиком

и изменником родины». Преступник, нарушив законы своей родины, перестает быть членом общества: он вступает с ним в войну. В этом случае интересы государства вступают в противоречие с интересами преступника. «Когда казнят виновного, то его лишают жизни скорее как врага, чем как гражданина» (стр. 29). Руссо рассматривает судебный процесс и судебный приговор как «доказательства и объявление того, что преступник нарушил общественный договор и, следовательно, не состоит более членом государства» (стр. 29). Преступник, как враг общества, может быть и должен быть уничтожен или изгнан из общества: «...право войны позволяет убить побежденного» (стр. 29). По мнению Руссо, осуждение преступника является частным актом, который не относится к функциям суверена и который выполняется уполномоченными на то государственными органами.

Руссо, не будучи противником смертной казни, вместе с тем считает, что «частое повторение казней есть всегда признак слабости или бездеятельности правительства» (стр. 30). Уничтожить преступника следует лишь тогда, когда будет установлено, что сохранение его жизни опасно для общества. Вообще же говоря, «нет такого испорченного человека, который не годился бы на что-нибудь» (стр. 30).

Руссо резко ограничивает возможности помилования преступников или освобождения их от наказаний. Это право принадлежит исключительно суверену, который стоит и выше закона, и выше судьи. Ввиду недостаточной определенности права помилования оно должно применяться редко.

Руссо различает «хорошо управляемое государство» и «гибнущее государство». В первом мало преступников, и, следовательно, наказания в нем применяются редко. Во втором же преступления растут в «огромной степени», и это обеспечивает их безнаказанность.

Однако, выступая за сокращение применения помилования преступников, Руссо вместе с тем, очевидно, исходя из общественно-политической обстановки шестидесятих годов XVIII в. и чрезвычайной жестокости репрессии, заканчивает свои рассуждения по этому вопросу следующими словами: «Но я чувствую, как сердце мое ропщет и удерживает мое перо: предоставим обсуждение этих вопросов справедливым людям, которые никогда не грешили

и которые сами никогда не нуждались в прощении» (стр. 30).

В «Общественном договоре» большое место занимает решение вопроса о законах и законности. Руссо считает, что законодателем должен быть сам народ: вступая в общество и заключая общественный договор, люди сами должны устанавливать те законы, которым они будут подчиняться.

Выясняя признаки хорошо устроенного государства, Руссо выдвигает два критерия: обширность территории и численность населения. Наилучшие условия, по мнению Руссо, будут у того государства, которое имеет сравнительно небольшую территорию и пропорциональное ей население. В государстве с большой территорией и большим населением неизбежно велик административный аппарат, управление таким государством затруднено, законы в нем многочисленны и противоречивы. В таком государстве «таланты погребены, добродетели пребывают в неизвестности, пороки остаются безнаказанными в этой толпе незнакомых друг другу людей, которых собирает воедино лишь резиденция высшей администрации» (стр. 40).

Характеризуя различные системы законодательства, Руссо указывает на два основных критерия, которыми должно определяться оно: свобода и равенство. При этом «под словом равенство не следует понимать того, чтобы степени власти и богатства должны быть абсолютно одни и те же; что касается власти, она не должна доходить до насилия и применяться иначе, как в силу определенного положения и законов; а что касается богатства — ни один гражданин не должен быть настолько богат, чтобы быть в состоянии купить другого, и ни один — настолько беден, чтобы быть вынужденным продавать себя. Это предполагает со стороны знатных людей умеренность в пользовании имуществом и влиянием, а со стороны людей маленьких — умеренность в своей жадности и зависти» (стр. 44—45).

Руссо предлагает систематизацию законов. Он различает законы *политические*, которые устанавливают отношения суверена к государству («отношение целого к целому»); законы *гражданские*, которые регулируют отношения между членами общества, а также их отношения с политическим организмом в целом; законы *уголовные*, которые регулируют отношения «между неповиновением и

наказанием». При этом Руссо замечает, что уголовные законы по сути дела являются «скорее санкцией всех остальных законов, чем особым видом последних» (стр. 47). Эта классификация законов восполняется четвертым видом законов, которые «запечатлены в сердцах граждан» — это нравы, обычаи, общественное мнение.

Будучи сторонником теории разделения властей, Руссо уделяет этому вопросу большое внимание. Верховная власть, суверен — это сам народ. У него имеется «агент», осуществляющий согласно общей воле управление государством. Такой агент может быть королем или не быть им, но при всех условиях он слуга народа. Характеризуя различные формы правления, Руссо высказывается за преимущества демократической республики. Вместе с тем, разделяя известный тезис Монтескье и прямо ссылаясь на него, он указывает, что «не всякая форма правительства пригодна для всякой страны», ибо «свобода не есть плод, свойственный всем климатам...» (стр. 67).

Для понимания революционной теории Руссо большое значение имеют его взгляды на узурпацию власти тиранами. Государство может распасться двояким образом. Если государь перестает управлять согласно законам и узурпирует власть, принадлежащую суверену — народу, то государство распадается, общественный договор раторгается, и все граждане возвратятся в естественное состояние. Они уже не обязаны повиноваться государю. Если члены правительства, которые должны совместно управлять государством, узурпируют власть, то государство также распадается, и граждане, которые возвращают себе естественную свободу, также не обязаны повиноваться узурпаторам.

Определяя понятие тирана, Руссо считает его королем, управляющим путем насилия, несправедливо и незаконно; тиран — это частный человек, незаконно присваивающий себе власть, он узурпатор.

Развивая мысль о том, что сувереном является народ а государь — его слуга, его «агент», Руссо пишет, что правительство учреждается не договором, а законом, что «хранители исполнительной власти» не господа над народом, а слуги народа, его чиновники, что народ может их назначать и смещать. Даже в тех случаях, когда народ устанавливает наследственное правительство, он обязан подчиняться государю лишь до тех пор, пока пожелает.

В изданном весной 1762 г., после выхода в свет «Общественного договора», в произведении «Эмиль, или о воспитании» Руссо подробно излагает свои философские, политические, юридические, религиозные и педагогические взгляды. Не ставя своей задачей осветить всю сумму воззрений Руссо, изложенных в этом труде, остановимся на тех вопросах, которые непосредственно связаны с нашей темой.

По мнению Руссо, все то, что создается «мироздателем», является хорошим, но вырождающимся в руках человека. Ныне существующий порядок таков, что предоставленный самому себе современный человек был бы уродом, так как предрассудки, авторитет, нужда, дурные примеры, общественные порядки заглушают природу человека.

Человеку свойственно заботиться о своем самосохранении и благополучии. Поэтому ему необходимо прежде всего внушить идею собственности, а затем — идею свободы: счастье человека, находящегося в естественном состоянии, определяется отсутствием страданий, здоровьем, свободой, материальным достатком; к этому счастью должны стремиться люди, живущие в современном обществе. Наиболее сильное чувство, присущее человеку, отвращение к смерти. Поэтому «природа все позволила человеку, не имеющему никакого другого средства жить»⁴ (стр. 254). Из этого положения Руссо делает очень важный вывод, имеющий прямое отношение к уголовному праву: «Если существует в мире какое-либо бедственное положение, когда никто не может жить, не делая зла, и когда граждане по необходимости бывают плутами, то не злодея нужно вешать, а того, кто принуждает его стать таким» (стр. 254—255).

Характеризуя природу человека, Руссо утверждает, что «от природы люди не бывают ни королями, ни вельможами, ни придворными, ни богачами; все родились нагими бедняками, все подвержены бедствиям жизни, огорчениям, болезням, нуждам, всякого рода страданиям, всем,

---

⁴ Здесь и далее цитируется по русскому переводу: Ж.-Ж. Руссо. Эмиль, или о воспитании. М., 1896. Избранные страницы из «Эмиля» изданы в 1958 г. в серии «Les classiques du peuple», с большим введением Валлона и статьей Лесеркля.

наконец, суждено умереть» (стр. 298). Поэтому воспитание человека должно отправляться от природы человека, развивая его чувства и страсти.

Воспитывая человека, следует добиваться, чтобы он «знал и исполнял обязанности, налагаемые на него божеским законом по отношению к ближним его и по отношению к нему самому» (стр. 463). Руссо считает, что каждому человеку должно быть известно о существовании «властителя судеб людских», что в загробной жизни «„Высшее Существо“ явится воздателем для добрых и судьей для злых» (стр. 463). По мнению Руссо, тот кто отрицает эти положения, «без сомнения заслуживает наказания: он возмутитель порядка и враг общества, ...его следовало бы наказать, как святотатца, если его не наказали бы за его нетерпимость» (стр. 463).

В «Эмиле» Руссо специально останавливается и на некоторых вопросах уголовного права.

Он указывает на получившую большое распространение фальсификацию съестных припасов, причиняющую серьезный вред здоровью потребителей (стр. 236). Он подробно рассматривает вопрос о праве человека на оборону от преступных посягательств. Никто не обеспечен от оскорбления или насилия со стороны грубого, дерзкого или пьяного человека. Но если закон бессилён оградить от подобных посягательств, то потерпевший имеет право сам применить необходимые меры против виновного. «Он один является истолкователем и исполнителем естественного закона, он должен удовлетворить себя за обиду; он один может это сделать, и нет на земле правительства, настолько неразумного, чтобы оно стало наказывать его за это в подобном случае» (прим. на стр. 345—346).

Руссо очень ярко характеризовал ту мысль, что общественное положение человека определяет его поведение. «Если б мне сегодня выпало несчастье занять известного рода должность в известной стране, я завтра неизбежно стал бы тираном, лихоимцем, разорителем народа, вредным для государя, врагом — по своему званию — всякой человечности, всякой правды, всякого рода добродетели» (стр. 405). Развивая эти мысли, Руссо пишет, что, став богачом, он несомненно вел бы себя соответствующим образом: был бы высокомерен, низок, жесток и т. д.

«Демон собственности заражает все, до чего касается», — пишет Руссо и иллюстрирует эту мысль рядом

примеров. Земельные собственники стремятся захватить чужие земли. Их подданные вынуждены безропотно смотреть на то, как принадлежащая собственникам дичь опустошает посеы подданных. Изобилие дичи соблазнит неимущих стать браконьерами. Для борьбы с ними понадобятся тюрьмы, стражники. «Одни будут наказаны за истребление дичи, другие будут разорены из-за того, что пощадили ее,— какая печальная альтернатива!» (стр. 418).

Правильное воспитание человека, начиная с его колыбели, привитие ему трудовых навыков, привитие основ морали, исходящей из вечных принципов природы, неуклонная борьба со всеми противоестественными наслоениями в характере человека, основанными на неустроенности общества,— все это, по мысли Руссо, должно сочетаться с разработкой принципов мудрого, рационального законодательства.

Классики марксизма исключительно высоко оценили Руссо. Энгельс указывал, что у Руссо имеются «высокие образцы диалектики»⁵, что «учение Руссо в первом своем изложении, можно сказать, блистательно выставляет напоказ свое диалектическое происхождение»⁶. Вместе с тем, Энгельс отмечал и историческую ограниченность политической доктрины Руссо: «Разумное государство,— „общественный договор“ Руссо,— оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»⁷. Необходимо привести еще одно важное указание Энгельса: «Общественный договор Руссо нашел свое осуществление во время террора, от которого изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в подкушности Директории, а в конечном счете под крылом наполеоновского деспотизма»⁸. Якобинская диктатура была неразрывно связана с учением Руссо. Ученики Руссо — якобинцы — делали из его учения наиболее революционные выводы и применяли их в своей практической деятельности.

---

⁵ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1957, стр. 20.

⁶ Там же, стр. 131.

⁷ Там же, стр. 17.

⁸ Там же, стр. 240.

Характеризуя роль учения Руссо в эпоху якобинской диктатуры, академик В. П. Волгин пишет:

«Время наибольшего, совершенно исключительного, влияния идей Руссо падает на годы якобинской диктатуры. Руссо был непререкаемым авторитетом для Робеспьера. Французских революционных демократов XVIII века не мог не вдохновлять радикализм политических построений Руссо,— построений, в которых принцип народного суверенитета получил столь последовательное развитие. Для политических деятелей, считавших себя защитниками интересов „санкюлотов“, резкая критика неравенства в произведениях Руссо и его эгалитарные проекты не могли не представляться ярким выражением их собственных социальных мечтаний.

Влияние Руссо на якобинцев не ограничивалось принципиальными вопросами политической и социальной теории. Это влияние отражалось весьма явственно во всех решениях, во всех действиях якобинского правительства. У Руссо черпали якобинцы аргументы в пользу утверждения законов народным голосованием и выборности должностных лиц, но у Руссо же находили они доводы и в пользу революционной диктатуры. В учении Руссо о верховном праве государства на имущество граждан находили они теоретическое обоснование своих социальных мероприятий: борьбы со спекуляцией, государственного регулирования цен, принудительных займов и т. п. Наконец, Руссо вдохновлял Робеспьера в его борьбе с „атеистами“ Для Робеспьера Руссо был „гений свободы“, „истинный друг человечества“»⁹.

В годы революции революционно-демократическая теория законности и правосудия опирается на данную Руссо беспощадную критику деспотизма и тирании господствующих классов, на разоблаченное им политическое и экономическое неравенство людей, на ярко раскрытую им систему нарушений общественного договора. Сторонники революционно-демократической теории законности и правосудия широко используют и развивают идею народного суверенитета, право народа на революционное насилие в отношении его врагов. Теория Руссо неоднократно использовалась в выступлениях депутатов Учредительного собрания. Но она звучала все громче и громче по мере развития

---

⁹ В. П. Волгин. Указ. соч., стр. 244—245.

революции и легла в основу законодательства якобинской диктатуры. Теория Руссо была положена в обоснование революционного террора и развита Маратом, Робеспьером, Сен-Жюстом, Кутонем в период наивысшего подъема революции.

2. Марат

I

Жан Поль Марат¹⁰, выдающийся деятель французской буржуазной революции XVIII в., один из вождей якобинцев, одновременно был и выдающимся теоретиком уголовного права и процесса. Еще в дореволюционное время он создал теорию уголовного права и процесса, направленную на защиту интересов трудящегося и эксплуатируемого народа, и тем самым весьма существенно отличавшуюся от всех других современных ему прогрессивных теорий. В годы революции он дальше развивает эту теорию. Он разоблачает преступления врагов народа, призывает народные массы к революционной бдительности, требует и обосновывает введение революционного террора против контрреволюционеров, неумолимо вскрывает реакционный, антинародный характер уголовных законов и деятельности судов в период Учредительного и Законодательного собраний.

Жан Поль Марат родился 24 мая 1743 г. в швейцарском городе Будри. Он получил хорошее образование, изучил семь языков, много читал. Закончив учение в Невшателе (Швейцария), Марат уехал затем во Францию, где получает возможность изучить труды Монтескье, Руссо и других передовых мыслителей Франции. Еще шире Марат изучает философскую и политическую литературу после переезда в Париж, где он знакомится с трудами Дидро, Даламбера, Вольтера, Гельвеция, Гольбаха, Мабли.

Марат получает медицинское образование и вместе с тем проявляет большой интерес к изучению проблем физики. Пробыв в Париже около трех лет, он надолго уезжает в Англию. Занимаясь врачебной практикой, он одно-

---

¹⁰ И. Степанов (Скворцов). Жан Поль Марат и его борьба с контрреволюцией. М., 1919; Е. Тарле. Жан Поль Марат — друг народа. «Новый мир», 1939, № 7; А. Ольшевский. Марат. «Молодая гвардия», 1938, В. П. Волгин. Указ. соч.; A. Vougeart. Marat. L'Ami du Peuple, t. 1—2. P., 1865; F. Chevrement. Marat, t. 1—2. P., 1880.

променно развертывает обширную и разностороннюю научную деятельность, а также принимает участие и в политической жизни страны. В 1775 г. он получает диплом доктора медицины.

В 1776 г. Марат возвращается в Париж и занимается врачебной практикой. Продолжая научную деятельность, он принимает участие в конкурсе на написание проекта уголовного кодекса.

Вся дореволюционная научная деятельность Марата протекала в ожесточенной борьбе с его научными противниками, с клеветой, возводимой на него, с замалчиванием его научной деятельности. Принципиальная резкость Марата, острота его полемики, неприятие никаких научных авторитетов, новизна научной мысли, революционный характер его политических и юридических взглядов — все это обусловило враждебное отношение к нему со стороны «официальной» науки еще в дореволюционную эпоху. Ненависть к Марату стала еще более острой, после того как он стал одним из выдающихся политических деятелей французской революции, выразителем революционных стремлений трудящихся¹¹.

II

В произведении «Цепи рабства» (1774) Марат довольно подробно останавливается на таких вопросах, как закон и законность, преступление и наказание, правосудие и организация деятельности суда и т. д. Однако мысли, содержащиеся в этом произведении, Марат развивает значительно более подробно в «Плане уголовного законодательства», написанном на конкурс, организованный Бернским экономическим обществом. Работа премии не получила. Но, не дожидаясь решения жюри конкурса, Марат опубликовал ее в 1780 г. в Невшателе на французском языке под названием «План уголовного законодательства».

Первое издание «Плана» безвозвратно утрачено. Французская цензура не допустила его появления, и лишь

---

¹¹ Библиографию трудов Марата см.: F. Cheyromont, Marat, t. 1—2; Русские переводы сочинений Марата: «Письма». П.— М., 1923; «Памфлеты». М.— Л., Изд-во «Академия», 1934; «Памфлеты». М., Соцэкгиз, 1937; «План уголовного законодательства», ИЛ, 1951; «Избранные произведения» в трех томах. Изд-во АН СССР, 1956 (с большой вводной статьей А. З. Манфреда и комментариями В. М. Далина).

небольшое число экземпляров появилось во Франции нелегально.

Второе издание «Плана» относится к началу восьмидесятых годов XVIII в. Он вошел в десяти томную библиотеку Бриссо наряду с работами самого Бриссо, а также работами Томаса Мора, Беккариа, Вольтера, Морелли и др.

В третий раз «План» был издан Маратом в Париже в 1790 г. Полное наименование его таково: «План уголовного законодательства. Работа, в которой трактуют о преступлениях и наказаниях, о силе доказательств и презумпций и о способе приобретать эти доказательства и эти презумпции в течение уголовного процесса таким образом, чтобы не нарушить ни справедливости, ни свободы и примирить спокойствие с уверенностью в наказаниях, и человечность с безопасностью гражданского общества». После фамилии автора указывалось, что он является автором «Друга народа», «Французского Юпиуса», «Дара отечеству», «Плана Конституции» и некоторых других патриотических работ.

В четвертый раз «План» Марата был издан уже после его смерти в Париже, в 1795 г. Это издание было осуществлено его вдовой и должно было явиться первым томом собрания его сочинений, издание которого, однако, было прекращено в силу декрета 22 февраля 1795 г.¹²

В этом произведении Марат делает одну из первых попыток создать систему уголовного права, основанную на революционной теории¹³. Предложенная Маратом система уголовного права по своему содержанию приближается к проектируемому им проекту уголовного, а также и уголовно-процессуального кодекса.

Первые два раздела «Плана» посвящены вопросам уголовного права, вторые два раздела рассматривают вопросы судопроизводства. Первый раздел озаглавлен «Об основных принципах хорошего законодательства»; в нем рассматриваются основные вопросы общей части уголовного права. Второй раздел «Плана» носит название «О преступлениях

---

¹² На русском языке «План» Марата издавался трижды: первый раз в небольших извлечениях он был помещен в «Памфлетах», изданных в 1934 г.; полный перевод был издан в 1951 г. (с нашим предисловием); в трехтомнике «Избранных произведений» Марата «План» приведен с большими сокращениями.

¹³ В буржуазной уголовно-правовой литературе теория Марата, как правило, представлена в извращенном виде (см. критический обзор литературы в нашей монографии «Уголовно-правовая теория Жана Поля Марата». Госюриздат, 1956).

и наказаниях»; здесь Марат рассматривает вопросы особенной части уголовного права.

В своей характеристике уголовного права Марат исходил из обусловленности уголовных законов той или иной политической системой. Опираясь на известное положение, сформулированное Монтескье, он считал, что разрабатываемые законопроекты должны всегда находиться в соответствии с сущностью установленного образа правления. Марат неоднократно в своем «Плане» проводит ту мысль, что *уголовные законы должны существенным образом различаться в зависимости от того, установлены ли они для народа, который управляется тиранами, или для народа, который уже освободился от власти тиранического господства*. Он считал, что его «План» предназначен для свободного народа. Однако, учитывая, что фактически народ еще не свободен, Марат в ряде мест «Плана» разграничивает свои уголовно-правовые предложения: одни предложения для свободного народа и другие — для облегчения участи несвободного народа.

По мнению Марата, для поддержания порядка в обществе было бы достаточно одних лишь правил нравственности; но так как в обществе царит развращенность нравов, то необходимо, чтобы нравственные правила подкреплялись страхом наказания. Такое положение вещей неизбежно влечет за собой разрастание законодательства: чем больше растет общество и расширяются отношения между людьми, тем более обширным делается и законодательство.

Уголовное законодательство должно быть разработано так, чтобы в определении преступлений и наказаний не было «ничего непонятного, двусмысленного, произвольного». А для этого необходимо, чтобы уголовный кодекс не был ограничен лишь простым перечнем преступлений и наказаний; в нем должны быть изложены и руководящие принципы уголовного права, составляющие, как говорит Марат, «дух уголовных законов». Основные задачи уголовного права были сформулированы Маратом следующим образом: «Покарать преступление, не нарушая справедливости, это значит: обуздать злых, защитить невинных, избавить слабых от притеснения, вырвать меч из рук тирании, поддержать порядок в обществе и обеспечить спокойствие его членов»¹⁴.

¹⁴ Ж. П. Марат. План уголовного законодательства. ИЛ, 1951, стр. 32.

С точки зрения Марата, преступление следует рассматривать как нарушение общественного порядка, и для того, чтобы раскрыть содержание преступления как посягательства на общественный порядок, необходимо выяснить, в чем состоит этот общественный порядок.

Опираясь на теорию общественного договора, Марат видит основы общественного порядка в равных правах людей, во взаимных выгодах, во взаимной помощи. Общественный договор должен был обеспечить свободу, справедливость, мир, согласие, благополучие. Однако в действительности этого нет, и общество состоит из «презренных рабов и повелевающих господ» (стр. 33). Благодаря насилию и преступлению бедняк отдается на милость богача, «законы склоняются перед сильным, лишь для слабого они остаются непреклонными» (стр. 34). Существующий общественный порядок приводит к тому, что люди оказываются лишены свободы, равенства, счастья; они рождаются и остаются на всю жизнь нищими или богатыми, подчиненными или независимыми и почти никогда не могут изменить своего общественного положения.

Благодаря такому общественному порядку законы являются лишь «приказами тех, кто имеет власть» (стр. 33). Развивая мысль о классовой природе законов, Марат говорит о том, что закон «является лишь скрытой тиранией ничтожного меньшинства над большинством» (стр. 34). А так как именно закон определяет, что такое преступление, то, по мнению Марата, понятие преступления всегда отражает интересы ничтожного меньшинства, ибо в создании законов не принимали участия массы народа.

На каких же принципах должно покоиться законодательство? Отвечая на этот вопрос, Марат развивает глубоко продуманную систему взглядов.

Различая вслед за Монтескье и Руссо законы естественные и законы общественные, Марат считает, что вторые никогда не должны противоречить первым. Но, не ограничиваясь этим, он выдвигает положение о том, что «хорошие законы» должны устранить фактическое неравенство и угнетение. «Повсюду бедняк не ставится... ни во что; кажется даже, что законодатели утратили в отношении его всякое чувство человечности. Что же в этом удивительного: они не являются товарищами по труду несчастного, кото-

рый служит лишь орудием их роскоши и гордыни» (стр. 35, примечание).

Раскрывая классовую сущность действующих уголовных законов, разоблачая их как законы эксплуататорские и тиранические, Марат призывает уничтожить их, как и тот общественный порядок, который порождает деление общества на враждебные друг другу классы. «Да погибнут же наконец, — восклицает Марат, — эти основанные на произволе законы, созданные для благополучия нескольких индивидов во вред роду человеческому; да погибнут также эти гнусные различия, которые делают одни классы народа врагами других и которые приводят к тому, что массы должны сокрушаться по поводу благополучия ничтожного меньшинства, а ничтожное меньшинство должно бояться благополучия масс» (стр. 35).

Следует признать первой особенностью сформулированных Маратом принципов уголовного права смелое разоблачение классовой природы уголовных законов, раскрытие классовой сущности понятия преступления, выяснение зависимости классовой природы понятия преступления от существующего общественного порядка, от деления общества на класс угнетателей и класс угнетенных, призыв к революционной перестройке общества в интересах трудящегося народа.

В своем «Плане» Марат подробно освещает вопрос относительно обязанности людей подчиняться законам. Он рассматривает критерий, который должен лечь в основу поведения людей в обществе, обязанных в одних условиях подчиняться законам, а в других условиях освобождающихся от этой обязанности и приобретающих право сопротивляться этим законам как законам несправедливым, тираническим.

Марат считает, что все существующие правительства, как и государства, созданы насилием и потому не могут считаться законными. Общество было создано людьми во имя их общих интересов; они стремились создать законы, чтобы определить взаимные права; они отказались от общности имущества для того, чтобы иметь известную его часть в своем личном владении. Однако в обществе не были приняты надлежащие меры для того, чтобы предупредить рост богатства у части граждан за счет роста нищеты другой части граждан. Поэтому в обществе появилось множество неимущих, вынужденных погибать от голода. Марат

ставит вопрос, обязаны ли эти неимущие и обездоленные люди соблюдать законы, и дает на него отрицательный ответ. Он пишет: «Будучи связаны с обществом одними лишь невыгодами, обязаны ли они уважать его законы? Конечно, нет; если общество их покидает, они возвращаются в естественное состояние; если они силой требуют прав, от которых они отказались лишь для того, чтобы обеспечить себе большие выгоды, то всякая власть, которая будет сопротивляться этому, окажется тиранической, а судья, приговаривающий их к смерти,— лишь подлым убийцей» (стр. 36).

В «Плане» Марата одно из центральных мест занимает положение о том, что общество будет вправе наказывать отдельных своих членов лишь после того, как оно обеспечит каждому из них необходимые условия существования.

Эту мысль Марат иллюстрирует на примере с кражей. Всякая кража есть посягательство на собственность; но каково происхождение этого права собственности, спрашивает Марат. Вопреки установившемуся мнению, Марат считает, что оно не может быть основано на праве сильного, ибо насилие вообще неспособно установить какое-либо право; оно не может быть основано на праве первого захвата, ибо он сам по себе еще не говорит о справедливости; оно не может быть основано на праве завещания, ибо нельзя распорядиться в пользу другого тем, что не принадлежит самому; оно, наконец, не может быть основано и на праве труда земледельца, так как хотя плоды его труда принадлежат ему, но земля, на которой он трудится, принадлежит всему обществу. «Итак,— заключает Марат,— нам принадлежит все, что необходимо для нашего существования, и никакие излишки не могут законно принадлежать нам, пока другие не имеют всего необходимого. Вот законное основание всякой собственности, вне зависимости от того, находятся ли люди в составе общества или они еще в первобытном состоянии» (стр. 38).

Как видно из приведенного отрывка, в понимании права собственности Марат в своем «Плане» приближается в известной мере к взглядам некоторых социалистов-утопистов, в частности к взглядам Мабли и Морелли. В решении этого кардинального вопроса взгляды Марата весьма решительно отличаются от взглядов просветителей XVIII в. И хотя, например, Беккариа «рискнул» в своем трактате мельком сказать о праве собственности как об ужасном и

вовсе не необходимом праве, а Бриссо в молодые годы утверждал, задолго до Прудона, что собственность является кражей, тем не менее в решении данного вопроса Марат оказался и гораздо более последовательным, и гораздо более решительным. Марат сознавал, что его взгляды на право собственности противоречат обычным представлениям о нем, и, применяя изложенную точку зрения к решению вопроса о краже и праве наказания за кражу, Марат, используя литературный прием Беккариа, приводит речь воображаемого преступника, посягнувшего на частную собственность. Бедняк, совершивший это преступление, обращаясь к судьям, говорит о том, что он не виновен в совершенном им поступке: «...тот, кто ворует, чтобы жить, пока он не может поступить иначе, лишь использует свои права» (стр. 38). Какое дело бедняку до того ложного порядка, который называется общественным порядком? Почему он должен подчиняться законам, которые установлены лишь для осуществления господства над бедняками? Зачем говорят о равенстве всех людей в условиях, когда одни проводят свою жизнь в роскоши и безделии, а другие «подвергнуты за вас превратностям времени, усталости, голода» (стр. 38). И Марат вкладывает в уста этого бедняка слова гнева и разоблачения богатых притеснителей народа и слова отчаяния эксплуатируемых, доведенных до предела нужды и страданий.

Марат утверждал, что почти повсеместно бедняки, лишённые средств к существованию, принуждаются к совершению преступлений самими правительствами, которые не только грабят бедняков, но и заставляют их проливать кровь для защиты владений богачей. А когда эти несчастные люди нарушат закон, их безжалостно карают.

Недостаточно, по мнению Марата, перестать наказывать несчастных бедняков. Нужно исправить несправедливость, допущенную обществом в отношении их: неимущие «должны вооруженной силой требовать у притеснителей возвращения своих священных естественных прав» (стр. 41). Эту идею постоянно повторяет и развивает Марат.

Как же решить вопрос о наказуемости посягательств на частную собственность? Если оставлять эти посягательства безнаказанными, в обществе воцарится анархия. Если же наказывать бедняков за преступления, к совершению которых они понуждены несовершенством,

несправедливостью общественного порядка,— это будет означать сохранение несправедливости и угнетения. Решение этой сложной задачи Марат видит в проведении серьезных реформ, посредством которых будут обеспечены сносные условия существования неимущих. И только лишь после проведения этих реформ Марат допускает наказания лиц, посягающих, невзирая на созданные для них благоприятные условия существования, на собственность. Марат был очень далек от проведения социалистических преобразований, хотя, несомненно, он был знаком с рядом социалистических и коммунистических теорий. Его социально-экономические идеалы не шли далее обеспечения небольшой частной собственности за каждым гражданином в размерах, удовлетворяющих основные потребности человека, и ограничения «излишних» богатств у привилегированных слоев общества. В числе предложенных Маратом социальных реформ он особенно подчеркивает и повторяет уже в годы революции идею конфискации большей части церковных имуществ и распределения их между неимущими гражданами; далее Марат рекомендует обучать неимущих различным ремеслам и предоставлять им работу; одновременно Марат считает необходимым создание бесплатных школ для бедняков за счет принудительных сборов с богатей. Марат предвидит, что осуществление намечаемых им реформ вызовет значительные трудности. Но он пишет свой «План» для свободных людей. Каким же путем и какими средствами трудящийся и эксплуатируемый народ сможет добиться осуществления своих прав и всех этих социальных реформ, Марат не указывает, ибо все это представлялось Марату в весьма смутной и отвлеченной форме.

Второй особенностью формулируемых Маратом принципов уголовного права следует признать выяснение социально-экономической обусловленности преступлений, неразрывной связи, существующей между общественным строем и преступлением, обличение общества, плодящего преступления и наказывающего тех, кого оно само понуждает к преступлению, признание эксплуатируемого народа свободным от соблюдения несправедливых законов, требование осуществления наказания лишь после проведения значительных общественных реформ.

Уделив в первую очередь внимание выяснению социально-политической природы преступления, наказания, уго-

ловных законов, стремясь разоблачить классовую, тираническую сущность законов, направленных против трудящегося и эксплуатируемого народа, Марат затем переходит к выяснению и обоснованию «справедливых и мудрых уголовных законов». Эта часть «Плана» систематизирует и развивает большую часть уголовно-правовых принципов, сформулированных прогрессивными мыслителями XVIII в.

К числу этих уголовно-правовых принципов Марат относит следующие.

1. Точность уголовного кодекса.
2. Простота уголовного кодекса.
3. Обязательная отмена тех уголовных законов, которые перестают охранять интересы общества.
4. Обязательное обнародование уголовных законов.
5. Обеспечение гарантий соблюдения уголовных законов на практике.
6. Главенство принципа предупреждения преступлений над принципом наказания преступников.
7. Публичность уголовного кодекса как одно из обязательных условий обеспечения законности.
8. Недопущение аналогии и толкования уголовных законов.
9. Осуществление системы мер предупреждения преступлений.

Специальные юридические вопросы о преступлении и уголовной ответственности разработаны Маратом бегло. Он касается лишь трех вопросов: о вменяемости, о возрасте, с достижения которого можно привлекать к уголовной ответственности, и о соучастии. Марат считает, что уголовной ответственности не могут подлежать слабоумные, сумасшедшие и безумные старики, «ибо они не ведают, когда делают зло, и едва ли знают, что делают». Не подлежат наказанию и дети, «ибо они не сознают еще обязанности подчиняться законам». Возраст, с наступлением которого может иметь место уголовная ответственность, должен определяться, по мнению Марата, с учетом климата, температуры и особенностей воспитания людей в данной стране. Наконец, говоря о соучастии, Марат считает, что всякое лицо, которое прямо или косвенно помогает совершать преступление, должно признаваться совершившим его. Некоторые другие вопросы общей части уголовного права решаются Маратом при рассмотрении отдельных видов преступлений.

Подробно освещен в «Плане» вопрос о наказании. Марат развивает здесь стройную систему принципов, которым должно отвечать наказание «во всяком хорошо устроенном обществе».

1. *Наказание должно быть соразмерным преступлению.*

2. *Наказание должно быть гуманным.*

3. *Наказание должно не столько мстить виновному, сколько удерживать его от искушения нарушить уголовный закон.* Развивая этот тезис, Марат особо останавливается на нецелесообразности частого применения смертной казни в «хорошо устроенном обществе». Не отрицая неизбежности применения в некоторых случаях этой меры наказания, он вместе с тем считает, что «наказания смертью должны быть редкими» (стр. 49). Однако Марат ставит под сомнение право применения смертной казни «при нынешнем порядке вещей», поскольку несправедливо происхождение современной тиранической государственной власти. Возражая против частого применения смертной казни, он выдвигает следующие соображения. Впечатления от смертной казни быстро проходят, люди скоро привыкают к ужасам казней. С другой стороны, у приговоренных к казни создается ореол мученичества. Смертная казнь лишает возможности искупления вины путем использования труда осужденного. Считаю, что неисправимых преступников целесообразно не казнить, а использовать на наиболее нездоровых, неприятных и опасных работах, Марат развивает мысли, сформулированные до него Беккариа и Вольтером.

При изложении основных принципов уголовного права Марат специально не останавливается на системе наказаний. Но ее можно усмотреть в предложенной Маратом особенной части уголовного права путем обобщения содержащихся в «Плане» санкций по отдельным видам преступлений. Предусмотрены следующие виды наказаний:

- 1) смертная казнь квалифицированная;
- 2) смертная казнь простая;
- 3) лишение свободы — арест;
- 4) лишение свободы в рабочем доме;
- 5) лишение свободы в смиренном доме;
- 6) лишение свободы в исправительном доме;
- 7) лишение свободы в тюрьме;
- 8) пожизненные тяжкие общественные работы;
- 9) телесные наказания — отрубание пальцев руки;

- 10) лишение прав гражданина с объявлением изменником государства и с лишением свободы;
- 11) конфискация имущества, полная или частичная;
- 12) денежный штраф;
- 13) изгнание с позором с должности;
- 14) возмещение материального ущерба;
- 15) вывешивание объявления: «Здесь торговец, которым рискуешь быть отравленным» или «Здесь торговец, который обманывает»;
- 16) выставление у позорного столба;
- 17) порицание общественное, публичное; выговор, объявление плохо воспитанным; удовлетворение чести потерпевшего; публичное извинение перед потерпевшим.

Эта система наказаний характеризуется сочетанием старых, устрашительных и членовредительских наказаний, (квалифицированная смертная казнь, отрубание пальцев), а также наказаний позорящих (выставление у позорного столба) со значительным числом наказаний, преследующих исправительные цели и вовсе не известных в то время уголовному праву (система порицаний, лишение свободы с исправительными работами и т. д.). Характеризуется она и суровостью. Но не следует упускать из виду, что вся тяжесть репрессии направлялась Маратом против лиц, посягающих на интересы трудящихся. Выдвигая суровую в целом систему наказаний, Марат и в дореволюционные годы, и в годы революции исходил из принципов гуманизма, который он понимал как охрану интересов огромного большинства народа. Конечно, гуманизм Марата не имел ничего общего с «гуманизмом» идеологов буржуазии, которые в высшей степени легко забывали свои нередко весьма слащавые слова о «мягкости наказания», когда речь шла о кровавом и беспощадном подавлении сопротивления эксплуатируемых масс.

4. *Род наказания должен вытекать из природы преступления.* Торжество правосудия и осуществление целей наказания, по мнению Марата, может быть обеспечено лишь в том случае, «когда наказания зависят более не от желания законодателя, а от природы вещей». Из этого положения Марат делает такой вывод: «Вывести наказание из преступления является лучшим способом соразмерить наказание с преступлением» (стр. 49). В особенной части своего «Плана» Марат последовательно стремится осуществить этот принцип, устанавливая по каждому виду преступле-

ния такое наказание, которое, как ему представлялось, вытекает из самой «природы преступления».

5. *Наказания должны быть равными для всех нарушителей закона.* Марат очень резко высказывался против сословно-классовых привилегий при определении наказания; он называл гнусными те различия в положении обвиняемого перед судом, которые обуславливают применение тяжчайших наказаний для низших слоев общества и полное освобождение от наказаний высших слоев общества. Но, требуя равенства наказаний для всех слоев общества, Марат делает одну в высшей степени важную оговорку, резко выделяющую его взгляды из взглядов преобладающей массы просветителей и гуманистов XVIII в. Равенство наказаний было бы справедливо в том обществе, которое само основано на действительном равенстве всех людей, в котором все люди пользуются «приблизительно одинаковыми преимуществами». Но так как такого общества не существует, то Марат выдвигает требование индивидуализации наказания, при котором суд должен будет учесть в числе других смягчающих или отягчающих обстоятельств «положение, достояние преступников», а также пол, возраст, наклонности преступников и обстоятельства совершения преступления.

Эту мысль Марат иллюстрирует такими примерами. Из двух девиц, занимающихся развратом, из двух мужчин, совершивших кражу, из двух клятвопреступников заслуживает большего наказания та или тот, которые имели достаточное воспитание, достаточное материальное обеспечение, достаточный жизненный опыт. «Если закон должен иногда смягчаться, то это следовало бы делать в пользу несчастных, ибо у них редко может развиваться добродетель и она ни в чем не встречает поддержки» (стр. 50).

Таким образом, Марат выдвигает требование, правда, сформулированное им далеко не полностью и далеко еще нечетко, относительно классового подхода суда к оценке личности преступника и к определению меры наказания, ставя в основе этой оценки интересы народных масс. Марат оставляет открытым вопрос о том, какие судьи смогут обеспечить такой подход к определению меры наказания.

6. *Ограничение судейского усмотрения при определении меры наказания.* Допущение судейского усмотрения при определении меры наказания Марат называет опасным средством. Оно будет излишним в обществе, где будет до-

стигнуто действительное равенство всех людей и где будут обеспечены материальные и культурные потребности людей в объеме известного минимума. Так как «общественные заведения обеспечат всем необходимым и просвещением тех, которые имеют в этом недостаток, то все люди найдут себе убежище от нужды, не смогут ссылаться на свое невежество и не будут более иметь законного предлога к нарушению законов» (стр. 51). Следовательно, в «хорошо устроенном обществе» нет оснований для допущения судебного усмотрения при определении меры наказания. Но так как такое общество еще не существует, продолжает свою мысль Марат, то «следовало бы предоставить судьям власть соразмерять наказание с нарушением; но для того чтобы они никогда не злоупотребляли этой властью, пусть, имея право смягчать назначенное законом наказание, они никогда не могли бы его увеличивать» (стр. 51, примечание).

7. *Наказание должно быть личным.*

8. *Наказание должно быть непреклонным.*

Таковы общие принципы уголовного права, сформулированные Маратом в «Плане» и представленные им в стройной системе. Они нашли свое воплощение, конкретизацию и дальнейшее развитие в предлагаемой Маратом особенной части уголовного права.

III

Целеустремленный характер системы уголовного права, предложенной Маратом, ярко проявляется и в особенной части — в разделе «Плана», озаглавленном «О преступлениях и наказаниях». Особенная часть уголовного права разделяется Маратом на восемь глав. Следует отметить, что Марат при рассмотрении отдельных видов преступлений не только подвергает анализу содержание каждого из них, оценивает его опасность для общества, но и устанавливает по каждому виду преступления конкретные меры наказания.

Характеризуя государственные преступления, Марат относит к ним лишь те, которые ведут к гибели государства. Разоблачая феодальные взгляды на эти преступления, Марат выделяет «ложные государственные преступления». Анализ этих «преступлений» превращается у Марата в обвинительный акт против феодального строя. Марат рисует

«ужасную картину преступлений», совершаемых тиранами против народа. Он описывает «легкие преступления, караемые жестокими наказаниями, ужасные преступления, остающиеся безнаказанными, варварское обращение с обвиняемыми, гнусные средства, применяемые для изобличения виновных...» (стр. 31).

Рассматривая государственные преступления, Марат начинает «с восстановления истинных понятий о вещах». Он подвергает уничтожающей критике то понятие государственных преступлений, которое внушили «наемные законоведы»: «Нет ничего возмутительнее тех ложных идей о государственных преступлениях, которые внушили наемные законоведы. Под государственными преступлениями они понимают все то, что совершается против государя, а когда они захотели повысить значение последнего, то наименование государственных преступлений они заменили наименованием преступлений оскорбления величества различных степеней» (стр. 57). Господствующее понятие государственных преступлений является в корне неправильным, оно было создано тиранами. «Уничтожив свободу, они стали бояться всего, что могло напомнить о ней, и возвели в преступление отказ повиноваться их несправедливым приказам, требования прав человека, жалобы несчастных и угнетенных.

Дойдя до отождествления себя с государством, они стали признавать преступлением все то, что наводило на них тень; тирания повсюду вырыла пропасть под ногами праждан.

Когда государь завладел верховной властью, льстецы стали щедро наделять его пышными титулами царя царей, августейшего императора, священного величества; они возвели в преступление оскорбление величества, а в государственное преступление — все то, что ему не нравилось» (стр. 56).

Созданное деспотами понятие государственного преступления воздействует на невежественные, непросвещенные умы, и это помогает властимущим тиранически управлять народными массами.

Резко критикуя подобное понятие государственного преступления, «это ужасное оружие, всегда пагубное для невинности и добродетели» (стр. 56), Марат хочет вырвать его у тиранов и добиться того, чтобы их царству пришел конец.

Марат считает, что некоторые из так называемых государственных преступлений вообще не являются преступлениями. К их числу относит сочинения против государя, разоблачающие его пороки, жалобы на несправедливые действия государя и сопротивление несправедливым повелениям государя.

Еще более резко выступает Марат против признания преступным сопротивления граждан несправедливым повелениям государя.

Ряд преступлений, которые феодальное право относило к числу государственных, Марат рассматривает как обычные уголовные преступления. К ним он относит: посягательство на жизнь государя, подделку денег, контрабанду и дезертирство.

По мнению Марата, посягательство на жизнь государя отнесено к числу государственных преступлений без всяких оснований: если образ правления основан на законе, то государь является первым должностным лицом в государстве. Его смерть не может внести никаких изменений в жизнь государства. Поэтому, заключает Марат, убийство государя — это лишь простое убийство, и оно должно караться как всякое преднамеренное убийство смертной казнью, но без тех ужасных аксессуаров, которыми обычно карается цареубийство.

Ниже мы увидим, что эти мысли о цареубийстве Марат будет развивать спустя десять лет в связи с процессом Людовика XVI и, в частности, сошлется на свой «План» как на источник своих взглядов на государя как на слугу суверена — народа.

В критике и разоблачении «ложных государственных преступлений» Марат пошел значительно дальше своих современников. Он смело с позиций революционного правосознания отбросил феодальное понимание государственных преступлений как антинародное и сформулировал совершенно иное понятие государственного преступления.

В главе, названной «О подлинных государственных преступлениях», Марат сформулировал те положения о преступлениях врагов народа, которые он развивает десять лет спустя. Он формулирует новое понятие государственных преступлений и относит к ним измену родине, притеснения со стороны должностных лиц, взяточничество, хищения, диверсии и заговоры против государства, имеющие целью ликвидировать свободу. «Государствен-

ными преступлениями,— пишет Марат,— должны почитаться: предательство родины — под этим разумеется переход на сторону врага; возбуждение ненависти к власти путем злоупотребления какой-либо должностью — под этим разумеются притеснения и взяточничество; торговля правосудием — под этим разумеется нарушение служебного долга; разорение государства путем расхищения государственной казны — под этим разумеются растрата и хищения; измена государству — под этим разумеются лихоимства и сношение с врагами отечества; разрушение силы и богатства государства — под этим разумеются всякие поджоги кораблей, верфей, складов, арсеналов, общественных архивов и зданий; наконец, составление заговора против государства, направленного на разложение армии, и подкуп высшей администрации для ниспровержения законов, приведения в расстройство управления и захвата верховной власти» (стр. 65). Марат называет эти преступления чудовищными.

Марат рассматривает государственные преступления в качестве посягательства на действительного суверена — на нацию, на народ, на трудящихся и называет их виновников врагами, изменниками государства. Он проводит последовательно разграничение государственных преступлений, совершаемых в обществе, основанном на тирании, и совершаемых в обществе, основанном на справедливости и свободе. Перечень государственных преступлений, составленный Маратом, необычен: к нему отнесены такие преступления, которые в феодальном обществе вовсе не карались или же наказывались незначительными взысканиями, в силу привилегированного положения лиц, совершавших их. В этой связи Марат разоблачает безнаказанность тяжчайших преступлений против народа, существующую в обществе, основанном на тирании. Говоря о притеснениях и нарушении служебного долга, Марат замечает, что обычно на них смотрят как на признак могущества; рассматривая взяточничество, Марат указывает, что в высшей степени распространенное преступление, взятка, является по существу «привилегией откупа, ибо откупщики покупают у государя разрешение взимать произвольно налоги с подданных» (стр. 66). Марат бичует эти безнаказанные преступления откупщиков и чиновников королевской власти. Он наглядно показывает, что эти преступления совершаются в отношении бесправных, несчастных,

обездоленных людей, лишенных возможности отстаивать свои интересы. Он разоблачает преступную деятельность притеснителей и взяточников, которые доводят людей до нищеты и заставляют их ненавидеть власть.

Но если эти преступления оказываются совершенно безнаказанными в обществе, основанном на тирании, то они должны караться сурово в обществе, основанном на свободе. Их следует рассматривать как предательство интересов родины, как переход на сторону врага и карать их нужно лишением свободы, лишением навсегда прав гражданина и обещанием, с обязательным возмещением причиненного ущерба.

Другой вид государственных преступлений, который называет Марат, — это растраты и хищения — в высшей степени распространенные преступления. «Растрата является кражей общественных сумм каким-нибудь лицом, охране которого они были поручены; пусть же преступник будет осужден к возвращению украденного и к штрафу в пользу государства, а затем будет с позором изгнан со своей должности.

Такое же наказание должно быть вынесено расхитителю, ибо хищение является мошенничеством, совершенным при управлении общественными суммами» (стр. 67).

Особо в числе государственных преступлений Марат выделяет лихоимство, происки и измены. Он считает эти преступления ужасными, ибо они приносят в жертву интересам обогащения отдельных лиц общественные интересы и спасение государства. Виновные в этих преступлениях должны быть казнены. Такое же наказание должно быть применено за совершение диверсий, которые могут разрушить государство, истребить множество городов и людей. «Пусть же виновный лишится жизни; пусть внешние атрибуты его казни будут ужасны и он сам будет очевидцем их» (стр. 68).

Большое внимание уделяет Марат рассмотрению заговоров. Он проводит четкое и последовательное разграничение и дает политически острую оценку заговоров угнетенного народа против тиранов и заговоров тиранов против свободной нации, свободного народа. Первый вид заговора нельзя рассматривать в качестве преступления — это осуществление неотъемлемого права народа сопротивляться своим угнетателям. Но когда народ уже свободен, то заговоры против него являются тягчайшим из государственных

ных преступлений. «Когда нация свободна и счастлива, заговоры являются величайшими из преступлений потому, что они стремятся низвергнуть конституцию и уничтожить законы, составляющие благополучие нации.

Нет такой казни, которую не заслуживало бы подобное посягательство!» (стр. 68). И Марат требует для этих преступников «позорной смерти». Спустя десять лет Марат выступит перед французскими трудящимися массами с грозными разоблачениями заговорщической деятельности врагов народа и потребует применить против них меры революционного террора.

Свое отношение к государственным преступлениям как самым тяжким преступлениям против народа, против нации, против государства, основанного «на справедливости и свободе», Марат, таким образом, весьма точно и политически остро определил и сформулировал еще в дореволюционное время. По существу он был противником ложно понятого гуманизма, когда интересы спасения народа, защиты его исконных прав требовали применения к его врагам суровых мер наказания, когда именно этот ложно понятый гуманизм мог бы явиться источником огромных жертв со стороны народных масс.

В «Плане» Марата уделено большое внимание преступлениям против личности. Они рассматриваются в разделах «О преступлениях против безопасности лиц», «О преступлениях против нравственности» и «О преступлениях против чести».

К числу «преступлений против безопасности лиц» Марат относит предумышленное убийство, насилия, оскорбления, засаду, опасные ранения, увечья, дуэль, «вредное для здоровья изменение съестных припасов».

Рассматривая предумышленное убийство, Марат указывает, что это преступление, посягающее на высшее из благ, по справедливости должно караться смертной казнью. Нет и не может быть обстоятельств, которые смягчали бы это преступление. Наоборот, следует говорить о многочисленных обстоятельствах, которые отягощают вину убийцы. К ним Марат относит убийство друга, благодетеля, брата, сестры, дочери, сына, отца, матери. Убийца должен понести публичное покаяние; он должен быть привязан на некоторое время к позорному столбу с надписью на груди; должны быть предусмотрены ужасные внешние атрибуты казни, «но смерть пусть будет легкой». Требуя

примерного наказания предумышленного убийцы, Марат вместе с тем подчеркивает, что убийство государя, судьи, министра не должно особо выделяться, так как оно также является предумышленным убийством, но ни в коем случае не может рассматриваться как государственное преступление.

Посягательство на свободу, безопасность и жизнь человека как неправомерное насилие должно повлечь за собой наказание, вытекающее из самой природы этого преступления. Таким образом, по мнению Марата, незаконное лишение кого-либо свободы должно повлечь за собой приговор к лишению свободы; засада, опасное ранение, увечья и тому подобные преступления, причиняющие меньшее зло, чем убийство, должны караться не смертной казнью, а пожизненными тяжкими общественными работами.

В главе, посвященной преступлениям против безопасности лиц, Марат уделяет большое внимание «вредному изменению съестных припасов». Он резко отрицательно относился к погоне за наживой, которой руководствуется деятельность торговцев и которая приводит к тому, что многие из них сознательно продают недоброкачественные продукты, наносящие серьезный ущерб здоровью потребителей и даже угрожающие их жизни. Марат пишет:

«Среди преступлений, порождаемых жадностью к наживе, немного найдется более тяжелых, чем вредное изменение съестных припасов, ввиду той опасности, которой оно подвергает человеческую жизнь.

Изменять или продавать товары, измененные так, что они становятся опасными, а обман незаметен, — это значит не только лишить нас драгоценнейшего из благ — здоровья, но и доставить нам долгие страдания, которые порой кончаются лишь смертью. Это преступление велико по своим последствиям. Стало быть, чем тяжелее его последствия, тем строже оно должно быть наказано» (стр. 74—75).

Марат расценивает это преступление как равносильное убийству, а торговцев, виновных в нарушении здоровья или в смерти многих людей, заслуживающими сурового наказания. По мнению Марата, подобные торговцы должны быть задержаны, их имущество — конфисковано, «а на самом видном месте его лавки прибьют объявление, написанное крупными буквами и содержащее такие слова: „здесь торговец, которым рискуешь быть отравленным“» (стр. 75). Если потребитель испорченных съестных припасов умрет,

то виновный в этом торговец будет приговорен к пожизненным общественным работам, а половина его имущества будет конфискована в пользу семьи потерпевшего. Помимо карательных мер в отношении торговцев Марат рекомендует и меры предупредительные: учреждение санитарного контроля за торговлей съестными припасами.

В шестом разделе особенной части уголовного права Марат рассматривает преступления против чести. Здесь он излагает свои взгляды на злословие, клевету, пасквили, клятвопреступление и лжесвидетельство.

Хотя побудительные причины злословия, по мнению Марата, всегда отвратительны и само оно заслуживает порицания, однако Марат считает, что в некоторых случаях оно должно быть оправдано. Это относится к злословию в деспотических странах. «Во всякой стране, где закон не обуздывает сановных злодеев, государей, тиранящих своих подданных, должностных лиц, нарушающих долг службы, прелатов, нравы которых мало поучительны, для некоторого удержания их на пути долга остается лишь страх перед общественным негодованием. Злословие служит, стало быть, в некотором роде уздой для власти, которой они злоупотребляют, и главным образом на этом основании оно должно быть терпимо. Если страх затыкает всем рты, то свободе конец! Прибавим, что именно злословию надлежит наказывать пороки, о которых не могут знать суды, ибо о тех людях, которые провинились, недостаточно не сказать ничего» (стр. 111). Для того чтобы злословие не превратилось в злоупотребление, необходимо чтобы оно опиралось на факты. Иначе оно должно наказываться наравне с клеветой.

Очень большое место в «Плане» занимает раздел «О преступлениях против нравственности». Читателя, впервые знакомящегося с этой работой Марата, поражает, что преступлениям против нравственности Марат уделил наибольшее внимание.

Распушенность, разврат, безнравственность — черты, которые ярко характеризуют состояние привилегированных сословий во Франции XVII—XVIII вв. Разоблачая эти пороки общества, Марат тем самым имел возможность наглядно показать разложение, которое царило среди этих сословий. Подробно рассматривая преступления против нравственности, он в ярких красках рисует картину бесправного, угнетенного положения в обществе женщины

из народа; Марат и в решении вопроса о борьбе с преступлениями против нравственности выступает пламенным борцом за интересы угнетенных масс.

Преступления против собственности рассматриваются Маратом в четвертом разделе особенной части. Следует иметь в виду, что природу этих преступлений, причины их совершения и меры, способствующие предупреждению посягательств на собственность, Марат осветил в первой части своего «Плана». Напомним, что в этой части Марат подробно обосновывает право общества карать преступников лишь после того, как оно выполнит обязанности перед своими членами и обеспечит каждому из них сносные условия существования. Поэтому, излагая общие принципы уголовного права, Марат уделяет большое внимание мерам предупреждения преступлений.

В разделе, посвященном преступлениям против собственности, Марат указывает на несправедливость действующего законодательства о преступлениях, посягающих на собственность. Применение смертной казни за кражу следует признать недопустимым: «...между ценой золота и ценой жизни нет никакой соразмерности» (стр. 77). Эта несправедливость действующего законодательства о краже, по мнению Марата, состоит и в том, что сурово караются лишь бедняки, а высокопоставленные воры остаются безнаказанными или подвергаются легкому наказанию. «Часто какой-нибудь бедняк за кражу лохмотьев подвергается более строгому наказанию, чем какой-нибудь захватчик за ограбление законного наследника или какой-нибудь расхититель за разорение государства» (стр. 77). Наконец, Марат усматривает несправедливость кары за кражу в том, что почти повсеместно кража наказывается строже, чем мошенничество, хотя последнее значительно опаснее первого как со стороны причиняемого вреда, так и со стороны злонамеренности преступника.

Если исходить из природы кражи, рассуждает Марат, то достаточным наказанием за нее явилось бы присуждение вора к возмещению ущерба. Но необходимо для усиления предупредительного воздействия наказания сверх этого приговорить вора к штрафу в пользу государства и к опозорению, состоящему в публичности осуждения.

Исходя из этих соображений, Марат устанавливает шкалу штрафов — от однократного до пятикратного, в зависимости от характера кражи. Наказание должно быть

дифференцировано в зависимости от имущественного положения преступника: «Если он получил воспитание и богат, то денежное наказание в пользу государства должно быть тяжелее» (стр. 79). В тех же случаях, когда у виновного нет имущества, чтобы уплатить штраф, он подлежит заключению в смиренный дом, где, работая и получая за работу вознаграждение, постепенно уплатит назначенный ему штраф. Марат предусматривает суровое наказание рецидивистов: при рецидиве кражи преступник, достигший «сознательного возраста», приговаривается к пожизненному лишению свободы, ибо он «безвозвратно потерял доверие закона».

На втором месте после кражи Марат рассматривает «изменение товаров». По этому поводу он пишет: «...изменить товар с намерением продавать его в качестве хорошего является незаконным действием, злоупотреблением доверия, которое и следует наказывать» (стр. 80). Выше уже было показано отношение Марата к преступному изменению съестных припасов как к тяжкому посягательству на безопасность лиц. Здесь же речь идет об изменении других товаров. Исходя из последовательно проводимой идеи об определении наказания в соответствии с природой преступления и считая, что преступное изменение товаров есть злоупотребление общественным доверием на почве страсти к наживе, Марат предлагает наказывать торговцев, во-первых, возмещением ущерба и, во-вторых, вывешиванием объявления «на самом видном месте его лавки или его дома» следующего содержания: «Здесь торговец, который обманывает». Продолжительность этого наказания должна соответствовать тяжести преступления.

В числе имущественных преступлений Марат выделяет ростовщичество — «этот договор между нуждой и скупостью». Различая виды ростовщичества, Марат рекомендует наказывать ростовщиков штрафом, а иногда и конфискацией имущества: «Подавить жажду золота любовью к золоту же является действительным способом уничтожения этого преступления» (стр. 81). Одновременно с установлением этого вида наказания Марат предлагает ввести и меры предупреждения ростовщичества; наилучшим средством он считал учреждение ссудных касс.

Из изложенного видно, что Марат в своих предложениях о борьбе с посягательствами на частную собственность рекомендовал ограничиваться штрафом, редко

прибегать к лишению свободы в отношении лиц, впервые совершивших преступление, и широко практиковать его применение в отношении рецидивистов. Все его предложения о борьбе с имущественными преступлениями проникнуты стремлением в максимальной степени облегчить положение неимущих слоев населения, понуждаемых к совершению преступлений несправедливостью общественного устройства. Но когда речь идет о торговцах, фальсифицирующих товары народного потребления, о ростовщиках, наживающихся на нужде, Марат возвышает свой голос и требует самого сурового их наказания.

На последнем месте в системе особенной части уголовного права Марат помещает «преступления против религии».

Идя вразрез с феодальным уголовным правом, Марат перемещает главу о религиозных преступлениях с первого на последнее место и устанавливает за их совершение незначительные наказания, не похожие на ту систему кровавого террора, которой характеризовалась борьба с этими преступлениями в XVII—XVIII вв. Фактически Марат свел на нет борьбу с религиозными преступлениями, и с точки зрения господствовавшей идеологии его предложения в этой области могли быть расценены как «кощунственные».

Различая преступления против религии, нарушающие общественный порядок и подсудные «человеческому суду», с одной стороны, и преступления против религии, подсудные «божескому суду», с другой стороны, Марат призывает к гуманности наказания: «Наказание преступлений против религии, подсудных человеческому суду, всегда должно вытекать из природы вещей. Пусть законы остерегаются требовать отпущения за небо, ибо как только эта мысль приходит на ум законодателю, то справедливости наступает конец: сколько эшафотов, возведенных для несчастных, которые отказались сотворить крестное знамение, сколько костров, зажженных для несчастных, все преступление которых состояло в некоторой особенности мнений, и сколько других варварских казней, заставляющих содрогаться от ужаса!» (стр. 118).

Для того чтобы оценить предложения Марата о наказаниях за религиозные преступления, следует иметь в виду, что все перечисляемые им преступления в ту эпоху карались квалифицированными видами смертной казни.

Поэтому уголовно-правовые воззрения Марата и в этой части для того времени, несомненно, являлись прямым вызовом официальному обществу, официальным уголовно-правовым взглядам, законодательству и судебной практике. Правда, можно было бы заметить, что Марат в решении вопроса о наказуемости религиозных преступлений не делал таких крайних выводов, как Мелье в своем «Завещании», как Гельвеций и в особенности Гольбах. Несомненно, Марат в известной мере отдавал дань некоторым традициям эпохи и в решении этого вопроса стоял на более умеренных позициях, чем упомянутые мыслители. Но не следует забывать, что Мелье при жизни не опубликовал своего «Завещания», что Вольтер рискнул издать лишь извлечения из него, что произведения Гольбаха опубликовывались анонимно, что ни одно из антирелигиозных произведений того времени не содержало конкретных предложений реформы уголовного законодательства. Между тем «План» Марата был рассчитан на его рассмотрение в качестве конкретного проекта уголовного кодекса, и вполне возможно, что сохранение главы о религиозных преступлениях в этом проекте являлось тактическим приемом Марата. Во всяком случае в годы революции Марат не выступает защитником наказуемости этих преступлений, а наоборот, требует самых суровых наказаний для врагов народа из числа священнослужителей.

IV

Третья и четвертая части «Плана» посвящены вопросам судоустройства и судопроизводства.

Марат исходит из той предпосылки, что наличие хороших законов само по себе еще не служит гарантией их соблюдения: «Недостаточно было бы издавать хорошие законы, если бы их не заставляли соблюдать; их заставляют соблюдать, лишь наказывая преступление; но прежде, чем наказывать преступление, нужно изобличить виновного» (стр. 124).

Из противопоставления «хорошо устроенного общества» современному ему обществу Марат выводит общие положения уголовного процесса. В «хорошо устроенном обществе» индивидуальные интересы совмещаются с государственными, и поэтому «нарушение законов является посягательством на общество, каждый гражданин которого

должен требовать справедливости» (стр. 124). Но в современном обществе, указывает Марат, интересы частных лиц не совпадают с общественными интересами, и «всякое преступление при нем совершается против государства или против его членов. Стало быть, доносить о нем и преследовать его надлежит потерпевшей стороне» (стр. 124). В соответствии с этими положениями Марат доказывает, что в современном обществе преимущество на стороне частного, а не государственного обвинения.

Исследуя системы розыска преступников, Марат резко критикует шпионаж и донос, называя отвратительными те способы, которыми пользуются современные правительства.

Говоря о цели уголовного судопроизводства, Марат указывает на осуждение виновного и оправдание невинного. Он выступает противником пыток как способа получения признания обвиняемого.

Марат требует введения публичности правосудия. Он ярко показывает те злоупотребления, жестокость и произвол, которые получили распространение в результате отсутствия публичности правосудия.

Марат считает, что для обеспечения подлинного правосудия необходимо установить совершенно точные, неизменные и общеобязательные правила и формы судопроизводства, в которых он видит залог осуществления справедливости и подлинной гуманности.

Марат последовательно развивает мысль о том, что до тех пор, пока обвиняемый не изобличен судом, он не может рассматриваться как виновный и с ним нельзя обращаться, как с виновным. Если требуется подвергнуть обвиняемого предварительному заключению, то к нему нельзя применять те жестокости, которые так распространены в современном обществе.

Большое внимание уделяет Марат гарантиям защиты интересов обвиняемого, в особенности когда он бедняк, лишенный возможности воспользоваться услугами платного адвоката.

Намечая основы судостройства, Марат указывает, что независимость суда — необходимая предпосылка справедливости правосудия. Он выступает с резкой критикой системы пожизненных судей и считает, что им нельзя доверять правосудия. Пожизненные судьи быстро приобретают «некий сословный дух», они легко поддаются подкупу,

теряют истинное мерило наказания, становятся черствыми и нечувствительными к человеческим страданиям.

Марат считает, что для обеспечения справедливости правосудия необходимо, чтобы каждый был судим равным себе. Суд должен состоять из 12 присяжных заседателей, возглавляемых судьей, вооруженным знанием законов. В «Плане» детально описывается судебная процедура.

В случае оправдания привлеченного к уголовной ответственности он должен получить возмещение.

Рассматривает Марат и некоторые вопросы тюремного содержания. Содержание заключенных должно отвечать строгим правилам, установленным законами. Нельзя допускать совместного заключения мелких правонарушителей с тяжкими преступниками. Каждый заключенный должен содержаться отдельно. Тюремный режим не может быть предоставлен усмотрению администрации, он должен быть установлен законом. Марат указывает, что в противном случае богачи всегда будут располагать привилегиями. «Богач даже в окопах испытывает зловещее влияние своего золота, тогда как наиболее тяжелое бремя в обществе всегда падает на плечи бедняков, которых нам следовало бы оберегать» (стр. 140, примечание).

Изучение «Плана» Марата раскрывает основы его уголовно-правовой теории, созданной им еще в дореволюционную эпоху. На первое место он выдвигает раскрытие классовой природы уголовных законов, разоблачение несправедливости карательной системы, установленной эксплуататорами, строгое разграничение уголовных законов, созданных угнетателями, и уголовных законов, созданных освободившимся от угнетения народом. С наибольшим красноречием и подлинным революционным пафосом говорит Марат об этих вопросах, сама постановка и решение которых столь резко отличают уголовно-правовую теорию Марата от современных ему уголовно-правовых теорий. Марат уделяет внимание рассмотрению и других вопросов, связанных с обеспечением формально-юридических гарантий личности: пропорциональность наказаний и преступлений, индивидуализация наказания и т. д. Но центральное место в уголовно-правовой теории Марата занимают вопросы не формальных гарантий личности, а вопросы обеспечения действительной охраны личности, и при этом не личности «вообще», а трудящегося и эксплуатируемого народа.

Несомненно, революционна попытка Марата решить вопросы особенной части уголовного права. Данное Маратом понятие государственных преступлений своим острием направлено против тиранов, угнетателей, эксплуататоров, врагов народа. Вся система особенной части уголовного права, как и конструкции отдельных составов преступлений, предложенные Маратом, имеют целью охрану интересов неимущих классов.

Уже в дореволюционную эпоху Марата стихийно влекло к угнетенному народу, к защите его прав и интересов. Этой задаче он подчиняет в дореволюционную эпоху и свою политическую деятельность. Будучи большим знатоком философской, политической и юридической литературы своего времени, он постоянно обращается к ней, чтобы обосновать, подкрепить и развить свои мысли об охране интересов народных масс.

V

В ряду выдающихся якобинских деятелей Марат был одним из самых пламенных революционеров, бескорыстно и беззаветно преданных интересам эксплуатируемого народа, отдавших всю жизнь до последней капли крови своему народу. Он трагически погиб от злодейски нанесенного удара кинжалом, вложенным в руку убийцы, подосланного врагами народа. Марат был подлинным народным трибуном, одним из «якобинцев с народом», умевшим направлять свой разящий меч против врагов революции, вскрывать их козни, их коварные махинации, их чудовищные преступления. Своими полными революционного пафоса и страсти памфлетами, листовками, обращениями к массам Марат способствовал систематическому, неуклонному повышению революционной бдительности народа, организовывал его для осуществления революционного террора.

В годы революции Марат полностью отдается политической деятельности. Он уже не обращается к своим любимым кабинетным и лабораторным исследованиям физических явлений; не занимается он и медициной. Всю свою кипучую деятельность Марат направляет в область политики и журналистики: он автор огромного числа статей, брошюр, памфлетов, плакатов, листовок, всегда обращенных к народу. В годы революции Марат не пишет и

новых трудов в области юриспруденции. Он ограничивается лишь тем, что переиздает свои прежние труды: в 1790 г. — «План уголовного законодательства» и в 1793 г. — «Цепи рабства», считая, что эти произведения могут оказаться полезными для революции.

В своих произведениях, относящихся к революционной эпохе, Марат откликается на все крупные политические события, происходящие в стране.

Идеи, сформулированные Маратом в «Плане уголовного законодательства», развиваются им в годы революции. Внимательное изучение произведений Марата годов революции позволяет вскрыть клеветнический характер утверждений буржуазных фальсификаторов Марата, утверждавших, что в годы революции он порвал со своими старыми взглядами на основные вопросы уголовного права. В ряде произведений и писем, опубликованных в годы революции, Марат прямо ссылается на «План» как источник его взглядов на преступление и наказание. Так, в статье «Нас усыпляют — будем на страже», опубликованной в «Друге народа» в августе 1790 г., Марат развивает мысль о том, что посягательство на жизнь государя нельзя рассматривать как государственное преступление. При этом он замечает: «Меня, конечно, не будут упрекать в том, что я устанавливаю новую теорию. Я доказал в своем плане уголовного законодательства, что царубийство есть лишь частное преступление»¹⁵. В статье, помещенной в этой же газете в октябре 1790 г., Марат говорит о праве эксплуатируемого народа не подчиняться тираническим законам. В примечании он указывает: «См. развитие этого великого принципа и в моем проекте Конституции, и в моем проекте уголовного законодательства»¹⁶. В одном из своих писем, написанных в этом же году, Марат развивает взгляды на уголовные законы и суд. Он отмечает: «В особом проекте уголовного законодательства я развил несколько основных начал, вместе с теми, применение коих может оказаться весьма полезным при существующих обстоятельствах»¹⁷. Наконец, в письме к Камиллу Демулену (1790 г.) Марат, излагая свои взгляды по основным политическим вопросам, указывает, что он развивает

¹⁵ «L'Ami du peuple», 10 août 1790.

¹⁶ «L'Ami du peuple», 13 octobre 1790.

¹⁷ Ж. П. М а р а т. Письма, стр. 78.

их уже много лет, «чему можно найти следы в моем „Плане уголовного законодательства“»¹⁸.

Марат, таким образом, не только не отказался в годы революции от своих прежних уголовно-правовых взглядов, но постоянно ссылался на них. Помимо этого личного свидетельства Марата, изучение его произведений революционных лет в высшей степени наглядно показывает, что он продолжал придерживаться этих взглядов, постоянно дополняя и развивая их применительно к условиям революции. Само собой разумеется, развитие и обострение классовой борьбы в условиях французской революции вносило во взгляды Марата весьма существенные коррективы, обуславливало все более острые разоблачения преступлений врагов народа и все более решительные требования введения революционного террора, освобождало Марата от многочисленных иллюзий и предрассудков дореволюционной эпохи. Но все эти изменения в уголовно-правовых взглядах Марата не меняли основных и определяющих положений его революционной уголовно-правовой теории: *рассмотрение любого вопроса уголовного права исключительно с точки зрения обеспечения интересов трудящегося и эксплуатируемого народа, самое бдительное отношение к преступным махинациям врагов народа, требование дифференциации репрессии по отношению к ним и по отношению к трудящимся, требование проведения системы суровых репрессий по отношению к врагам революции.*

Большой интерес представило бы сопоставление «Плана» издания 1790 г. с «Планом» издания 1780 г. Но по свидетельству Бужара и Шевремона, писавших свои монографии о Марате во второй половине XIX в., уже тогда дореволюционное издание «Плана» нигде нельзя было достать. Не имея возможности воспользоваться изданием 1780 г., мы разыскали второе дореволюционное издание «Плана», помещенное в «Библиотеке» Бриссо, вышедшей в 1782—1785 гг.

Не приводя здесь во всех подробностях результатов сопоставления двух изданий «Плана»¹⁹, отметим лишь некоторые, наиболее существенные их отличия:

1. Как в дореволюционном издании, так и в издании 1790 г. Марат писал, что «наказание смертью должно быть

¹⁸ Ж. П. Марат. Письма, стр. 97.

¹⁹ Такое сопоставление дано нами в кн.: «Уголовно-правовая теория Жана Поля Марата», стр. 145—153.

редким». Но в издании 1790 г. Марат в сноске ставит под сомнение право короля «при нынешнем порядке вещей» применять смертную казнь. Этим примечанием Марат имел в виду подчеркнуть несправедливость и незаконность того факта, что в условиях растущего революционного движения городской и деревенской бедноты, смертная казнь применялась королевскими судами, хотя и реформированными, но не изменившими своей классовой сущности.

2. В издании 1790 г. Марат развивает мысль о необходимости конфискации церковных имуществ, которую он рассматривает как средство улучшения материального обеспечения неимущих и тем самым — предупреждения имущественных преступлений.

3. В издании 1790 г., рассматривая преступления против нравственности, Марат усиливает остроту критики развращенности нравов привилегированных сословий и приходит к выводу: «Благодаря возвращению свободы за революцией, происшедшей в наших представлениях, непременно последует революция и в наших чувствах, а когда мы будем свободными, мы станем нравственными».

4. В издании 1790 г. Марат усиливает разоблачительный элемент, направленный против королевской власти.

В результате сопоставления текста двух изданий «Плана» следует прийти к бесспорному выводу о том, что все основные идеи и положения об уголовном праве, сформулированные Маратом в первые годы революции, были определены им еще в дореволюционное время. В издании 1790 г. эти идеи и положения в ряде случаев получили еще более острую, политически отточенную форму.

Когда в июле 1790 г. вышло новое издание «Плана уголовного законодательства», Марат имел в виду предложить его Национальному собранию в связи с уже проводившейся реформой суда и подготовлявшейся реформой уголовного законодательства. Немедленно после выхода в свет «Плана» Марат через своих знакомых передает его Национальному собранию. 2 августа 1790 г. «План», как явствует из протоколов Собрания, был представлен Собранию²⁰. В опубликованных протоколах Собрания содержится краткая справка по этому поводу. Никаких обсуждений или замечаний депутаты не сделали. Однако

---

²⁰ «Archives parlementaires», 1 Sér., t. XVII.

нельзя сказать, чтобы в этот день Собрание не интересовалось Маратом. Ему было уделено большое внимание в связи с возбуждением против него преследования за опубликование им в «Друге народа» статьи под названием «Мы погибли». Таким образом, момент для передачи «Плана» Национальному собранию оказался крайне неподходящим. Бужар в монографии о Марате по этому поводу пишет: «Момент был плохо выбран; действительно, это был день, когда депутаты Конституанты решили передать Друга народа, донесшего на них, суду Шатлэ».

Описывая заседание, состоявшееся 2 августа 1790 г., Л. Блан пишет: «Заседание было открыто представлением плана уголовного законодательства, сочиненного Маратом, — маневр, направленный к тому, чтобы подумали, что Марат, осыпаемый угрозами Собрания, преклоняется перед ним»²¹.

В связи с этим Марат был вынужден в «Друге народа» разъяснить действительные мотивы, побуждавшие его передать «План» Национальному собранию «Внеочередное заседание в понедельник вечером, предназначенное для изобличения сочинений, названных поджигательными, но целиком посвященное возвращению к постыдному декрету, было так же длинно, как и бурно. Оно было открыто объявлением о представлении моего „Плана уголовного законодательства“. Вот уже 10—12 дней, как он был передан одной даме из числа моих друзей для вручения его председателю Собрания. Я очень сожалею, что он был представлен при подобных обстоятельствах. Я совсем не умею делать пошлости»²². Далее Марат определяет свое отношение к законодательной деятельности Национального собрания и вместе с тем говорит о причинах, побудивших его передать Собранию свой «План». Он пишет: «Далекий от того, чтобы впредь оказывать Собранию какое-либо почтение, я буду придерживаться в отношении его лишь строгой справедливости. Я не воздам ему никакой хвалы; если бы случайно из его недр вышли какие-нибудь хорошие декреты, то оно исполнило бы этим лишь свой долг. Но каждый плохой декрет, который оно издаст, я всегда буду встречать с бичом критики в руках; количество их может быть лишь устрашающим, так как

²¹ Л. Б л а н. История французской революции, т. 4, СПб., 1908, стр. 303.

²² «L'Ami du peuple», 10 août 1790.

Собрание подчинено врагам народа. К тому же мой „План уголовного законодательства“ был ему представлен лишь в надежде на то, что Конституционный комитет воспользуется моей работой. Имеется большая потребность в просвещении и еще более в добродетелях»²³.

Мы не располагаем достаточными материалами для выяснения отношения Марата к уголовному кодексу 1791 г. В Национальном собрании развернулись ожесточенные прения по вопросу о включении смертной казни в систему наказаний. Против смертной казни выступил ряд депутатов, в том числе Робеспьер и Петион. В печати их поддержал Эбер. 3 июня 1791 г. Национальное собрание утвердило систему наказаний, которая предусматривала и применение смертной казни. В «Друге народа» Марат определил свое отношение и к дискуссии, и к включению смертной казни в систему наказаний уголовного кодекса. Он писал: «В порядке дня (Национального собрания) вновь стала дискуссия об отмене смертной казни. Собрание разумно, не в пример другим декретам, постановило, что смертная казнь должна сохраняться для крупных преступлений — вопрос, по которому наши верные Петион и Робеспьер выявили чувство, делающее честь их чувствительности, но ведущее к слишком серьезным неудобствам, чтобы быть принятым. Право назначать смертную казнь не является сомнительным, ибо оно вытекает из того же источника, что и право убить, которое имеет всякое лицо, — я имею в виду заботу о своем собственном сохранении. Если же всякое наказание должно быть соразмерно преступлению, то наказанием убийцы и отравителя должна быть смертная казнь. Еще с большим основанием это относится к заговорщику и поджигателю».

Излагая далее ход дискуссии о системе наказаний в уголовном кодексе, Марат пишет: «Гарра из религиозного чувства, конечно, хотел, чтобы наказание за отцеубийство было жестокой казнью. Но Собрание решило, что смерть должна быть изысканной лишь со стороны внешних атрибутов казни. Легран потребовал квалифицированных пыток для цареубийцы; это требование дворцового раба. Национальное собрание приняло декрет»²⁴.

---

²³ «L'Ami du peuple» 10 août 1790.

²⁴ Марат имел в виду постановление ст. 2 уголовного кодекса о том, что «смертная казнь состоит в простом лишении жизни и

Гуманная философия, этот трюмф человечности над варварством,— это твоя работа. При свете твоего пламени разрушительные предрассудки, наконец, мало-помалу исчезают: придет время, когда люди, лучше осведомленные в своих правах и преимуществах, не будут более краснеть от незнакомства с тобой». Ссылаясь на декрет Национального собрания о запрещении пыток при применении смертной казни, Марат в примечании пишет: «Читайте статью первую раздела третьего моего „Плана уголовного законодательства“». Изданные декреты являются в точности такими, как я там предложил»²⁵. Действительно, в «Плане» Марат писал о том, что, как бы ужасно ни было убийство и какое бы ему ни давали наименование, «казнь должна быть утонченной лишь в отношении бесчестья: пусть же она станет более позорящей, не став более жестокой». При этом Марат указывал, что это должно относиться и к убийству государя, судьи, министра и других должностных лиц²⁶.

VI

По существу вся политическая деятельность Марата в годы революции, все его памфлеты, статьи и плакаты преследовали одну цель — разоблачение коварных, чудовищно преступных махинаций врагов народа.

С каких же позиций Марат разоблачал контрреволюционные преступления врагов народа, чьи далеко еще полностью не осознанные классовые интересы он защищал? Выяснение этого вопроса представляется особенно важным потому, что в годы революции многие ее деятели также вели борьбу с контрреволюцией, разоблачали происки врагов народа, призывали к беспощадной борьбе с контрреволюцией, но вместе с тем оставались в конечном счете на позициях защиты интересов буржуазии, хотя и произносили пламенные речи о защите интересов народных масс.

Относясь с наибольшей симпатией к трудящимся, Марат в 1789 г. выступает защитником интересов всего третьего сословия. В этот период еще не полностью рассеялись

она не может осуществляться путем применения к осужденным пыток».

²⁵ «L'Ami du peuple», 20 mai 1791.

²⁶ Ж. П. М а р а т. План уголовного законодательства, стр. 71.

его иллюзии относительно «добродетелей» Людовика XVI и возможности добиться от него необходимых народу свобод. Но уже через два года, в 1791 г., Марат проводит разграничение между третьим сословием и трудящимся народом. Он указывает, что в ходе революции «партия друзей свободы оказалась состоящей уже только из нуждающихся классов, из простонародья, необразованного, не имеющего ни средств, ни вождей, защищаемого лишь не многими добродетельными, но не обладающими состоянием людьми и несколькими писателями-патриотами, лишенными власти»²⁷. Марат неоднократно говорит о людях, лишенных собственности, и всячески подчеркивает, что он выступает от имени их интересов. Для него ясно, что «революция была совершена и поддержана лишь самыми низшими классами общества, рабочими, ремесленниками, мелочными торговцами, земледельцами, простонародьем, теми обездоленными, которых наглое богатство называет чернью и которых римская заносчивость называла пролетариями»²⁸.

Уже в самом начале революции Марат определяет свои задачи борьбы с контрреволюцией. Он пишет: «Борясь против врагов государства, я буду беспощадно нападать на мошенников, буду разоблачать лицемеров, буду изобличать изменников; я буду отстранять от общественной деятельности жадных людей, спекулирующих своим притворным усердием, и бездельников, не способных служить отечеству, подозрительных людей, на которых оно совсем не может полагаться. Какой бы суровостью ни отличалось мое перо, оно будет страшно только для пороков, и что касается даже злодеев, то оно будет уважать истину; если оно отклонится на минуту от нее, оскорбляя невинность, то пусть накажут опрометчивого — он под рукой закона.

Я знаю, чего должен ожидать от толпы злых людей, которых я восстановлю против себя; по страху не имеет надо мной никакой силы; я посвящаю себя отечеству и готов пролить за него всю мою кровь»²⁹.

Марат действительно выступал и против антинародной законодательной деятельности Учредительного и Законодательного собраний, и против короля и королевской вла-

²⁷ «L'Ami du peuple», 21 septembre 1791.

²⁸ «L'Ami du peuple», 7 juillet 1792.

²⁹ «L'Ami du peuple», 23 septembre 1789.

ти, и против дворянства и духовенства, против крупной буржуазии и т. д. Он разоблачал Людовика XVI, Марию Антуанетту, их министров, в особенности Неккера, он разоблачал Лафайета, одно время бывшего кумиром французской буржуазии, он разоблачал Бальи, судилище Шатле, он сигнализировал о готовящейся измене генералитета во главе с Дюмурье, он разоблачал спекулянтов, торговцев и множество других больших и малых врагов народа. Для того чтобы полностью осветить деятельность Марата по разоблачению контрреволюционных преступлений врагов народа в период 1789—1793 гг., потребовалось бы изложить всю историю классовой борьбы этого периода, ибо Марат откликался на все важнейшие события, комментировал и оценивал политическое значение каждого из них, неустанно разоблачая происки врагов народа.

В начале революции, когда большинство политических деятелей революции склонно было доверять уступкам, сделанным господствующим классом в отношении третьего сословия, резко прозвучал одинокий тогда голос Марата. Он горячо доказывал, что все эти уступки были не добровольными, а вынужденными, и поэтому призывал народ к тому, чтобы не доверять пышным фразам о справедливости, гуманности, патриотизме. Дальнейший ход развития революции показал, насколько прав был Марат, не доверяя красивым словам господствующих классов и предвидя, что за этими жестами кроется лишь маневр со стороны врагов народа, поджидающих момента, чтобы попытаться вернуть себе утраченные привилегии и расправиться с народными массами.

В том же 1789 г. Марат разъясняет действительное положение масс, которых по-прежнему угнетают их многочисленные тираны. Марат призывает массы не останавливаться на начальных успехах революции и добиваться действительного освобождения: «Где отечество тех, кто не имеет никакой собственности, кто не может рассчитывать ни на какую должность, кто не извлекает никаких преимуществ из общественного договора? Обреченные повсюду служить другим, они находятся под игом своих сограждан, если не находятся под игом господина; и какая бы революция ни произошла, их вечным уделом является рабство, бедность, угнетение. Каковы в таком случае могут быть их обязанности по отношению к государству? Оно ведь ничего не сделало для них, разве только увеко-

вечило их нищету и заклепало их цепи. Они обязаны по отношению к нему только ненавистью и проклятиями. Служите государству вы, кому оно обеспечивает спокойный и счастливый жребий, не требуйте ничего от нас, достаточно уже того, что беспощадная судьба привела нас к жестокой необходимости жить среди вас»³⁰.

Нетрудно убедиться, что в только что приведенной выдержке из статьи, написанной в ноябре 1789 г., Марат развивает революционную теорию, сформулированную им еще в «Цепях рабства» и в «Плане уголовного законодательства». Это обоснование права народа на революционное восстание против его поработителей, обоснование права не подчиняться тираническим законам.

В своих разоблачениях преступной деятельности министра Неккера Марат широко применяет общие принципы и положения, сформулированные им в «Плане уголовного законодательства». По сути дела он применяет здесь мысли о мнимых и подлинных государственных преступлениях и ярко доказывает преступный характер всей деятельности Неккера и его соучастников, расценивая ее как деятельность антинародную и изменническую.

По мере развития и обострения классовой борьбы в ходе революции все более возвышается голос Марата, разоблачающий контрреволюционные происки врагов народа.

В 1791 г. Марат публикует статью, в которой делает обзор истории развития революции и, раскрывая коварные происки врагов народа, намечает путь борьбы с ними. Применяя и здесь теорию общественного договора, Марат указывает, что в самом начале революции был заключен «торжественный договор» в виде Декларации прав человека и гражданина. Однако очень скоро прежние угнетатели грубо нарушили этот договор и стали на путь контрреволюции.

Здесь уместно напомнить развивавшиеся Маратом в «Плане уголовного законодательства» понятия подлинных и ложных государственных преступлений, и в особенности понятие заговора против народа в условиях, когда народ добился свободы: заговоры, имеющие целью отнять у народа завоеванную им свободу, являются тягчайшими государственными преступлениями, которые должны ка-

---

³⁰ «L'Ami du peuple», 24 novembre 1789.

раться смертной казнью. Враги народа посягают на только что завоеванную свободу, следовательно, они подлежат суровой каре. Марат несколько не обольщается относительно деятельности Учредительного и Законодательного собраний, как не обольщается он и относительно органов правосудия: все они стоят на страже интересов господствующих классов, все они направляют свои мечи против народа.

Марат призывает массы угнетенного народа самим осуществить борьбу с их угнетателями, самим разоблачать и карать их тягчайшие контрреволюционные преступления. «Поэтому надо увечить шпионов, которых они подкупают, чтобы обирать наших смелых защитников, если мы хотим лишить первых возможности вечно вредить нам. Поэтому надо расправляться кинжалом с разбойниками, которых они подкупают убивать нас, если мы хотим сделать их неспособными умертвить одного за другим друзей революции. А они сами должны быть удалены из нашей среды, если мы хотим спасти отечество, готовое погибнуть. Пусть закон займется их наказанием, — я благословляю небо за это и сейчас же перестану подстрекать расправляться с ними, лишь бы совершилось правосудие. Но если законы будут и впредь бессильны по отношению к ним и если суды будут продолжать хранить вероломное молчание, то, граждане, вам самим придется позаботиться о вашей безопасности каким бы то ни было способом и лишить их в дальнейшем возможности злоумышлять против вас, хотя бы для обеспечения вашего покоя, вашей свободы, вашей жизни понадобилось в силу жестокой необходимости умертвить их всех. Таков голос разума, справедливости, природы, такова нравственность по отношению к контрреволюционерам, нашим непримиримым врагам»³¹.

В этих словах содержится сформулированное Маратом с позиций революционного правосознания понятие контрреволюционного преступления и политическое, а также и юридическое обоснование задач беспощадной борьбы с контрреволюцией. К этим положениям Марат неоднократно возвращался, обосновывая необходимость введения революционного террора по отношению к врагам народа. Он развивает их применительно к отдельным видам и

---

³¹ «L'Ami du peuple», 15 février 1791.

формам контрреволюции по мере развития и обострения классовой борьбы.

Марат очень глубоко вскрывал связи различных групп контрреволюционеров — врагов народа, которые образовывали единый антинародный фронт. Ярко обрисовав единый фронт контрреволюции, он противопоставляет этому фронту фронт, который образуют «неимущие классы, т. е. масса народа». Марат указывает на «противоположность интересов, разделяющих различные классы граждан», и призывает народ к беспощадной борьбе с контрреволюцией.

Разоблачая контрреволюционные преступления. Марат неустанно повторяет, что эти враги использовали и используют революцию, завоевания революции для своих классовых целей. Он показывает, как в ходе революции крупные буржуа умножают свои капиталы, создают монополии, занимаются захватами, грабежами, обманами, ростовщичеством, в результате чего «бесчисленный класс бедняков» стоит перед опасностью погибнуть от нищеты. Марат показывает, что для законодателя революция явилась лишь предлогом «для проявления вероломства, мошенничества, плутовства, коварства и тирании». В ряде статей, написанных в 1791—1792 гг. он путем сопоставления положения народных масс до революции и во время революции стремится показать, что массы ничего не выиграли от революции, что от нее выигрывают лишь враги народа, что сам народ должен стремиться к дальнейшему развитию революции.

С исключительной глубиной Марат раскрывает в 1792 г. революционную роль городской и деревенской бедноты и контрреволюционную роль «высших классов». Говоря о «простонародье, т. е. низших классах общества», Марат пишет, что «революция была совершена и поддержана лишь самыми низшими классами общества, рабочими, ремесленниками, мелочными торговцами, земледельцами, простонародьем, теми обездоленными, которых наглое богатство называет чернью и которых римская заносчивость называла пролетариями»³².

У Марата не было ясной экономической программы; не обладал он и ясной политической программой. Благодаря своему политическому чутью он раскрыл противо-

---

³² «L'Ami du peuple», 7 juillet 1792.

положность классовых интересов трудящихся и их многочисленных угнетателей. Но для него не было сомнений в том, что враги народа стремятся к еще большему угнетению народа, что они создают заговоры против него. Сознавая слабость, неорганизованность неимущих масс, отсутствие у них опыта политической борьбы, отсутствие материальной базы для оказания сопротивления опытным, организованным, обладающим значительными материальными ресурсами, располагающим силой государственного принуждения эксплуататорам, Марат видел единственный путь организации борьбы народных масс с их угнетателями в проведении революционного террора.

Процесс Людовика XVI явился одной из ярких страниц ожесточенной классовой борьбы в условиях французской буржуазной революции конца XVIII в. В подготовке и проведении процесса выдающуюся роль сыграли памфлеты и выступления Марата, а также представленная им в Конвент в письменном виде обвинительная речь.

Представляет значительный интерес выяснение взглядов Марата на ответственность монарха за преступления, совершаемые им или от его имени и посягающие на интересы трудящихся. Эти взгляды Марата не оставались неизменными, они эволюционировали по мере развития, усложнения и обострения классовой борьбы.

Еще в «Цепях рабства» и в «Плане уголовного законодательства» Марат развивает взгляды, которые в годы революции приобретают еще более острый и целеустремленный характер. Лишая государя религиозно-мистической одежды наместника бога на земле, Марат в «Плане» выдвигает мысль о том, что государь является слугой закона, что незаконные, несправедливые повеления государя не подлежат исполнению, что сопротивление этим повелениям — неотъемлемое право каждого человека. Подлинным сувереном нации является сам народ, а государь — лишь слуга народа.

В 1789 и 1790 гг., отдавая «дань времени» и в известной мере следуя если не взглядам просветителей, то во всяком случае их манере обращаться к «просвещенным монархам», Марат сохраняет, видимо, некоторые иллюзии относительно личности Людовика XVI. Он проводит грань между Людовиком XVI как королем Франции и его многочисленными придворными и министрами и не скупится на выражения одобрения личности Людовика XVI, точно

так же как не скупится на нелестные эпитеты королевским министрам. Трудно, впрочем, полностью решить вопрос о том, являлись ли обращения к «добродетели», «уму», «сердцу» Людовика XVI искренними в устах Марата или же это была необходимая дань цензуре в сочетании с весьма искусным приемом политической борьбы: обращаться к мудрости короля с тем, чтобы разоблачать преступления его министров и его агентов. Но уже в ноябре 1790 г. по мере обострения классовой борьбы, по мере разоблачения козней и происков врагов народа всех мастей ему становится ясно, что «деспотизм, правда, поражен, но деспот еще существует».

Разоблачая один за другим заговоры короля и других контрреволюционеров, Марат в декабре того же 1790 г. высказывается уже значительно более решительно. Он пишет: «Начните же с того, что обеспечьте за собою короля, наследника и королевское семейство; поставьте их под сильную охрану, и пусть головы караула отвечают за все события»³³. Что же касается королевских министров, генералитета, мэра и членов муниципалитета, то Марат призывает «срубить без колебания их головы».

Последующие высказывания Марата сводятся к безоговорочному обвинению короля в тягчайших преступлениях против народа, к требованию привлечь его к уголовной ответственности, и казнить его. Разоблачая махинации Законодательного собрания, состоящие в том, чтобы реабилитировать изменника Людовика XVI, Марат постоянно теперь называет короля изменником, клятвопреступником и т. д. Он требует низложить его с престола и предать суду за совершенные им злодеяния. Людовик XVI, «вечный враг народа, исконный враг новых законов, душа всех заговоров против отечества и покровитель предателей», должен быть взят как заложник «до тех пор, пока не будет произнесен окончательный приговор»³⁴, — пишет Марат 20 августа 1792 г. Во многих статьях Марат обосновывает необходимость привлечь Людовика XVI к ответственности и справедливо наказать его. Особенно страстно Марат разоблачает коварные махинации врагов народа, направленные на то, чтобы лю-

³³ «L'Ami du peuple», 18 décembre 1790.

³⁴ Ж. П. Марат. Памфлеты. Изд-во «Академия», 1934, стр. 631, 638.

быми средствами помешать революционному народу расправиться с королем и его приспешниками.

10 августа 1792 г. Людовик XVI был низложен. 21 сентября 1792 г. Конвент постановил, что королевская власть во Франции уничтожена. В начале октября 1792 г. Конвент начал обсуждение вопроса о привлечении Людовика XVI к уголовной ответственности. В борьбе революционных масс за осуждение Людовика XVI значительную роль сыграла деятельность Марата.

Остановимся на речи Марата, которую он представил Конвенту в письменном виде 3 декабря 1792 г. и которая как указывает Марат в вышедшей несколько позже брошюре, была скрыта от депутатов одним из вождей жирондистов — Роланом.

В своей речи Марат прежде всего отмечает, что преступления Людовика Капета реальны, установлены, общеизвестны.

Имеет ли нация право судить и наказывать своего высшего чиновника? Так ставит вопрос Марат и дает на него положительный ответ.

Марат разоблачает «длинный ряд постыдных несправедливых, репрессивных, тиранических декретов», «уродливую Конституцию», на основании которых враги народа хотели и хотят обосновать неприкосновенность бывшего короля. Марат указывает, что даже эти законы не могли предоставить бывшему королю привилегию безнаказанно совершать тягчайшие преступления, в которых он фактически повинен: расхищать общественное достояние, подкупать должностных лиц и законодателей, содержать орды шпионов, убийц и разбойников, передавать врагам продовольствие, оружие, золото, которые были предназначены для защитников отечества, и т. д.

Разбивая аргументы защитников короля, основанные на нормах конституции, Марат доказывает, что даже с точки зрения этих норм, преступления бывшего короля подлежат самой суровой каре. Марат приводит статьи, устанавливающие, что король подчинен закону, что одинаковые преступления караются одними и теми же наказаниями, без всяких индивидуальных различий, и т. д.

Говоря об организации самого процесса, Марат требует строжайшего соблюдения законов, законности. Бывшего короля «надо судить торжественно, по всей строгости законов»; «тиран должен быть судим Конвентом», ибо про-

стому трибуналу нельзя поручить столь важное дело; Людовик XVI должен быть приговорен к смертной казни.

Из приведенных материалов видно, что в процессе Людовика XVI роль Марата определялась его значением и местом в общественно-политической жизни Франции перед началом якобинской диктатуры. Будучи идеологом самых низших слоев французского общества, Марат очень ярко отразил в своем отношении к процессу интересы трудящегося и эксплуатируемого народа, которые в этом вопросе, как и во многих других, уже существовавшим образом отличались от интересов буржуазии. Марат глубоко уяснил, что процесс Людовика XVI — это один из важнейших эпизодов классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми, что преступления Людовика XVI неразрывно связаны с преступлениями всех эксплуататорских классов. Острота революционной бдительности Марата нашла свое яркое выражение в разоблачении весьма искусных маневров скрытых и явных сторонников Людовика XVI, вокруг которого пытались сплотиться все те, кто по-звериному ненавидел революционные массы. Необходимо, наконец, отметить, что высказывания Марата по поводу процесса Людовика XVI характеризуют дальнейший рост его революционной теории законности, основы которой он создавал еще в дореволюционные годы.

VII

Борьба со спекуляцией явилась одним из острых участков классовой борьбы во Франции в период французской буржуазной революции XVIII в. Особенно остро стал вопрос о борьбе со спекуляцией съестными припасами зимой 1791/1792 г., когда в стране начал ощущаться недостаток в продовольствии, резко возрастали цены на него и народные массы начали выступать с требованиями установить предельные цены и обуздать торговцев-спекулянтов. В многочисленных петициях трудящихся, обращенных к Законодательному собранию, а позже к Конвенту, содержались указания на то, что «свобода хлебной торговли несовместима с существованием... республики», что «закон должен следить за снабжением республики припасами и продовольствием для всех». В этих петициях обращалось внимание на бедственное положение народа, на безудержную спекуляцию на народной нужде. В них содержались

требования установить суровейшие наказания в виде каторжных работ и смертной казни по отношению к спекулянтам хлеба и спекулянтам.

Борьба со спекуляцией стала одним из острых участков классовой борьбы, в которой народные массы выступали с требованиями принятия самых решительных мер против спекулянтов и спекуляции. Эти выступления вынуждали Конвент принимать законы о спекуляции, против которых выступали жирондисты. Крайние точки этого участка классовой борьбы занимали Бриссо — открытый глашатай интересов торговцев и спекулянтов, и Жак Ру — мужественный и страстный борец за интересы эксплуатируемого народа. Первоначальная позиция Робеспьера, как и других якобинцев, была непоследовательной: в ней сказывалось стремление сочетать охрану интересов трудящихся с обеспечением свободы торговли, сочетать карательные меры против спекулянтов с сохранением свободной торговли. В дальнейшем развитие классовой борьбы приводит якобинцев к выводу о необходимости ввести предельные цены на продукты питания и проводить систему суровой кары в отношении спекулянтов.

Анализ развития взглядов Марата на борьбу со спекуляцией представляет значительный интерес.

Необходимо прежде всего напомнить, что и в своих дореволюционных работах, в особенности в «Плане уголовного законодательства», Марат обращал пристальное внимание на преступления торговцев. Опасную для жизни и здоровья потребителей фальсификацию торговцами съестных припасов он приравнивал к умышленному убийству, а самих преступников оценивал как врагов народа. Он особо выделял в число преступлений против собственности фальсификацию товаров и предлагал сурово карать торговцев, совершающих такое преступление. В определении опасности этих преступлений Марат исходил из интересов эксплуатируемых масс.

Голос Марата, разоблачающий коварные преступления торговцев-спекулянтов, возвышается в годы революции. В работе «Разоблачение, направленное против Неккера», опубликованной в начале 1790 г., Марат специально останавливается на разоблачении спекулянтов, наживающихся на народной нужде. «Боже мой, — восклицает он, — какая низость — вся эта спекуляция на наживе, бремя которой всей своей тяжестью ложится на плечи бедняков, страдающих от того, что им приходится терять столько времени,

дежурия у дверей булочных, еще больше, чем от повышения цены на хлеб! Какая жестокость — обрекать стольких отцов на невозможность прокормить своих детей! Какое варварство — оставить для пропитания огромного народа только какой-то вредный продукт, расшатывающий здоровье и вызывающий эпидемические заболевания!

Не знаю, как и назвать эти гнусные преступления. Какими бы отговорками они ни прикрывались, они все равно отвратительны, и ужасный человек, который является их виновником, достоин самой жестокой казни»³⁵.

В мае 1790 г. Марат раскрывает крупные спекулятивные аферы с зерном, которые проводились при участии и под покровительством Неккера. Он говорит о том, что король снабжается отборным хлебом, а народ вынужден питаться суррогатами хлеба, и что враги народа осуществляют чудовищный план: «создать обильный источник дохода из подлой спекуляции зерном». Марат доказывает, что шайка спекулянтов действует в высшей степени организованно, и ее соучастники не только торговцы, но и министры, и другие крупные должностные лица, в том числе и члены муниципалитета.

Наибольшее внимание борьбе со спекуляцией Марат уделяет в конце 1792 — начале 1793 г. в связи с народными петициями о введении максимума цен, о наказании спекулянтов, обсуждением законопроектов о максимуме и выступлениями по этому поводу ряда политических деятелей.

В конце февраля 1793 г. в «Журнале Французской Республики», Марат, разоблачая врагов народа, относит к ним спекулянтов, которые «удваивают рвенье с целью привести народ в отчаяние чрезмерным повышением цен на съестные припасы первой необходимости и страхом голода»³⁶. Марат говорит о том, что он не надеется на меры, которые примет законодатель и не видит другого способа, кроме «полного истребления этого проклятого отродья для обеспечения спокойствия государства». Можно ли удивляться, что народ, доведенный до отчаяния, применяет крайние меры самозащиты? «Во всякой стране, где права народа не являются пустым высокопарным упоминанием

---

³⁵ Ж. П. М а р а т. Памфлеты, стр. 311—312.

³⁶ «Journal de la République Française», 25 février 1793, N 133.

в простой декларации, разграбление нескольких магазинов и повешение у их дверей перекупщиков должны скоро положить конец этим злоупотреблениям, повергающим в отчаяние пять миллионов человек и обрекающим тысячи людей на голодную смерть». Не веря в силу мер, предусмотренных действующими законами, Марат призывает народ к революционным действиям. Он рекомендует поручить Комитету общественной безопасности розыск перекупщиков и спекулянтов и предание их суду как изменников родины. Этот суд должен быть образован в виде государственного трибунала, состоящего «из пяти самых неподкупных и строгих членов».

В этой же статье Марат выражает уверенность, что продовольственные беспорядки — явление кратковременное, преходящее: «Народ поймет, наконец, ту великую истину, что он должен всегда сам спасать себя».

Эта статья Марата была вменена ему как подстрекательство к продовольственным беспорядкам и к происшедшим в связи с ними эксцессам.

В феврале 1793 г. Марат считал центральной задачей борьбы со спекуляцией осуществление строжайших карательных мер, организацию государственного трибунала для борьбы с врагами народа.

Наиболее сильной стороной Марата в борьбе со спекуляцией является разоблачение им преступных махинаций спекулянтов всех мастей и рангов, раскрытие классовой сущности спекуляции как прямого посягательства на трудящихся, выяснение связи, существующей между спекулянтами и другими врагами народа. Обращает на себя внимание также неустанно повторяемое Маратом требование создать государственный трибунал по борьбе со спекулянтами и другими врагами народа, требование провести самые решительные карательные меры в отношении спекулянтов.

Марат в решении данного вопроса, как и многих других вопросов, переоценивал роль репрессии, роль карательных мер, роль устрашения. Основные экономические меры борьбы со спекуляцией представлялись ему в довольно смутном виде: он говорил о денежной реформе как средстве пресечения спекуляции, о создании на средства крупных буржуа общества по ввозу и продаже хлеба внутри страны по пониженным ценам и т. д. Марат не сразу присоединился к такому революционному требованию масс, как ограни-

чение свободной торговли и установление максимума цен на продовольственные товары. Но, отмечая эти слабые стороны высказываний Марата о борьбе со спекуляцией, следует отдать ему должное в формулировании с позиций революционного правосознания понятия спекуляции как тяжкого преступления и спекулянта — как заклятого врага трудящихся. С тех же позиций революционного правосознания обосновал Марат необходимость и неизбежность применения к спекулянтам суровых мер подавления.

VIII

Сопоставление проекта Декларации прав и проекта конституции, предложенных Маратом, с Декларацией прав человека и гражданина 1789 г. и с конституцией 1791 г. приводит к выводу, что Марат в своих проектах шел значительно дальше законодательных актов, принятых Национальным собранием. Уделяя внимание основным гарантиям личности, он проявлял особую заботу о гарантиях личности трудящихся. Хотя его социально-экономическая программа была весьма умеренной, он все же стоял за ограничение права собственности, за перераспределение «излишних богатств», за создание необходимых условий существования для неимущих. Его проекты, составленные в 1789 г., в значительной мере напоминают якобинскую конституцию, а по ряду вопросов идут даже впереди нее.

Развив руководящие принципы законодательства, Марат опирается на них для разоблачения бесправия и беззакония, царящих во Франции по отношению к трудящимся массам. Он ярко рисует картину бесправного положения трудящихся, не овладевших ни гражданской свободой, ни домашней свободой, не получивших в результате революции никакой собственности и постоянно подвергающихся унижению и тирании со стороны богачей, королевских чиновников и прочих приспешников класса угнетателей.

Марат оценивает законы, которые действовали во Франции в первые годы революции, как законы несправедливые и тиранические, защищающие интересы угнетателей народа. Он говорит о том, что эти законы имеют целью снова одеть оковы на народ, ввергнуть его в нищету, вновь подчинить народ тирании короля и его приспешников. Ма-

рат призывает народ не подчиняться этим несправедливым законам. Люди, которые подчиняются подобным законам, поступают, как рабы.

Целая серия законов, принятых Национальным собранием, была направлена против революционных масс, против попыток объединения городской и сельской бедноты, против их революционных выступлений. Достаточно напомнить в этой связи декреты от 10 августа и 21 октября 1789 г., каравшие смертной казнью «мятежные сборища», декрет 1791 г. о запрещении подачи коллективных петиций, декрет Ле Шапелье и др.

Марат резко критикует законодательную деятельность Национального собрания. «Исключите несколько декретов, вроде декрета о декларации прав, об уничтожении религиозных орденов, вроде декрета об отмене особых привилегий, об отобрании церковных имуществ, о суверенитете нации. Все другие имеют целью лишь вернуть монарху верховную власть и восстановить деспотизм; пагубные декреты, которые проводят эти мнимые представители народа, или, вернее, эти враги отечества, в надежде, что король, восстановленный в полноте власти, восстановит их самих в полноте их прав. И совокупность подобных декретов составляет конституцию. Их авторы применили тысячу хитростей и уловок, чтобы вырвать наше согласие и заставить нас поклясться защищать их изо всех сил. Клятва бессодержательная и смешная, которая не должна нас связывать!

Эти декреты взаимно уничтожают друг друга. Те из них, которые подрывают декларацию прав, священную основу конституции, не имеют юридической силы; те, которые нападают на нее, не могут ее задеть, и, следовательно, законными являются только те декреты, какие служат для общего блага. Каким же образом можем мы принимать все декреты без различия? Отвергать дурные, соблюдать хорошие и признавать их законами государства только в том случае, если их признает и санкционирует нация после зрелого рассмотрения их,— вот единственный путь, какой предписывает благоразумие, какой внушает справедливость»³⁷.

Из приведенного отрывка видно, что Марат, исходя из разделяемой им договорной теории происхождения госу-

³⁷ «L'Ami du peuple», 4 mars 1791.

дарства и права, в которую он стремился внести критерий противоположности классовых интересов имущих и неимущих, вновь обосновывал право неимущих не подчиняться несправедливым и тираническим законам. *Марат противопоставлял законности эксплуататоров революционную законность эксплуатируемого народа.* Считая Учредительное и Законодательное собрания состоящими из врагов народа, он не предполагал, что издаваемые ими законы смогут обеспечить интересы трудящихся. Поэтому он и призывал народ не подчиняться этим законам слепо, а к каждому закону подходить с позиций революционного правосознания. Подчиняться следует только тем законам, которые не противоречат интересам народа, т. е. иначе говоря, *народ должен исполнять только те законы, которые соответствуют его революционному правосознанию.* В этом нельзя не усмотреть существа решения в данных конкретно-исторических условиях вопроса о законах и революционной закономерности, четко сформулированного Маратом.

В процессе нарастания классовой борьбы, в процессе становления якобинской диктатуры Марат ставит и решает основные вопросы революционной законности, подчиняя их центральной задаче: обеспечить подавление сопротивления врагов народа путем наибольшего развития революционной деятельности масс и путем проведения революционного террора.

Марат, как и все его современники, переоценивал роль и значение законов в деле переустройства общества. Он рассматривал законы как главное и решающее средство устранения недостатков, несправедливостей, существующих в обществе. Проведению мудрых, справедливых законов препятствуют враги народа. Стоит только убрать их и разработать систему мудрого законодательства, как народ окажется действительно свободным, действительно счастливым, окончательно сбросившим цепи рабства. Эти мысли и положения Марат очень подробно развил в «Даре отечеству», изданном в 1789 г. Однако развитие революции и обострение классовой борьбы очень скоро показали Марату, что его радужным надеждам будет не так легко осуществиться.

В произведениях Марата, относящихся к революционной эпохе, одно из центральных мест занимает *требование и обоснование необходимости проведения революционного террора в отношении врагов народа.* Впервые эти взгляды

о необходимости осуществления суровых мер подавления контрреволюционеров были высказаны Маратом еще в его дореволюционных работах, в особенности в «Плане уголовного законодательства». В этом произведении Марат, рассматривая «подлинные государственные преступления», совершаемые в условиях, когда народ становится свободным, относит измену родине, заговоры и диверсии к самым тяжким преступлениям, заслуживающим наиболее сурового наказания. «Нет такой казни, которой не заслуживало бы подобное посягательство», — восклицает Марат. По существу весь «План уголовного законодательства» пронизан идеей охраны интересов народа от преступных посягательств на него со стороны эксплуататоров.

Чем больше развивалась революция и обострялась классовая борьба между эксплуатируемыми и угнетателями, тем громче и резче звучал голос Марата и его призывы к всемерному повышению революционной бдительности народа, к дальнейшему разоблачению коварных преступлений врагов народа, к проведению революционного террора по отношению к ним. Требуя осуществлять меры революционного террора, Марат постоянно разоблачает контрреволюционный террор со стороны врагов народа, он указывает, что народ, народные массы всегда несравненно более гуманны, чем его угнетатели. В 1789 г. Марат пишет о том, что народная месть всегда является по существу справедливой, что народ приносит «на алтарь справедливости» небольшое число жертв, что во время революции народ пролил лишь «несколько капель крови» своих врагов. Все это, по мнению Марата, не может идти ни в какое сравнение с неисчислимыми жертвами тирании, которая всегда проливает море крови угнетенных масс.

Но недостаточно, указывает Марат, только разоблачать злодеяния тиранов и эксплуататоров. Одновременно необходимо осуществлять и революционные меры обуздания и наказания врагов народа. Марат очень скоро убедился в том, что проведенная Национальным собранием судебная реформа ни в малейшей мере не обеспечивает борьбы с преступлениями врагов народа, ибо «новые» суды по-прежнему охраняли интересы эксплуататоров и их приспешников. Правосудие должно быть поручено не этим судьям, а «испытанным патриотам, которые и явятся блюстителями мудрыми, твердыми и неподкупными»³⁸.

³⁸ «Appel à la Nation par J. P. Marat». P., 1790.

Именно они и должны будут составить государственный трибунал, карающий врагов революции. Если же и это средство окажется недостаточным для обуздания врагов народа, то тогда Марат предлагает «назначить на краткий срок верховного диктатора, вооружить его всей полнотой общественной силы и поручить ему расправу с виновными». По мнению Марата, суровая репрессия по отношению к врагам народа — лучшее средство их обуздания и предупреждения тяжких преступлений. «Две-три кстади срубленные головы надолго останавливают общественных врагов и на целые столетия избавляют нацию от бедствий нищеты, от ужасов пражданской войны; но такие истины весьма чужды нам при наших губительных предрассудках».

По мере обострения классовой борьбы и усиления контрреволюционной деятельности врагов народа Марат призывает ко все более решительным действиям против королевских заговоров, поддерживаемых капиталистами, крупными чиновниками, генералами, офицерами и т. д. Он требует задержать короля и его семейство, арестовать участников контрреволюционных заговоров, отменить декреты, противоречащие интересам народа, и провести меры революционного террора. Марат постоянно предостерегает народ против чреватой тяжкими последствиями излишней мягкости к врагам, ибо эта мягкость может стоить жизни многим людям: стоит только врагам народа почувать свою силу и безнаказанность, и они будут безжалостно истреблять народ. «Сами они, погружая свои человекоубийственные руки в вашу кровь, будут терзать ваши трепещущие внутренности и внутренности в бледной пруди ваших жен и детей. Вот плоды ваших лишений, вашего недоедания, ваших трудов, ваших опасностей, ваших ран, ваших битв, ваших побед или, вернее, вот плоды вашего слепого доверия, вашего глубокого успокоения»³⁹.

Все более настойчивые требования о проведении революционного террора Марат обосновывает ростом и обострением контрреволюционной борьбы со стороны врагов народа. Он призывает провести массовый террор для спасения родины.

В 1791 г. Марат возвращается к мысли о необходимости создать специальный карательный орган для борьбы с пре-

---

³⁹ Приложение к «L'Ami du peuple», 26 août 1790.

ступлениями врагов народа; он предлагает создать «Клуб мстителей закона». Членами этого клуба могут быть только истинные патриоты. Цель его — «карать все преступления, которые посягают на общественную или личную безопасность и свободу и которые мешают спасению народа»⁴⁰.

Марат предостерегает против увлечения словами и призывает народ к активным революционным действиям, направленным против врагов народа. Когда дело идет о спасении революции, о защите интересов народа, о подавлении сопротивления его врагов, нужны не слова, а действия. Истинно патриотические общества, указывает Марат, должны быть «не только обществами осуждающими и решающими, но также и действующими, выносящими порицание, карающими, убивающими, после того как они тщетно испробовали все законные пути подавления врагов общества, а носители власти столковались, чтобы убаюкивать народ, усыплять его на краю пропасти и вызвать его гибель»⁴¹.

Из приведенных высказываний Марата видно, что он рассматривал массовый революционный террор как крайнее и самое решительное средство борьбы с врагами народа: *сначала* речь идет о разоблачении и осуждении происков врагов народа, *затем* — об использовании всех легальных возможностей борьбы с преступлениями врагов народа *и лишь после этого* — о мерах массового революционного террора. Нужно напомнить также, что Марат в высшей степени наглядно показывает, что революционный террор неизмеримо гуманнее террора контрреволюционного, продолжающегося уже много столетий и пролившего море народной крови. Нужно напомнить и тот несомненный факт, что, призывая к революционному террору в форме требования «срубить» мятежные головы, Марат первоначально говорит о незначительном числе подлежащих казни врагов и лишь по мере обострения классовой борьбы усиливает эти свои требования. Внимательное изучение развития высказываний Марата о революционном терроре наглядно показывает клеветнический характер утверждения фальсификаторов взглядов Марата относительно его кровожадности.

---

⁴⁰ «L'Ami du peuple», 16 janvier 1791.

⁴¹ «L'Ami du peuple», 4 mars 1791.

Марат был сторонником суровых мер подавления сопротивления врагов революции, и его взгляды, несомненно, отражали всю остроту классовой борьбы в период французской революции XVIII в. Наконец, и это наиболее важно для характеристики высказываний Марата о революционном терроре, для него террор был не самоцелью, как об этом постоянно твердят буржуазные фальсификаторы Марата, а средством (значение которого, правда, Марат переоценивал) для дальнейшего развития революции, для роста революционной деятельности масс городской и сельской бедноты. Призыв к революционному террору против врагов народа являлся у Марата также одним из средств революционной пропаганды, одним из способов пробуждения революционной сознательности масс, одним из средств повышения их революционной бдительности, наконец, одним из средств вовлечения этих масс в революционное движение.

Марат, предлагая провести меры революционного террора, рассчитывал на то, что народу удастся парализовать деятельность своих врагов, пресечь многочисленные акты измены родине, заговоры, восстания, диверсии, спекуляцию на народном голоде путем устрашения всех этих врагов. Марат не видел, да и не мог в ту эпоху видеть какие-либо иные средства борьбы с врагами народа, кроме мер революционного террора, а так как поступательный ход истории являл все новые и новые факты роста сил эксплуататоров, то Марат вновь и вновь выступал с требованиями развертывания революционного террора. В 1792 г. он выступает с призывом к массам «казнить каждого десятого из числа контрреволюционных членов муниципалитета, мирового суда, департамента, Национального собрания». В 1793 г. Марат еще более усиливает остроту своих требований. Он считает, что все враги народа — «капиталисты, спекулянты, монополисты, продавцы предметов роскоши, пособники крючкотворства, судейские крючки, бывшие аристократы и т. п....»⁴² — являются сторонниками старого режима, которых не представляется возможным переделать. «...Я не вижу, — говорит Марат, — другого способа, кроме полного истребления этого проклятого отродья для обеспечения спокойствия государства, которое они не перестанут подрывать, пока сохраняют силу».

---

⁴² «Journal de la République Française», 25 février 1793.

Марат считал необходимым предоставить Комитету общественной безопасности, состоящему из истинных патриотов, полномочия для розыска врагов народа и предания их суду государственного трибунала, состоящему «из пяти самых неподкупных и строгих членов».

Выше были освещены взгляды Марата на революционный террор. В какой мере соответствуют эти взгляды его общим взглядам на уголовное право, что нового внесли они в развитие его уголовно-правовой теории?

В дореволюционную эпоху Марат выступил убежденным сторонником идей гуманизма в уголовном праве. В отличие от всех политических мыслителей идущей к власти буржуазии он не проповедовал абстрактного гуманизма в уголовном праве, а подчинял его идее защиты интересов народа. Необходимо подчеркнуть, что и в дореволюционную эпоху Марату были чужды ложно понятые идеи гуманизма. Напомним, что он считал необходимым применять самые суровые меры репрессии к государственным преступлениям, посягающим на народ, ставший свободным; определяя критерии индивидуализации репрессии, он настаивал на повышении наказания лиц, совершивших преступление против интересов трудящихся масс; устанавливая санкции за совершение различного рода преступлений, он определял повышенные наказания для тех преступлений, которые обычно совершали представители привилегированных слоев общества, и, наоборот, пониженные наказания для тех преступлений, которые обычно совершали представители трудящихся.

Эти мысли Марат развивает в годы революции. Являясь сторонником «заповеди гуманности, сострадания, мягкого человеколюбия», Марат проводит резкую принципиальную грань между нарушителями закона из народа и врагами народа — изменниками и заговорщиками. К первым Марат рекомендует применять мягкие наказания, ко вторым — самые суровые, самые беспощадные. «Всякая снисходительность в отношении этих преступников становится варварством по отношению к народу. Необходимо, чтобы мы их раздавили, или они раздавят нас»⁴³. В своих статьях Марат не раз указывал, что он вовсе не сторонник пролития крови, но к этому его побуждают обстоятельства. «Никто не питает большего отвращения к пролитию крови,

⁴³ «Journal de la République Française», 2 mars 1793.

чем я,— писал Марат в 1792 г.— Но для того, чтобы она не лилась ручьями, я настаиваю, чтобы вы пролили несколько капель»⁴⁴.

В 1793 г., отвечая на возводившиеся на него обвинения, Марат писал:

«Единственный способ упрочения революции заключается в том, чтобы партия свободы раздавила партию своих врагов.

Следуя этому убеждению, я предложил энергичные действия, которые приспешники деспотизма называли кровавыми. Мне пришлось бы лучше по вкусу более мягкие меры, если бы они были действительны; поэтому я иногда прислушивался к предложениям законных мер для наказания лиц, нарушающих свой долг, угнетателей и интриганов, но вскоре, убедившись с негодованием в том, что эти мероприятия смехотворны, что они дают лишь новое оружие нашим врагам, я вернулся к своим первоначальным взглядам; поэтому не я непоследователен, а законодатели и должностные лица, обманувшие народ своими лживыми обещаниями, своими смехотворными мероприятиями, своим нарушением долга и своими преступлениями»⁴⁵.

Созданная Маратом в годы революции теория революционного террора явилась одной из самых ярких сторон его политических и юридических взглядов, дальнейшим развитием передовой революционной мысли XVIII в.

IX

Характеризуя политическую деятельность Марата, Энгельс писал: «Когда я прочитал впоследствии книгу *Бужара о Марате*, я увидел, что мы во многих отношениях бессознательно подражали великому образцу подлинного (не фальсифицированного роялистами) „друга народа“ и что все яростные вопли и вся фальсификация истории, в силу которой в течение почти столетия был известен лишь искаженный облик Марата, объясняются только тем, что он безжалостно срывал маску с тогдашних кумиров — Лафайета, Байи и других, разоблачая в их лице уже законченных изменников революции, и тем еще, что, подобно

---

⁴⁴ Ж. П. М а р а т. Памфлеты, стр. 638.

⁴⁵ «Le Publiciste de la République Française», 19 mars 1793.

нам, он не считал революцию завершённой, а хотел, чтобы она была объявлена непрерывной»⁴⁶.

Эти слова Энгельса определяют отношение революционного марксизма к Марату.

Встав безоговорочно на защиту интересов эксплуатируемых масс, Марат отражал их чаяния и интересы, был близок и понятен им. Он стремился организовать, сплотить массы в их героической борьбе с угнетателями. Он воспитывал массы в духе революционной бдительности, в духе ненависти к эксплуататорам. Он разоблачал козни врагов народа и звал народ к беспощадной борьбе с врагами революции.

Марат не обладал — и не мог еще обладать — знанием подлинных законов общественного развития. Его мировоззрение не могло не быть исторически ограниченным в условиях, когда пролетариат только лишь выходил на историческую арену и не осознал еще полностью своих классовых интересов. Но Марат — один из первых мыслителей-революционеров, который сумел возвыситься до понимания различия классовых интересов пролетарских и полупролетарских масс и классовых интересов буржуазии.

Характеризуя вождей Французской буржуазной революции XVIII в., говоря о «настоящих якобинцах» — якобинцах 1793 г., Ленин не раз указывал, что «они были „якобинцы с народом“, с революционным большинством народа, с революционными передовыми классами своего времени»⁴⁷.

Сила и историческое значение Марата, как и некоторых других вождей народных масс в условиях революции 1789—1794 гг., состояла в том, что он всегда был с народом, всегда в годы революции стоял на защите его интересов. Марат сумел отразить и выразить эти интересы. Он был действительным Другом Народа и как таковой вошел в историю⁴⁸.

---

⁴⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. Госполитиздат, 1955, стр. 317. Энгельс писал Марксу: «Затем имеется очень хорошая книга Бужара: „Жан-Поль Марат, друг народа“; есть еще и другая, как будто хорошая, книга о Марате — я забыл только фамилию автора, она начинается на Ш.» (Энгельс имел в виду упомянутую выше книгу Шевремона о Марате). К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 533.

⁴⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 24, стр. 495.

⁴⁸ Из новейших работ о Марате см.: В. П. Волгин. Указ. соч., А. М. Деборин. Социально-политические учения нового и

Оценивая революционную теорию уголовного права и процесса, созданную и развитую Маратом, следует подчеркнуть ее коренные принципиальные отличия от буржуазных теорий, созданных в ту же эпоху идеологами восходящей к власти буржуазии. Это была теория, отвечающая интересам трудящихся масс эпохи Французской буржуазной революции конца XVIII в. в той мере, в какой их классовые интересы уже могли быть ими осознаны и противопоставлены классовым интересам буржуазии. Марат использовал уголовно-политические требования и лозунги идеологов буржуазии, придав им совершенно иной классовый смысл и повернув острие репрессии против контрреволюционных сил. Он не ограничился провозглашением формально-юридических гарантий личности, но основное внимание обратил на обеспечение охраны личности трудящихся. Он не ограничился раскрытием юридического содержания преступления, но основное внимание обратил на разоблачение преступлений эксплуататоров, посягающих на интересы народа. Он не ограничился выяснением основных «качеств» наказания, вытекающих из разумного законодательства, но основную цель наказания видел в подавлении сопротивления эксплуататоров.

Марат переоценивал роль и возможности «хорошего законодательства», роль «моральных санкций» в обеспечении охраны интересов народа. Он переоценивал и роль репрессии в деле подавления эксплуататорских классов в условиях, когда для их уничтожения еще не было надлежащих исторических предпосылок, ибо буржуазия только шла к власти.

Но, признавая историческую ограниченность уголовно-политической теории Марата, мы все же оцениваем ее как одно из ярких выражений правовых взглядов идеологов трудящегося народа конца XVIII в.

новейшего времени, т. I. Изд-во АН СССР, 1958, тл. «Жан Поль Марат и его мирозерцание». Более подробно библиографию о Марате см. в нашей работе «Уголовно-правовая теория Жана Поля Марата». В 1959 г. была переиздана большая, содержательная работа Ц. Фридлянда «Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в.» (изд. 1 вышло в 1934 г.). В «Очерках истории Франции XVIII—XX вв.» А. З. Манфреда (Изд-во АН СССР, 1961 г.) содержатся новейшие материалы, глубоко характеризующие роль Марата в истории Французской революции 1789—1794 гг.

Изучая уголовно-политическую теорию Марата, ее развитие в дореволюционную эпоху и в годы революции, нельзя не отнестись с глубоким уважением к тем высоким идеям беззаветного служения народу, которыми характеризуется эта теория. Ненависть к эксплуататорам, неустанное разоблачение всех их тягчайших преступлений, высокая революционная бдительность, постоянные призывы к народу повышать эту бдительность, требования сурового наказания врагов народа за совершаемые ими тягчайшие преступления, стремление развивать революционное правосознание народа и противопоставить его реакционному правосознанию эксплуататоров — таковы основные черты уголовно-правовой теории Марата — Друга Народа.

3. Робеспьер

I

Имя Максимилиана Робеспьера вошло в историю революционной Франции и всего мирового революционного движения как имя одного из великих революционеров, к которому каждый марксист, как указывал В. И. Ленин, питает глубокое уважение ⁴⁹.

Характеризуя роль и значение Робеспьера в развитии революционного движения Франции конца XVIII в., классики марксизма-ленинизма постоянно подчеркивали неразрывную связь Робеспьера с народом, с революционными массами, его стремление во всех революционных мероприятиях опираться на массы. Робеспьер был одним из тех «якобинцев с народом», о которых много раз говорил В. И. Ленин. И именно в связи с тем, что Робеспьер отдал всю жизнь служению народным массам и погиб как признанный вождь этих масс, он так ненавистен буржуазии.

В многогранной, кипучей революционной деятельности Робеспьера значительное место занимали вопросы революционной законности и революционного террора. Робеспьер уделил большое внимание не только практическому проведению революционного террора, но и его принципиально-политическому, теоретическому обоснованию.

---

⁴⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 226.

Политическая деятельность Робеспьера началась непосредственно перед началом Французской буржуазной революции конца XVIII в. Роль Робеспьера как признанного вождя революционных масс непрерывно возрастала по мере подъема, нарастания революции, особенно в период якобинской диктатуры. Известно, что во время якобинской диктатуры неимущие классы в Париже кратковременно захватили власть в свои руки, но благодаря тому, что тогда не было еще материальных предпосылок для их победы, результатом ее воспользовалась буржуазия. Реакционный буржуазный переворот, произведенный 9 термидора 2-го года Республики, как известно, начался казнью Робеспьера и его соратников. Таким образом начало, развитие и трагический конец деятельности Робеспьера неразрывно связаны с революцией 1789—1794 гг.

Максимилиан Робеспьер родился 6 мая 1758 г. в Аррасе, в семье адвоката. Еще ребенком он потерял родителей и воспитывался у деда по материнской линии. Позже он был помещен в среднюю школу в Аррасе. В 1769 г. Робеспьер поступил в парижскую коллегию Людовика Великого в качестве стипендиата. Обладая блестящими способностями, Робеспьер делает значительные успехи в учении. Поступив затем на юридический факультет университета в Париже, он заканчивает курс в три года и возвращается в Аррас, где приступает к адвокатской деятельности. Биографы Робеспьера отмечают его успехи на адвокатском поприще, смелость и оригинальность его выступлений. Уже в молодые годы Робеспьер увлекается идеями просветительной философии, в особенности же революционно-демократическими идеями Руссо, горячим поклонником и последователем которого он оставался всю жизнь. В 1778 г. двадцатилетний Робеспьер имел свидание с Руссо.

В 1783 г. Робеспьер был избран членом Аррасской академии. Вступление его в академию сопровождалось произнесением речи на тему о бесчестящих наказаниях. Общество науки и искусств в Меце объявило конкурс на соискание премии на тему о влиянии бесчестящих наказаний на семью осужденного. Робеспьер участвует в конкурсе, и представленная им работа удостоивается премии. В последующие годы Робеспьер участвует в ряде конкурсов на литературные темы; кроме того, в Аррасской акаде-

мии он читает доклад о незаконнорожденных детях. В 1786 г. Робеспьер избирается председателем Академии Розатти в Аррасе. В 1789 г. в связи с подготовкой к выборам в Генеральные штаты, Робеспьер издает брошюру, посвященную критике провинциальных штатов. В том же году он анонимно издает брошюру, посвященную выборам в Генеральные штаты. Третье сословие Арраса избирает Робеспьера своим председателем в Генеральные штаты, и он переезжает в Париж для осуществления своих обязанностей депутата. Провинциальный адвокат, автор небольших печатных работ по вопросам политики, права и литературы, Робеспьер в Учредительном собрании становится одним из активнейших его ораторов, выступая по самым различным вопросам текущей политики, законодательства. Следует отметить, что с 1789 по 1794 г. Робеспьер произнес свыше шестисот речей⁵⁰.

В Учредительном собрании голос Робеспьера был голосом одинокого борца революции, окруженного главным образом монархистами, конституционалистами, представителями крупной буржуазии. Его выступления не пользовались и не могли еще пользоваться успехом у людей, которые своей политической целью ставили обуздание революции и стремились лишь устранить наиболее вопиющие недостатки и пороки старого феодального режима. И тем не менее Робеспьер неутомимо выступает в Учредительном собрании и, невзирая на частые обструкции, насмешки, издевательства, последовательно, систематически развивает свои взгляды на законность, на правосудие, требует немедленной реформы законодательства и суда, апеллирует к разуму, к совести «законодателей», формулирует «вечные законы разума и справедливости» и стремится преломить их в вопросах текущей политики и законодательства. И хотя классовый смысл выступлений Робеспьера в Учредительном собрании в значительной мере окутан неясными очертаниями просветительства, абстрактными идеями свободы, равенства, справедливости,

---

⁵⁰ M. Robespierre. Oeuvres. P., 1910; Oeuvres. P., t. IV. 1939, t. VII, 1953; «Discours et rapports de Robespierre, avec une introduction et des notes par Charles Vellay». P., 1910. Трехтомник избранных произведений Робеспьера был издан в 1956—1958 гг. в серии «Les classiques du peuple» издательством «Editions sociales», с большими вводными статьями, комментариями и примечаниями Поперана.

разума, просвещения и т. д., ибо и сам Робеспьер очень смутно представлял себе действительные классовые пружины развертывавшейся в Учредительном собрании борьбы, но объективно-исторически выступления Робеспьера и в этот ранний период развития революции отражали классовые интересы и чаяния очень широких кругов революционной демократии. Недаром уже в те годы Марат, с гениальной классовой прозорливостью определявший друзей и врагов народа, безоговорочно отнес Робеспьера к подлинным друзьям народных масс и дал ему название «Неподкупный», которое история сохранила за Робеспьером.

В середине 1791 г. Робеспьер был избран публичным обвинителем при Парижском уголовном суде. С осени 1791 г., когда Учредительное собрание уступило место Законодательному собранию, членом которого Робеспьер, согласно закону, не допускавшему переизбрания депутатов Учредительного собрания, быть не мог, он переносит свою политическую деятельность в Якобинский клуб, в свою газету «Защитник Конституции», а начиная с августа 1792 г. и в Парижскую коммуну, членом которой он был избран.

В этот период Робеспьер выступает против войны, но за неуклонное проведение борьбы с внутренними врагами революции. В «Защитнике Конституции» он живо откликается на все актуальные вопросы внешней и внутренней политики. Особое значение имела речь Робеспьера в Национальном собрании с требованием низложения Людовика XVI. Не принимая непосредственного участия в событиях 10 августа 1792 г., Робеспьер всей своей активной политической деятельностью немало способствовал их осуществлению.

Будучи избранным в Национальный Конвент, Робеспьер принимает самое активное участие в его деятельности. К этому времени еще более возрастает популярность и авторитет Робеспьера как вождя якобинцев, как горячего защитника интересов трудящихся.

В первый период деятельности Национального Конвента (сентябрь 1792 — май 1793 г.), до установления якобинской диктатуры, Робеспьер выступает с двумя речами по поводу суда над Людовиком XVI, требуя применения к нему смертной казни без суда; он ведет ожесточенную борьбу с жирондистами и призывает свергнуть жирон-

дистское господство; он выступает за организацию борьбы со спекуляцией и спекулянтами. Исключительно велика была роль Робеспьера в подготовке и осуществлении переворота 31 мая — 2 июня 1793 г., приведшего к установлению якобинской диктатуры.

В наибольшей степени развертывается активная политическая деятельность Робеспьера в период якобинской диктатуры — до его трагической смерти на гильотине 10 термидора 1794 г.

Робеспьер организует и проводит необходимые мероприятия по обороне страны и разгрому интервентов, организует и проводит систематическую борьбу с внутренней контрреволюцией; проводит целую систему мер экономического, политического и культурного порядка, которые отвечали идеологии революционной демократии того времени. Общеизвестна выдающаяся роль Робеспьера в организации и проведении революционного террора (создание революционных трибуналов, издание многочисленных законов о наказании «подозрительных», врагов народа, спекулянтов и т. д.). Столь же общеизвестна и роль Робеспьера в борьбе с левыми течениями в среде якобинцев — с «бешеными», с эбертистами, а также с правыми течениями, представленными Дантоном, Демуленом и другими.

Именно в этот период сформировались и окончательно определились взгляды Робеспьера на революционную законность, на революционное правосудие, на революционные меры подавления сопротивления врагов революции.

9 термидора 1794 г. произошел контрреволюционный переворот. Первыми его жертвами явились Максимилиан Робеспьер и его ближайшие соратники. «...Гибель Робеспьера означала победу буржуазии над пролетариатом»⁵¹.

Накануне контрреволюционного переворота, 8-го термидора, Робеспьер выступил в Конвенте с обширной речью, разоблачающей врагов революции и всю заговорщическую, подрывную деятельность контрреволюционеров. В тот же день Робеспьер повторил эту речь в Якобинском клубе. В конце речи Робеспьер, как сообщают Бюше и Ру, сказал: «Произнесенная мною речь является предсмертным завещанием. Я понял это сегодня; число злодеев так велико, что у меня нет надежды избежать их

---

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 589.

мщения. Я погибаю без сожаления; завещаю вам хранить память обо мне: она останется дорога для вас, и вы сумеете ее защищать. Отделите злодеев от людей слабых; освободите Конвент от угнетающих его негодяев; окажите ему ту услугу, которую он ждет от вас по примеру дней 31 мая — 2 июня. Идите, спасайте вновь свободу»⁵².

II

В период 1789—1791 гг. Робеспьер в своих выступлениях специально останавливался и на вопросах уголовного права в связи с обсуждением в Учредительном собрании различных законопроектов.

16 августа 1790 г. Учредительное собрание обсуждало проект реформы морских уголовных законов. Выступление Робеспьера касалось общего принципа назначения наказания. Он отметил «удивительное несоответствие» в наказаниях матросов и офицеров за совершение одинаковых преступлений: когда матроса казнят, офицера только разжалуют. Во имя осуществления принципов справедливости и свободы Робеспьер призывал депутатов Учредительного собрания установить равенство наказаний матросов и офицеров за совершение одинаковых преступлений.

Несколько позже, в 1792 г., Робеспьер поместил в «Защитнике Конституции» статью «О необходимости и природе воинской дисциплины», в которой подробно изложил свои взгляды на революционную воинскую дисциплину, на основания и пределы ответственности военнослужащих за нарушения воинской дисциплины.

Робеспьер исходил из предпосылки, что всякая излишняя строгость в наказаниях преступна и что произвольность и тираничность формы судебного решения является посягательством на невинность и свободу. Эти положения должны быть основой законности в армии. Поэтому военачальники не могут выходить за рамки законности — не могут быть ни законодателями, ни судьями. Существует два рода военной дисциплины. Одна основана на предрассудках и рабстве и заключается в безграничной власти начальников над всеми поступками

---

⁵² P. Buchez et P. Roux. Histoire parlementaire de la révolution française, vol. 34. P., 1837, p. 2—3.

и личностью солдата. Другая основана на законности, на ограничении власти начальника интересами военной службы — она вытекает из самой природы вещей и из разума. Благодаря первой солдаты превращаются в рабов; такая дисциплина пригодна лишь для деспотов. Благодаря второй создаются воины-слуги отечества и закона; такая дисциплина пригодна для свободных народов, успешно защищающих свое отечество от внутренних и внешних врагов.

Большую речь произнес Робеспьер в связи с обсуждением в Учредительном собрании проекта уголовного кодекса.

Напомним, что проект уголовного кодекса доложил Собранию от имени комитетов конституционного и уголовного законодательства Лепелетье. Выступление Робеспьера было посвящено вопросу о смертной казни.

Робеспьер начал свою речь с того, что, приведя пример из греческой истории, обратился к депутатам Собрания, призывая их исключить из кодекса «кровавые законы, предписывающие юридические убийства», ибо их не могут допустить ни общий интерес, ни разум, ни гуманность. Робеспьер стремился доказать два положения: что смертная казнь несправедлива и что смертная казнь более способствует увеличению преступлений, нежели их предупреждению.

Общество, указывал Робеспьер, не имеет права казнить человека. Излагая доктрину естественного права, он указывал, что до того, как люди вступили в договорные отношения между собой и образовали общество, каждый из них имел право убить своего врага в процессе своей защиты: закон естественной справедливости оправдывает подобное убийство. Но, вступив в общество и организовав борьбу с преступлениями, люди не могут уже совершать подобные убийства, оправдывая их естественными законами: разум, нравственность, справедливость осуждают подобные убийства, и ничто не может оправдать казнь преступника, уже не могущего причинить вред обществу, так как он находится в руках правосудия. Смертная казнь есть следствие предрассудков, господствовавших веками над народами. Эти предрассудки узаконивались «счастливыми узурпаторами», которые для развращения и запугивания народа устанавливали смертную казнь за посягательство на их господство. Законы, устанавливаю-

щие смертную казнь, нелепы, несправедливы и губительны для нации.

Далее Робеспьер подробно рассмотрел аргументы сторонников смертной казни. Не всегда смертная казнь — наибольшее зло для преступника. Цель наказания состоит не в том, чтобы мучить виновных, а в том, чтобы предупредить преступления. Но смертная казнь вовсе не средство предупреждения преступлений: она не остановит человека, обуреваемого страстями; с другой стороны, она оскорбляет «общественную чувствительность народа», ослабляя вместе с тем государственную власть. Если бы смертная казнь предупреждала преступления, то, очевидно, в тех странах, где она наиболее широко применяется, должно было бы совершаться меньше всего преступлений. Между тем на деле происходит как раз обратное. Если устрашение наказанием было бы действительным, то, очевидно, чем ужаснее будет способ смертной казни, тем более эффективным он окажется в борьбе с преступлениями. В действительности же происходит обратное. Робеспьер далее останавливается на судебных ошибках, на осуждениях невинных людей и наглядно показывает, что в этих случаях применение смертной казни окажется роковым, неотменимым наказанием невинного человека. Жестокость, несправедливость, безправственность смертной казни вызывает у людей сострадание к преступнику, осужденному на нее, они вызывают к мягким, умеренным законам. Мягкость уголовных законов, указывал Робеспьер, сопутствует свободе, мудрости, гуманности государственного управления. Французский народ не должен применять в качестве наказания смертную казнь.

В том же 1791 г. Робеспьер выступил с докладом о свободе печати. В этом докладе был затронут ряд общих вопросов законности.

Хотя свободу печати нельзя отделить от свободы слова, указывал Робеспьер, и обе священны и необходимы, однако повсеместно законы ее всячески нарушают. Это объясняется тем, что законы создаются деспотами, для которых свобода печати представляет огромную опасность. Нужно сбросить предрассудки, которыми нас поработили, и узнать цену свободе печати.

Робеспьер утверждал, что свобода печати существует только тогда, когда она является полной и безграничной.

Он подробно рассматривает возможные последствия установления каких-либо ограничений для свободы печати и приходит к категорическому выводу о недопустимости их. Далее Робеспьер поставил вопрос относительно допустимости установления наказания за злоупотребления свободой печати. Он приходит к выводу, что закон никогда не должен карать за выявление своего мнения относительно морали, законодательства, политики, религии. Истинное мнение рождается лишь в результате борьбы противоположных суждений. Поэтому всякий уголовный закон, направленный против обнаружения мнения, нелеп и несправедлив. Общеизвестно, отметил Робеспьер, что нельзя наказывать в случаях, когда нет возможности точно установить преступление. Закон может предусматривать кару лишь за такие деяния, которые доступны точному и ясному определению: таковы, например, кража, убийство, бунт, мятеж. Но невозможно найти точные и ясные критерии для таких фактов, как возбуждение к бунту или к мятежу путем написания сочинения. Здесь нельзя установить сущность преступления, найти свидетелей, и решение по такому делу всегда будет произвольным, противоречивым, необоснованным, а наказание окажется вредным для истины и добродетели и полезным для порока, заблуждения и деспотизма.

Робеспьер пришел к выводу, что следует наказывать не автора произведения, призывающего к преступлению, а того, кто совершит конкретное преступление, т. е. нужно карать не за обнаружение мнения, а за содеянное преступление.

Свобода печати должна распространяться и на те произведения, в которых обвиняются, порицаются, разоблачаются общественные деятели. Какое-либо ограничение свободы печати в этих случаях всегда будет не чем иным, как способом сокрытия злоупотребления общественных деятелей, должностных лиц.

Рассматривая вопрос относительно тех произведений печати, которые затрагивают интересы частных лиц, Робеспьер указывал, что он неразрывно связан с другим вопросом — относительно словесной и письменной клеветы. Робеспьер считает справедливым, чтобы частные лица получали возмещение ущерба, нанесенного им клеветой, содержащейся в произведении печати. При этом Робеспьер является сторонником наиболее умеренных наказа-

ний в этих случаях, за исключением лжесвидетельства против обвиняемых.

В заключение своей работы о свободе печати Робеспьер рекомендовал проект декрета, в котором провозглашается полная свобода печати. Тот, кто посягнет на свободу печати, должен рассматриваться как враг свободы и караться наивысшим наказанием. Частное лицо, которое окажется оклеветанным в печати, имеет право добиваться возмещения ущерба.

Из изложенного видно, что Робеспьер, разрабатывая вопрос о свободе печати, развил с большой силой и убедительностью ряд общих положений о законности: принцип уголовной ответственности исключительно за конкретное уголовно наказуемое деяние, недопустимость наказания за обнаружение мнения, отказ от уголовного преследования за произведения печати, содержащие критику официальных лиц государственного аппарата и общественных деятелей, строгое ограничение ответственности за клеветнические произведения печати, содержащие умаление чести частных лиц.

III

Большое место среди речей Робеспьера занимают его выступления, направленные на разоблачение преступлений Людовика XVI и связанные с судом над ним.

В первой из этих речей, «О королевской неприкосновенности», Робеспьер в общей форме ставит и решает вопрос о пределах королевской власти, о допустимости привлечения короля к ответственности за совершенные им преступления. После раскрытия и ликвидации попытки Людовика XVI к бегству, Учредительное собрание поручило своим комитетам представить доклад об этих событиях. Доклад был составлен в благоприятном для Людовика XVI духе он признавался невиновным и подлежал водворению на престоле, а вся ответственность за попытку его бегства возлагалась на второстепенных лиц. Большинство выступивших в прениях по этому докладу депутатов разделили основные его положения, исходя из принципа неприкосновенности короля. Речь Робеспьера была направлена против этого доклада. Но Робеспьер остался в меньшинстве, и Собрание, исходя из понятия о неприкосновенности короля, признало его невиновным.

В речи, произнесенной в Собрании 14 июля 1791 г., Робеспьер считал своей задачей «защитить священные принципы свободы» от «коварной доктрины», которая вообще отвергает возможность привлечь короля к ответственности за его поступки. Критикуя эту «доктрину», Робеспьер считал необходимым отвлечься от оценки совершенных королем поступков (которые он все же перечислил), отвлечься от решения вопроса о целях бегства короля, о наличии или отсутствии заговора против революции. Робеспьер считал, что «законно ненаказуемое преступление» — возмутительно по своей природе, так как оно является отрицанием общественного порядка. Если преступление совершено первым в государстве должностным лицом (каковым является король), то в этом нельзя не усмотреть оснований для повышенной ответственности.

Анализируя законодательство, Робеспьер пришел к выводу, что нет и не может быть закона, который поставил бы короля выше законов, как не может быть и закона, который освобождал бы от ответственности королевских министров. Если бы король совершил тяжкое уголовное преступление — убийство или изнасилование, то потерпевшие имели бы право отомстить за себя, ибо никакой закон не мог бы предоставить королю права совершать безнаказанно подобные преступления. Точно так же, если бы король совершил измену своему отечеству, призвал бы в свое отечество иноземные войска с целью опустошения своей страны, то никакой закон не мог бы оставить подобные поступки безнаказанными. Неприкосновенность могут иметь и имеют лишь сами народы, но не их представители или высшие должностные лица государства. Поэтому те, кто прикрывают короля «цитом неприкосновенности», приносят ему в жертву неприкосновенность народа. Робеспьер ополчается против «мнимых апостолов общественного порядка», которые извращают здравый смысл и истинную природу законов, делают кощунственную ссылку на законы для того, чтобы извращать понятие законности. Предположение о неприкосновенности короля приводит к разрушению законности: никакой суд не мог бы призывать к повиновению законам, если все граждане будут знать, что главный преступник остается совершенно безнаказанным.

В конце 1791 г. Робеспьер уже безоговорочно признает ответственность короля за совершенные им деяния.

3 декабря 1792 г. Робеспьер выступил в Конвенте по вопросу «может ли король подлежать суду».

В этой речи Робеспьер всесторонне обосновывал мысль о том, что короля незачем судить, ибо он уже осужден историей, а его следует казнить без суда, как преступника, чьи злодеяния уже полностью установлены.

По мнению Робеспьера, Конвент не может судить, ибо он не судебный орган, Людовик не может быть судим, ибо он не обвиняемый, и к нему следует применить не наказание, а «меру общественного спасения». Напоминая историю низложения Людовика, Робеспьер указывал, что короля свергли с престола за его преступления; Людовик, пытаясь подавить народную революцию и наказать народ как мятежный, призвал себе на помощь «собратьев-тиранов». Но победил народ, и тем самым мятежником явился сам Людовик. Одно из двух: или прав Людовик, и тогда незаконна, преступна республика, или же права республика, и тогда преступен Людовик.

Робеспьер считал контрреволюционной самую идею суда над королем: ведь всякий суд предполагает возможность оправдания; следовательно, Людовик может оказаться оправданным, и тогда осужденной окажется республика. Далее Робеспьер развил взгляды Руссо о праве угнетенного народа прибегнуть к восстанию против тирана и вооруженной рукой вернуть свои естественные и неотчуждаемые права. Таким образом, король поставил себя вне общественного договора и тем самым не может быть судим на основе того судопроизводства, которое отражает договорные отношения между людьми. Народ, указывал Робеспьер, судит иначе, чем обычный суд: он повергает в прах королей, погружает их «в небытие». Далее Робеспьер подробно анализировал политические последствия, которые могут иметь место в том случае, если будет проведен обычный судебный процесс над низложенным королем. Возобновятся «спору деспотизма со свободой», реакционные партии получат возможность открытой контрреволюционной агитации, мятежники и заговорщики смогут объединяться для своей подрывной деятельности, появятся произведения и речи, оправдывающие Людовика и его восхваляющие, и «все кровожадные орды деспотизма» будут терзать «сердце нашего отечества».

Придя к выводу, что Людовик уже осужден всем ходом событий, Робеспьер потребовал его казни. Он на-

помнил, что в свое время был сторонником ее отмены, а теперь считает, что она может быть оправдана лишь в тех случаях, когда «необходима для безопасности людей и общества», но природа преступлений Людовика требует его уничтожения. «Людовик должен умереть, ибо отечество должно жить». До тех пор, пока народу угрожает восстановление деспотизма, нет места великодушию к тиранам. Робеспьер в конце своей речи требует от Конвента объявления Людовика изменником французской нации и его казни, для того чтобы народы сознавали свои права, а тираны были объаты ужасом перед правосудием народа.

Вторая речь Робеспьера по вопросу о суде над Людовиком была произнесена 28 декабря 1792 г., после выступлений Кутона, Сен-Жюста и других депутатов.

Робеспьер начал свою речь с положений, ранее уже развивавшихся им по вопросу о суде над Людовиком XVI. Он напомнил «священные формы», которые не являются судом, «нерушимые принципы», которые стоят выше предрассудков, «истинный приговор народа». Он вновь повторил, что Людовик уже был осужден до того, как Конвент постановил его судить. Робеспьер сказал, что в его сердце, неумолимом, когда речь идет об абстрактном определении справедливости и законности, зашевелилась было жалость к Людовику, но он пришел к выводу, что подобная чувствительность вредна интересам великого народа, и отбросил ее. Процесс Людовика вызван не стремлением мести, он обусловлен необходимостью обеспечить общественную безопасность, общественное спокойствие. Всякое промедление в решении участи короля, всякая отсрочка приносит тяжкий вред республике, народу. Преступления короля доказаны с полной очевидностью. Далее Робеспьер решительно возразил против предложения обсуждать дело Людовика в низовых организациях всей Франции и подробно раскрыл губительность и контрреволюционный смысл этого предложения жирондистов. В своей речи Робеспьер разбил аргументацию сторонников передачи приговора Конвента на утверждение народа и вновь призвал Конвент объявить Людовика виновным и заслуживающим смертной казни.

Когда Конвент проводил поименное голосование по вопросу о наказании, которое следует применить к Людовику, многие депутаты выступали с краткими речами

по мотивам голосования. С такой краткой речью выступил и Робеспьер: «Я не признаю той гуманности, которая убивает народ и прощает деспотам. Чувство, побудившее меня потребовать — хотя и тщетно — в Учредительном собрании отмены смертной казни, есть то самое чувство, которое вынуждает меня сегодня настаивать, чтобы ее применили к тирану моей родины и к самой королевской власти в его лице»⁵³ (стр. 151).

IV

Вопросы революционной законности были освещены Робеспьером в его статьях и речах, связанных с проектами декларации прав и конституции 1793 г., в разработке которых он принял деятельное участие.

Предложенный Робеспьером проект существенно отличался от принятой декларации. В выступлении и проекте Робеспьер вовсе не включил право собственности в число основных прав человека, к которым он относил «право заботиться о сохранении своего существования и право на свободу». Утверждая далее право собственности за каждым человеком, Робеспьер ввел два ограничения этого права: 1) обязанность уважать чужие права и 2) обязанность не причинять ущерба другим людям. Всякое нарушение этих принципов, происходящее от использования права собственности, Робеспьер объявил незаконным и беззастенчивым.

Решая вопрос о праве собственности, Робеспьер стремился примирить два противоположных начала, но здесь он находился как бы между двумя огнями. С одной стороны, он противник богатства, крупной собственности, большого неравенства состояний, с другой стороны, он противник идей равенства имуществ, противник «аграрного закона». В этом отношении представляет интерес его речь о проекте декларации прав. Желая пополнить «теорию собственности», он сначала со всей силой обрушился и на богачей, и на сторонников «аграрного закона»: «Грязные души, уважающие только золото, я не хочу трогать ваших сокровищ, из какого бы нечистого источника они ни происходили. Вы должны знать, что тот аграрный за-

---

⁵³ Здесь и далее цит. по кн.: М. Робеспьер. Революционная законность и правосудие. Госюриздат, 1959.

кон, о котором вы столько говорили, является лишь призраком, выдуманном плутами для устрашения глупцов» (стр. 169).

Указывая, что лично он далек от зависти к богатству, и, наоборот, всячески уважает добродетели бедности, Робеспьер сформулировал свое отношение к собственности: «Конечно, и без всякой революции можно было доказать вселенной, что крайняя неравномерность состояний является источником многих бедствий и преступлений; но мы тем не менее твердо убеждены, что равенство имуществ — только пустая мечта. Что касается меня, то для личного счастья я считаю его еще менее нужным, чем для общественного благополучия. Гораздо важнее заставить уважать бедность, чем уничтожить богатство» (стр. 169). Робеспьер стремился связать право собственности с нравственными началами, ввести собственность в законные предусмотренные рамки, установить прогрессивный налог на имущества. Такова была его более чем скромная программа по отношению к институту собственности, конечно не дающая никаких оснований видеть в ней зародыши социалистической теории. Но вместе с тем нельзя не отметить, что и такие весьма умеренные формулировки, данные Робеспьером, не были приняты Конвентом.

В речи 24 апреля 1793 г. Робеспьер привел с соответствующим обоснованием весь свой проект декларации. Укажем на наиболее существенные положения этого проекта. Робеспьер считал необходимым провозгласить в Декларации прав, что «люди всех стран — братья», что угнетающий одну нацию является врагом всех наций, что ведущие агрессивную войну против свободы и прав человека должны преследоваться как убийцы и мятежные разбойники, что «короли, аристократы, тираны, каковы бы они ни были, являются рабами, возмущившимися против суверена земли, которым является человеческий род, и против законодателя вселенной, которым является природа» (стр. 171).

В проекте декларации прав, предложенном Робеспьером, отчетливо отражены основные, определяющие гарантии и права личности, принципы, сформулированные Руссо. Должны быть особо отмечены такие статьи проекта Робеспьера, где он указывает на обязанность общества заботиться о существовании своих членов, обеспечивая

их работой, на обязанность богачей помогать неимущим и т. д.

Робеспьер сформулировал и принципы законности: закон может воспрещать только то, что вредно для общества, и предписывать только то, что полезно для общества. «Всякий закон, нарушающий неотъемлемые права человека, является несправедливым и тираническим по самому своему существу: он не является законом» (стр. 172). Закон есть свободное и торжественное выражение воли народа. Он равен для всех граждан. Граждане обязаны «благоговейно повиноваться» властям. Но если происходит нарушение неотъемлемых прав граждан, то они не должны повиноваться несправедливым велениям власти и имеют право отразить подобное насилие силой. «Сопrotивление угнетению является следствием всех других прав человека и гражданина». Если правительство нарушает права народа, то последний получает право на восстание против правительства. «Когда гражданину не предоставляется общественной гарантии, он возвращается к естественному праву самостоятельной защиты всех своих прав» (стр. 174).

Из сопоставления проекта Робеспьера с принятой Конвентом Декларацией прав видно, что далеко не все предложения Робеспьера, несмотря на его авторитет вождя и теоретика якобинцев, были приняты. Предложенные Робеспьером формулировки были значительно смягчены.

Вторая речь Робеспьера — о конституции — была произнесена им в Конвенте 10 мая 1793 г. Он начал свою речь с указания на то, что до сих пор не обеспечены права человека и гражданина, враги народа посягают на свободу и демократию, в обществе распространены низкие нравы, и народ, являющийся подлинным сувереном, не может пользоваться всей полнотой своих прав. Робеспьер приводит исторические примеры и сопоставления, он рисует картины бесправного положения народа, тиранических форм правления и призывает создать такую конституцию, которая обеспечила бы подлинную законность. Робеспьер подробно обосновал выдвигаемые им предложения к проекту Конституции — о народных представителях и о публичных должностных лицах, о пределах их прав и полномочий, о подотчетности и гласности деятельности должностных лиц, о необходимости создать условия для непосредственного участия народа в деятельности народных представителей, об оплате труда народных представителей

и т. д. В заключительной части своей речи Робеспьер привел текст своего проекта конституции, состоящего всего из 20 статей; по существу, это лишь основные положения проекта конституции, а не сама конституция.

Мы еще вернемся к вопросу о взглядах Робеспьера на революционную законность, когда будем рассматривать его отношение к чрезвычайным мерам, обусловленным обстановкой гражданской войны и иностранной военной интервенции.

V.

После революции 31 мая — 2 июня 1793 г., в условиях все более обостряющейся классовой борьбы Робеспьер устремляет все свои силы на разоблачение новых форм контрреволюционной деятельности врагов народа и на проведение наиболее решительных, наиболее действенных мер для ограждения завоеваний революции от контрреволюционных происков ее внутренних и внешних врагов. Он развивает теорию революционного террора как единственно целесообразного средства борьбы с контрреволюцией, как особой формы революционной законности в чрезвычайных условиях гражданской войны и иностранной интервенции.

Будучи убежденнейшим, горячим, последовательным сторонником философского, политического и юридического учения Руссо, Робеспьер в этих речах основывался на общих идеях и принципах своего учителя, непосредственно претворяя их в жизнь.

Доклад «О принципах революционного правительства» был прочитан Робеспьером 5 нивоза 2-го года Республики (25 декабря 1793 г.). Этот доклад был по постановлению Конвента напечатан для всеобщего сведения и руководства.

Робеспьер начал доклад с указания, что победы над иноземными войсками не могут заслонить другой задачи — разгрома внутренней контрреволюции. Эта задача поставлена перед революционным правительством. Робеспьер указывал, что теория революционного правительства так же нова, как и революция, создавшая его. Поэтому необходимо сформулировать принципы этой теории. «Революция — это война свободы против ее врагов; Конституция — это режим победоносной и мирной свободы» (стр. 194). Цель революционного правительства —

основание республики, а цель конституционного правительства — сохранение республики. Революционное правительство, которое действует в условиях войны с внешними и внутренними врагами свободы, вынуждено применять чрезвычайные меры: «...обстоятельства, окружающие его, бурны и изменчивы, и особенно потому, что оно вынуждено беспрестанно прибегать к новым и быстродействующим средствам для устранения новых и серьезных опасностей» (стр. 194). Показывая основные различия между конституционным и революционным правительством, Робеспьер отметил, что первое обеспечивает по преимуществу гражданскую свободу, а второе — общественную свободу. «Революционное правительство должно оказывать добрым гражданам всю полноту национальной защиты; врагам народа оно должно приносить лишь смерть» (стр. 194). Такова, по мнению Робеспьера, природа и происхождение революционных законов. Те, кто призывают в создавшихся условиях буквально исполнять конституционные нормы, — враги революции, «подлые убийцы», стремящиеся погубить республику. «Конституционный корабль» был построен для мирного плавания; но во время бури, которую переживает Франция, он не должен пускаться в плавание: сначала необходимо освободить народ от всех его врагов.

Революционное правительство, будучи более свободным в своих действиях, чем конституционное правительство, справедливо и законно, так как оно опирается «на самый священный из всех законов — спасение народа; на самое неоспоримое из всех прав — необходимость». «Революционное правительство должно придерживаться обычных и общих принципов во всех тех случаях, когда они могут быть строго применены без нарушения общественной свободы. Мерилом его силы должна быть дерзость или вероломство заговорщиков. Чем грознее революционное правительство по отношению к злым, тем благосклоннее оно должно быть по отношению к добрым. Чем больше необходимых строгостей требуют от него окружающие обстоятельства, тем больше оно должно воздерживаться от применения тех мер, которые бесполезно стесняют свободу и нарушают частные интересы без всякой пользы для общества» (стр. 195).

Робеспьер разоблачил как враждебные революции крайности — беспринципную умеренность и не вызвал-

ные необходимостью эксцессы. И те и другие причиняют республике тяжкий урон. Поэтому следует защищать подлинный патриотизм от всех и всяческих отклонений от него.

Перед революционным правительством стоят большие трудности: его власть велика, свободна и проявления ее быстры; если она попадет в «нечистые или вероломные руки» (стр. 197), то свобода будет утрачена. Поэтому народ должен контролировать деятельность своего правительства, всемерно помогать ему высоко держать знамя свободы.

Характеризуя контрреволюционные происки врагов народа, Робеспьер привел примеры измен и тирании, подкупов и провокаций. Враги народа, указывал Робеспьер, «укрепляются, они окапываются среди нас, они возводят новые редуты, новые контрреволюционные батареи, в то время как тираны, содержащие их на жалованье, стягивают новые войска» (стр. 200). Поэтому революционное правительство должно применять быстрые, энергичные, эффективные меры против врагов народа. Робеспьер обратился к Конвенту с предложением внести необходимые изменения в законы, чтобы обеспечить быстроту и меткость репрессий против врагов революции. Свой доклад Робеспьер закончил предложением проекта декрета, конкретизирующего содержащиеся в докладе положения о революционных мерах подавления контрреволюции.

Написанный и произнесенный с исключительной силой и революционным пафосом доклад Робеспьера «О принципах революционного правительства» является одним из наиболее ярких выражений принципов революционного террора. В речи Робеспьера «О принципах политической морали», которых должен придерживаться Конвент, эти идеи нашли свое дальнейшее развитие. Доклад был прочитан Робеспьером в Национальном конвенте 5 февраля 1794 г. Он был издан по постановлению Конвента во всеобщее сведение и явился одним из наиболее крупных произведений Робеспьера периода якобинской диктатуры.

Робеспьер начал доклад с определения целей революции. Он сформулировал их в абстрактной, отвлеченной форме: цель революции состоит в том, чтобы мирно наслаждаться свободой и равенством, царством вечной справедливости, установить такой порядок, при котором низкие и жестокие страсти были бы парализованы,

а благотворные и великодушные страсти поддержаны законами. В этой связи Робеспьер говорил об использовании честолюбия на службе отечеству, о подчинении гражданина магистрату, а магистрата народу и народа — справедливости, об обеспечении благосостояния каждой личности, о развитии искусств на благо свободе, о превращении торговли в источник общественного благополучия. Робеспьер говорил далее о том, что все отступления от подлинной нравственности должны быть устранены что нужно заменить «все пороки и все нелепые стороны монархии всеми добродетелями и чудесами Республики». Свой конечный вывод Робеспьер сформулировал так: «Словом, мы хотим осуществить желания природы, свершить судьбы человечества, сдержать обещания философии, оправдать проведение за долгое царствование преступления и тирании. Пусть Франция, занимавшая некогда видное место среди рабских стран, затмевая славу всех существовавших когда-либо свободных народов, станет примером для подражания наций, ужасом для угнетателей, утешением для угнетенных, украшением вселенной и пусть, скрепив наш труд своей кровью, мы сможем по крайней мере, увидеть сияние зари всеобщего счастья... Вот наше честолюбие, вот наша цель» (стр. 205). Подобную программу может, по мнению Робеспьера, осуществить лишь демократическое, республиканское правительство; принципами демократии должен руководствоваться и народ, и его правительство. Но для того, чтобы эти принципы были осуществлены, необходимо *сначала* «покончить с войной свободы против тирании и благополучно пройти сквозь бури революции» — только тогда народ сумеет достигнуть «мирного господства конституционных законов» (стр. 206).

В чем же состоит основа демократического правления — поставил вопрос Робеспьер. Она состоит в общественной добродетели, в патриотизме, в любви к равенству, в предпочтении общественного интереса всем частным интересам. Национальный Конвент в своей деятельности должен основываться на этих принципах.

Робеспьер указывал, что республика со всех сторон окружена врагами. «Извне вас окружают все тираны; внутри страны все друзья тирании составляют заговоры; они будут составлять заговоры до тех пор, пока преступление может надеяться на успех. Нужно подавить внутренних и внешних врагов Республики или погибнуть вместе

с нею; а в данном положении первым правилом вашей политики должно быть управление народом при помощи разума и врагами народа — три помощи террора» (стр. 209).

В этих словах Робеспьера сжато сформулирована сущность якобинской диктатуры, сущность и обоснование революционного террора.

В мирное время орудием демократии является добродетель, в революционное время — и добродетель и устрашение одновременно; они тесно связаны между собой. Без добродетели страх пагубен, а без страха добродетель бессильна. Опровергая клеветнические утверждения о том, что якобинская диктатура якобы схожа с деспотизмом, Робеспьер заявляет, что это лишь внешнее сходство: «...меч, сверкающий в руках героев свободы, походит на меч, которым вооружены приверженцы тирании» (стр. 210). И Робеспьер подробно разбирает все аргументы за и против применения к врагам революции мер революционного террора. Он разоблачает тех, кто из ложно понятой идеи гуманизма призывает к мягкости в отношении врагов революции. Он напоминает о чудовищных зверствах контрреволюционеров, «совершенных тиранами по отношению к защитникам свободы, о наших жестоко изуродованных женщинах, о наших детях, убитых у материнской груди, о наших пленных, в страшных муках испускающих свой трогательный и возвышенный героизм...» (стр. 211).

Выступая последовательным сторонником применения решительных мер революционного террора против врагов народа, Робеспьер развил ряд положений о революционной законности, о революционном правосудии, имеющих исключительно большое значение для понимания его взглядов в этой области, как и для понимания принципов практической деятельности революционных трибуналов в период якобинской диктатуры.

1. Свидетельские показания не могут заменить «свидетельства вселенной», а письменные доказательства не могут заменить очевидность. Поэтому уголовный процесс, по мнению Робеспьера, должен быть упрощен, когда речь идет о явных преступлениях явных контрреволюционеров.

2. Медленность в вынесении приговоров равносильна безнаказанности. Поэтому революционный трибунал должен иметь возможность быстро и беспощадно выносить свой приговор врагам народа.

3. В борьбе с контрреволюцией милосердием является наказание «угнетателей человечества»; было бы варварством простить их. Тягчайшие преступления, совершаемые аристократией и другими врагами народа, требуют применения к ним строгого наказания.

Характеризуя формы контрреволюции, Робеспьер различал два направления деятельности врагов народа: одно из них толкает республику к либерализму, а другое — к крайним мерам.

Ярко характеризуя ту часть врагов революции, которая толкает ее к слабости, Робеспьер говорит, что лжереволюционер тот, который «одержим патриотизмом в зависимости от обстоятельств». Он мыслит по указке своих иноземных хозяев, он противится революционным мероприятиям или сознательно их преувеличивает — в зависимости от обстоятельств. Он скрытый вредитель, скрытый клеветник, пресмыкающийся перед сильными и попирающий слабых, пролезающий в народные организации и разлагающий их изнутри.

Робеспьер указывал, что по существу нет разницы между «умеренными» и «ультрареволюционерами». По его мнению, и эти последние наносят революции тяжелый урон, нападая на Конвент «с безумными речами», проповедуя несправедливые строгости, призывая Францию к завоеванию мира, проповедуя атеизм, который, объявляя войну боже-ству, является лишь «диверсией в пользу королевской власти». Трудно перечислить все формы преступной деятельности контрреволюционеров, и Национальный Конвент должен быть бдительным и неуклонно пресекать все проявления контрреволюции. Таковы общие принципы политической морали, которые были предложены Робеспьером и одобрены Конвентом.

Исключительно яркую речь — свою последнюю речь — произнес Робеспьер 8 термидора 2-го года республики, накануне контрреволюционного переворота, первой жертвой которого явился сам Робеспьер.

Робеспьер разоблачал происки врагов народа, направленные против революционного правительства и лично против него, призывал Конвент к революционной бдительности, к неуклонной борьбе с контрреволюцией. Как и в других своих выступлениях, в этой речи он уделил большое внимание вопросам революционной законности. Он до-прежнему обосновывал необходимость и неизбежность применения

к контрреволюционерам суровых мер революционного террора, но быть может, больше чем раньше говорил о необходимости обеспечить меткость репрессии, чтобы избежать пенужных и несправедливых жертв.

Если в приведенных речах Робеспьера содержится глубокое философское и политическое обоснование революционной законности и революционного правосудия якобинской диктатуры, то в ряде других его выступлений в Национальном конвенте ставятся и решаются практические вопросы организации Революционного трибунала и основных направлений его деятельности. Эти выступления Робеспьера были связаны с рассмотрением в Конвенте проектов законов о Революционном трибунале.

Так, в одном из своих выступлений Робеспьер обосновывал необходимость уточнения понятия «контрреволюционер»; в другом выступлении он предлагал ограничить продолжительность рассмотрения дел в Революционном трибунале.

В конце августа 1793 г. Робеспьер выступил в Конвенте с речью по поводу необходимости упростить судопроизводство в Революционном трибунале для того, чтобы превратить его в действительно грозное оружие против контрреволюции.

В этой речи Робеспьер критиковал «крючкотворские формальности, которыми опутал себя революционный трибунал» (стр. 191). Он осуждал «преступную медлительность» Революционного трибунала, связанного рядом процессуальных форм. Робеспьер считал порочной также организацию Комитета общественной безопасности. Он внес предложение о проведении реформы Революционного трибунала и комитета общественной безопасности. В заключение Робеспьер в сжатой форме резюмировал свои предложения: «...реформа Революционного трибунала и быстрое преобразование его на основе новых форм; он будет осуждать виновных или освобождать невиновных в определенный и всегда очень короткий срок» (стр. 192).

Должна быть отмечена большая роль Робеспьера в подготовке и принятии закона 22 прерияля 2-го года Республики.

Выступления Робеспьера прежде всего были направлены против высказанного некоторыми депутатами Конвента предложения об отсрочке обсуждения и принятия законопроекта. Робеспьер подробно охарактеризовал усиление за-

говорящей деятельности врагов народа и отрицательно оценил практику революционного трибунала, недопустимо медлительную в борьбе с контрреволюцией. Недостатки деятельности Революционного трибунала, по мнению Робеспьера, обусловлены тем, что сама организация трибунала связана с многими вредными для дела свободы «формальностями». Отсрочка принятия закона была бы наружу лишь врагам народа. Проект закона содержит положения, которые не могут не одобрить истинные друзья свободы, и каждый депутат Конвента в состоянии разобраться в этом. Закон строг, и это вызывается интересами Республики: строгость страшна лишь для заговорщиков, для врагов свободы и человечества» (стр. 223).

Призывая депутатов Конвента к обстоятельному обсуждению проекта закона, Робеспьер указывал, что проект «не более неясен или сложен, чем законы, представленные уже вам комитетом для спасения отечества» (стр. 223). Поэтому рекомендация отсрочки, делаемая некоторыми депутатами, может вызвать лишь недоумение и сомнение в их патриотизме. «Всякий, кто пылает любовью к отечеству, с восторгом одобрит средства, способные настичь и поразить его врагов» (стр. 223).

Критикуя выдвинутые некоторыми депутатами возражения против проекта закона в целом или в отношении отдельных его статей, Робеспьер остановился на том месте проекта, где говорится о «развращении общественных нравов» как одной из форм преступной деятельности контрреволюционеров. В этой связи он упоминал имена Эбера, Дантона и других. Он требовал «вырвать чересчур глубокие корни, пущенные развращенностью». Он разоблачал как контрреволюционные попытки посеять раздоры между депутатами Конвента. Робеспьер далее привел примеры коварных маневров контрреволюции, пытающейся унижить, опорочить Конвент и комитеты общественного спасения и общественной безопасности. Он призывал Конвент принять закон, обеспечить единство патриотических чувств депутатов, усилить борьбу с врагами революции и единодушно помочь Комитету общественного спасения в его деятельности: «Придите же к нам на помощь, не позволяйте чтобы нас разлучали с вами, ибо мы лишь часть вас самих, мы ничто без вас».

Мировоззрение Робеспьера складывалось в конце 70 — начале 80-х годов XVIII в., когда просветительная философия завоевывала себе первенствующее место в среде всех прогрессивных элементов общества.

В учении Руссо Робеспьера больше всего привлекали беспощадная критика деспотизма, политического неравенства людей, несправедливых различий в их экономическом положении, грубых нарушений тиранами общественного договора. Его воодушевляли развитые Руссо идеи народного суверенитета, обоснование права народа на вооруженное восстание против тиранов, на революционное завоевание народом его неотъемлемых прав, на создание демократической республики. Он разделял развитую Руссо идеализацию общественного и политического строя древней Греции и Рима и превозносил добродетели и доблести, якобы присущие людям, жившим в этих государствах. Следуя за Руссо, он критиковал официальную религию и присущий ей религиозный фанатизм, но, так же как и Руссо, стоя на позициях деизма, он признавал верховное существо и разделял взгляд о необходимости культа этого существа.

Мировоззрение Робеспьера складывалось постепенно. В дореволюционные годы, а также в первый период Французской буржуазной революции (в период деятельности Учредительного собрания) взгляды Робеспьера по основным политическим вопросам были довольно умеренными: он сторонник умеренных реформ, с сохранением королевской власти, он в области законности и правосудия также развивает весьма умеренные взгляды; он выступает решительным противником смертной казни, и в целом все его мировоззрение характеризуется весьма умеренным просветительством. Характерно отношение Робеспьера к известному антирабочему закону Ле-Шапелье, принятому Учредительным собранием 14 июня 1791 г., против принятия которого Робеспьер вообще не выступал, хотя в то же самое время постоянно выступал против многих казавшихся ему несправедливыми законов. Отношение Робеспьера к этому антирабочему закону не изменилось и в последующие годы. По этому поводу Маркс писал: «Весьма характерно для Робеспьера, что в то время, когда „конституционность“ в духе Собрания 1789 г. считалась преступлением,

достойным гильотины, все законы этого собрания *против* рабочих продолжали сохранять свою силу...»⁵⁴

Но, отмечая умеренный характер политических взглядов Робеспьера как в дореволюционное время, так и в первый период революции, нельзя, не потеряв исторической перспективы, умалить прогрессивное значение его высказываний: он вел неуклонную борьбу против феодального правопорядка, стремился содействовать проведению в высшей степени важных реформ в области государственного, уголовного и гражданского права. Необходимо далее отметить, что почти все выступления Робеспьера в Учредительном собрании не могли быть и действительно не были одобрены и приняты депутатами, что чаще всего он подвергался оскорбительно ироническим выпадам со стороны большинства депутатов Собрания. И тем не менее депутат от третьего сословия города Арраса, малоизвестный адвокат и автор нескольких также малоизвестных работ, Робеспьер мужественно, настойчиво, самоотверженно проводил в своих многочисленных выступлениях идеи законности, правосудия в духе просветительной философии, пытаясь применить ее в интересах обездоленных народных масс.

Постепенно его выступления в защиту равенства, справедливости, законности создают ему популярность, к его речам начинают прислушиваться все более широкие массы за пределами Учредительного собрания. Если первоначально в выступлениях Робеспьера преобладали черты кабинетного ученого, его речь была туманной и тяжеловесной, то в дальнейшем из него вырабатывается блестящий оратор-трибун, мастерски владеющий словом, умеющий воодушевлять массы, строго и отточенно формулировать свои мысли и революционные предложения.

Но времени свержения королевской власти у Робеспьера уже исчезают иллюзии в отношении возможности проведения необходимых реформ при наличии монархии, но сохраняются еще иллюзии о возможности проведения «чистой законности», обеспечения принципов справедливости и равенства после устранения монархии. В этот период Робеспьер все больше общается с народными массами в Якобинском клубе, в Парижской коммуне, и это общение с народом, несомненно, оказывает на него исключительно большое

---

⁵⁴ Письмо К. Маркса Ф. Энгельсу 30 января 1865 г. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1947, стр. 159.

влияние. Выступая уже позже в Конвенте по делу Людовика XVI, Робеспьер полным голосом развивает наиболее революционные стороны учения Руссо, требует безоговорочного осуждения Людовика и применения к нему смертной казни.

В наибольшей степени раскрывается талант Робеспьера как вождя народных масс, организатора революционного движения в период якобинской диктатуры 1793—1794 гг. Будучи всю свою жизнь горячим сторонником идей Руссо, он именно в этот период стремится претворить их в жизнь. Став общепризнанным вождем революционных масс, руководителем Комитета общественного спасения и Национального конвента, идеологом монтаньяров, он направляет и организует массы в борьбе с контрреволюцией, в борьбе с иноземными интервентами, в борьбе с экономическими трудностями, за упрочение новых начал морали и нравственности, в борьбе за установление Культа Верховного Существа. Он ведет жестокую фракционную борьбу как с правым течением среди якобинцев — с дантонистами, так и с левым — со сторонниками «бешеных» (Ру, Леклерк и другие), с Шометтом и Эбером, добивается их осуждения как врагов народа.

Во всей этой кипучей практической деятельности очень ярко проявляются сильные и слабые стороны просветительской философии, сильные и слабые стороны руссоизма.

Разделяя идеализацию Руссо древних эпох, Робеспьер постоянно обращается к образцам Рима и Афин для показа добродетели, справедливости, свободы. Характеризуя деятельность Робеспьера и других деятелей французской революции, Маркс писал, что они «осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного буржуазного общества... Но как только новая общественная формация сложилась, исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина — все эти Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь»⁵⁵.

Маркс и Энгельс в «Святом семействе» подробно характеризуют это стремление Робеспьера и его сторонников учить народные массы революционной добродетели на иде-

---

⁵⁵ К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 120.

ализированных примерах прошлого: «...по мысли Робеспьера и Сен-Жюста, *свобода, справедливость, добродетель* могут быть... только жизненными проявлениями „народа“ и только свойствами „народной сущности“ Робеспьер и Сен-Жюст весьма определенно говорят об *античных*, присущих только „народной сущности“, „свободе, справедливости, добродетели“ *Спартанцы, афиняне, римляне* в эпоху своего величия — „свободные, справедливые, добродетельные народы“ Робеспьер специально называет *афинян* и *спартанцев* „свободными народами“ Он беспрестанно воскрешает в памяти слушателей античную „народную сущность“ и приводит имена как ее героев, так и ее губителей: Ликурга, Демосфена, Мильтиада, Аристиды, Брута — и Катилины, Цезаря, Клодия, Пизона»⁵⁶.

Говоря об этой идеализации греческой и римской истории, столь характерной для высказываний Робеспьера, нельзя упускать из виду и того обстоятельства, что у него, как и у других вождей революционной демократии XVIII в., не было и еще не могло быть каких-либо других исторических примеров, которые могли бы быть использованы для показа социальных добродетелей. И если для показа пороков, присущих обществу, можно было приводить бесчисленное количество исторических и современных примеров, то для показа добродетелей можно было обращаться только к истории, и притом к истории идеализированной.

Разделяя взгляды Руссо на необходимость существования частной собственности при устранении «крайностей» экономического неравенства, Робеспьер в своей экономической программе был далек от идей утопического социализма, которых он не понимал и не разделял. Его экономическая программа, как, впрочем, и программы большинства его соратников, была крайне неопределенна и непоследовательна. С одной стороны, он боялся крайностей предложения «бешеных» о введении максимума цен на предметы потребления, был противником так называемого аграрного закона, противником предоставления рабочим права ассоциаций, всячески защищал мелкую собственность, отражая тем самым интересы мелкой буржуазии. С другой стороны, Робеспьер под влиянием требований широких народных масс становится сторонником и проводником декретов о максимуме, о наказании скупщиков и спеку-

---

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 135.

лянтов, о конфискации имущества врагов народа и распределении его между нуждающимися; он выступает с политически острыми речами, направленными против крупной буржуазии, против «чрезмерных богатств», роскоши и т. д.

Выступая против «бешеных», эбертистов и шометтистов, требуя и добиваясь осуждения их как врагов народа на смертную казнь, Робеспьер тем самым делал значительные уступки интересам буржуазии, интересам их представителей — бриссотинцев или дантонистов, которых он в свое время оценил как врагов народа и смерти которых он столь энергично добивался.

Разделяя основные воззрения Руссо по вопросам государственного правления — общественного договора, суверенитета народа, права народа на вооруженное восстание против тиранов, революционного пути создания демократической республики, — Робеспьер стремился последовательно проводить эти принципы в жизнь. При этом необходимо отметить одну в высшей степени важную черту политических взглядов Робеспьера, отмеченную Марксом: «Герои французской революции были весьма далеки от того, чтобы искать источник социальных недостатков в принципе государства, — они, наоборот, в социальных недостатках видели источник политических неурядиц. Так, Робеспьер в большой нищете и большом богатстве видел только препятствие для чистой демократии. Поэтому он хотел установить всеобщую спартанскую простоту жизни»⁵⁷.

В период якобинской диктатуры Робеспьер создает и последовательно развивает идею о *разграничении законности мирного времени и законности революционного времени — революционной законности*. В условиях мирного времени получает полное применение Конституция, конституционные нормы и права. Конституция 1793 г., по мнению Робеспьера, именно и рассчитана на условия мирного времени: она последовательно проводит все принципы демократического строя, демократического правления, демократической законности. Но когда против республики ведут ожесточенную борьбу соединенные силы европейских монархов; когда республика осаждается изнутри заговорами и восстаниями контрреволюционеров; когда в обществе еще

---

⁵⁷ К. Маркс. Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 441.

господствуют несправедливость, пороки, тиранические поползновения, — в этих конкретно-исторических условиях необходимы и неизбежны чрезвычайные меры, направленные на устрашение и подавление врагов революции. В этих условиях необходим, по мнению Робеспьера, революционный террор, осуществляемый самими революционными массами и представляющими их интересы карательными органами. Террористические законы «изобрела крайняя государственная необходимость при Робеспьере...»⁵⁸

Оценивая революционный террор, необходимость которого теоретически обосновал Робеспьер, Энгельс писал: «Что касается террора, то он был по существу *военной мерой* до тех пор, пока вообще имел смысл. Класс или фракционная группа класса, которая одна только могла обеспечить победу революции, путем террора не только удерживала власть (после подавления восстаний это было нетрудно), но и обеспечивала себе свободу действий, простор, возможность сосредоточить силы в решающем пункте, на границе. К концу 1793 г. границы были почти обеспечены. 1794 г. начался благоприятно, французские армии почти повсюду продвигались вперед. Коммуна с ее крайним направлением стала излишней; ее пропаганда революции сделалась помехой для Робеспьера, как и для Дантона, которые — каждый по-своему — хотели мира. В этом конфликте трех направлений победил Робеспьер, но *с тех пор террор сделался для него средством самосохранения* и тем самым стал абсурдом; 26 июня при Флёрюсе Журдан положил к ногам республики всю Бельгию, тем самым террор потерял под собой почву, 27 июля Робеспьер пал, и началась буржуазная оргия»⁵⁹.

Указывая, что в известный период революционный террор «достиг безумных размеров», Энгельс отмечал, что «он был необходим, чтобы помочь Робеспьеру при наличных внутренних условиях удержать власть в своих руках...»⁶⁰.

---

⁵⁸ К. Маркс. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 14.

⁵⁹ Ф. Энгельс. Письмо К. Каутскому 20 февраля 1889 г. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1947, стр. 409.

⁶⁰ Ф. Энгельс. Письмо В. Адлеру 4 декабря 1889 г. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 413.

Робеспьер несомненно переоценивал значение революционного террора; с другой стороны, *противопоставляя* революционный террор революционной законности, он способствовал тем извращениям и злоупотреблениям при применении его, которые дали основание упрекать якобинцев в излишних жестокостях.

Переоценка значения революционного террора в борьбе с врагами революции, в борьбе за создание и укрепление республики и ее социально-политических преобразований наиболее характерна для деятелей Французской буржуазной революции конца XVIII в. Она вытекала из присущей всем просветителям переоценки значения «мудрых законов», посредством принятия которых якобы вообще возможно при любых условиях добиться усовершенствования прав, общественных учреждений и отношений. Переоценивая роль «мудрого законодательства», якобинцы переоценивали и свое террористическое законодательство, полагая, что применение этого законодательства приведет не только к физическому уничтожению врагов революции, но и к устранению причин, порождающих их антинародную деятельность, их эксплуататорскую сущность.

Для революционной теории Робеспьера характерно противопоставление законности и целесообразности: законность нужна для мирного времени, а для революционного времени пригодна лишь целесообразность. Конституционные нормы правосудия, гарантии личности в уголовном процессе — все это, по мнению Робеспьера, предназначено для мирного времени. Но в условиях чрезвычайных, в условиях развивающейся революции конституционная законность должна отступить на задний план, уступая место революционному террору, основанному на чистой целесообразности и не связанному с твердо очерченными процессуальными правилами. Следует отметить, что в известный момент развития революционного террора Робеспьер, видимо, сам убедился в ошибочности такого противопоставления законности и целесообразности, конституционной законности и революционного террора, когда вплотную столкнулся с крайностями и эксцессами его практического применения и когда предпринял некоторые, правда недостаточные и довольно нерешительные, шаги к его ограничению.

Мы рассмотрели развитие мировоззрения Робеспьера в годы якобинской диктатуры по основным социально-поли-

тическим вопросам. Эта характеристика не была бы полной, если не упомянуть созданный им, и притом также на основе учения Руссо, культ Верховного Существа. Робеспьер отрицал и отбрасывал официальную религию. Он вместе с тем учитывал тот факт, что народ еще далеко не освободился от влияния официальной религии, что он не свободен от религиозного фанатизма. Народу, считал Робеспьер, нужен культ Верховного Существа. Будучи, как и Руссо, дейстом, Робеспьер резко отрицательно относился к атеизму, к атеистической пропаганде, считая ее выражением аристократической, антинародной пропаганды дискредитирующей революцию и республику. Поэтому в одной из своих речей, подвергая атеизм резкой критике, Робеспьер повторил крылатые слова Вольтера: «Если бы бога не было, его следовало бы выдумать». Однако культ Верховного Существа не был воспринят народными массами: он оказался в равной мере чуждым и атеистическим кругам интеллигенции, и религиозно настроенным в духе идей официальной церкви широким массам народа. Робеспьера постигла серьезная неудача в создании новой религии, путем которой он стремился воспитать в народе высоконравственные чувства справедливости, добра, равенства.

Робеспьер был одним из тех выдающихся якобинцев, которых В. И. Ленин называл «якобинцами с народом». Упомянув имя Робеспьера, В. И. Ленин писал: «Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам, которые имели всемирно-историческое право говорить от имени буржуазных „отечеств“, поднимавших десятки миллионов новых наций к цивилизованной жизни в борьбе с феодализмом»⁶¹.

Именно поэтому Маркс и Энгельс уделили большое внимание Робеспьеру, отдавая должное его роли в революционном движении французского народа конца XVIII в. и постоянно отмечая его неразрывную связь с сокровенными чаяниями и интересами самых широких слоев французской демократии того времени.

---

⁶¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 226

ВЛИЯНИЕ
ПРОСВЕТИТЕЛЬНО-ГУМАНИСТИЧЕСКИХ
И РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИДЕЙ
НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТЬ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789 — 1794 гг.

---

1. Вопросы законности и правосудия
в «Наказах» и Декларации прав
1789 года

I

Французская буржуазная революция 1789 г. была совершена широкими массами трудящихся, руководимыми в тех исторических условиях революционной буржуазией. «...Буржуазия, — указывал К. Маркс, — была тем классом, который действительно стоял во главе движения»¹. Между королевской властью, дворянством и церковью, с одной стороны, и третьим сословием — с другой произошла ожесточенная схватка, закончившаяся победой третьего сословия. Однако результатами этой победы воспользовалась лишь буржуазия.

Победа над феодальными классами означала коренной переворот в экономической, политической и общественной жизни Франции. Это была победа капиталистической собственности над собственностью феодальной, победа нового, более прогрессивного строя над реакционным строем, победа прогрессивной идеологии над идеологией реакционной.

Для периодизации развития уголовного законодательства французской революции 1789—1794 гг. большое значение имеет следующее указание Маркса: «В первой французской революции за господством *конституционалистов* следует господство *жирондистов*, за господством

---

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 41.

жирондистов следует господство *якобинцев*. Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия продвинула революцию настолько далеко, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, — эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии»².

Изучение развития уголовного законодательства показывает, что в нем находили очень яркое выражение эти изменения в господстве представителей трех течений. При этом необходимо иметь в виду, что *все течения* первоначально были в основном единодушны в оценке старого феодального уголовного права, задач его полного уничтожения и замены новым уголовным правом, стоящим на позициях защиты нового, т. е. буржуазного строя. Но уже на первом этапе развития революции крупная буржуазия, поддерживаемая некоторыми монархическими элементами, проводит ряд реакционных антинародных законов, вроде закона о мятежах или антирабочего закона Ле-Шапелье. Противниками этих законов оказываются лишь отдельные якобинцы, а основная масса депутатов законодательных органов поддерживает эти законы или не возражает против них.

Нетрудно заметить, что многие законы, принятые на втором этапе развития революции, когда господство перешло к жирондистам, очень ярко отражают половинчатую, соглашательскую позицию жирондистов (например, закон о прекращении всех процессов, связанных с революцией 1791 г., законы о свободе торговли и т. д.). Будучи вынужденными под напором революционных масс издавать новые законы, направленные против врагов революции, жирондисты всеми силами стремятся ослабить революционный эффект этих законов, тормозят проведение их в жизнь.

На третьем этапе революции широкое развитие получает якобинское уголовное законодательство — декреты о революционном трибунале, о революционном терроре, о спекулянтах и т. д. Принятая в июне 1793 г. новая Декларация прав и новая конституция сохраняют и развивают общедемократические принципы уголовного законодательства. Чрезвычайные обстоятельства, обусловленные внут-

---

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 141.

ренним и внешним положением, вызывают к жизни и чрезвычайное уголовное законодательство. Для данного периода характерна критика уголовного законодательства якобинцев и справа и слева. Если критика справа не представляла собой ничего нового, являясь одной из форм контрреволюционной деятельности врагов революции, то критика слева заключалась, во-первых, в требовании, усилить борьбу с контрреволюцией, и, во-вторых, в требовании направить эту борьбу на действительных, а не мнимых врагов.

Господство конституционалистов, таким образом, характеризовалось антифеодальным уголовным законодательством; господство жирондистов в этой области дало завершение антифеодального уголовного законодательства и развитие буржуазного уголовного законодательства в интересах крупной буржуазии; господство якобинцев дало образцы революционно-демократического уголовного законодательства.

II

Наказы избирателей в Генеральные штаты Франции 1789 г. явились первым воплощением в жизнь идей просветительной философии, первым и уже весьма ощутительным ударом по шатающемуся зданию французской монархии Людовика XVI. В числе важнейших вопросов наказы выдвигают вопросы законности, правосудия, коренной реформы уголовного законодательства. Наибольший интерес представляют уголовно-правовые требования третьего сословия. Трудящиеся, как неоднократно указывали классики марксизма, в тех исторических условиях еще не имели и не могли иметь самостоятельной ясно выраженной социально-политической и, тем более, юридической программы. Эту программу пыталась сформулировать революционная французская буржуазия, выступавшая тогда от имени всего угнетенного феодализмом человечества.

Наказы составлялись в процессе проведения выборов в Генеральные штаты. Эти выборы в 1789 г. отличались исключительной сложностью. Выборы депутатов от дворянства были прямыми, для духовенства — отчасти прямыми, отчасти многостепенными; выборы депутатов от третьего сословия повсеместно были многостепенными. Выборы 1789 г. производились после значительного перерыва (с 1614 г.). Они происходили в условиях большой активно-

сти сословий, в особенности третьего сословия. Избранные делегаты на общих собраниях составляли наказы, содержавшие развернутую социально-политическую программу. Следует отметить, что окончательно наказы формулировались по баляжам и сенешальствам и притом, как правило, раздельно для каждого сословия.

Характеризуя наказы третьего сословия, Ж. Жорес писал: «Я не знаю ничего более содержательного, солидного и обстоятельного, чем эти наказы третьего сословия, являющиеся как бы кульминационным пунктом, достигнутым французской литературой XVIII века, и, если можно так выразиться, величайшей национальной литературой. Они написаны изумительно ясным и выразительным языком: в них чувствуется как размеренная, изобилующая разными оттенками и выразительная манера Монтескье, так и сжатая язвительная и энергическая манера Жан-Жака в *общественном договоре*»³. Жорес далее отмечает, что «все наказы, как бы в доказательство того, что энергическое и смягчающее влияние философии XVIII века одолело старое варварство, требуют большой гуманности даже и в карательных законах, уничтожения пытки, вежливого отношения к обвиняемому. Они требуют, чтобы смертной казнью карались лишь весьма немногие преступления» (стр. 130).

Следует отметить, что и в наказах первого и второго сословий встречаются прогрессивные требования о реформе уголовного законодательства, процесса, судостройства.

Ряд наказов первого и второго сословий были направлены против тайных приказов об аресте и против государственных тюрем. Приведем несколько примеров⁴: «С давних пор раздаются жалобы против произвольной власти, которой всякие начальствующие лица пользуются тиранически и безнаказанно... Пусть король откроет дверь Бастилии и других государственных тюрем и допросит несчастных, запертых там; он, без сомнения, был бы поражен, узнав о таком громадном числе жертв несправедливости людей, злоупотребивших его авторитетом». «Нация не желает более подчиняться произвольной власти... В эти последние времена приказы об аресте увеличились до край-

³ Ж. Жорес. История великой французской революции, т. I. Госиздат, 1920, стр. 125—126.

⁴ Цит. по кн.: Э. Шампюан. Франция накануне революции по наказам 1789 года. СПб., 1906.

ности. Излишне повторять, сколько мучений доставили эти приказы; сколько раз — и при последнем министерстве чаще, чем когда-либо — они служили средством утешения мести и раздражения министров!

Никто, каково бы ни было его общественное положение, не гарантирован от их посягательств». «Справедливость и гуманность не позволяют терять ни минуты; лишний день заточения жертвы произвола становится преступлением общества, призванного оказывать защиту. Первым актом объединенной нации должно быть свидетельство уважения к свободе. Депутаты должны потребовать в Генеральных штатах образования комитета, которому будет поручено исследование тюрем, изъятых из юрисдикции судов. После этого исследования надо будет просить Его Величество разорвать цепи на несчастных, которых привели в эти ужасные места ложные показания, заговоры, созданные страстями и интригами или легкомыслием; после предварительного исследования, которое с несомненностью покажет, до чего может доходить злоупотребление этими приказами, называемыми *lettres de cachet*, да будет постановлено их полное уничтожение» (стр. 62—63).

Некоторые наказания привилегированных сословий отмечали и злоупотребления судей: «Уже издавна со всех сторон слышатся вполне основательные жалобы на злоупотребления, проникшие в судебную администрацию, злоупотребления, столь чудовищные, что вызывают опасения у каждого гражданина даже тогда, когда ему приходится отстаивать перед судом свои самые неоспоримые права» (стр. 106).

Но если наказания привилегированных сословий обращают основное внимание на несправедливость и незаконность тайных приказов об аресте, на жестокости, творившиеся в государственных тюрьмах, и лишь в общей форме говорят о гуманизации репрессии, то наказания третьего сословия идут гораздо дальше в критике феодальной несправедливости, неправосудия, беззакония. Приведем некоторые выдержки из наказов третьего сословия.

«Мы поистине крепостные, рабы сеньоров, истинные рабы, отягченные налогами, которые нам приходится уплачивать; феодализм — наш самый страшный бич; уничтожение его есть настоятельная необходимость; это всеобщий вопль всех приходов». «Быть может, удивятся, услышав от всех жителей прихода жалобу на то, что дичь

служит источником их разорения... Она не только уничтожает жатву, но превращает крестьян в своих рабов. Честный человек не может выходить на обработку своего поля, не рискуя какой-нибудь опасностью... Если он заметит дичь на своем поле и окажется достаточно смелым, чтобы прогнать ее, то он платится за это штрафом... Дичь имеет право опустошать хлебные поля, а их собственник не имеет никаких прав на нее, ни даже права жаловаться».

Обобщая многочисленные высказывания, содержащиеся в наказах третьего сословия по этому вопросу, французский буржуазный историк Э. Шампньон писал: «В то время, как сеньор со своими людьми и сворой собак скачет на конях по засеянным полям, среди хлебов и виноградуников, крестьянин не имеет права защищать свою ниву, владеть ружьем, собакой, кошкой; под страхом штрафа, тюремного заключения, а в случае рецидива — галер, поселянин должен был прогнать дичь, уничтожившую его жатву, а чтобы не тревожить ее, чтобы не разрушить какого-нибудь гнезда куропатки, он не мог пахать, полоть, косить в удобное для этого время. Во многих местностях он должен был насаживать среди своих полей кусты, которые служили убежищем для дичи.

Прибавьте к этому бесчисленные злоупотребления, безнаказанно совершаемые, под предлогом преступлений против права охоты, стражниками сеньоров, и вы получите почти полный перечень злоупотреблений, который будучи надлежащим образом разработан, составит, вместе с сеньориальными правами, лучший комментарий к режиму, тяготевшему над деревенским населением» (стр. 123, 131—134).

Э. Шампньон обобщил наказания, посвященные уголовно-правовым вопросам. Он пишет: «Несмотря на некоторые улучшения, уголовное право отличалось „делепой и дикой строгостью“. Уголовные законы, „созданные в эпоху невежества и варварства, гармонировали со свирепостью правов, господствовавших в то время“. С первого же момента обвиняемый уже „считался виновным“. Уголовный кодекс был не только неумолим к преступникам, но в нем заключалась „масса жестокостей по отношению к невинным“. Судебная процедура не гарантировала обвиняемым ни свободы, ни неприкосновенности защиты; им отказывали в советах, в точном разъяснении мотивов обвинения, им рас-

ставляли самые гнусные ловушки» (ст. 113—114). Эти и подобные им высказывания содержатся в наказах всех трех сословий. В наказах выдвигаются требования: «...пусть навсегда будут уничтожены мучительные казни»; «...всякие смертные казни, галеры или другие телесные и позорящие наказания за контрабанду должны быть уничтожены»; «... режим, который за жизнь кролика требует жизни человека, потому что вечные галеры равносильны смерти», должен быть изменен и т. д.

Во многих наказах было обращено особое внимание на необходимость установления равенства наказаний. В наказах отмечается несправедливость такого положения, когда «казнь крестьянина налагала печать позора на его сына, тогда как сын дворянина мог ссылаться на ...казнь своего отца... как на свидетельство, подтверждающее его дворянское происхождение». Наказы требуют, чтобы «смертная казнь, до сих пор применявшаяся только к дворянам, стала общим правилом во всех случаях, в которых закон предусматривает применение этой казни; чтобы это наказание, которое, по народным воззрениям, никогда не носило печати позора, помогло революции совершить то, что должна она совершить или, по крайней мере, что не шло с нею в разрез».

Интересные материалы об уголовно-правовых требованиях наказов содержатся в книге Селигмана⁵, который отмечает, что «в уголовно-правовой области имеется почти полная общность взглядов представителей баляжей. Привилегированные сословия согласны с третьим сословием. Движение, обусловленное философией XVIII века, было непреодолимо представлено счастливым усилиям Дюпати» (стр. 174).

Характеризуя уголовно-правовые требования наказов, Селигман пишет: «Суровость наказаний будет смягчена; предварительная пытка будет отменена; не присоединяет никакой пытки к лишению жизни, сохраняемой для жестоких преступлений... Наказания должны быть одинаковыми, независимо от звания осужденного. Осуждение не будет иметь последствием никакого бесчестия для семьи осужденного... Тюрмы будут улучшены; не будет более подземных тюрем» (стр. 176).

---

⁵ A. Seligman. La justice en France pendant la Révolution (1789—1792). P., 1901.

Уголовно-правовая программа приходящей к власти буржуазии получила свое яркое воплощение в Декларации прав человека и гражданина, принятой Учредительным собранием 26 августа 1789 г. В основе ее лежали идеи просветительной философии. Те статьи декларации, в которых сформулированы главные принципы нового уголовного права, нового правосудия и законности, отражали идеи Монтескье, Вольтера, отчасти Руссо. Таким образом, идеи французского Просвещения, первоначально нашедшие свое законодательное воплощение в декларации Америки, вернулись на свою родную почву.

Принятию Декларации 1789 г. предшествовали и активное обсуждение ряда проектов и острая дискуссия при по-статейном обсуждении окончательного проекта.

Избранная в середине июля 1789 г. Конституционная комиссия вскоре представила свои первые доклады по вопросу о проекте декларации прав. Начавшиеся 1 августа 1789 г. прения были посвящены вопросу о том, должна ли декларация открывать собой конституцию. После положительного решения этого вопроса на рассмотрение Учредительного собрания был представлен ряд проектов декларации. Каждый из этих проектов содержал вопросы, определявшие сущность и задачи правосудия, уголовного права, законности.

11 июля Лафайет внес на рассмотрение Учредительного собрания первый проект декларации. По интересующему нас кругу вопросов этот проект содержал лишь два общих положения.

1. Законы должны быть ясными, точными и одинаковыми для всех граждан.

2. Люди обязаны подчиняться только тем законам, которые были приняты ими самими или же их представителями и которые были своевременно обнародованы и закононо применены ⁶.

Второй проект был внесен Сиейсом 21 июля от имени Конституционного комитета. В этом проекте уже содержался ряд статей, в которых вопросы уголовного права и процесса получили более отчетливое выражение. Так, в ст. 18—23 этого проекта мы находим следующие положе-

⁶ «Archives parlementaires», t. 8, p. 222.

ния: 1) так как закон одинаково обязывает граждан, то и карать виновных он также должен одинаково; 2) каждый гражданин, привлеченный или арестованный именем закона, должен немедленно повиноваться; он становится виновным, если сопротивляется; 3) никто не может быть привлечен к суду, арестован и заключен в тюрьму, иначе, как в предусмотренных законом случаях и с соблюдением определенных законом форм; 4) всякий произвольный или незаконный приказ недействителен; кто его просил или подписал или вынес или исполнил или заставил его исполнить, является виновным и должен быть наказан; 5) граждане, против которых подобные приказы были вынесены, имеют право отразить силу силой; 6) каждый гражданин имеет право на самое быстрое правосудие как для себя, так и для своего имущества⁷.

В заседании Учредительного собрания 12 августа был заслушан проект декларации, составленный Шестым бюро Конституционного комитета. В этом проекте интересующим нас вопросам были уделены лишь две статьи. В ст. 14 указывалось, что никто из граждан не может быть подвергнут обвинению или стеснению в пользовании своей собственностью или же стеснению в свободе иначе, как в силу закона, с соблюдением предписанных им форм и в предусмотренных законом случаях. Ст. 15 устанавливала, что в тех случаях, когда закон карает, наказание всегда должно быть соразмерно преступлению, без всякого различия ранга, положения и богатства⁸.

Проект Шестого бюро был положен в основу для окончательного обсуждения и утверждения с теми или иными поправками и изменениями. Учредительное собрание избрало Комитет пяти, который представил окончательный вариант проекта, доложенный Собранию 17 августа Мирабо. В проекте, оглашенном Мирабо, содержались следующие положения об уголовном праве и процессе. Свобода гражданина состоит в том, что он подчиняется только закону, повинуется только властям, установленным законом, занимается любой деятельностью, не запрещенной законом, без страха быть наказанным и сопротивляться угнетению. Обладая личной свободой, гражданин может быть обвинен лишь судами, установленными законом. Он может

---

⁷ «Archives parlementaires», t. 8, p. 261.

⁸ «Archives parlementaires», t. 8, p. 432.

быть задержан, заключен в тюрьму лишь в случаях, когда это необходимо для обеспечения исправления или наказания преступления и в соответствии с предписанными законом формами. Он должен быть преследуем публично, публично подвергнут очной ставке и публично судим. На него можно наложить лишь те наказания, которые установлены законом до его обвинения. Эти наказания должны быть всегда соразмерны преступлениям и равны для всех граждан⁹.

Принятая Учредительным собранием Декларация прав человека и гражданина отразила наиболее существенные принципы новой в тех конкретно-исторических условиях прогрессивной буржуазной законности. На смену обветшалому феодальному уголовному праву и процессу пришло буржуазное уголовное право. Если попытаться сформулировать основные положения декларации, относящиеся к уголовному праву и процессу, то это можно сделать следующим образом.

Закон запрещает только вредные для общества действия; закон равен для всех; никто не может быть обвинен, задержан или заключен иначе, как в случае и порядке, установленном законом; закон устанавливает лишь строго и очевидно необходимые наказания; никто не может быть наказан иначе, как по закону, введенному в действие до совершения преступления; всякий человек считается невиновным, пока его не объявят виновным; необоснованная строгость при аресте, вызванном обеспечением личности, сурово пресекается законом; никто не должен преследоваться за свои мнения, если они не нарушают публичного порядка; свобода мнений и их сообщения ограничиваются лишь случаями злоупотребления этой свободой; никто не может быть лишен собственности, как священного и неприкосновенного права, кроме случаев законно установленной общественной необходимости и при условии возмещения убытков.

В декларации очень ярко были сформулированы основные идеи о законности и правосудии, определены коренные принципы уголовного права и процесса, соответствующие воззрениям просветителей и гуманистов. Для конституционалистов и жирондистов декларация представляла собой «программу-максимум» реформ в области законно-

---

⁹ «Archives parlementaires», t. 8, p. 439.

сти и правосудия. И не удивительно, что жирондистские вожди и идеологи так ожесточенно сопротивлялись проведению дальнейшей революционной перестройки законности и правосудия применительно к условиям и событиям, происходившим во Франции в 1792—1793 и 1793—1794 гг.

Но в условиях 1789 г. декларация и ее программа реформ в области законности и правосудия имела большое прогрессивное значение. На ее основе уничтожались старые, феодальные законы, старые суды и возводилось здание буржуазной законности и правосудия. В этой связи представляет большой интерес та общая реформа уголовного законодательства, которая была осуществлена Учредительным собранием под эгидой конституционалистов в 1789—1791 гг. и завершена Законодательным собранием при господстве жирондистов.

2. Общая реформа уголовного законодательства в 1789 — 1791 гг.

I

Вопросы судебной реформы, как и реформы всего уголовного законодательства находились в центре внимания Национального собрания¹⁰. В течение двух лет Национальное собрание отменило все старое законодательство и последовательно проводило в жизнь принципы нового буржуазного законодательства. Подробное рассмотрение этого законодательства выходит за рамки настоящей работы. Мы остановимся здесь лишь на уголовном кодексе 1791 г.

В мае — сентябре 1791 года Учредительное собрание рассмотрело и утвердило проект уголовного кодекса. Это было крупнейшим событием в истории буржуазного правосудия. Проект уголовного кодекса, составленный Конституционным комитетом и Комитетом уголовного законодательства, был доложен Учредительному собранию

---

¹⁰ E. Seligman. La justice en France pendant la révolution (1789—1792); A. Esmein. Histoire de la procédure criminelle en France. P., 1882; М. А. Чельцов-Бибуртов. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах, т. I. Госюриздат, 1957, разд. IV, гл. III; Н. Полянский. Судебное законодательство Конвента. «Советское государство и право», 1940, № 1.

Мишелем Лепелетье де Сен-Фаржо 22 и 23 мая 1791 г. Текст доклада был приложен к протоколу Учредительного собрания 23 мая¹¹. Мы использовали материалы, содержащиеся в т. 26, 27 и 31 «Парламентских архивов».

В уголовно-правовой литературе, в том числе даже и во французской, уделено незначительное внимание и самому кодексу 1791 г., и предшествовавшему ему проекту, и прениям вокруг законопроекта¹². В советской уголовно-правовой литературе очерк истории этого уголовного кодекса был дан профессором М. М. Исаевым в предисловии к русскому переводу Французского уголовного кодекса 1810 г. (Юриздат, 1947).

Доклад Лепелетье, несомненно, представляет большой интерес, так как это была первая по сути дела *практическая* попытка воплотить идеи просветительной философии в конкретном законопроекте, рассчитанном не на какого-либо «просвещенного монарха» или «мудрого законодателя» вообще, а на немедленное рассмотрение и принятие Учредительным собранием Франции.

Лепелетье (1760—1793) — выходец из аристократической семьи, обладавшей значительными средствами. Он был избран в Генеральные штаты как представитель Парижского бальяжа, при этом он отказался от всех своих аристократических званий. В январе 1791 г. Лепелетье был избран членом комиссии по составлению проекта уголовного кодекса. В мае 1791 г. он доложил проект Учредительному собранию, а также принял активнейшее участие в обсуждении этого проекта. Позже он подготовил обширный проект всеобщего, обязательного и бесплатного образования.

Вступив в Якобинский клуб, Лепелетье все более проникнулся идеями революционной демократии. Он сблизился с Робеспьером и Сен-Жюстом. Будучи избран членом Национального конвента, Лепелетье при голосовании приговора королю безоговорочно высказался за применение смертной казни. В тот же вечер Лепелетье был злодейски убит по-

---

¹¹ Этот доклад помещен также в Сочинениях Лепелетье, изданных в Брюсселе в 1826 г. его братом Феликсом, участником заговора Бабефа.

¹² В 1957 г. в «Revue de science criminelle et de droit pénal comparé» (№ 3, 619—626) помещена статья польского профессора Плавского «Лепелетье де Сен-Фаржо — автор проекта Уголовного кодекса 1791 г.».

досланным монархистами фанатиком. Похороны Лепелетье превратились в большую политическую демонстрацию широких народных масс. Позже Робеспьер доложил в Конвенте проект Лепелетье о всеобщем образовании и с исключительной теплотой отозвался об этом пламенном патриоте-революционере.

К сожалению, не сохранилось никаких следов о работе Лепелетье по составлению проекта Уголовного кодекса, как не сохранилось и материалов о деятельности самой комиссии по составлению проекта. Однако имеются все основания предполагать, что проект этот был полностью написан Лепелетье¹³.

Представляется необходимым подробно рассмотреть доклад Лепелетье о проекте уголовного кодекса.

Лепелетье начал доклад с того, что назвал тяжелой обязанностью законодателей принятие уголовного кодекса. Для этого им придется спуститься «в мрачные области преступлений и наказаний», где они будут вынуждены созерцать самое прискорбное зрелище — «зрелище виновного и страдающего человека».

В сжатой форме очень ярко он охарактеризовал состояние правосудия и уголовного законодательства, своими корнями уходящего в прошлые века. «Именно здесь, в бесформенном хаосе наших старинных установлений, вы найдете почти на каждом шагу тяжко оскорбленными мораль и человечность; невинные действия или легкие проступки возводились в тяжчайшие посягательства; подозрение о совершенном преступлении нередко наказывалось как действительное преступление: ужасные пытки, придуманные в века варварства, сохранились и в век просвещения; не было никакого соответствия между преступлениями и наказаниями; не было никакой соразмерности между наказаниями различных преступлений; злодей самым законом побуждался к совершению преступления последней степени, потому что он везде находил последнюю степень наказания; одним словом, бессвязные определения, бессистемные, неполные, созданные в различные эпохи, чаще всего в силу преходящих обстоятельств, никогда не соединявшиеся в целостном законе, но разбросанные в обширных сборниках, то забывались, то снова

---

¹³ Биография Лепелетье была написана его братом Феликсом и приложена к Сочинениям Лепелетье.

вводились в действие и их свирепая бессмысленность проявлялась в других злоупотреблениях — в толковании законов и в произвольном их изменении самими судьями».

Лепелетье говорил о том, что в течение длительного времени гуманная философия разоблачала «эти губительные заблуждения нашего уголовного законодательства». Однако старое правительство оставалось безучастным к голосу гуманности. Обращаясь к депутатам, Лепелетье говорил о необходимости быстро утвердить новое уголовное законодательство, поскольку уже утверждено новое процессуальное законодательство, и суд присяжных не может начать функционировать, не имея нового уголовного кодекса.

Характеризуя принципы гуманизма в области уголовного законодательства, Лепелетье призывал законодателей придерживаться их при рассмотрении проекта уголовного кодекса: «Пусть они будут справедливо строгими по отношению к злодеям, но пусть они никогда не забывают, что и осужденные являются людьми... Если они смогли бы избавить самого виновного от бесполезного для наказания и для примера страдания; если точной соразмерностью между преступлениями и наказаниями они смогут противопоставить преступлению действительную узду, то они будут хорошо вознаграждены за неблагодарную и трудную работу...»

Составители проекта включили в него только тот круг преступных деяний, которые являлись, говоря современным языком, наиболее общественно опасными. В этой связи Лепелетье провел разграничение между четырьмя видами полиции: муниципальной, исправительной, конституционной и безопасности. Полиция безопасности, указывал Лепелетье, пресекает тяжкие преступления, рассматриваемые судом присяжных: «Это те преступления, которые заслуживают мучительных или бесчестящих наказаний; эти преступления отличаются от всех других своей тяжестью, торжественностью судопроизводства, осуществляемого против обвиняемых, природой и тяжестью наказаний, выносимых против виновных». К уголовному кодексу, по мысли составителей проекта, должна относиться лишь эта категория преступных деяний.

Указывая, что уголовный кодекс состоит из двух частей, первую из которых составляют описания наказаний, а вторую — перечень преступлений и положенных за них

наказаний, Лепелетье посвятил свой доклад преимущественно общим принципам уголовного права, т. е. первой части. По поводу же второй (особенной) части Лепелетье ограничился лишь несколькими краткими, но очень важными соображениями, которые мы здесь приводим. Лепелетье прежде всего указал на то, что из проекта исключено множество «воображаемых преступлений»: «Вы не найдете более тех огромных преступлений ереси, оскорбления божеского величия, колдовства и магии, преследование которых поистине кощунственно столь долго оскорбляло божество, и для которых во имя неба столько крови пятнало землю». Далее из проекта были исключены налоговые преступления: «Мы полностью исключили нарушения фискальных законов, достаточно охраняемых установленными регламентами, если налог разумно организован, справедливо разложен, умеренно собирается и уплачивается народом, который свободно его утвердил, словом, когда он полезно употреблен. Следовательно, мы устранили из нашего кодекса все кодексы откупа, позорный памятник угнетения и деспотизма, гнусный тариф чести, свободы и жизни людей, который усиливал привилегии ценой уголовных законов и улучшал управление по сбору налогов для нескольких жалованных грамот галерами или смертью». Из проекта уголовного кодекса были также исключены преступления «охоты, вод и лесов» и «преступления книготорговли».

По этому поводу Лепелетье говорил: «Мы скажем вам о кодексах егерей, охоты, вод и лесов, книготорговли, одни из которых защищали убежища привилегированных животных с большей суровостью и неукоснительностью, чем полиция осуществляла поддержание безопасности в жилищах людей; другие из которых осуждали издателя только за то, что он уклонялся от власти королевского цензора или небрежно относился к получению привилегии, и у него конфисковывали *тело и имущество* не столько за издание плохой книги, сколько за издание хорошей книги без разрешения».

Трудно было бы переоценить огромное принципиальное и практическое значение предложений Лепелетье относительно исключения из уголовного кодекса большой группы преступлений. Это был серьезный удар по феодальному праву, феодальной юстиции, по феодальному правосознанию. Из уголовного кодекса полностью исключались рели-

гиозные преступления, и тем самым осуществлялась одна из основных идей просветительной философии, провозглашенных Монтескье, Вольтером, Гельвецием, Дидро, Гольбахом и другими выдающимися мыслителями французского Просвещения. Понятие государственного преступления в его феодальном понимании и перечень государственных преступлений подвергались резкому сужению: из перечня исключались преступления налоговые, цензурные и многочисленные преступления, вытекавшие из сеньориальных и королевских привилегий. Тем самым осуществлялась и другая очень важная идея, провозглашенная просветительной философией.

Свои соображения по этим вопросам Лепелетье заканчивал словами, от которых веет духом Монтескье, Вольтера и других просветителей: «Да, мы упоминаем еще сегодня эти законы, но только для того, чтобы разоблачать их перед лицом разума и морали; для того, чтобы вырвать их из кодекса свободного и просвещенного народа; для того, чтобы возратить истинным преступлениям весь ужас, который они должны внушать, не смешивая их с актами, которые никогда не должны носить этого имени; для того, наконец, чтобы заменить эти ложные преступления, созданные суеверием, феодализмом, фискальной системой и деспотизмом, действительными преступлениями, которые оскорбляют нацию, и огромными должностными преступлениями публичных лиц, посягающих на уважение к Конституции и к свободе».

В докладе Лепелетье центральное место занимает развиваемая им теория наказания. Он ставит задачу исследовать общие принципы, на которых должно покоиться наказание и, опираясь на эти принципы, решить, какие из действующих наказаний должны быть отменены и какие новые виды наказаний следует ввести в уголовный кодекс.

Первый принцип, который формулирует Лепелетье, определен им следующим образом: *«Пусть каждый уголовный закон будет гуманным»*.

Лепелетье отмечает, что этот принцип долгое время не применялся законодателями. Между тем, «чем более закон бесчеловечен, тем менее он является эффективным». У тех народов, у которых существуют самые суровые наказания, наиболее распространена преступность и притом в самых жестоких формах. Стремясь усилить борьбу с преступностью, законодатели еще более увеличивают жестокость

наказания, а это в свою очередь приводит к ожесточению прав, к дальнейшему росту преступности. Этой системе жестокой репрессии Лепелетье противопоставляет мягкость, гуманность наказания.

Второй принцип наказания, по мнению Лепелетье, состоит в том, что *«наказания, хотя и умеренные, могут быть действительными, если они справедливо соразмерены»*.

Лепелетье указывает, что эффективность наказания состоит не в его жестокости, а в его соразмерности с преступлением. Он различает два рода преступлений: преступления «расчета и размышления», являющиеся наиболее распространенными, и преступления «бурной страсти», встречающиеся значительно реже. Установив соразмерность наказаний, определив шкалу наказаний, законодатель сумеет достигнуть значительных результатов в предупреждении преступлений. Старое законодательство, которое одинаково карало и вора на большой дороге, и слугу, укравшего что-либо у своего хозяина, и взломщика, проникавшего в чужое жилище, и убийцу, по существу подстрекало каждого преступника совершить более тяжкое преступление, так как наказание было одинаковым.

Третий принцип наказания состоит в том, чтобы *«установить точную связь между природой преступления и природой наказания»*. Лепелетье пояснил эту мысль указанием на то, что необходимо наказывать физической болью за жестокое преступление, тяжелой работой — за преступление, обусловленное ленью, бесчестием — за преступление, внушенное «гнусной и опустившейся душой».

Четвертый принцип наказания — *«равенство наказаний»*. Лепелетье считал, что этот принцип уже нашел свое отражение в Декларации прав человека и гражданина, но он настолько важен, что его следует повторить и в Уголовном кодексе. «Это будет великим и благородным примером, когда смогут увидеть вероломного министра смешанным сбродом преступников, наказанным на длительный срок, так как его посягательство очень оскорбило родину; и один из этих некогда неприкосновенных лиц будет на законном основании обременен теми же кандалами, которыми они произвольно угнетали невинность».

Пятый принцип наказания — *«устанавливать для каждого преступления точное и определенное наказание»*. Старые законы карали преступления произвольными наказаниями — «смотря по обстоятельствам», «смотря по

требованиям случая» и т. д. Такая система наказания была удобна для тогдашних законодателей и судей. Но с введением суда присяжных необходимо установить совершенно иную систему, при которой была бы исключена всякая произвольность, и каждый вид преступления карался бы точно определенным в законе видом и размером наказания.

Шестой принцип наказания — *его длительность*.

Лепелетье отметил значение длительного исполнения наказания: «Продолжающееся проявление тяжких лишений, сохраняя в человечестве страх мучений, производит гораздо большее впечатление на виновного, чем одно скоротечное мгновение боли, очень часто презираемое храбростью и философией».

Седьмой принцип наказания — *его публичность*.

В силу того же самого соображения наглядности наказания оно должно быть публичным: «Присутствие народа должно вызывать позор на лицо виновного, и его присутствие в тяжелом состоянии, в котором он искупает свое преступление, должно приносить душе народа полезный урок». Когда наказание объявляют в приговоре суда, то этим достигают сравнительно небольшого эффекта. Но когда народ постоянно наблюдает за исполнением наказания, то благодаря этому удается достигнуть значительных результатов в предупреждении преступлений.

Наконец, восьмой принцип наказания состоит в том, чтобы оно налагалось *вблизи места совершения преступления*. Это должно быть сделано для осуществления той же цели — наглядности и примерности наказания.

Цель наказания, основанного на перечисленных принципах, — обуздание преступлений. Однако, по мнению Лепелетье, это не может исчерпать цели наказания. Нужно смело идти дальше и разработать такую систему наказания, при которой удалось бы достигнуть двойного эффекта: *«наказывать виновного и исправлять его»*. Исправление преступника, по мнению Лепелетье, может быть достигнуто путем приучения осужденного к труду и такой организации исполнения наказания, которая стимулировала бы исправление преступника.

Эти важные положения Лепелетье подробно обосновал следующими соображениями. Наиболее типичной причиной преступлений является «нужда, дитя праздности». Выдвигая это положение, Лепелетье оказывался далеко не в первых рядах просветителей, которые объясняли нужду

не праздностью или ленью, а гораздо более реальными социальными причинами.

Для того чтобы труд явился основой исправления преступника, нужно организовать труд таким образом, чтобы он не был мучением, а наоборот, чтобы он всячески стимулировал осужденного. Этим стимулом может стать, во-первых, смягчение наказания и, во-вторых, улучшение материального положения осужденного в силу его участия в труде. Поэтому Лепелетье выдвинул следующее очень важное положение: *наказание в процессе его исполнения должно постепенно смягчать свою строгость, создавая у осужденного надежду на возможное освобождение от наказания.*

Заканчивая эту часть своего доклада, Лепелетье резюмировал: «Нужно, чтобы наказания были гуманными, справедливо соразмеренными, в точном соответствии с природой преступления, равными для всех граждан, избавленными от всякой произвольности со стороны суда; чтобы они не могли быть бесчеловечными и после вынесения приговора благодаря способам их исполнения; чтобы они были репрессивными благодаря длительности лишений и ограничений, их публичности и близости их исполнения от места, где было совершено преступление; чтобы они исправляли моральные чувства осужденного путем приучения его к труду; чтобы они смягчались по мере приближения к их окончанию; наконец, чтобы они были срочными».

Изложив общие принципы новой теории наказания, Лепелетье рассмотрел действующую систему наказаний с точки зрения ее соответствия этим принципам и подверг ее последовательной критике.

Не предвещая вопроса о сохранении смертной казни, Лепелетье заявил, что он уверен в том, что квалифицированная смертная казнь будет изгнана из уголовного кодекса, ибо сожжение, колесование и тому подобные наиболее варварские способы приведения в исполнение приговора о смертной казни противоречат идеям гуманности и просвещения.

Другой вид наказания, на котором останавливался Лепелетье, — это галеры. Но, по мнению Лепелетье, галеры не являются целесообразным наказанием: они отбываются вне места совершения преступления и потому не обладают наглядностью примера наказания; кроме того, на галерах крайне велики злоупотребления администрации, от

которой зависит произвольно усилить или ослабить тяжесть наказания.

Далее Лепелетье оценил два, связанных с галерами, наказания: удары кнутом и клеймение. Он сразу категорически высказался против кнута: подобное телесное наказание совершенно нецелесообразно и противоречит принципам справедливости и гуманизма. Оно унижает человека, наносящего удары, и несколько не увеличивает страха наказания у человека, которому причиняется. Сложнее, по мнению Лепелетье, обстоит дело с клеймением. С одной стороны, оно полезно, так как легко позволяет обнаружить человека, уже однажды наказанного. Но с другой стороны, оно противоречит общим принципам наказания: оно является вечным, а не срочным. У общества есть другой способ обнаружения ранее осужденных людей — учет их в каждом муниципалитете. Правильно налаженный учет населения позволит обнаружить любого человека, ранее уже судившегося.

Лепелетье категорически отверг применение к осужденным калечащих наказаний — по тем же соображениям, по которым он отверг удары кнутом и клеймение.

Остановливаясь на ссылке как виде наказания, Лепелетье назвал ее нелепым и пагубным обменом преступниками между провинциями.

Рассмотрев, таким образом, все виды мучительных наказаний, известных французскому законодательству ко времени рассмотрения проекта уголовного кодекса: смертную казнь, галеры, наказание кнутом, клеймение, калечащие наказания, ссылку, — Лепелетье нашел их противоречащими новым принципам наказания.

Столь же отрицательно отнесся Лепелетье к бесчестящим наказаниям, известным французскому законодательству. Он упоминает плетенку, ошейник, позорный столб. Большая часть этих наказаний должна быть вообще отброшена, а некоторые из них — коренным образом изменены.

Большое внимание в докладе уделено вопросу о том, следует ли сохранить в уголовном кодексе смертную казнь? Нужно отметить, что в представленном от имени комитетов проекте смертная казнь отсутствовала в общей части, но предусматривалась в одной статье особенной части. Эта статья устанавливала наказание изменнику-французу. Каждый гражданин имел право его уничтожить; в случае задержания изменника он должен быть повешен. В приме-

чании к разделу второму первой части проекта, посвященному заключению в темнице, было указано, что это наказание предназначено для замены смертной казни в отношении таких преступлений, как оскорбление нации, предумышленное убийство, отравление и поджог, при том условии, если Учредительное собрание пожелает сохранить смертную казнь.

«Составляет ли смертная казнь один из элементов нашего уголовного законодательства?» — поставил вопрос Лепелетье. Вообще говоря, общество имеет право казнить преступника. Это право основано на том, что общество, как и отдельный человек, может обеспечить свою сохранность, убивая того, кто ему угрожает: «Каждый может на законном основании убить того, кто нападает на его жизнь». Общество уничтожает внешнего врага в случае войны; оно уничтожает и преступника, являющегося внутренним врагом, если у него нет иного средства для пресечения преступления». Если смертная казнь является неизбежной необходимостью для того, чтобы ею останавливать развитие преступления, то она должна быть установлена». Решив, таким образом, положительно вопрос о праве общества казнить наиболее опасных преступников, Лепелетье тут же оговорился, что этого еще недостаточно для того, чтобы обосновать необходимость сохранения смертной казни в уголовном кодексе. Нужно доказать, что у общества нет иной, кроме смертной казни, возможности для пресечения наиболее тяжких преступлений. И далее Лепелетье привел доказательства нецелесообразности сохранения смертной казни.

Смертная казнь, осуществляемая обществом против преступника, посягающего на него, — частный случай применения института необходимой обороны. Но подобно тому, как частное лицо, убивая нападающего на него преступника, действует правомерно только тогда, когда у него нет другого способа спасти свою жизнь, так и «общество может законно осуществить право жизни и смерти лишь в том случае, если доказана невозможность противопоставить преступлению другое наказание, достаточное для его пресечения».

Лепелетье отметил, что «весь мир» единодушен в том, что должны быть отменены во всяком случае квалифицированные виды смертной казни, и что если ее и следует сохранить, то, во-первых, как простую смертную казнь без

мучений и, во-вторых, лишь в отношении таких преступлений, как предумышленное убийство, отравление, поджог и оскорбление нации в первой степени. Такое ограничение смертной казни, являющееся общепризнанным, показывает, что общественное мнение согласно с тем, что смертная казнь «причиняет большое зло для общественных нравов и не имеет никакого эффекта для пресечения преступлений. Она является жестоким средством, которое, не исцеляя болезни, ухудшает и ослабляет органы политического тела».

Однако и простая смертная казнь не обладает необходимыми признаками репрессивности. Преступники, в особенности те закоренелые преступники, для наказания которых предполагают сохранить смертную казнь, меньше всего опасаются применения к ним этого наказания. Далее Лепелетье отметил, что «уже доказана на основе продолжительного опыта бесплодность и бесполезность этого наказания». Он привел примеры из истории Рима, Тоскании, Франции, Англии, подкрепляющие этот взгляд. Он привел и такой аргумент, как неэффективность сохранения смертной казни именно во Франции, где ранее она была чрезмерно распространена в наиболее квалифицированных видах и где сохранение ее в простой форме, лишенной признаков мучительства, будет воспринято в «уме народа» как необоснованное смягчение наказания: народ увидит, что теперь к отцеубийце, отравителю и поджигателю применяется такое же наказание, которое раньше применялось к нечестному слуге, укравшему у хозяина 5 су.

Смертная казнь безнравственна еще и потому, что ее исполнение собирает огромную толпу любопытствующих людей, которые меньше всего думают о карающей руке закона и больше всего обуреваемы низменными чувствами жестокого любопытства. «Часто само преступление, для которого воздвигнут эшафот, находит подражателей в тот момент, когда осужденный подвергается наказанию; не раз воровали в общественном месте, среди толпы, скопившейся для того, чтобы видеть, как вешают вора».

Смертная казнь — это такое наказание, которое в случае судебной ошибки приводит к непоправимой и безнравственной гибели невинности.

Общий вывод, который сделал Лепелетье из подробного анализа аргументов против сохранения смертной казни, таков: «Результат, который производит смертная казнь,

безнравствен во всех отношениях. То она питает чувство жестокости, и мы изложили эту истину; то из жалости это наказание приходит к результату, противоположному его цели. Это великое несчастье, когда вид казни подчиняет память о преступлении интересу, который возбуждает осужденный! А такой результат всегда наступает после смертной казни. Для того, чтобы общественное негодование умолкло, нужно лишь какое-либо внешнее обстоятельство — выражение раскаяния, великий покой, твердое мужество в последнее мгновение, и народ жалеет на эшафоте того, чьей головы он требовал до суда с громкими воплями».

Придя к окончательному выводу о целесообразности сохранения смертной казни, Лепелетье предложил заменить ее заключением в темнице. Он подробно охарактеризовал этот вид наказания и тот порядок его применения, который должен обеспечить в наибольшей степени эффективность этого наказания. В каждом департаменте должно быть создано место заключения, в котором осужденные содержатся в темнице. Таким образом, наказание темницей всегда будет осуществляться вблизи места совершения преступления, и это явится наглядным примером для всех.

До заключения в темнице осужденный в течение трех дней будет выставлен для всеобщего обозрения на общественной площади, на эшафоте, будучи привязан к столбу и отягощенный теми цепями, которые он будет носить во время своего заключения. Над его головой будет помещена табличка, на которой будет указано его имя, совершенное им преступление и вынесенный ему приговор.

Само заключение в темнице будет совершенно лишено признаков телесных наказаний — ударов и пыток. Суть этой меры наказания — лишить виновного осуществления его природных желаний: свободы, света, общения с себе подобными. Осужденный будет находиться в одиночном заключении; он будет носить оковы; его питание будет состоять в хлебе и воде; его постелью будет служить солома. Описывая режим приговоренного к темнице, Лепелетье замечает, что «состояние, которое мы только что описали, явилось бы худшим, чем наиболее жестокая смерть». Но так как всякое наказание должно отвечать принципам гуманности, то представляется необходимым внести «немного утешения в эту темницу скорби».

Заключение в темнице является не бессрочным, а временным на срок не менее 12 и не более 24 лет.

В процессе отбытия наказания заключенному могут быть предоставлены известные льготы: возможность трудиться два-три дня в неделю; возможность улучшать свое питание за счет заработка, который даст ему работа; снятие оков на время работы; вывод на свет. Один раз в месяц заключенный в темнице будет демонстрироваться народу: «Народ сможет видеть осужденного обремененным оковами в глубине его скорбного убежища, и он прочтет начертанные крупными буквами наверху двери темницы имя виновного, его преступление и приговор».

Описав столь подробно заключение в темнице как вид наказания, служащего заменой смертной казни для осужденных за тяжчайшие преступления, Лепелетье провел сопоставление смертной казни и заключения в темнице.

«Одно из них мало репрессивно в результате различных причин, его непродолжительности, зловещей философии виновных, твердости души преступников, для которых оно предназначено, очевидности его недостатков..., другое из них благодаря трудностям испытаний, долговременности, благодаря соединению наиболее мучительных лишений, продолжающихся в течение длительной части жизни виновного, поразит наиболее эффективно и постоянно».

«Одно из них ожесточает общественные нравы; оно приучает толпу к зрелищу крови. Другое внушает, благодаря примеру закона, наибольшее уважение к жизни людей».

«Одно из них наказывает, утрачивая в государстве одного из его членов. Другое равным образом подавляет преступление, сохраняя личность виновного».

«Одно из них создает непоправимые ошибки правосудия; другое сохраняет невинности все ее права с того момента, когда она установлена».

Заключая свои соображения по поводу смертной казни, Лепелетье привел еще одно соображение, проиллюстрировав его ярким примером: «Смертная казнь представляет толпе лишь зрелище на один момент. То же наказание, которое мы вам предлагаем утвердить, продолжает и укрепляет просвещение; толпу праздных граждан все рассеивает и развлекает, ее привлекает казнь из чувства любопытства; тюрьму же не посещают без тяжелой сосредоточенности. И если яркий пример может сделать наглядной

эту теорию, предположим, господа, что вероломный министр осмелился бы посягнуть на Конституцию и на свободу; если ему нанести удар мечом, то эффект его казни будет скоропреходящим; но если в течение 20 лет каждый месяц народ будет видеть его в оковах, то он будет благословлять охраняющее могущество закона, и пример будет жить вместе с виновным».

Изложив столь подробно соображения составителей проекта уголовного кодекса по вопросу об отмене смертной казни, Лепелетье сообщил, что в одном случае проект все же предусматривает возможность ее применения. Этого требуют, указывает Лепелетье, соображения государственной безопасности, ибо если изменник-заговорщик останется жить, то это может явиться источником новых заговоров, новых беспорядков, направленных против государства.

Далее Лепелетье изложил общую систему наказаний, принятую в проекте уголовного кодекса. Система наказаний в проекте была простой. Различаются два вида наказаний: наказания мучительные (темница, одиночное заключение, тюремное заключение) и наказания бесчестящие (для мужчин — лишение прав, а для женщин — ношение железного ошейника).

Все мучительные наказания одновременно и бесчестящие; поэтому лишению свободы во всех его видах будет предшествовать выставление осужденного на площади в течение одного-трех дней с наложением оков или без этого, в зависимости от того, к какому виду лишения свободы приговорен осужденный.

Приговоренный к одиночному заключению будет носить железные оковы. Находиться он будет в светлом помещении. Ему будет предоставлена работа, причем два дня в неделю работа будет производиться сообща с другими заключенными. Заработок заключенного будет делиться на три части: одна часть будет использована для улучшения его питания; другая часть резервируется до времени освобождения заключенного; третья часть пойдет на возмещение немалых расходов по содержанию места заключения.

Одиночное заключение не может быть менее 4 и более 15 лет. Один раз в месяц места одиночного заключения будут посещаться народом. Осужденные с наложенными на них оковами будут выставлены напоказ в их камерах.

Тюремное заключение является облегченным видом лишения свободы; его продолжительность определяется в пределах 2—6 лет. Осужденный на тюремное заключение содержится в одиночной камере, но ежедневно общается с другими заключенными во время работ.

Лепелетье отметил, что наиболее целесообразная форма лишения свободы вообще — это содержание заключенных в одиночных камерах, с предоставлением им возможности общения во время работ.

Что же касается общественных работ вне места заключения, то Лепелетье высказывался против их организации, ввиду трудности охраны осужденных, а также ввиду трудности организации таких работ, которые способны были бы обеспечить достижение исправительного эффекта.

Высказываясь против сохранения ссылки в качестве самостоятельного наказания, Лепелетье предложил сохранить ее исключительно для рецидивистов, и притом в качестве дополнительного наказания, применяемого после отбытия осужденным основного наказания в виде лишения свободы. Этим, — указывал Лепелетье, — удастся осуществить две задачи: «и наказание рецидива, и освобождение общества от неисправимого злодея».

Вкратце остановился Лепелетье на бесчестящих наказаниях. Он указывал, что самый факт объявления во всеобщее сведение о том, что данное лицо совершило преступление, уже содержит обезличивание виновного. Но для достижения наибольшего эффекта необходимо, чтобы об этом было объявлено публично, «чтобы осужденный появлялся перед народом в униженном состоянии». Опозоренный таким образом преступник недостоин быть французским гражданином.

Лепелетье предложил лишь один вид обезличивающего наказания — поражение в правах. Он определил и самую форму, в которой должно осуществляться поражение в правах: когда осужденный будет приведен на площадь, то секретарь суда громким голосом объявит: «Ваша страна нашла вас уличенным в бесчестящем поступке; закон и суд лишают вас звания французского гражданина». После этого на осужденного будет одет ошейник, в котором он будет выставлен в течение двух часов. Для женщин обезличивающим наказанием будет выставление на площади в ошейнике. Секретарь суда публично объявит: «Ваша страна нашла вас уличенной в бесчестящем поступке».

Свой доклад Лепелетье закончил рассмотрением вопроса о реабилитации лиц, отбывших наказание. Для реабилитации необходим ряд условий. Должен истечь значительный срок после отбытия наказания. Отбывший наказание должен зарекомендовать себя примерным поведением. Реабилитация должна производиться в торжественной обстановке. Реабилитированный может избрать себе место жительства и род занятий. «Закон, политика и мораль, все вместе, будут обращаться к его душе и вознаграждать его за угрызения совести».

Уголовные законы, отметил Лепелетье, необходимы государству, «ибо преступление — это гибельная болезнь общественного тела, требующая очень часто тяжелого и неприятного лекарства». Но тут же Лепелетье подчеркнул значение мер предупреждения преступлений: «В политике, как и в физике, искусство, которое предупреждает зло, является в тысячу раз более верным и более целительным, чем то, которое его лечит».

В этой связи Лепелетье говорил о мерах предупреждения преступлений, которые осуществлены или осуществляются Учредительным собранием. К числу этих мер он относил: создание полиции для обеспечения публичного порядка; создание мировых судов для обеспечения личной безопасности; создание национальной жандармерии для обеспечения государственной безопасности; постановка задачи ликвидации бродяжничества; постановка задачи всеобщего образования, которое, «надеяя всех детей родины знаниями, искусствами, полезными ремеслами и особенно добродетелями, создаст свободных и хороших людей и устранил преступление, избавив их от искушений, порождаемых нуждой».

Эти мероприятия дадут значительно больше, чем все уголовные законы. Осуществление же подобных мероприятий позволит еще больше смягчить наказания. В условиях господства деспотизма, указывает Лепелетье, преступления все более возрастали. Положение вещей совершенно изменится, когда общественные нравы достигнут уровня конституции.

Доклад Лепелетье о проекте уголовного кодекса стал выдающимся событием в истории уголовного права Французской буржуазной революции конца XVIII в. Проект явился воплощением идей французского Просвещения, получивших практическое преломление применительно

к первому этапу развития революции. При составлении проекта Лепелетье, несомненно, широко использовал современную ему юридическую литературу. По-видимому, наибольшее влияние оказал на него труд Бриссо «Теория уголовных законов»; к этому выводу приводит сопоставление основных идей проекта Лепелетье и труда Бриссо. Но, надо полагать, Лепелетье не оставил без внимания и «План уголовного законодательства» Марата, который, однако, был менее пригоден для практического его использования Учредительным собранием, чем более умеренный проект реформы законодательства, предложенный Бриссо.

II

Структура общей части уголовного кодекса в конечном счете была утверждена в следующем виде:

Часть первая. О наказаниях

Раздел 1. О наказаниях вообще (35 статей).

Раздел 2. О рецидиве (2 статьи).

Раздел 3. О вынесении приговоров в отношении отсутствующих обвиняемых (2 статьи).

Раздел 4. О последствиях осуждения (8 статей).

Раздел 5. О влиянии возраста осужденных на природу и продолжительность наказаний (7 статей).

Раздел 6. О давности по делам о преступлениях (3 статьи).

Следует отметить, что в кодексе отсутствовала единая нумерация статей, и каждый раздел имел самостоятельную нумерацию.

В уголовном кодексе не были непосредственно отражены те общие принципы нового уголовного права, о которых столь красноречиво говорил в своем докладе Лепелетье: равенство всех граждан перед уголовным законом, соразмерность наказаний тяжести совершенных преступлений, задачи наказания и т. д. Не содержал кодекс и понятия преступления, и каких-либо специальных институтов, связанных с преступлением. Главное внимание в общей части было обращено на наказание, его виды, условия применения наказаний, на условия и порядок реабилитации лиц, отбывших наказание. Уголовный кодекс особо выделил вопрос об использовании труда лишенных свободы

на работах в пользу государства. Подробно регламентированы были вопросы режима заключенных. Кодекс выделил вопрос о рецидиве и наказании рецидивистов, о наказании заочно осужденных, о порядке и условиях лишения прав, о влиянии возраста на наказание, наконец, об уголовной давности и о реабилитации осужденных. Заключительная статья общей части содержит запрещение применять указы о помиловании, амнистии и т. д.

В конце уголовного кодекса, после особенной части, содержатся некоторые положения общей части: о соучастии в преступлении и о действии уголовных законов во времени.

Вторая часть кодекса состоит из двух разделов: «Преступления и посягательства против публичных благ» и «Преступления и посягательства против частных лиц».

Первое отделение первого раздела посвящено преступлениям против внешней безопасности государства: здесь речь идет об измене родине, причем в шести статьях в качестве наказания предусмотрена смертная казнь и в одной статье — двадцатилетнее одиночное заключение.

Второе отделение посвящено преступлениям против внутренней безопасности государства: заговоры против короля, регента, наследника трона, против государства и т. д., а также сношения с мятежниками.

Третье отделение озаглавлено «Преступления и посягательства против Конституции». В нем содержатся составы преступлений: заговоры против первичных или избирательных собраний, иные посягательства против этих собраний, а также против законодательного корпуса, нарушение порядка и условий издания законов и других актов, противоречащих конституции, посягательства против свободы личности, гарантированной конституцией, и т. п. преступления.

В четвертом отделении помещены составы преступлений частных лиц, направленные против повиновения закону и авторитета власти: сопротивление власти, оскорбление представителя власти, незаконное освобождение заключенного и другие.

Пятое отделение предусматривает преступления должностных лиц: злоупотребление или превышение власти, получение взятки, расхищение публичных ценностей, содействие побегу из места заключения, присвоение или растрата публичных ценностей и другие составы преступлений.

В шестом отделении предусмотрены преступления против публичной собственности, к которым кодекс отнес подделку или порчу денег, государственной печати, государственных клейм, а также кражу публичных ценностей, поджог государственных зданий или разрушение их взрывом.

Второй раздел кодекса, озаглавленный «Преступления и посягательства против частных лиц», открывается отделением «Преступления и посягательства против личности». Здесь содержатся такие составы преступлений, как убийство умышленное и неумышленное, причем этому преступлению посвящено восемнадцать статей; нанесение ранений различной степени тяжести, кастрирование, изнасилование и другие половые преступления, наконец, вступление в новый брак до расторжения первого брака.

Второе, самое обширное отделение, посвящено посягательствам против собственности. Среди составов преступлений здесь приведены с большой подробностью виды кражи, грабежа, а также поджог и иные способы повреждения имущества, злостное банкротство, подлог, мошенничество, лжесвидетельство и т. д. Особенно подробно кодекс разграничивает различные виды кражи, а также грабежа: совершение этих преступлений на дороге, на улице, в помещении, со взломом или без него, ночью, несколькими лицами и т. д.

Обращаясь к санкциям, предусмотренным в особенной части уголовного кодекса, нужно отметить последовательно проведенную систему абсолютно определенных санкций: каждому составу преступления, точно описанному в законе, соответствует точно определенный вид и размер наказания.

Кодекс в целом характеризуется значительно более гуманной карательной системой, чем все ранее действовавшее законодательство.

Система особенной части кодекса в целом была такова:

Часть вторая, о преступлениях и наказаниях

Раздел I. Преступления и посягательства против безопасности государства.

Отделение 1. О преступлениях против внешней безопасности государства (7 статей).

Отделение 2. О преступлениях против внутренней безопасности государства (5 статей).

Отделение 3. Преступления и посягательства против конституции (25 статей).

Отделение 4. Преступные деяния частных лиц, направленные против должного уважения и повиновения законам и авторитету властей, установленных конституцией (10 статей).

Отделение 5. Преступления должностных лиц при осуществлении ими вверенной им власти (15 статей).

Отделение 6. Преступления против публичной собственности (8 статей).

Р а з д е л II. Преступления против частных лиц.

Отделение 1. Преступления и посягательства против частных лиц (33 статьи).

Отделение 2. Преступления и посягательства против собственности (48 статей).

Р а з д е л III. О соучастниках в преступлении (5 статей).

Таков был Уголовный кодекс 1791 г.— первый буржуазный кодекс в мире, по стопам которого в большей или меньшей степени последовали все уголовные кодексы начала XIX в.¹⁴

3. Очерк развития уголовного законодательства якобинской диктатуры

I

Характеризуя подъем материальной и духовной жизни Франции в результате Французской буржуазной революции XVIII в., В. И. Ленин писал: «Материальное, производственное, обновление Франции, в конце XVIII века, было связано с политическим и духовным, с диктатурой революционной демократии и революционного пролетариата (от которого демократия не обособлялась и который был еще почти слит с нею),— с беспощадной войной, объявленной всему реакционному. Весь народ и в особенности массы, т. е. *угнетенные* классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом...»¹⁵

¹⁴ Общая характеристика кодекса дана в работе Rémy. *Les principes généraux du Code Pénal de 1791*. P., 1910. См. также М. И с а е в. Французский уголовный кодекс 1791 г. «Советское государство и право», 1941, 4.

¹⁵ В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 25, стр. 336.

В условиях Французской буржуазной революции XVIII в. пролетарские массы не могли еще стоять во главе революционно-демократического движения; они не составляли еще самостоятельного, развитого класса и, не обладая классовым сознанием, не имели отдельных интересов, которые отличали бы их от всего «третьего сословия». По этому поводу К. Маркс писал: «*Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения* либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитых классов или частей класса. Поэтому там, где они выступали против буржуазии, например в 1793 и 1794 гг. во Франции, они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и небуржуазным способом. *Весь французский терроризм был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством*»¹⁶.

Правда, в развитии Французской буржуазной революции был момент, когда власть оказалась в руках городской бедноты, но он был крайне непродолжительным. Это была якобинская диктатура, установившаяся после революционного переворота 31 мая — 2 июня 1793 г. В тех исторических условиях, когда пролетариат еще создавался как класс и не обладал способностью самостоятельного политического действия, подобная диктатура не могла быть длительной¹⁷.

В условиях Французской буржуазной революции якобинцы являлись, как неоднократно отмечал В. И. Ленин, представителями революционных масс городской и сельской бедноты. Им не суждено было завоевать победу, так как общество не достигло еще того уровня развития, которое могло бы обусловить и обеспечить победу трудящегося и эксплуатируемого народа под руководством пролетариата. «Историки пролетариата,— писал В. И. Ленин,— видят в якобинстве один из высших *подъемов* угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцам, главным

¹⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 41.

¹⁷ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1957, стр. 241—242.

образом потому, что Франция XVIII века была окружена на континенте слишком отсталыми странами и что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог»¹⁸.

Развитие Французской буржуазной революции XVIII в. происходило в условиях постоянного возрастания и обострения классовой борьбы. Это находило свое воплощение в смене по мере развития революции господствующих партий.

Якобинцы как представители наиболее передовой, наиболее революционной партии во Французской революции, как представители интересов городской и сельской бедноты были связаны самым тесным образом с широкими массами трудящихся.

Для классовой, политической оценки революционной борьбы, которую вели якобинцы, исключительно важное значение имеет указание Ф. Энгельса о том, что ввиду присущей буржуазии трусливости «плебс» был вынужден выполнять за нее «всю работу» и, выполняя ее, он выдвигал свои политические требования, прямо противоположные требованиям буржуазии. В этой связи Ф. Энгельс упоминает такие события, как взятие Бастилии 14 июля 1789 г., свержение королевской власти 10 августа 1792 г. и другие события, в которых решающую роль играли трудящиеся массы. «...Таким образом,— писал Ф. Энгельс,— только эти плебеи и совершили революцию. Но это было бы невозможно без того, чтобы эти плебеи не вкладывали в революционные требования буржуазии такой смысл, которого там не было, не делали из равенства и братства крайних выводов, ставивших эти лозунги наголову, ибо буржуазный смысл этих лозунгов, доведенный до крайности, обращался в свою противоположность. Но эти *плебейские* равенство и братство могли быть только мечтой в такое время, когда дело шло о том, чтобы создать нечто, *прямо противоположное* им, и, как всегда, по иронии истории, *плебейское* понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом осуществления своей противоположности.— *буржуазного* равенства — перед законом — и братства — в эксплуатации»¹⁹.

¹⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 102.

¹⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 408.

Характеризуя революционную деятельность «настоящих якобинцев, якобинцев 1793 года», В. И. Ленин исчерпывающе раскрыл ее подлинное классовое содержание, ее историческое значение, «все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII века...»²⁰.

Прежде всего *якобинцы дали образцы подлинно революционной борьбы с классом эксплуататоров*. «Якобинцы 1793 года, — писал В. И. Ленин, — вошли в историю великим образцом действительно революционной борьбы с *классом эксплуататоров* со стороны взявшего всю государственную власть в свои руки *класса трудящихся и угнетенных*»²¹.

Якобинцы в условиях 1793—1794 гг. сумели расправиться с врагами эксплуатируемого народа. В. И. Ленин указывал, что якобинцы были представителями того класса, который не на словах, а на деле расправился «со своим монархом, со своими помещиками, со своими умеренными буржуа посредством самых революционных мер, вплоть до гильотины...»²². Якобинцы сумели установить революционный контроль за буржуазией и объявляли врагами народа всех тех, кто «способствует замыслам объединенных тиранов, направленным против республики»²³. Они не боялись, указывал Ленин, «объявить врагами народа именно представителей реакционного, эксплуататорского *меньшинства* народа своего времени...»²⁴.

Отмечая огромное историческое революционное значение деятельности якобинцев, в особенности в условиях якобинской диктатуры, когда они вели беспощадную борьбу с эксплуататорами, подавляя их сопротивление, нельзя упускать из виду, что в тех конкретно-исторических условиях проводившиеся ими решительные меры подавления врагов народа не могли привести к действительной победе народа. В этой связи В. И. Ленин указывал, что «гильотина *только* запугивала, *только* сламывала *активное* сопротивление», что якобинцы не располагали другими средствами, которые оказались бы «*посильнее* законов конвента и его гильотины»²⁵.

²⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 402.

²¹ Там же, стр. 42.

²² Там же, стр. 41.

²³ Там же.

²⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 24, стр. 496.

²⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 84.

Проблема законности и правосудия нашла глубокое отражение в Декларации прав и Конституции 1793 г.

Жирондистский проект конституции обсуждался в Конвенте в течение февраля — мая 1793 г. Робеспьер выступил с критикой этого проекта и со своим контрпроектом 24 апреля и 10 мая. После исключения жирондистов из Конвента, была создана новая Конституционная комиссия, состоящая исключительно из монтаньяров, которая спешно составила новый проект. В составлении проекта приняли участие Сен-Жюст, Кутон, Рамель, Эро-де-Сешель и другие. Новый законопроект обсуждался в Конвенте уже после революционного переворота 31 мая — 2 июня 1793 г. 24 июня 1793 г. были утверждены Декларация прав человека и гражданина и конституция.

Принятые в условиях якобинской диктатуры Декларация прав человека и гражданина и конституция содержали ряд основных положений уголовного права, процесса и судоустройства, в которых в наибольшей степени были отражены общие демократические принципы.

В этих документах были сформулированы следующие важнейшие положения уголовного права: равенство всех людей перед законом; равенство наказаний для всех людей, совершивших преступления; наказание лишь тех деяний, которые наносят обществу вред; единство уголовного законодательства; запрещение придания обратной силы закону; допущение осуждения и наказания лишь в силу закона, опубликованного до совершения преступления; установление законом лишь явно и строго необходимых наказаний; установление пропорциональности наказания тяжести совершенного преступления и применение его в общественно-полезных целях. Далее предусматривается, что каждый гражданин обязан повиноваться только законным предписаниям, и неповиновение им признается преступлением, но гражданин вправе сопротивляться актам, не предусмотренным законами и нарушающим установленные правила; лица, понуждающие к незаконным актам, подлежат наказанию; узурпаторы народного суверенитета должны быть немедленно умерщвлены свободными гражданами; преступления народных представителей и государственных служащих никогда не должны оставаться безнаказанными.

В области уголовного судопроизводства декларация и конституция 1793 г. предусматривают следующие важнейшие положения: арест, обвинение, задержание, осуждение, наказание могут иметь место лишь в случаях и в порядке, установленном законом, с обязательным заслушиванием объяснений и с вызовом в суд; признание лица невиновным до тех пор, пока не установлена его виновность; недопущение применения каких-либо мер строгости, которые не являются необходимыми; по уголовным делам обвинение должно быть сформулировано присяжными, устанавливающими фактический состав преступления и виновность, а мера наказания должна быть определена уголовным трибуналом; обвиняемому обеспечивается защита; следствие ведется публично; уголовные судьи избираются ежегодно собраниями выборщиков.

В Конституции 1793 г. наиболее полно были сформулированы буржуазно-демократические принципы законности и правосудия. Интересно сопоставление Декларации прав 1789 г. с жирондистским проектом и Декларацией прав 1793 г. по вопросу об отношении к собственности — этому центральному вопросу буржуазной законности.

Декларация прав 1789 г. отнесла собственность к числу естественных и неотъемлемых прав человека, — наряду со свободой, безопасностью и сопротивлением угнетению. Она провозгласила собственность неприкосновенной и священной и установила, что лишение кого-либо собственности может иметь место лишь в случаях законом признанной «общественной необходимости», притом, при обязательном условии «справедливого и предварительного возмещения». Таким образом, Декларация прав 1789 г. полностью обеспечивала классовые интересы буржуазии. Жирондистский проект еще более усилил принцип неотчуждаемости собственности, хотя и исключил указания о священности и неприкосновенности собственности. Декларация 1793 г. восприняла и развила в этой части идеи, содержащиеся в жирондистском проекте. Она установила, кроме того, что право собственности заключается в принадлежащей каждому человеку возможности «пользоваться и располагать по усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего промысла». Таким образом, якобинская Декларация прав стремилась обеспечить охрану не только интересов крупной буржуазии, но и интересов мелких собственников.

Характеризуя уголовное законодательство якобинской диктатуры, необходимо, во-первых, рассмотреть декреты о революционном трибунале, и, во-вторых, декреты, посвященные борьбе с отдельными видами преступлений²⁶.

Комитет общественной (общей) безопасности, целью которого была борьба с контрреволюцией, был образован 2 октября 1792 г. 7 января 1793 г. особым декретом были определены его права и полномочия. Следует иметь в виду, что Комитет общественного спасения, созданный 6 апреля 1793 г., ведал также и общими мерами борьбы с контрреволюцией.

По инициативе и требованию революционных масс Национальный конвент учредил в Париже революционный трибунал.

В заседании Конвента 9 марта 1793 г. после заслушания петиции генерального совета Парижской Коммуны о немедленной организации революционного трибунала, был принят следующий общий закон: «Конвент декретирует установление Чрезвычайного уголовного трибунала без права апелляции и обращения в кассационный суд для всех предателей, заговорщиков и контрреволюционеров. На следующий день, 1 марта, депутат Ленде, монтаньяр, доложил Конвенту проект декрета о революционном трибунале. В прениях выступили Верньо, жирондист, высказавшийся против принятия закона и назвавший его «установлением инквизиции, в тысячу раз более ужасной, чем инквизиция, существовавшая в Венеции», монтаньяр Амар, признавший крайне необходимым создание революционного трибунала; Дантон, в пламенной речи призывавший к созданию трибунала и считавший, что его создание предотвратит эксцессы, допускаемые народом, и другие депутаты Конвента.

Согласно принятому декрету, революционному трибуналу были подсудны все преступления «против свободы, равенства, единства и неделимости Республики, внешней и внутренней безопасности государства», заговоры, направ-

²⁶ Само собой разумеется, что здесь не ставится задача подробного исследования всего уголовного законодательства Конвента, поскольку это выходит за пределы настоящей работы. См. Б. С. Утевский. История уголовного права буржуазных государств. Госюриздат, 1950.

ленные на восстановление королевской власти или на установление любой иной власти, покушающейся на свободу, равенство и суверенитет народа. Трибунал применял первоначально в качестве наказания меры, предусмотренные уголовным кодексом и последующими уголовными законами. Если трибунал признавал лицо виновным в деянии, прямо не предусмотренном уголовными законами, но характеризующем антигражданское поведение этого лица, могущее стать причиной общественных волнений и беспорядков, то он присуждал его к ссылке.

Трибунал состоял из пяти судей и присяжных заседателей. Судьи вели следствие и применяли закон согласно решению присяжных о факте преступления. Судьи и общественный обвинитель избирались Конвентом; присяжные заседатели назначались Конвентом. Присяжные выносили свои решения публично, по абсолютному большинству голосов.

12 августа 1793 г. Конвент принял в общей форме декрет об аресте всех подозрительных лиц и поручил Комитету законодательства внести конкретные предложения. 17 сентября 1793 г. Конвент принял исторический декрет «О подозрительных», в котором было сказано: «Объявляются подозрительными: 1) те, кто своим поведением или связями, речами или сочинениями проявили себя как сторонники тирании, феодализма и враги свободы; 2) те, кто не могут удостоверить тем способом, который предписан законом 21 марта, источники своего существования и факт исполнения своих гражданских обязанностей; 3) те, которым отказано в выдаче свидетельства о благонадежности; 4) государственные служащие, отрешенные или смещенные со своих должностей Национальным конвентом или его комиссарами и не восстановленные на них, а именно те из них, которые были или должны были быть смещены на основании закона от 12 сего августа; 5) те из бывших дворян, которые являются мужьями, женами, отцами, матерями, сыновьями или дочерьми, братьями, сестрами или бывшими служащими эмигрантов, если они не проявляли постоянно своей привязанности к Республике: те, кто эмигрировал в промежуток времени от 1 июля 1789 года до обнародования закона от 8 апреля 1792 года, хотя бы они и вернулись во Францию в срок, предписанный последним законом, или еще до истечения этого срока».

Ряд декретов Конвента был направлен на усиление борьбы с контрреволюционными элементами. В связи с этим понадобилось внести существенные изменения в судопроизводство революционного трибунала.

Декретом 29 октября 1793 г. было предусмотрено право председателя трибунала ставить перед присяжными вопрос о вынесении приговора, если процесс длится более трех дней, и присяжные считают, что их суждение уже достаточно определилось.

По мере развития и обострения в революционной Франции классовой борьбы Национальный конвент принимает декреты, целью которых было усиление деятельности революционного трибунала в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией.

Ряд важных законов о революционном трибунале был принят Конвентом в 1794 г.

13 марта (23 вантоза) 1794 г. Конвент принял грозный закон о новых мерах против заговорщиков и врагов революции. В этом декрете отмечалось: «Революционный трибунал продолжает разоблачать зачинщиков и сообщников заговоров, устраиваемых против французского народа и его свободы; он немедленно подвергает аресту всех их соучастников и предаёт их суду.

Объявляются изменниками отечеству и караются, как таковые, все уличенные в том, что каким бы то ни было образом содействовали порче правов граждан Республики, ниспровержению властей и извращению общественного мнения; все те, кто вызывал смуты с намерением помешать доставке продовольствия в Париж или предоставлял убежище эмигрантам; те, кто попытается открыть тюрьмы; те, кто ввезет в Париж оружие с намерением погубить власть народа и свободу; те, кто попытается поколебать или изменить основы республиканского строя». Далее декрет указывает, что посягательство на Конвент или сопротивление республиканскому правительству есть тяжкое преступление против общественной свободы, и виновные в нем враги народа караются смертью. Для быстрого суда над врагами революции этим декретом были учреждены 6 народных комиссий, которые должны рассмотреть дела заключенных в тюрьмах. Декрет установил, что обвиняемые в заговоре против республики и укрывающиеся от суда объявляются вне закона; что каждый гражданин обязан доносить на заговорщиков; что каждый

укрыватель подобных врагов народа карается как их со-общник.

8 мая (19 флореаля) 1794 г. Конвент, заслушав доклады Комитета общественного спасения и Комитета законодательства, принял декрет о компетенции революционного трибунала. В этом декрете было указано, что дела о контрреволюционных преступлениях рассматриваются исключительно парижским революционным трибуналом; трибуналы, созданные на местах, упраздняются и в дальнейшем местные революционные трибуналы могут быть созданы лишь по постановлению Национального Конвента. Одновременно данный закон уточнял сферу компетенции уголовных трибуналов и их взаимоотношения с революционным трибуналом.

Огромное значение для развития революционного правосудия французской революции 1793—1794 гг. сыграл закон 10 июня (22 прериала) 1794 г., основные положения которого были определены Робеспьером.

Необходимость внести существенные коррективы в порядок деятельности революционного трибунала в сторону упрощения судопроизводства была признана монтаньярами еще раньше, в условиях нарастания революционной борьбы с врагами народа. Для подавления контрреволюционного восстания в Оранже Комитет общественного спасения, в изъятие из закона об обязательном рассмотрении всех дел о контрреволюции исключительно в парижском трибунале, учредил особую комиссию, деятельность которой определялась инструкцией 19 флореаля 1794 г. Эта инструкция была написана Робеспьером. В ней уже были сформулированы основные мысли, развитые вскоре в декрете 2 прериала 1794 г.

Основные положения этой инструкции сводились к следующему: комиссия создается для того, чтобы судить врагов революции; последними признаются все те, «кто какими бы то ни было средствами и под какой бы то ни было личиной старались нарушить ход революции и воспрепятствовать упрочению республики»; доказательствами виновности признаются любые сведения, которые будут убедительными «для рассудительного и преданного свободе человека»; «мерилом для постановления приговора служит совесть судьи, освещаемая любовью к справедливости и к отечеству; целью приговора является общественное спасение и истребление врагов отече-

ства); единственным наказанием для виновных является смертная казнь. В заключении инструкции члены комиссии призывались жить в уединении, избегать всяких обществ и частных связей, отклонять «опасные ходатайства» и т. д. Члены комиссии должны были помнить, что они «несут самую полезную и наиболее почетную службу, и что наградой за их добродетель будут торжество республики, счастье отечества и уважение сограждан»²⁷.

Внося 22 прериаля 1794 г. проект закона о Революционном трибунале, Кутон по сути дела развил идеи, изложенные Робеспьером в упомянутой инструкции и в докладе «О принципах политической морали, которых должен придерживаться Конвент». В своей речи Кутон говорил о том, что существующий порядок судопроизводства «благоприятен для преступления и гнетущ для невинности». В нем по-прежнему сохраняются влияния старого режима деспотизма: очевидность преступления не признавалась без свидетельских показаний и письменных свидетельств. Справедливость была превращена в «лже-религию», а моральные доказательства не имели никакого значения. Поэтому деятельность Революционного трибунала, основанная на старых принципах, не обеспечивала действенной борьбы с врагами народа. Следует различать порядок рассмотрения дел об обыкновенных преступлениях, нарушающих интересы отдельных лиц, и о заговорщиках против революции, посягающих на само существование республики. В отношении первых преступлений можно допустить «роскошь форм судопроизводства». Но в отношении вторых всякое промедление преступно, всякая «снисходительная формальность» является излишней и губительной для общества. «Сроком для наказания врагов отечества должно быть лишь то время, какое нужно для того, чтобы узнать их: дело идет не столько о наказании, сколько об истреблении их».

В соответствии с этими положениями, очень ярко и детально изложенными в докладе Кутона, были сформули-

---

²⁷ P. M a u t o u c h e t. Le gouvernement révolutionnaire. P., 1912; Wallon. La terreur, t. 1—2. P., 1881; Н. П о л я н с к и й. Судебное законодательство Конвента. «Советское государство и право», 1940, № 1, стр. 104; Л. Б л а н. История французской революции 1789 года, т. X. СПб., 1909, стр. 398; Б. Я. А р с е н ь е в. Революционный трибунал французской буржуазной революции XVIII века. «Ученые труды ВИЮН», вып. II, Юриздат, 1940; М. А. Ч е л ь д о в - Б е б у т о в. Указ. соч., разд. IV, гл. III.

рованы статьи проекта закона. Приведем наиболее важные из них. Революционный трибунал учреждается для наказания врагов народа. Он применяет в качестве наказания лишь смертную казнь. Врагами народа являются все те, кто посягает силой или хитростью на общественную свободу. К числу врагов народа относятся лица, которые призывают к восстановлению королевской власти, покушаются унижить или распустить Конвент и революционное правительство; те, кто изменяет республике, будучи военными служащими, и те, кто поддерживает сношения с врагами республики, те, кто вызывает недостатки в снабжении и обслуживании армии, кто затрудняет доставку продовольствия или пытается вызвать голод в республике, кто содействует замыслам врагов республики, помогая укрывать заговорщиков и аристократию; кто преследует патриотов или клеветает на них и на народных представителей, или кто извращает революционные принципы, законы и мероприятия правительства своими лживыми или вероломными поступками; кто обманывает народ или его представителей для совершения поступков, противных интересам свободы; те, кто пытается вызвать в народе отчаяние с целью помочь замыслам тиранов, кто распространяет ложные сведения с целью вызвать в народе смуту или вражду; кто портит нравы и развращает общественное сознание или охлаждает энергию и чистоту революционных принципов. Врагами народа признаются также недобросовестные поставщики, расточители общественного достояния, злоупотребляющие своими полномочиями должностные лица, притесняющие народ. Наконец, врагами народа признаются все те, «кто какими-либо средствами и под каким бы то ни было предлогом наносит ущерб свободе, единству, безопасности Республики, или работает над тем, чтобы помешать ее укреплению».

Порядок судопроизводства в Революционном трибунале был определен следующими основными положениями: доказательствами виновности может служить любая вещественная или моральная улика, устно или письменно выраженная, если она признается таковой всяким справедливым разумным человеком. Единственным руководством для вынесения приговора должна быть совесть присяжных, проникнутых любовью к родине; их цель — торжество Республики и гибель ее врагов; формами судопроизводства «являются те простые способы, которые

подсказываются присяжным их здравым смыслом для выяснения истины по установленным законом правилам».

Закон предоставил всем гражданам право задерживать и направлять к установленным властям всех заговорщиков и контрреволюционеров; он обязал граждан доносить о врагах народа, о которых им будет известно.

Право предавать суду Революционного трибунала было предоставлено Конвенту, комитетам общественного спасения и общественной безопасности, комиссарам Конвента и общественному обвинителю при Революционном трибунале.

Как правило, допрос производился на открытом заседании Революционного трибунала; все показания делались публично, письменные показания, как правило, не принимались. Защитники допускались лишь для оклеветанных патриотов, «заговорщикам же закон не дает никаких защитников».

Выслушивание свидетелей ограничивалось случаями, когда это действительно необходимо, но если имелись «моральные или вещественные доказательства», то свидетели не допрашивались.

Как указывают историки, доклад Кутона был выслушан молча. Некоторые депутаты Конвента (Рюап, Лекуантр, Барер) внесли предложение об отсрочке принятия закона. В связи с этим с речью выступил Робеспьер, предложивший принять закон незамедлительно. В первом чтении закон и был принят 22 прериала. 24 прериала, когда происходило второе чтение принятого закона, вновь выступил Кутон с резкой критикой толкования некоторых статей, данного Бурдоном. Против Бурдона выступил и Робеспьер с очень резкими выпадами против него. В конечном счете полностью победила линия Робеспьера — Сен-Жюста — Кутона, и закон 22 прериала вступил в действие ²⁸.

IV

Конвент еще в первый период своей деятельности принял ряд декретов, направленных на борьбу с отдельными видами контрреволюционных преступлений. Укажем на наиболее важные из них.

---

²⁸ В. В у ч е з е т Р. Р о у х. Histoire parlementaire de la Révolution française. P., t. 33.

4 декабря 1792 г. был принят декрет о наказании смертной казнью за попытки восстановления королевской власти. В этом декрете говорилось: «...Всякий, кто предложит или попытается установить во Франции королевскую власть или какую-либо иную власть, посягнувшую на народный суверенитет, под каким бы то ни было названием, карается смертью».

Конвент стремился обезопасить республику не только от покушений на государственный строй, но и от посягательств на частную собственность. В этой связи 18 марта 1793 г. был принят декрет, которым была установлена смертная казнь за предложение аграрного закона: «Национальный Конвент устанавливает смертную казнь всякому, кто предложит аграрный закон или какой-либо другой, ниспровергающий земельную, торговую или промышленную собственность».

Несколько декретов было принято под непосредственным давлением народных масс в связи с продовольственными затруднениями.

Декретом 5—7 декабря 1792 г. была установлена смертная казнь за вывоз из Франции зерна. 8 декабря был принят декрет о свободе хлебной торговли внутри страны и о запрещении под страхом смертной казни вывоза из Франции зерна, муки, сухих овощей.

Наконец, декрет 4 мая 1793 г. установил первый максимум цен на зерно и предусмотрел карательные санкции за нарушения правил торговли зерном. В этом декрете, в частности, предусматривалось, что у граждан, владеющих зерном, могут производиться обыски, что лица, не сообщившие необходимых сведений о запасах зерна и муки, подлежат наказанию, что нарушители правил торговли зерном и мукой, в особенности торгующие по ценам выше максимума, подлежат наказанию. Декрет предусматривал применение смертной казни в двух случаях: за участие государственных служащих в правительственных торговых операциях и за преднамеренную порчу, уничтожение или укрывательство зерна или муки, кем бы это ни было совершено.

Конвент продолжал борьбу с контрреволюционными служителями религиозных культов. Декрет 18 марта 1793 г. предусмотрел ответственность священников, способствующих внешним врагам, с применением к виновным

смертной казни. Декретом 23 апреля 1793 г. «неприсяжные священники»²⁹ подлежали ссылке в Гвиану.

Ряд декретов предусматривал усиление борьбы с контрреволюционными преступлениями и с контрреволюционными элементами. К числу подобных декретов следует отнести декрет 26 марта 1793 г. о разоружении подозрительных. К ним декрет относил бывших дворян и сеньоров (кроме сотрудничающих с республикой), священников (кроме присяжных), а также служащих и прислугу бывших дворян, сеньоров и священников. У всех этих лиц должно быть изъято имеющееся у них оружие. Виновные в сокрытии оружия караются арестом на срок в три и шесть месяцев.

Несколькими днями раньше был принят декрет о применении смертной казни к врагам народа, к которым были отнесены «священники, бывшие дворяне, бывшие сеньоры, агенты и домашняя прислуга всех этих лиц, а также иностранцы и лица, занимавшие должности или исполнявшие какие-либо общественные обязанности при старом строе, которые после революции вызвали смуту или поддерживали кого-либо из бунтовщиков или их главарей и зачинщиков: также лица, уличенные в убийстве, поджоге и грабеже», и т. д.

27 марта 1793 г. Конвент объявил вне закона аристократов и всех других врагов революции. Декрет 28 марта 1793 г. подробно определил ответственность эмигрантов. Согласно этому декрету эмигранты навсегда изгоняются из Франции, они признаются умершими гражданской смертью, а их имущество передается Республике. Самовольное возвращение эмигранта во Францию карается смертной казнью. Смертной казнью караются следующие категории эмигрантов: «все французы-эмигранты, взятые как участники вооруженных или невооруженных сборищ или принимавшие в них участие раньше; те из них, которые были или будут взяты на границах или на неприятельской территории или в областях, занятых войсками Республики; если они перед этим находились во вражеских армиях или в сборищах эмигрантов; те, у кого были или будут найдены отпуски или паспорта, выданные вождями французских эмигрантов или военачальниками неприятеля».

---

²⁹ «Неприсяжные священники» — отказавшиеся присягнуть новой революционной власти и выполнять ее декреты, касающиеся религиозного культа.

тельских армий, считаются служившими против Франции, подводятся под действие закона 9 октября текущего года и подлежат каре, установленной в статье 1 указанного закона»

Наконец, следует упомянуть декрет 29 марта 1793 г. о наказании за распространение контрреволюционной печати. Составление или издание печатных произведений контрреволюционного содержания карается смертной казнью. Распространение таких произведений карается арестом или каторгой. Призыв к убийству или посягательство на собственность, содержащиеся в подобных сочинениях, караются смертной казнью или каторжными работами.

Хотя выше были приведены лишь некоторые из принятых Национальным конвентом декретов уголовно-правового содержания в период с сентября 1792 по май 1793 г., все же нетрудно убедиться в том, как под давлением революционных масс жирондистское большинство Конвента вынуждено было принять ряд законов, преследующих цель усиления борьбы с контрреволюцией.

Меры революционного террора осуществлялись на основе декретов о революционном трибунале, предоставлявших ему, как мы видели, широчайший простор в признании преступными действий, опасных для революции. Но помимо этих декретов были изданы и специальные декреты с целью борьбы с отдельными опасными видами преступлений. Укажем на некоторые из них.

Декрет 26 июля 1793 г. был направлен против скупщиков-спекулянтов. Скупка товаров первой необходимости была объявлена уголовным преступлением. Согласно этому декрету подлежат наказанию «все те, кто препятствует обращению товаров и продуктов первой необходимости, кто закупает и держит их где-либо втайне, не пуская ежедневно в открытую продажу... кто портит или допускает порчу продуктов и предметов первой необходимости». Виновные объявляются скупщиками и караются смертной казнью с конфискацией имущества; приговоры о скупщиках обжалованию не подлежат.

Декретом 11 сентября 1793 г. были установлены максимальные цены на зерно, муку и фураж, причем нарушители декрета подлежали суровому наказанию. Несколько позже, 29 сентября 1793 г. был принят декрет об установлении всеобщего максимума, который также предусмотрел наказание нарушителей.

Так называемые вантозские декреты (8 и 13 вантоза —

26 февраля и 3 марта (1794 г.) предусмотрели, что имущество врагов революции подлежит конфискации и передаче неимущим гражданам. Для осуществления этого смелого, революционного мероприятия карательным органам было предложено рассмотреть дела всех арестованных и определить, кто из них враг революции, с тем чтобы произвести конфискацию имущества последних.

Декреты Конвента о революционном трибунале и другие декреты, направленные на борьбу с тяжкими преступлениями, давали в руки монтаньярам острое оружие в борьбе с контрреволюцией. Введение революционного террора против врагов революции: изменников, шпионов, диверсантов, агентов реакционных правительств, а также спекулянтов, мародеров, дезертиров — способствовало укреплению революционного тыла, разгрому внутренней контрреволюции и обеспечению необходимых мер по укреплению обороноспособности революционной армии. Некоторое упрощение процессуальных форм деятельности Революционного трибунала, несомненно, вызывалось конкретно-исторической обстановкой обостренной классовой борьбы внутри страны и широкого фронта иностранной военной интервенции. Однако многие монтаньяры переоценивали роль и возможности революционного террора, рассчитывая на то, что он один сможет обеспечить проведение решающих преобразований общества: многие из них вместе с тем недооценивали опасности излишнего упрощения форм деятельности революционного трибунала. И то, и другое было использовано некоторыми авантюристскими, примазавшимися к якобинской диктатуре элементами в своих личных целях. А это не могло не сказаться на меткости ударов, на направленности меча революционного террора. Но в определенных исторических условиях революционный террор был необходимым орудием борьбы революционной демократии против контрреволюции. И деятельность Революционного трибунала, направленная против врагов революции и народа, вошла яркой страницей в историю французской революции периода якобинской диктатуры.

Характеризуя просветителей XVIII в., В. И. Ленин писал: «Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии),... *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»¹.

Это положение В. И. Ленина имеет прямое отношение и к оценке прогрессивных учений французских мыслителей о законности и правосудии: Монтескье и Вольтера, Дидро, Гельвеция и Гольбаха. В. И. Ленин высоко ценил произведения французских материалистов XVIII в. Он писал: «В течение всей новейшей истории Европы, и особенно в конце XVIII века, во Франции, где разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях, материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суевериям, ханжеству и т. п.»²

В. И. Ленин указывал и на большое значение политической публицистики XVIII в., направленной против религии: «Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века...»³

---

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 520.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 43.

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 204.

Выдающиеся представители французского Просвещения XVIII в. вели сокрушительную борьбу с религией, с церковью, со всевозможными пороками и злоупотреблениями, с правом, судом, карательной политикой феодального общества, и их учением, в том числе и учением о законности и правосудии; их деятельность сыграла выдающуюся роль в том великом революционном перевороте, который произошел в конце XVIII в. во Франции.

Маркс, Энгельс, Ленин высоко ценили учения Мелье, Морелли и Мабли, Руссо и Марата, Робеспьера и других выдающихся деятелей революции 1789—1794 гг. Социалисты-утописты и революционные демократы в своих учениях о законности и правосудии широко использовали общие идеи просветителей старшего поколения. Но их учение решающе принципиально отличалось тем, что они развивали идеи законности и правосудия, имеющие целью защиту интересов трудящегося и эксплуатируемого народа.

Усматривая, таким образом, две основные линии в создании и развитии учений о законности и правосудии, созданных во Франции в XVIII в., необходимо проследить их дальнейшую историю уже после победы и утверждения капитализма.

Первое из них, просветительно-гуманистическое, явилось основой для созданного буржуазией так называемого классического направления, классической «школы» уголовного права и уголовного процесса, обосновывавшего буржуазную законность и буржуазное правосудие. В этой связи необходимо напомнить слова Энгельса о том, что «установленные „победой разума“ общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей»⁴.

Учения о законности и правосудии стремящейся к власти буржуазии и уже пришедшей к власти буржуазии содержат весьма существенные различия. Хотя буржуазное уголовное законодательство в первых статьях своих кодексов формально провозгласило, что нет преступления и наказания без закона, а сами кодексы содержали ряд гарантий личности, между этими кодексами и учениями просветителей и гуманистов XVIII в. никак нельзя усматривать

---

⁴ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1957, стр. 241.

тождества. Давая характеристику капиталистического общества непосредственно после прихода буржуазии к власти, Энгельс отмечал, что «вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к буржуазному равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была — буржуазная собственность. Разумное государство, — „общественный договор“ Руссо, — оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой»⁵.

Пришедшая к власти буржуазия охотно и умело использовала в своих классовых целях старые — некогда весьма революционные — лозунги и идеи законности и правосудия, для того чтобы замаскировать ими классовую сущность своего уголовного права и процесса, своего суда. Но в дальнейшем, по мере роста и усиления противоречий, заложенных в капиталистическом обществе, по мере усиления гниения и разложения капитализма в эпоху империализма, буржуазия отбрасывает, как ненужный хлам, ту идеологическую маскировку своей «законности» и «правосудия», которой она, как фиговым листком, ранее прикрывала свою циничную наготу. Такова судьба прогрессивных просветительно-гуманистических учений о законности и правосудии.

Второе направление, вторая линия в решении проблем законности и правосудия — революционной законности и революционного правосудия — росла и укреплялась по мере развития революционного движения народа. Несмотря на то, что идеологи идущей к власти буржуазии выступали от имени всего страждущего человечества, угнетаемого феодальным строем, у трудящихся масс были свои собственные классовые интересы, с которыми они выступали и в XVIII в. в наиболее острые моменты классовой борьбы. По этому поводу Энгельс писал: «...Хотя в общем и целом буржуазия в борьбе с дворянством имела известное право считать себя также представительницей интересов различных трудящихся классов того времени, тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»⁶.

⁵ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 17.

⁶ Там же, стр. 18.

Действительно, когда буржуазия выдвинула требование обеспечить формальное равенство всех людей перед законом, идеологи трудящегося народа выдвинули требование обеспечить подлинное, а не только формальное равенство; когда буржуазия потребовала уничтожения сословно-классовых привилегий, то некоторые идеологи трудящихся потребовали уничтожения самих классов. Когда буржуазия, добиваясь реформы уголовного законодательства, имела в виду ограничить ее элементарными гарантиями личности, тогда идеологи эксплуатируемого народа призывали к изменению законодательства революционным путем. Если идеологи буржуазии стремились сузить, ограничить всеобъемлющее понятие государственного преступления, то идеологи трудящегося народа, разоблачая подлинные государственные преступления тиранов и эксплуататоров, создавали новое, основанное на революционном правосознании, понятие преступного, соответствующее интересам народа.

Этот водораздел между двумя основными направлениями в решении проблемы законности и правосудия сделался особенно значительным в годы революции 1789—1794 гг. Одно направление воплотилось в жирондистской теории законности и правосудия, представленной Бриссо и преломившейся в законодательной деятельности Учредительного и Законодательного собраний. Другое направление получило свое ярчайшее выражение в якобинской теории законности и правосудия, созданной Маратом и Робеспьером и преломившейся в законодательной деятельности якобинского Конвента и карательной политике Революционного трибунала.

Советские люди, как и все прогрессивное человечество, с глубоким уважением относятся к памяти тех выдающихся мыслителей прошлого, которые делали первые попытки теоретически и практически решить проблемы революционной законности и правосудия в интересах трудящихся масс, в условиях, когда рушился старый феодальный строй, когда впервые создавалась революционная теория законности и правосудия, направленная против всех и всяческих тиранов и эксплуататоров.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адлер 264
 Амар 303
 Аристид 262
 Арсеньев 307
 Балы 213, 232
 Барер 309
 Барр 39, 59, 63
 Беккариа 36, 39, 43, 47, 57, 59,
 61, 65, 85, 91—94, 100, 118, 120,
 125, 128, 138, 141, 142, 180, 184,
 185, 188
 Беликов 54
 Бенжеско 53, 61
 Бенуа 15
 Беркова 54
 Бинг 38
 Блан 209, 307
 Болинброк 38
 Бонмер 12
 Боровой 14, 15
 Бриссо 13, 14, 20, 23, 32, 53, 61,
 108—145, 151, 180, 185, 207, 221,
 294, 317
 Брут 262
 Брюер 76
 Буасси д'Англас 14
 Бурдон 309
 Бужар 178, 207, 209, 232, 233
 Буше д'Аржи 70, 76, 77
 Бюфон 95, 100
 Бюше, Ру 239, 240, 309
 Бэкон 72
 Валлон 174, 307
 Веллэй 237
 Верньо 303
 Веррон 39
 Винсент 15
 Волгин 18, 67, 115, 147, 159, 160,
 177, 178, 233
 Вольтер 7, 9, 19, 37—68, 91, 95,
 109, 111, 117, 118, 120, 139, 141,
 142, 145, 147, 160, 178, 180, 188,
 202, 266, 274, 282, 314
 Гарра 210
 Гельвеций 19, 69, 84, 95—99,
 100, 118, 142, 178, 202, 282, 314
 Гернет 21
 Герц 21, 37, 54
 Гийо 14
 Гольбах 19, 69, 84, 95, 99—108,
 147, 178, 202, 282, 314
 Горацій 74, 80
 Гранвилль 14
 Гримм 100
 Гугенвилль 88
 Даламбер 20, 39, 69, 100, 111, 154,
 160, 178
 Далин 179
 Дантон 239, 258, 264, 303
 Даржансон 154
 Деборин 233
 Демосфен 262
 Демулен 206, 239
 Державин 37, 41, 42, 44, 45
 Дидро 19, 20, 68, 69, 70, 84—95,
 100, 142, 151, 178, 282, 314
 Дюбуа 15
 Дюлор 12, 13
 Дюмурье 213
 Дюпати 273
 Дюфей 14
 Екатерина II 85, 90, 117
 Жокур 70, 74, 76, 77, 78, 79, 80,
 81, 82 83
 Жоли де Флери 44
 Жонкей 39
 Жорес 270
 Журдан 264
 Жусс 6, 7, 9
 Исаев 48, 53, 54, 278, 297
 Калас 39, 42, 46, 54, 59, 66
 Кан 39
 Канинг 39
 Кассен 39
 Катилина 262
 Каутский 264
 Кине 100
 Кере 14
 Кистяковский 12, 13, 14, 21
 Клодий 262
 Клоотс 147
 Клостр 39
 Кондильяк 154
 Кунов 109
 Кутон 178, 247, 301, 307, 309
 Лалли 39
 Лафайет 213, 232, 274
 Легран 210
 Лейбниц 70
 Леклерк 261
 Лекуантр 309

- Ленге 15, 111
Леңде 303
Ленин В. И. 233, 235, 266, 297—
301, 314, 315
Лепелетъе 32, 241, 278—294
Лесеркль 161, 174
Ле Шапелье 225, 259, 268
Ликург 121, 262
Локк 95, 118
Люблинский 53
Людовик XIII 12
Людовик XIV 9, 12, 14, 38, 58, 149
Людовик XV 12, 14, 38, 39, 53
Людовик XVI 14, 16, 52, 112,
117, 193, 212, 213, 217—220,
238, 244, 246, 247, 261, 269
Мабли 146, 154—158, 178, 184, 315
Манфред 179, 234
Марат 23, 32, 49, 109, 110, 113,
124, 147, 154, 159, 160, 178—235,
238, 294, 315, 317
Мария Антуанетта 213
Маркс К. 19, 22, 40, 84, 116, 259—
264, 266—268, 298, 315
Мелье 146—150, 202, 315
Мильтиад 262
Мирабо 15, 275
Монбальи 39, 66
Монтескье 17, 19, 20—36, 41, 52,
72, 73, 82, 83, 87, 95, 105, 109,
118, 120, 127, 141, 145, 154, 173,
178, 181, 182, 270, 274, 282, 314
Мор 180
Моранжиес 39, 66
Морелле 52, 93, 100
Морелли 146, 151—153, 180, 184,
315
Морель 70
Мотуше 307
Неккер 213, 214, 221, 222
Нолло 110
Овербек 71
Олар 109, 111
Ольшевский 178
Пасторе 7, 12, 13
Перру 109, 113
Петион 210
Пизон 262
Плавский 276
Полянский 10, 37, 54, 277, 307
Поперан 237
Прудон 116, 185
Равалььяк 44
Рамель 301
Реми 297
Ришелье 14
Робеспьер 23, 109, 110, 111, 147,
159, 160, 176, 177, 210, 221,
235—266, 278, 279, 301, 306,
307, 309, 315, 317
Ролан 219
Ру 221, 261
Руссо 19, 36, 100, 118, 128, 142,
145, 154, 159—178, 182, 236,
246, 249, 251, 259—263, 266,
270, 274, 315, 316
Рюан 309
Рюллан 15
Селигман 273, 277
Сен Жюст 159, 178, 247, 262, 278,
301, 309
Серван 142
Сиейс 274
Сирвен 39, 66
Солон 81
Степанов (Скворцов) 178
Тарле 178
Траян 76
Туссен 70
Тюрго 100
Утевский 303
Филиппон де Ла Мадлен 13, 14
Фонтенель 95
Франклин 100, 124
Фридлянд 234
Фридрих II 37, 117
Цезарь 262
Чельцов-Бебутов 277, 307
Чубинский 21, 37, 71, 72
Шампльон 270, 272
Шахов 37, 54
Шевремон 178, 179, 207, 233
Шомет 261
Эбер 210, 258, 261
Эли де Бомон 39
Энгельс Ф. 17, 18, 68, 84, 85, 146,
176, 232, 233, 239, 261, 262, 264,
266, 298, 299, 315, 316
Эро де Сешель 301
Эсмен 21, 37, 277
Эссельборн 54
Юм 100

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Глава I.</i> Общая характеристика французского феодального уголовного права, процесса и судоустройства	3
<i>Глава II.</i> Просветительно-гуманистическая теория законности и правосудия	17
1. Монтескье	17
2. Вольтер	37
3. «Энциклопедия» и энциклопедисты	68
4. Бриссо	108
<i>Глава III.</i> Идеи социалистов-утопистов XVIII в. о законности и правосудии	146
1. Мелье	146
2. Морелли	151
3. Мабли	154
<i>Глава IV.</i> Революционно-демократическая теория законности и правосудия	159
1. Руссо	159
2. Марат	178
3. Робеспьер	235
<i>Глава V.</i> Влияние просветительно-гуманистических и революционно-демократических идей на законодательство Французской революции 1789—1794 гг.	267
1. Вопросы законности и правосудия в «Наказах» и Декларации прав 1789 года	267
2. Общая реформа уголовного законодательства в 1789—1791 гг.	277
3. Очерк развития уголовного законодательства якобинской диктатуры	297
Заключение	314
Указатель имен	318

Алексей Адольфович Герцензон

Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII века

*

*Утверждено к печати Институтом государства и права
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства Л. А. Завелев.

Технический редактор В. Г. Лаут Корректор Ш. С. Якубсон

*

РИСО АН СССР № 52—99В. Сдано в набор 15/VI 1962 г.

Подписано к печати 5/IX 1962 г. Формат 84×108^{1/32}. Печ. л. 10.

Усл. печ. л. 16,4. Уч.-изд. л. 17,2 Тираж 1000 экз. Т-10265. Изд. № 1013.

Тип. вак. № 862. Цена 1 руб. 23 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
131	16 св.	отметить	отменить
285	14 св.	Лепетье	Лепелетье
300	6—7 св.	ревоионный	революционный
303	20 св.	1 марта	10 марта

А. А. Герцензон